

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук
Северо-Кавказский федеральный университет
Южный федеральный университет
Северо-Кавказская государственная академия
Гуманитарный фонд «Кавказ — новые горизонты»
Фонд региональных исследований «Страна»



НАРОДЫ КАВКАЗА В XVIII–XXI вв.: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы IX Международного форума
историков-кавказоведов,
посвященного 100-летию образования СССР
(г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2022

УДК 94(47)(063)

Н30

*При финансовой поддержке гуманитарного фонда
«Кавказ — новые горизонты»*

Редакционная коллегия:

академик *Г.Г. Матишов* (отв. редактор),
д-р ист. наук *Е.Ф. Кринко* (зам. отв. редактора),
канд. филол. наук *Н.А. Власкина* (зам. отв. редактора),
д-р ист. наук *А.В. Аверьянов*,
канд. филол. наук *Т.Е. Гревцова*

Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы IX Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию образования СССР (г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. — 488 с. — ISBN 978-5-4358-0243-6.

В материалах сборника представлены исследования ученых-кавказоведов, рассматривающие историю, политику и культуру региона в XVIII–XXI вв. Проводимый в 2022 г. научный форум посвящен 100-летию образования СССР, поэтому особое внимание уделяется событиям и процессам первых десятилетий советской власти. В предлагаемых читателю статьях нашли отражение современные подходы и новые источники в изучении истории Кавказа, социально-экономические, общественно-политические и демографические процессы на Кавказе, опыт национально-государственного строительства в регионе, социокультурные преобразования и религиозная политика, вопросы геополитики, вооруженные конфликты на Северном Кавказе и их последствия, а также актуальные для современной региональной политики вызовы и решения.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)(063)

*Утверждено на заседании ученого совета
ЮНЦ РАН № 4 от 24.12.2021*

ISBN 978-5-4358-0243-6

© ЮНЦ РАН, 2022

Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
North-Caucasus Federal University
Southern Federal University
North Caucasian State Academy
Humanities Foundation “The Caucasus — New Horizons”
Foundation of Regional Research “The Country”



PEOPLES OF THE CAUCASUS IN THE 18TH–21ST CENTURIES: HISTORY, POLITICS, CULTURE

Proceedings of the 9th International Forum of Historians —
Specialists in the Caucasian Studies
Dedicated to the Centenary of the Formation of the USSR
(Cherkessk, Russia, 17–18 October 2022)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2022

UDC 94(47)(063)

M39

*With the financial support from the Humanities Foundation
“The Caucasus — New Horizons”*

Editorial Board:

Academician RAS G.G. *Matishov* (Managing Editor),
Dr (History) E.F. *Krinko* (Deputy Managing Editor),
PhD (Philology) N.A. *Vlaskina* (Deputy Managing Editor),
Dr (History) A.V. *Averyanov*,
PhD (Philology) T.E. *Grevtsova*

M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2022). Peoples of the Caucasus in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture: Proceedings of the 9th International Forum of Historians — Specialists in the Caucasian Studies Dedicated to the Centenary of the Formation of the USSR (Cherkessk, Russia, 17–18 October 2022). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 488 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0243-6.

The published proceedings present the articles of the specialists in the Caucasian Studies considering the history, politics, and culture of the region in the 18th–21st centuries. The scientific forum held in 2022 is dedicated to the centenary of the formation of the USSR. Therefore, particular attention is paid to the events and processes of the first decades of the Soviet power. The presented articles consider both traditional and modern approaches to and sources within the study of the history of the Caucasus, socio-economic, socio-political, and demographic processes in the Caucasus, the experience and practices of the nation-ethnic-state building in the Caucasian region, socio-cultural transformations and religious policy, geopolitical issues, armed conflicts in the Northern Caucasus and their consequences, as well as challenges and solutions relevant to the modern regional policy.

The publication is intended for researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, as well as readers interested in the subject.

UDC 94(47)(063)

*Approved for publishing by the Academic Council
of SSC RAS at Meeting No. 4 of 24.12.2021*

ISBN 978-5-4358-0243-6

© SSC RAS (2022)

ПРЕДИСЛОВИЕ

100-летие образования Советского Союза — хороший повод для осмысления накопленного исторического опыта совместного существования и развития всех народов страны в рамках единого политико-правового и социокультурного пространства. При всей противоречивости и неоднозначности данного опыта, а во многом и благодаря этому обстоятельству, он заслуживает самого серьезного внимания со стороны представителей различных научных дисциплин.

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких десятилетий после своего распада Советское государство подвергалось резкой и не всегда заслуженной критике. В последние годы, напротив, всё сильнее слышна ностальгия по утраченным ценностям и достижениям советской эпохи. Непросто понять, чем больше вызваны эти настроения: непосредственной ли оценкой советского строя или разочарованием определенной части общества своим современным положением. В любом случае ученые должны объяснить, что представлял собой советский строй и почему он всё еще остается притягательным не только для многих бывших советских граждан, но и для представителей последующих поколений, казалось бы, в силу своего возраста не имеющих ничего общего с СССР.

Для Кавказа как региона, сочетающего многообразие природных и культурных ландшафтов с широким кругом политических и экономических проблем различного уровня и масштаба, порой порождающих представления о постоянно присущем ему конфликтно-генном характере, советский опыт представляется особенно ценным. Сыграв немаловажную роль в развале Российской империи, большевики затем предприняли собирание ее прежних территорий на новой идеологической основе, следствием которого стали национально-государственные преобразования. На Кавказе на протяжении всей советской истории процессы нацистроительства испытывали воздействие разных факторов, что не позволяет дать им однозначной оценки. Безусловно, что они не только внесли весомый вклад в формирование государственности у целого ряда народов Кавказа, но и в значительной степени определили его современные государственные границы, правомерность которых

не раз оспаривалось в конце XX — начале XXI вв. Не меньшее значение имели преобразования в социальной, экономической и культурной сферах, сопровождавшиеся кардинальными переменами в жизни всех народов Кавказа.

Поэтому обращение к данной теме участников IX Международного форума историков-кавказоведов представляется достаточно закономерным и актуальным. Всего в форуме принимают участие свыше 100 ученых из различных академических институтов и образовательных учреждений. В сборнике материалов представлены статьи 68 кавказоведов из 12 российских регионов (Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, республик Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Коми, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской, Северной Осетии — Алании) и г. Москвы, а также из Грузии, Абхазии, Азербайджана и Луганской Народной Республики.

Хотя настоящий форум посвящен 100-летию образования СССР, тематика докладов его участников выходит за содержательные и хронологические рамки указанных вопросов. Наряду с проблемами национально-государственного строительства, немало докладов и сообщений характеризует социально-экономические и демографические процессы XIX–XX вв., социокультурные преобразования, религиозную политику, вооруженные конфликты и их последствия, геополитические интересы мировых и региональных держав на Кавказе, а также современные противоречия в развитии региона. Во многих докладах и сообщениях авторами предложены новые подходы к проблемам развития региона, в научный оборот вводятся новые факты и исторические источники.

Уверен, что материалы IX Международного форума историков-кавказоведов станут ценным вкладом в развитие системы научных знаний о прошлом и современном развитии народов Кавказа, позволят ответить на многие вызовы, стоящие перед современным кавказоведением, и будут востребованы не только академическим сообществом, но и более широкими кругами читателей, включая представителей органов государственной власти и управления, а также студентов и аспирантов.

Академик Г.Г. Матишов

Раздел I

Современные подходы и новые источники в изучении истории Кавказа в XIX–XXI вв.

Д.С. Ткаченко

ИМПЕРСКИЙ НАРРАТИВ О КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ XIX в.

Записки о Кавказе и народах, проживавших в нем, составляющие в своей совокупности имперский нарратив о регионе, являются важным историческим источником, который содержит не только сведения о событиях и людях, но и показывает различные грани интеллектуального освоения окраин широкими кругами российской общественности. Уже советские исследователи задумались над тем, как читать подобные произведения, говоря о критической оценке приводимых авторами суждений. Так, М.А. Полиевктов, анализируя сообщения европейских путешественников о Кавказе, предлагал учитывать цели пребывания автора заметок в регионе, его настроения, классовые и национальные пристрастия [11: 2–3]. Представляется, что помимо этого следует принимать во внимание общественные настроения и господствовавшие философские концепции, которые вдохновляли составителя описания. Цель данной статьи — показать, каким образом идеи европейского общественного сознания конца XVIII–XIX вв. оказали влияние на тональность российского имперского нарратива о народах Кавказа.

Период XVIII–XIX вв. был временем активного формирования и развития ориенталистского взгляда в контексте складывавшихся колониальных систем. Поиски места представителей Востока

в европейской картине мира нашли отражение в научных гипотезах, этнографических описаниях, травелогах путешественников [16: 6]. Со времен Петровских реформ российская общественная мысль развивалась в общеевропейском контексте и русские ученые были знакомы со многими трудами европейских путешественников и исследователей [12: 13]. В процесс адаптации европейских идей вовлекалась не только франкоговорящая имперская политическая элита, но и широкие круги образованной общественности. Большую роль в этом сыграли переводы путевых заметок приключенческого жанра, которые публиковали российские издания, появившиеся в России в первой половине XIX в. [14: 62]. Так, в 1867 г. в Санкт-Петербурге начал печататься журнал «Всемирный путешественник» с целью знакомства «русской публики с путешествиями наилучших путешественников по всем странам Земного шара» [13: 400]. По справедливому замечанию Остина Джерсилда, знакомство с содержанием и сюжетами иностранных записок позволяло российской общественности выстраивать собственные аналогии с окраинами Российской империи [14: 62].

Как отмечает Мэри Пратт, одним из направлений размышлений европейцев в период строительства торговых империй являлись контакты с неевропейскими государственными образованиями, с которыми они сталкивались в Индии, Центральной Африке и на Ближнем Востоке. Ранний капитализм для морального оправдания самого себя вырабатывает тезис об установлении в человеческом обществе «взаимовыгодных отношений», не основанных на сословной иерархии и феодальном подчинении, а приносящих их участникам взаимную пользу [16: 84]. Этот штамп не имеет ничего общего с действительными мотивами капиталистического производства, основанного на эксплуатации наемного труда, однако идея «взаимной выгоды» была экстраполирована на отношения с «отсталыми» неевропейскими государственными образованиями и явно звучала при объяснении концепции «свободы торговли» [16: 85]. Идеи «взаимной выгоды» часто влияли на авторов колониальных нарративов [16: 69–85].

Отголоски европейских идей раннего капитализма можно проследить и на кавказском материале. Так, в Закавказье Россия

нашла ряд государственных образований, на которые российское общественное мнение также транслировало идеи «взаимной выгоды». Помимо защиты региона от посягательств внешнего врага, которым представлялись геополитические противники России, она, организовав правильное управление и обмен, могла дать экономическое процветание странам, где государственность, по словам Г.В. Розена, еще «младенчествует», а «русские находятся среди разноплеменного общего, большей частью неприязненного нами полудикого населения» [2: 464 об.].

Яркий пример подхода к организации отношений на основе европейской концепции «взаимной выгоды» — проект А.С. Грибоедова о создании на Кавказе аналога Британской Ост-Индской компании. Автор проекта считал, что компания позволит местным жителям обогатиться и это предопределил мирное вращение региона в состав империи. Сама же Россия получит выгоду от того, что ее центральные регионы будут обеспечены так называемым «колониальным товаром» [3: 168].

Проект Грибоедова подвергся острой критике со стороны имперских должностных лиц. «Что за польза Империи, если кампания будет богата? Мало ли сейчас есть богачей, у которых лежат в банках миллионы», — сетовал один из военных администраторов [3: 179 об.]. «Трудно согласиться, чтобы приобретение Россией высшего благосостояния зависело от произведений теплого, жаркого климатов... Болезнь не в том состоит, что не имеем своих колониальных растений», — писал он, критикуя идеи интеграции через организацию взаимного обогащения [3: 168 об.].

Проект А.С. Грибоедова не был реализован на практике, однако идеи «взаимной выгоды», несомненно, повлияли даже на взгляды представителей высших эшелонов власти. Так, император Николай I, формулируя задачи Г.В. Розену при его назначении на пост командира Кавказского корпуса, заявлял, что основной обязанностью первого лица на Кавказе должно стать «раскрытие всех источников промышленности и торговли для обоюдной пользы вновь приобретенных земель и собственно Империи так, чтобы со временем первая связалась с последней взаимными выгодами и нуждами, представила единое целое без всяких следов насильственного присоединения» [2: 467 об.].

Следующим направлением для адаптации идей европейского колониального нарратива применительно к народам Кавказа стало выстраивание отношений между имперским центром и теми этническими группами, которые не имели черт раннего государства. По отношению к ним европейская общественная мысль выработала несколько возможных подходов.

Часть европейцев, побывав на окраинах мира, прониклась внутренним убеждением, что местных жителей следует воспринимать хоть и «другими», но в целом такими же людьми, как и европейцы. По справедливому замечанию Джеффри Нэша, европейские путешественники применили «схему обратного прогресса» — спроецировали свой образ «примитивного другого» через представление об остановке развития этнических групп, вызванной традиционализмом и устойчивостью таких сообществ [15: 113].

Влияние подобных логических построений прослеживается во многих трудах о кавказских народах. «Замкнутые, так сказать, в кругу самих себя, будучи в горах изолированными от облагораживающего влияния со стороны соседей, осетины должны были в своем культурном и экономическом развитии отстать на целые десятки лет» [9: 173], — писал один из российских этнографов XIX в. «Я советую любителям первобытных нравов и патриархальной жизни посетить калмыков; я уверен, что они найдут для себя совершенно новые впечатления» [1: 234], — вторил ему В.В. Верещагин.

Помимо общей схемы «обратного прогресса» из трудов европейских исследователей были заимствованы и идейные подходы так называемого «социологического описания» неевропейских народов. Его ярким примером является творчество немецкого путешественника Питера Кольбе, побывавшего в Капской колонии на юге Африки. Автор призывал судить о местных жителях по тем же параметрам, по которым европейцы судят о себе: на основе анализа картины мира, религии, системы управления, экономической деятельности, семейных и правовых отношений, организации образования. Часть признаков у местного общества отсутствовала, и в этой системе координат европейцы выглядели гораздо более развитыми, чем туземцы [16: 41–49].

В социологическом подходе, как отмечает М. Пратт, виден изначальный колониальный подтекст, так как целью автора является не показ местных жителей равными европейцам, а доказательство, что туземцы — это «состоявшиеся человеческие существа» [16: 44]. Всё, что не подходило под европейскую парадигму общества, просто не принималось во внимание, а пробелы знаний колониальные наблюдатели заменяли тезисами о «дикости», «лени» и «склонностью к безделью». Это свидетельствовало не о реальном состоянии туземных обществ, а о том, что описывавшие их исследователи просто исчерпали потенциал своей системы классификации [16: 45].

Примеров адаптации подобных идей в описаниях Кавказа довольно много. О лени калмыков в утрированном виде писал в путевых записках П.П. Заблоцкий-Десятовский: «...черта общая всем калмыкам: лень и праздность; особенно она замечается в мужчинах... обязанности мужчин ограничиваются, в кругу дневных занятий, водопоем скота, и для не многих из них — охранением стад. Прочие, особенно пожилые, имеющие лет за 40, остаются в совершенной праздности: курят табак и бродят по соседственным кибиткам, в надежде найти где-нибудь *махан* (мясо) или *арки* (водку). Главное их наслаждение состоит в обжорстве» [5: 4].

Вместе с тем сама идея о том, что обитатели колонизируемых земель являются «культурными созданиями», оказалась неудобна для нужд европейского колониализма. В связи с этим параллельно с призывами обращать внимание на социальное устройство туземных обществ начали появляться описания, нацеленные на «декультурацию» и «натурализацию» местных жителей [16: 52]. Их создатели вырывали туземцев из социальной среды человеческой деятельности и помещали в мир животного и растительного царства.

В качестве одного из наиболее показательных примеров реализации данного подхода М. Пратт приводит то, как английский исследователь Уильям Патерсон поместил несколько страниц описания южноафриканских готтентотов (Khoikhoi) по алфавиту между статьями об антилопе Конгони и зебре [16: 52].

Концепция «натурализации туземцев» разделялась многими колониальными авторами, даже теми, кто говорил о «благородных

дикарях» в Америке и «живущих в тропическом раю» полинезийцах [16: 57]. Колониальные писатели делали акцент не на исследовании этнических культур, а на описании внешнего вида: строения тела, лица и формы черепа местных жителей. Одним из последствий данного подхода стало зарождение антропологии, получившей широкое распространение во второй половине XIX в.

Антропологический подход получил свое распространение и на Кавказе, где в конце XIX в. начинают возникать идеи о необходимости проведения «антропологических измерений» частей тела различных народов для составления их биологической классификации. В 1881 г. ее пытались проводить Р.О. фон Эркерт и Э. Шантр, споря попутно о том, французскую или немецкую систему оценивания измерений им следует применять [6: 374]. Исследователи на основании изменений параметров черепа пытались уточнить данные об этногенезе кавказских народов, однако были вынуждены сделать печальный вывод, что «весьма рискованно высказывать предположение о происхождении народа на основании 10 измеренных голов. Да и притом измерительная тесьма навряд ли может быть безапелляционным судьей в подобном вопросе» [6: 379–380]. Однако при минимальной практической ценности «антропологических измерений» трудно не согласиться с мнением М. Пратт, что весь антропологический подход к описаниям местных жителей в колониальном дискурсе создает образ безмолвного, обнаженного, «биологизированного» туземца, рассматриваемого вне контекста своей среды и системы хозяйства, который может быть использован только как рабочая сила [16: 53].

Сравнения кавказских народов с представителями местной фауны использовались на Кавказе не учеными, а имперскими идеологами в контексте утрированного представления негативных черт местных обществ и оправдания политики русификации. «Люди торчали там на своих бесплодных камнях, с зоркостью и терпением ястреба выслеживая редкую добычу, воспитывая в себе чутье хищника, ловкость хищника и выносливость хищника. И теперь посмотрите на них, в их длинноволосых грязных папахах, нависающих на глаза как шерсть мохнатой собаки, в оборванных, истасканных черкесках, босых, поджарых. Да, это настоящие ястребы на отдыхе после неудачной и утомительной охоты, с такими же

взъерошенными перьями, с таким же животом, подтянутым невольной долгой голодухой», — писал один из представителей консервативной идеологии Евгений Марков [10: 88–89].

Наиболее радикально идеи «декультурации» местных жителей проявились еще в одном подходе европейского колониального нарратива, предлагающем при описании новоприобретенных территорий империи произвести знаковое умолчание — исключить местных жителей из повествования. На примере туземных жителей Капской колонии этот прием применил английский дипломат Джон Барроу, совершивший путешествие вглубь туземных территорий для описания «лица страны» [16: 58–67]. Барроу скрупулезно описал ландшафт и экономический потенциал колониальных территорий: сырьё, которое будет разработано, рынков будущей торговли, мест под города, которые будут построены [16: 61]. Туземные жители в контексте повествования были не важны, и в реализации приема умолчания, по словам М. Пратт, можно проследить так называемый «текстовой апартеид» — попытку отделить страну от ее жителей: пустой ландшафт, имеющий перспективу только капиталистического будущего и потенциал для производства продукции на рынок [16: 61].

Примеры подобного подхода можно встретить и в текстах российских авторов о просторах Кавказа, особенно его степной части: «Здесь... беспредельная, неоглядная гладь южнорусской равнины, отрезанная от гор, как ножом, руслами Кубани и Тереком. Хороша эта степная равнина в яркие золотые дни молодой весны, когда она стелется безбрежным морем зеленой травы во все стороны, куда только достает глаз. <...> Ни реки, ни холма, ни жилья, будто в девственных прериях Америки. <...> Изредка далекий курган, заросший такою же густою... травой, неожиданно выглянет из глади степных трав, нашептывая путнику таинственные саги о былых днях и былых народах, безмолвно почивших под его могильной насыпью. <...> Зато делается так радостно и так чудно, когда после этой безысходной, зеленой пустыни вдруг увидишь наконец людное и шумное жилье человека. <...> Среди этих травяных степей... стоят станицы Кубанских и Терских казаков, стоят громадные слободы русских поселенцев» [4: 37–38]. В приведенном тексте явно видно восхищение автора просторами

степей, которые можно превратить в сельскохозяйственные угодья, свободные от местных жителей, покоящихся в могилах под курганом. Следы же человеческой деятельности сосредоточены только вокруг колонизировавших край русских переселенцев и казаков. Авторы данных описаний обычно игнорировали факт, что, с точки зрения местных жителей, эти же территории считались заселенными, связанными с местной историей и традициями: растения, животные и предметы ландшафта имели имена, назначение, символические функции, свое место в традиционной картине мира. Все это просто стиралось через умолчание [16: 61].

Данный нарратив имел далеко идущие последствия и до сих пор звучит даже в ряде региональных учебников, проводящих концепцию «освоения» и «заселения» предкавказских степей русскими крестьянами. «Заселение степного Предкавказья казачьим и крестьянским населением привело к довольно быстрому хозяйственному развитию края», — пишут авторы советского учебника под редакцией Б.Б. Пиотровского [8: 463].

В целом же колониальное будущее земли авторам представлялось неизбежным, так как у ее обитателей недоставало нужных навыков, чтобы освоить богатые природные ресурсы [16: 61]. «Кочевник почти нищий, — описывает В.В. Верещагин калмыков, — малочисленное стадо составляет всё его имущество, и едва хватает на пропитание его семьи. Он не обрабатывает землю, не готовит на зиму пищи ни для себя, ни для своего скота, словом, не делает никаких запасов, вследствие чего, если зима бывает суровой, то он теряет почти весь свой скот. Равнодушие его ко всему удивительное, даже во время положительного разорения он остается невозмутимым, зная, что ловким и удачным воровством он легко может пополнить весь свой убыток» [1: 235].

Приведенные выше стереотипы, конечно, были не единственными в нарративе о Кавказе и его народах, к ним у официальных имперских идеологов, представителей либеральной, революционной и национальной общественности было разное отношение. Одни развивали подобные тезисы, наполняя их фактическим материалом, другие критиковали их узость, третьи воспроизводили, как и в будущем советские идеологи, новый штамп о том, что народы царской России «беспреданно подвергались

всяческим унижениям и оскорблениям» [7: 6]. Однако обще-европейский нарратив своего времени настолько влиял на авторов, что даже те из них, которые критиковали жесткие силовые действия имперских властей, не мыслили будущее народов Кавказа вне сферы Российского государства.

Источники и литература

1. Верещагин В.В. Путешествие по Закавказью в 1864–1865 годах // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / под ред. В.А. Шаповалова, К.Э. Штайн. Ставрополь, 2007. С. 234–287.

2. Государственный исторический музей (далее — ГИМ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 62.

3. ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 63.

4. Живописная Россия: отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. Т. IX. Кавказ. М., 2008.

5. Заблоцкий-Десятовский П.П. Путевые записки из Астрахани, чрез Кизляр, в Баку, в 1835–1836 годах // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. № 7. С. 1–64.

6. Загурский Л.П. Антропологические измерения кавказских народов, произведенные ген. Р.Ф. фон-Эркертотом и проф. г. Эрнестом Шантром // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VIII. Тифлис, 1884–1885. С. 374–383.

7. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945.

8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.Б. Пиотровского. М., 1988.

9. Каргинов С.Г. Кровавая месть у осетин // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. Вып. 44. С. 170–210.

10. Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М., 1887.

11. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

12. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Перта Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М., 2019.

13. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 7 / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1892.

14. Jersild A. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier. 1845–1917.* London, 2002.

15. Nash G. *From Empire to Orient: Travellers to the Middle East. 1830–1926.* London — New York, 2005.

16. Pratt M.L. *Imperial Eyes: Studies in Travel Writing and Transculturation.* London — New York, 1992.

Т.А. Колосовская

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX в.

В настоящее время, когда ученые пытаются преодолеть представление о прошлом северокавказских народов как о мозаике воюющих между собой национальных историй, выстроить кодекс и этику российского кавказоведения, особую актуальность приобретает тема истории изучения Северного Кавказа. Проблема «открытия» региона в имперский период отечественной истории, а также участия в этом процессе российских военных привлекает внимание многих современных историков [6]. Наряду с сюжетами об организации и проведении академических экспедиций в поле зрения ученых попадают отдельные аспекты научно-практической и культурно-просветительской деятельности офицеров Отдельного Кавказского корпуса (в дальнейшем Кавказской армии и Кавказского военного округа) [5; 10]. Тем не менее вопросы о том, каким образом военное ведомство России организовывало изучение Северного Кавказа, кем и какими способами реализовывалось это изучение, какое влияние полученные данные оказывали на конструирование научного знания в империи о ее новой окраине, заслуживают дальнейшей разработки.

Результаты многолетнего изучения темы [7], в том числе итоги научного проекта РФФИ № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские

практики и творческое наследие» [8], позволили прийти к заключению о том, что значительную роль в интеллектуальном освоении региона, в изучении его географии и местного населения сыграли офицеры Генерального штаба. Именно они стали «становым хребтом» отечественного военного кавказоведения.

В рамках настоящей статьи проанализируем особенности организации исследовательских практик офицеров Генерального штаба на Северном Кавказе в XIX в. Обратимся к их проявлениям как в условиях военного противостояния с северокавказскими горцами, так и в мирный период развития региона. Материалом для этого послужат работы дореволюционных авторов, а также архивные документы. Особый интерес представляют фонды Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА) и прежде всего «Военно-ученый архив» (Ф. 846. Оп. 16 «Кавказские дела»), «Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа» (Ф. 482) и «Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи» (Ф. 414), в которых сохранились документальные подтверждения участия офицеров Генерального штаба в исследовательских проектах военного ведомства и их результаты в виде походных записок, отчетов офицеров-разведчиков, историко-этнографических описаний и военно-статистических обзоров.

Генеральный штаб в России был учрежден еще Петром I и являлся элитным подразделением Российской армии. В генштабисты путь был открыт всем офицерам, которые отличались стремлением к знаниям и имели склонность к научной деятельности [4: 42]. В сферу профессиональных обязанностей таких офицеров входило прежде всего изучение противника и театров военных действий.

С 1825 г. Генеральный штаб пополнялся исключительно офицерскими чинами не ниже поручика, избираемыми из всей армии. В начале 1830-х гг. в систему комплектования Генерального штаба было введено новшество. По распоряжению Николая I для поступления в его ряды предварительно офицеры должны были получить высшее образование в специально учрежденной для этого в 1832 г. Военной академии. Обучение в ней длилось два года, в течение которых помимо военных наук офицеры изучали основы

топографии и геодезии, черчения планов и глазомерной съемки, «русскую словесность», а также военную историю и литературу [1: 16]. Обучение в академии позволяло значительно повысить образовательный уровень офицеров и положительно отразилось на выполнении ими профессиональных обязанностей.

В условиях постепенного расширения границ Российской империи интеллектуальный потенциал офицеров Генштаба активно использовался для изучения вновь присоединяемых территорий, в первую очередь местного населения, природы, климата. В число таких территорий входила и кавказская окраина, изучение которой осложнялось перманентными военными действиями с кавказскими горцами. Сведения о регионе были весьма отрывочны и нуждались в уточнении.

«Недоступная, своеобразная местность этого края, — писал современник, полковник Д.И. Романовский, — его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения...» [11: 197]. Без точного представления о географии Кавказа, о быте и обычаях его населения было невозможно проведение успешных военных экспедиций против непокорных горцев, приведение их к присяге российскому императору, а в дальнейшем налаживание эффективной системы управления. Поскольку достоверной информации было крайне мало, по словам самих военных, оставалось одно средство — «изучение на месте» [11: 197].

В первой половине XIX в. из Генерального штаба на Кавказ ежегодно командировались к войскам Отдельного Кавказского корпуса от двух до трех офицеров для прохождения боевой практики. Офицеры оставались здесь как минимум два года, а затем могли вернуться в свои части.

В период с 1832 по 1855 гг. на службе при Отдельном Кавказском корпусе находилось не менее 25–30 офицеров Генерального штаба [2: 200]. Их деятельность здесь имела два направления. С одной стороны, офицеры принимали непосредственное участие в военных экспедициях, с другой стороны, занимались сбором местного материала и изучением края.

Важным типом исследовательских практик офицеров Генерального штаба на Кавказе стало их участие в разведывательных

экспедициях на неподконтрольные российскому командованию территории. Такая форма изучения Кавказа практиковалась с конца 1820-х и до конца 1830-х гг., а примерами могут служить экспедиции Г.В. Новицкого, И.В. Шаховского, Ф.И. Гене, В.И. Мочульского, Г.С. Гордеева и др.

Пожалуй, самым известным сюжетом об организации и проведении таких «скрытных обозрений» являются три экспедиции штабс-капитана Ф.Ф. Торнау в горах Западного Кавказа и на Черноморском побережье [14]. Третья экспедиция закончилась неудачно: офицер попал в плен, в котором ему пришлось пробыть два года. Сам ход экспедиций, тягости пребывания в плену, а также богатейший этнографический материал о горцах Западного Кавказа Торнау отразил в «Воспоминаниях кавказского офицера» (1864 г.), под впечатлением которых Л.Н. Толстой создавал свою повесть «Кавказский пленник».

Командование высоко оценивало такую разведывательную деятельность. Характеризуя достижения штабс-капитана В.И. Мочульского, отправленного в 1838 г. для изучения дорог по южным склонам Кавказского хребта со стороны Лезгинской кордонной линии, составители официальных документов подчеркивали, что, «хотя обозрение это не увенчалось совершенным успехом», но усердие офицера «не осталось без пользы; и навряд ли кто-либо более успеет при таком невыгодном расположении умов в Дагестане» [17: 17]. При этом, понимая опасность, которой подвергали себя офицеры, и после трагической гибели некоторых из них, корпусный командир Е.А. Головин отказался от такой формы изучения региона.

Собранные военными разведчиками сведения не только расширяли знания о присоединяемых к России территориях, но и закладывали основание для формирования ориенталистского дискурса. Военный нарратив, представленный в форме записок, походных дневников и этнографических очерков, постепенно открывал Северный Кавказ для широких кругов общественности и идеологически обосновывал установление российского доминирования в регионе.

Еще одним направлением изучения региона военными специалистами стало составление военно-статистических описаний как отдельных кавказских территорий, так и региона в целом.

В фондах РГВИА и Государственном архиве Ставропольского края отложились рукописи таких работ. Их авторами были офицеры А.М. Буцковский [12], Г.К. Калмберг [3], Н.И. Карлгоф [15], Н.Н. Забуцкий [16: 101–200] и др.

В начале 1830-х гг. Николай I распорядился о подготовке обобщающего описания населения центральной и северной части Главного Кавказского хребта, Восточного берега Чёрного моря и Дагестана [13]. Итогом выполнения поручения императора стал сводный труд по этнографии горцев Кавказа. Созданный усилиями офицеров Генерального штаба и представленный в виде рукописи И.Ф. Бларамберга, этот труд хотя и отличался различной степенью подробности изложения материала о разных народах, тем не менее отражал сложившееся веками многообразие культур жителей региона. Это позволяет говорить о том, что изучение Кавказа офицерами Генерального штаба не ограничивалось исключительно военными целями и закладывало основы для становления этнографического кавказоведения. По уникальности и достоверности включенных в рукопись И.Ф. Бларамберга сведений она и в настоящее время представляет собой ценный источник для научного изучения этнической истории и традиционной культуры народов Кавказа.

К этой группе военных исследователей примыкает Д.А. Милютин, который по итогам своей службы при штабе войск Кавказской линии и Черномории подготовил курс лекций по военной статистике Кавказа и преподавал его в Военной академии в 1840-х — начале 1850-х гг. Благодаря таким исследованиям у российского командования постепенно формировалось представление о многообразии культур Кавказа и необходимости проведения гибкой политики с учетом местных реалий.

Анализ военно-статистических описаний, подготовленных офицерами Генерального штаба, показывает, что важной целью их создания являлось накопление знаний для выработки оптимальной модели интеграции Северного Кавказа в российское государственное пространство. По их итогам были детализированы сведения об этническом составе местного населения, уточнены география его расселения и особенности хозяйственной деятельности, сформировано представление о социальном, религиозном

и культурном многообразии региона. Порожденный имперской политикой России на Кавказе феномен военного кавказоведения вышел за рамки обслуживания только ее целей и способствовал становлению научного изучения Кавказа.

В 1840-е гг. офицеры Генерального штаба приняли активное участие в проекте по сбору адатов кавказских горцев. К его реализации были привлечены В.И. Голенищев-Кутузов, Т.А. Норденстрем, М.Я. Ольшевский и др. Сведения о специфике местных обычаев судопроизводства были необходимы для повышения эффективности системы управления горскими народами. В рамках проекта были собраны адаты горцев различных районов Кавказа. И хотя подготовленные офицерами сборники на практике не использовались, в условиях отсутствия письменного закрепления правовой культуры народов Северного Кавказа они способствовали сохранению знаний о кавказском обычном праве.

После завершения Кавказской войны вектор военно-разведывательного изучения переместился с Северного Кавказа на сопредельные азиатские государства: Турцию и Персию. Вопросы этнографического и статистического изучения местного населения Северного Кавказа перешли в руки научных обществ, активно учреждаемых в регионе во второй половине XIX в. (Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, статистические комитеты и др.). Именно их научные достижения стали влиять на практику управления этим полиэтничным регионом.

Сразу же после открытия в 1851 г. Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) служившие на Кавказе офицеры Генерального штаба приняли самое живое участие в его работе. Примером тому выступает творческая деятельность П.К. Услара. Он начинал с подготовки военно-статистического обзора Эриванской губернии, затем по поручению командования занялся разработкой истории Кавказа, увлекся ее древним периодом и в конечном итоге посвятил себя изучению кавказских языков. Благодаря его трудам было составлено грамматическое описание абхазского, чеченского и ряда языков народов Дагестана.

Еще одним выпускником Военной академии, который стал действительным членом Кавказского отдела ИРГО, является

А.В. Комаров. В 1856 г. в чине штабс-капитана он был направлен на Кавказ, которому отдал около 30 лет своей служебной деятельности. Занимал ряд важных административных должностей, в том числе в Дагестане, и одновременно находил время для науки, собирал материалы по археологии, этнографии. В 1873 г. в «Записках Кавказского отдела ИРГО» была опубликована его статья «Народонаселение Дагестанской области» с приложением этнографической карты и таблицы распределения населения области по округам [9]. Эта работа свидетельствовала об участии военных в развитии этнической картографии Кавказа.

Названные специалисты далеко не исчерпывают список офицеров Генерального штаба, принимавших участие в проектах Кавказского отдела ИРГО. Их роль в производстве научного знания о регионе требует дополнительного изучения.

В целом исследовательская деятельность офицеров Генерального штаба на Северном Кавказе в XIX в. имела ярко выраженную практическую направленность. Собранные ими географические и этнографические сведения использовались для решения текущих практических задач имперской политики в регионе и способствовали повышению ее эффективности. С другой стороны, мотивы, которыми руководствовались такие офицеры, нередко не исчерпывались соображением карьеры или выполнения служебного долга. Большое значение имела тяга к знаниям, стремление исследовать и понять своеобразие мира *другого*. Базовый уровень знаний и творческий склад ума позволил многим из них войти в число исследователей, оставивших след в отечественном кавказоведении.

Источники и литература

1. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб., 1882.
2. Глиноецкий Н.П. История русского генерального штаба. Т. II. СПб., 1894.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508.
4. Гребенкин А.Н. Путь русского офицера в Генеральный штаб // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 42–45.

5. Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и всемирной истории: ученые записки. Армавир, 2002. Вып. I. С. 59–64.

6. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII — начало XX века. Ставрополь, 2011.

7. Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 2015.

8. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь, 2021.

9. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. VIII. Тифлис, 1873. С. 5.1–49.

10. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру: историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015.

11. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. СПб., 1860.

12. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 414. Оп. 1. Д. 300.

13. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060.

14. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302.

15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18 513.

16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19 051.

17. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19 250.

Л.П. Ермоленко, М.Е. Колесникова

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (вторая половина XIX — первая треть XX в.)

В 2022 г. отмечается 100-летие краеведческого движения в России. В 1922 г. в системе учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР было создано Центральное бюро краеведения, которое заложило основы организованного краеведческого

движения в масштабах всей страны. Повсеместно стали создаваться краеведческие организации и общества, сыгравшие огромную роль в сохранении истории регионов, занимавшиеся изучением этнографии, языка, культуры, фольклора, экономики и природных ресурсов той или иной местности. Именно они стали главными хранителями историко-культурного наследия России в первые годы советской власти. В основу деятельности многих из них легли опыт и традиции научных и научно-просветительских обществ России второй половины XIX — начала XX вв., деятельность которых по сути была краеведческой.

Понятие «краеведение» имеет несколько определений. Советский энциклопедический словарь определяет краеведение как изучение природы, населения, хозяйства и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов главным образом силами местного населения [16: 643]. В работах теоретиков краеведческого движения 1920-х гг. краеведение рассматривается как междисциплинарная область научного познания, как «наука областного масштаба» [1: 16]. В них впервые дается оценка деятельности провинциальных историков, археологов, этнографов и краеведов дореволюционного периода (Н.К. Пиксанов, И.М. Гревс, В.В. Богданов, С. Чернов, А.А. Спицын и др.) [9; 14; 18]. В работах А.М. Большакова, М.В. Муратова содержатся очерки развития отечественного краеведения, периодизация, характеристика особенностей советского периода в развитии краеведения [2; 13]. Основоположителем исторического краеведения И.М. Гревсом и его последователями Н.П. Анциферовым, Н.К. Пиксановым в 1920-е гг. был сформулирован новый метод краеведения — локальный, как всестороннее исследование отдельных регионов с обязательным введением исторических источников в научный оборот.

Историки рассматривают краеведение как область междисциплинарного знания, направленного на всестороннее изучение своей малой родины. Довольно полное определение краеведению дал С.О. Шмидт. Под краеведением понимается и «наука, и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо “края” (местности). Это и форма общественной деятельности, причем

такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. Краеведное знание — обычно комплексное знание: и природы, и общества, знание не просто историческое, но и историко-культурное, историко-экономическое; не только географическое, но и географо-биологическое, географо-астрономическое. А часто одновременно его можно отнести к сферам и гуманитарного, и естественнонаучного знания. Краеведение — это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенно; метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи (и потому-то особенно важный в плане развития экологической культуры), учитывающий не только выводы научных теорий, но и первичные наблюдения обычной житейской практики. Следовательно, краеведение — и школа познания и методики мышления, и школа воспитания, воспитания культурой (а основа культуры — память, поэтому можно говорить о “воспитании историей”), школа становления и закрепления представлений о взаимосвязях в природе, о взаимосвязи природы и общества, о взаимосвязи наук» [19: 155]. Объектом интереса краеведа может быть местность «разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения» [20].

Таким образом, в краеведческой деятельности объединяются по интересам люди разного возраста, разного социокультурного статуса, разного уровня специальной (научной) подготовки. «Занятия краеведением по зову души — всегда краелюбие», — отмечал С.О. Шмидт, поэтому степень развития краеведения — один из показателей уровня культуры края, микроклимата его общественной жизни [20: 14]. Для научного сообщества историков сегодня характерно оперирование множеством понятий часто без осмысленного выбора конкретной терминологии, с одной стороны, а с другой — попытка самоидентифицировать характер своей исследовательской деятельности через приверженность к определенным лексическим формам [15].

Важным этапом в развитии краеведения стала вторая половина XIX в., когда оно превращается в общественное явление, в социокультурный феномен. На рубеже столетий появляется и термин «краеведение», характеризующий деятельность

местных исследовательских центров, обществ, занимавшихся изучением родного края. К 1917 г. краеведение занимало важное место в общественной жизни и культуре российской провинции, что в свою очередь способствовало демократизации представлений о содержании истории и круге лиц, которые занимались историческими и краеведческими исследованиями.

Краеведческими исследованиями на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX в. при содействии столичных научных учреждений и обществ занимался целый ряд местных научных обществ (Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество, Общество любителей изучения Кубанской области, Общество любителей казачьей старины, Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний, Кавказское горное общество, Кубанское общество народных университетов, Терское общество любителей казачьей старины, Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края, Кубанское общество любителей изучения казачества, Терское общество защиты и сохранения памятников старины и др.). Основными направлениями их деятельности были археологические, этнографические, историко-краеведческие исследования, охрана памятников древности, музейная, просветительская и издательская деятельность. Они явились самостоятельными историко-краеведческими центрами, развитие которых определялось их организационными и материальными возможностями, самобытностью местной проблематики.

В северокавказских научных обществах работали как профессионалы, так и историки-любители, которые состояли в нескольких обществах одновременно, что было характерно для пореформенной российской провинции в целом. Большинство северокавказских историописателей XIX — начала XX в. были выходцами из среды образованного чиновничества и учительства, отчасти из среды духовенства. Среди них было немало представителей из числа горской интеллигенции, выпускников Ставропольской мужской гимназии, военных. Они работали в статистических комитетах, состояли членами научных обществ, бескорыстно занимались научными исследованиями и просветительством, создавали музеи и библиотеки. Среди них:

А.П. Архипов, И.В. Бентковский, Г.А. Вертепов, В.Ф. Владимирский, Н.И. Воронов, Б.М. Городецкий, Н.Ф. Грабовский, С.К. Даль, Н.Я. Динник, А.Н. Дьячков-Тарасов, М.И. Ермоленко, К.Т. Живило, М. Заалов, А.-Г. Кешев, Д.С. Кодзоков, М.В. Краснов, В. Кудашев, Н.Т. Михайлов, Д.М. Павлов, Г.К. Пправе, Г.Н. Прозрителев, Л.П. Семенов, П. Тамбиев, А.И. Твалчрелидзе, П.И. Хицунов, Б. Шаханов и многие другие.

Как правило, их труды были выполнены в форме краеведческих и топографических описаний [10]. Это был наиболее распространенный тип научной работы во второй половине XIX — начале XX в. Им был присущ комплексный подход, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений и т.п. Работы их явились определенным этапом на пути создания обобщающих трудов по истории Северного Кавказа, способствовали накоплению источниковой базы, углублению и дифференциации исторической тематики. Содержащийся в них разнообразный материал позволяет не только воссоздать историю прошлого региона, но и увидеть сам процесс создания исторической науки в провинции.

В пореформенный период значительную роль в консолидации северокавказского интеллектуального сообщества сыграла региональная периодическая печать. Сотрудниками редакций, постоянными авторами «неофициальных частей» ведомостей были члены северокавказских научных обществ, статкомитетов и Ставропольской губернской ученой архивной комиссии. Анализ содержания «Ставропольских губернских ведомостей», «Кубанских войсковых ведомостей», «Терских областных ведомостей», «Кубанских областных ведомостей» («Кубанских ведомостей»), «Кавказских епархиальных ведомостей», «Ставропольских епархиальных ведомостей», «Владикавказских епархиальных ведомостей» дает нам разные приемы и методы работы с источниками, включая устную память, а также конструкции исторических нарративов, опубликованных на их страницах. Тексты по северокавказской истории фиксируют различные уровни исторического знания, типы исторического письма, формы и жанры исторического описания. Деятельность северокавказских научных обществ стала тем самым подготовительным фундаментом, на котором

в первой трети XX в. развивалось краеведческое движение уже в Советской России.

С 1917 г. начинается новый этап в развитии краеведения. Оно превращается в массовое общественно-научное движение в стране. Период 1920-х — начала 1930-х гг. вошел в историю как время расцвета, «золотого десятилетия» краеведения. Он характеризуется разработкой основ государственной политики в области науки, культуры и народного образования, процессом зарождения и становления государственной системы органов охраны памятников, началом повсеместных археологических обследований, первыми попытками планового изучения Северо-Кавказского края, установлением тесных научных связей между центром и провинцией.

Результативность деятельности краеведческих обществ обеспечивалась постоянными связями с академической наукой, центральными научными учреждениями, что находило отражение в использовании выводов и наблюдений краеведов при составлении научно-популярных и обобщающих исторических трудов. Развитие краеведения на этом этапе было связано с идеологическими установками в обществе. Оно стало общегосударственным делом, и сразу четко обозначилась тенденция направить его на решение народнохозяйственных проблем, на изучение производительных сил региона. Несмотря на это, в деятельности краеведческих обществ и организаций 1920-х гг. четко прослеживалась преемственность со взглядами, концепциями, представлениями исследователей второй половины XIX в. — начала XX в.

В 1920 г. краеведческую работу в губерниях Северного Кавказа координировали комитеты и секции по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Они занимались организацией государственного учета и охраной культурных ценностей, изучением вещественных памятников (археологических и исторических) и памятников письменных (архивных). На Ставрополье такая секция была образована 7 августа 1920 г., возглавил ее известный общественный деятель, член многих северокавказских научных обществ, организатор Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, краеведческого музея (музея Северного Кавказа) Г.Н. Прозрителев [4: 65; 7: 4].

В 1926 г. было образовано Северо-Кавказское бюро краеведения, сыгравшее важную роль в организации краеведческих сил региона. При его участии создавались научно-краеведческие общества, кружки, осуществлялась реорганизация музеев. В составе бюро была образована секция археологии, антропологии, этнографии и истории искусств, которую возглавил археолог А.М. Ильин. В ней работали С.Ф. Войцеховский, Н.М. Егоров, Б.В. Лунин, М.А. Миллер, Г.Н. Прозрителев, Л.П. Семенов и другие [3: 13]. Секция объединяла все научно-исследовательские и краеведческие организации Северокавказского края, координировала их работу, собирала сведения о предполагаемых археологических работах и лицах их производящих, о памятниках, находках, открытиях и результатах в области археологии, антропологии, этнографии и истории [17: 9]. На III Всероссийской конференции по краеведению в 1928 г. в состав Центрального бюро краеведения вошло 12 представителей от Северо-Кавказского региона, в том числе А.И. Воскресенский, Г.Ф. Руденко, Г.Г. Григор (г. Краснодар), А.П. Семенов (г. Владикавказ), Е.А. Ларин (г. Пятигорск), Г.Н. Прозрителев (г. Ставрополь) [8: 254, 274; 11; 12; 21].

Краеведческими исследованиями также занимались этнолого-археологические комиссии, общества и институты, повсеместно создаваемые в начале 1920-х гг. на местах, в том числе и в городах Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске и др. Организацией их в регионе занимался уполномоченный Российской академией истории материальной культуры (РАИМК), председатель Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, профессор В.А. Пархоменко (г. Краснодар) [6: 7]. В мае 1921 г. была создана Ставропольская этнолого-археологическая комиссия [5: 3]. Комиссии осуществляли научно-исследовательские работы по изучению памятников древности, искусства, старины и народного быта; способствовали распространению этнолого-археологических знаний; занимались охраной памятников материальной культуры. Одним из направлений их деятельности являлось проведение этнологических экспедиций, которые предполагали комплексное изучение края, дававшее возможность представить и понять культурно-исторические явления,

происходившие на Северном Кавказе в древности. Общее руководство их деятельностью осуществляла РАИМК, подчинялись комиссии Академическому центру Народного комиссара просвещения.

Деятельность краеведческих организаций Северного Кавказа имела немалое значение для развития науки, культуры и просвещения. Исследования краеведов-любителей способствовали развитию исторических дисциплин, разработке приемов и методов работы с архивными материалами и музейными коллекциями. Краеведение 1920-х гг. обогатило и методику школьного преподавания, способствовало подъему уровня интеллектуальной жизни в регионе. Историческое краеведение развивало традиции конкретно-исторических исследований, чему во многом способствовала его тесная связь с научными школами историков и академическими учреждениями страны.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. усиливается стремление к идеологизации деятельности краеведческих организаций. Являясь демократичным по своей природе, краеведение не вписывалось в рамки оформляющейся тоталитарной системы, в политику, направленную на централизацию науки и всех сфер общественной жизни. Демократическая основа краеведческих обществ, самостоятельное определение приоритетных направлений исследований, связанных со своеобразием края, желание уйти от попыток унификации и нивелирования, подчеркнуть местные особенности, специфику исторического развития того или иного региона — всё это не соответствовало намеченным путям развития страны, в силу чего начался процесс ликвидации краеведческих обществ, «чистки» музеев и научных учреждений от неугодных сотрудников. Многие краеведы подверглись репрессиям, а плодотворный творческий процесс изучения регионов местными силами был приостановлен. Всё это нанесло невосполнимый урон науке и культуре. Историческое краеведение перестало развиваться как научное направление. Под краеведением стали понимать лишь собирание материалов по краевой истории, без анализа и связи с историческими процессами, происходившими в стране. Со временем местная история, как и общая, всё более и более становилась политической. Ликвидация краеведческих обществ

и организаций вела к утрате общественной инициативы, которая играла большую роль в деле охраны памятников.

С распространением новой методологии в области общественных наук изменились цели, задачи научных исследований, формы их организации и проведения. На смену краеведческим обществам пришли научно-исследовательские центры и институты. Создавались они практически без использования опыта, накопленного в 1920-х гг. Следует отметить, что на Северном Кавказе научно-исследовательские институты были созданы в национальных образованиях, что было связано с политикой государства, направленной на подъем культуры и производительных сил в них. На территории Ставрополя таких учреждений создано не было, что негативно сказалось на развитии научных исследований и финансировании историко-краеведческих работ в крае.

Возрождение краеведения в 1990-х гг. показало, что оно способно решать не только актуальные проблемы исторической науки, но и по-новому взглянуть на уже написанные страницы истории. Именно из местной истории, истории отдельных областей, районов, городов, сел, станиц, аулов, так называемой микроистории, и складывается история России. В краеведческих исследованиях на фоне общероссийской истории рассматриваются вопросы экономики, культуры русской провинции, но основной акцент делается на историю быта и нравов родного края, специфику его природы. Историко-краеведческая деятельность местных научных обществ и организаций на разных этапах выполняла важную методологическую задачу — формирование на местном материале источниковой базы исторической науки. Информационные ресурсы краеведения огромны, они позволяют сохранить идентичность и самобытность региональной культурной среды, защитить ее от воздействия внешних факторов. Краеведческая информация дает возможность получить новое знание, определить направления новых исследований.

Источники и литература

1. Богданов В.В. Этнография в истории моей жизни. М., 1989.
2. Большаков А.М. Введение в краеведение. Л., 1929.

3. Воскресенский А.И., Ямпольский М.Л. Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 6–19.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 141.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 9.
7. ГАСК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАСК. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 11.
9. Гревс И. История в краеведении // Краеведение. 1926. № 4. С. 487–508.
10. Колесникова М.Е. Краеведческие описания как жанр провинциальной историографии (XIX — начало XX вв.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 5. Ставрополь, 2004. С. 143–149.
11. Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов н/Д., 1928.
12. Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 58–84.
13. Муратов М.В. Изучение местного края: опыт введения в краеведение. М.; Л., 1930.
14. Николай Кириянович Пиксанов / библиогр. сост. Р.И. Кузьменко. М., 1968.
15. Репина Л.П. Локальные исследования и национальная история: проблемы синтеза // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы: сборник статей. Вып. 1. М., 1989. С. 150–153.
16. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1989.
17. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 22.
18. Чернов С. Краеведение и архивное дело // Краеведение. 1923. № 1. С. 14–19.
19. Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Путь историка:

Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 153–166.

20. Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований: [российский и зарубежный опыт]: материалы международного семинара, 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. СПб., 2000. С. 11–15.

21. Ямпольский М.Л. III Всероссийская конференция по краеведению // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 139–142.

Ю.С. Сулаберидзе

М.А. ПОЛИЕВКТОВ И РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ-КАВКАЗОВЕДЕНИЕ 1920–1930-х гг.

Научное творчество Михаила Александровича Полиевктова (1872–1942) продолжает находиться в историографическом поле современного кавказоведения. В научных исследованиях (Л.В. Выскочков [2], В.В. Тихонов [21], А.Н. Максимчик [10], Е.Г. Муратова [13], Ю.С. Сулаберидзе [18]) рассматриваются различные аспекты жизни и деятельности М.А. Полиевктова в петербургский и тифлисский период: формирование научных интересов в сфере внешней политики России, изыскание и публикация архивных документов по истории русско-кавказских, русско-грузинских взаимоотношений, концепция ученого по «восточно-кавказскому вопросу», его вклад в становление и развитие научного кавказоведения.

В историографии кавказоведения имя М.А. Полиевктова становится всё более значимым. В этой связи справедливо мнение Е.Г. Муратовой о необходимости освоения историографического наследия ученого, «включения кавказоведческих работ М.А. Полиевктова в широкий историографический дискурс» [13: 60].

В данной статье мы поставили задачей проследить связь научных изысканий ученого в области внешней политики России

с тенденциями зарождения советского востоковедения-кавказоведения 1920–1930 гг. Проследим это на примере некоторых знаковых фигур советского востоковедения-кавказоведения 1920–1930 гг., которые в той или иной степени отражали течения востоковедной мысли.

М.А. Полиевктов вошел в новую действительность с тем научным и идеологическим багажом, который приобрел и наработал в системе петербургской исторической школы С.Ф. Платонова и Г.В. Форстена. Его предреволюционные работы, посвященные исследованию балтийского вопроса внешней политики России, вывели его к восточно-кавказскому вопросу. Но представляется, что новый дискурс после событий 1917 г. не только сделал более актуальными вопросы исследования внешней политики России, но и добавил им остроты текущего момента. Исследовательские интересы ученого затрагивали в основном XVI–XVIII вв., отчасти XIX в. внешней политики России и международных отношений, в то время когда для основателей советской исторической науки в первую очередь актуальны были вопросы разоблачения империалистической сущности и содержания внешней политики царизма конца XIX — начала XX вв. Тем не менее восточный вопрос и проблемы русско-кавказских отношений в новых условиях политической реальности были актуальны не только в политическом плане. Открывались возможности раскрытия их содержания и поисков новых подходов к ним.

Необходимо подчеркнуть, что в 1920–1930 гг. шел этап становления советской историографии, когда остро ощущалась потребность в изыскании и публикации новых архивных материалов по истории внешней политики. Восток в условиях разрывания национально-освободительного движения приобретал всё большую научную и практическую актуальность. Основная задача состояла в издании важнейших дипломатических и военных документов из архивов царского правительства, разоблачающих грабительский, захватнический характер политики империалистических государств. Много материалов по внешней политике публиковалось в журналах «Красный архив» и «Историк-марксист». Изданием материалов и исследованиями по внешней политике России активно занималась целая

плеяда ученых — М.Н. Покровский, М.П. Павлович, Е.А. Адамов, А.Л. Попов, Е.В. Тарле, В.А. Гурко-Кряжин. Большое значение имели дискуссии историков-марксистов (1928–1930) об общественно-исторических формациях и «азиатском способе производства», а также критика исторической концепции М.Н. Покровского (1939–1940) [9]. Критика была направлена против схем смены общественных форм, экономического материализма А.А. Богданова — Н.Н. Рожкова, «торгового капитала», на основе которых строилась концепция исторического развития России, а также история внешней политики России и международных отношений. Политизация науки, внесение концепта вредительства стало основой для отсечения направлений, школ «истинного марксизма» от «буржуазного объективизма», «попутчиков марксизма». Размежевание представителей старой и новой науки вышло из академических рамок, и вскоре началась череда репрессий.

Труды М.Н. Покровского и М.Л. Павловича-Вельтмана заложили основы марксистской историографии востоковедения, исследования внешней политики эпохи империализма. Опираясь на труды К. Маркса по восточному вопросу, М.Н. Покровский и М.Л. Павлович-Вельтман раскрыли грабительский характер внешней политики империалистических государств, сделали акцент на особой агрессивности российского империализма в борьбе за Константинополь и проливы. Данное восприятие особенностей внешней политики в начале XX в. находилось в русле разоблачения захватнической политики царизма и империалистов Запада.

В рамках этого основного тренда советской историографии 1920-х – начала 1930-х гг. работал М.А. Полиевктов и оценивал политику царизма как захватническую на Кавказе, однако в его работах звучат и другие акценты.

Для него центральным объектом исследования являлась внешняя политика России. Заслуга М.А. Полиевктова заключается в том, что ему удалось научно поставить восточно-кавказский вопрос, увязать его с балтийским вопросом, «со всей сетью общеевропейских взаимоотношений на фоне межгосударственных противоречий на Кавказе, определить место Закавказья в так называемом Восточном вопросе» [15: 55].

Это позволило раскрыть закономерности внешней политики России как развития российской государственности на протяжении XVII – начала XIX вв. Концепция М.А. Полиевктова была более органичной, менее политизированной, чем взгляды его коллег. В ней понятие «колонизация» приобретает цивилизационно-ценностное содержание для обоснования «продвижения России на юго-восток» через степи, дальше к высотам Кавказа и далее к Средней Азии. М.А. Полиевктон связывает основную причину колонизации со стремлением к овладению торговой магистралью, соединяющей «северо-запад и юго-восток», Балтику с волжско-каспийской торговой артерией. Там завязывались основные «узлы международной политики». «Россия на Кавказе и в Средней Азии — жгучий вопрос мирового характера», — утверждал ученый. В треугольнике Балтика — Черное море — Каспийское море определялись основные векторы внешней политики России, что позволило обосновать роль России как транзита между Европой и Азией [18: 17–18].

Большой след в историографии внешней политики России оставили труды Александра Львовича Попова (1888–1943). А.Л. Попов являлся питомцем Санкт-Петербургского университета, на историко-филологическом факультете он прослушал лекции А.Е. Преснякова, близкого друга М.А. Полиевктова. Трудно сказать за отсутствием свидетельств, знакомы ли были М.А. Полиевктон и А.Л. Попов. Но существуют поразительные моменты, которые сближают ученых, посвятивших себя исследованию истории внешней политики России на Востоке. Оба они были вынуждены покинуть Петроград в 1920 г. М.А. Полиевктон выехал в Тифлис, основал в университете кафедру русской истории, активно работал в Центральном научном архиве Грузии. А.Л. Попов стал сотрудником кафедры русской истории в Бакинском университете, впоследствии возглавлял Центральный государственный архив Азербайджана. Однако уже в 1923 г. он вернулся в Москву, работал архивистом-консультантом Архива внешней политики, с 1935 г. — в Академии наук СССР и до конца своей жизни (15 января 1943 г.) занимался изучением истории внешней политики России и международных отношений XIX — начала XX вв. Ученых сближала область научных интересов: М.А. Полиевктон занимался историей русско-кавказских, русско-грузинских отношений XVII–XVIII вв.,

определив место Кавказа в системе международных отношений, в отличие от более молодого соратника, который оставил работы по ближневосточной проблеме, а также о завоевании Россией Средней Азии и Дальнего Востока. Особо следует отметить работы А.Л. Попова «От Босфора к Тихому океану» [17], а также «Дальневосточная политика царизма в 1894–1901 гг.» [16].

Это был период, когда после смерти М.Н. Покровского (1932 г.) началась активная критика социологических схем «торгового капитала», сторонников «мировой революции» и акцент был сделан на национальной истории, доказательстве закономерности присоединения к России территорий Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока.

Можно утверждать, что А.Л. Попов тесно связал ближневосточный вопрос со среднеазиатской проблемой. Автор научной биографии историка В.И. Мендельсон утверждает, что А.Л. Попов впервые научно оценил место Средней Азии во внешней политике России и системе международных отношений. А.Л. Попов считал, что Средняя Азия — это «плацдарм, удобный для борьбы с Англией», функционально зависимый от ближневосточной проблемы [12: 268]. С другой стороны, ученый подчеркивает цивилизационную миссию России в подрыве «патриархальной замкнутости» Средней Азии [12: 269]. А.Л. Попов справедливо считал, что «среднеазиатскому узлу» внешней политики России не уделялось должного внимания в историографии востоковедения [12: 265].

Эти мысли А.Л. Попова сродни концепции М.А. Полиевктова о транзитной роли России между Западом и Востоком, что также является подтверждением культурно-цивилизационного подхода к анализу исторического процесса.

Большой вклад в развитие востоковедения в первый период советской историографии внес Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931). В.А. Гурко-Кряжин закончил реальное училище в Тифлисе. С 1910 по 1912 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, получив диплом первой степени по специальности «Этнография и археология Кавказа». В 1918 г. окончил этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского переднеазиатского института. Приняв революцию, В.А. Гурко-Кряжин активно включился в общественно-

политическую жизнь страны. Он автор более 60 работ по Востоку, истории Турции, Ирана, Закавказья, Ближнего Востока. Следует выделить работы ученого: «Культура Грузии и ее отношение к Востоку» [7]; «История революции в Турции» [5]; «Краткая история Персии» [6]; «Английская интервенция в 1918–19 гг. в Закаспии и Закавказье» [4]; «Абхазия» [3]; «Хевсурь» [8].

С 1923 по 1930 гг. являлся профессором Московского института востоковедения, работал также в Ленинградском восточном институте. В 1925–1929 гг. совершил этнологические экспедиции в Абхазию, Хевсуретию, Тушетию, Азербайджанский Курдистан. Все это нашло отражение в изданиях ученого. Он внес значительный вклад в становление марксистского кавказоведения на Кавказе. Однако с конца 1920-х гг. В.А. Гурко-Кряжин подвергся резкой критике ортодоксов марксизма-ленинизма в условиях кампании против буржуазной науки.

В докладе Л.П. Мамета «Отражение марксизма в буржуазном востоковедении (В. Гурко-Кряжин и Восток)» на заседании Общества историков-марксистов 8 апреля 1930 г. ученый был назван буржуазным востоковедом, «занимающимся апологией империализма» [11: 81].

В современной историографии признаны заслуги В.А. Гурко-Кряжина в развитии востоковедения и кавказоведения. Биограф ученого А.О. Тамашишвили утверждает, что можно «с полным основанием говорить о Гурко-Кряжине как одной из немногих первостепенного значения фигур в организации советского востоковедения 1920-х годов» [19: 128].

Д.В. Аносов и А.Ф. Бондаренко отмечают, что «все работы Гурко-Кряжина по истории советского востоковедения сохраняют свое научное значение» [1: 92]. Формирование мировоззрения ученого, взглядов на проблемы Кавказа, Ближнего Востока шло в сложный период ломки общественных структур, революционных потрясений, смены геополитических координат. Свою позицию в отношении общественных и мировоззренческих процессов ученый обстоятельно изложил в ответе на обвинения Л.П. Мамета, который утверждал, что В.А. Гурко-Кряжин противопоставляет Запад Востоку, подчеркивает особость Востока, доходя до восхваления пантюркизма [11: 71, 73].

В своих ответах на обвинения в искажении марксизма В.А. Гурко-Кряжин признает, что в особенности в первый период освоения марксизма ошибки были связаны с «недостаточным изучением... основных проблем Востока под углом зрения марксистской методологии» [11: 89]. Что касается исследования проблем Востока, то В.А. Гурко-Кряжин стремился подчеркнуть особенности Востока, его культуры, общественных форм, что требовало «в высшей степени серьезного теоретического разбора» [11: 91].

Эти проблемы в 1920–1930 гг. были слабо разработаны. Можно провести определенную параллель с воззрениями М.А. Полиевктова, отмечавшего своеобразие культурного мира Кавказа, который еще предстояло исследовать. По замечанию ученого: «Кавказ — сложный комплекс отдельных миров, которые природа и история обрели на совместное сожительство, как бы трудно им не было порою уживаться друг с другом». И там же подчеркивается: «Здесь на Кавказе с этих пор завязь, которая впоследствии свяжет русскую черноморскую и каспийскую политику. Историю русской внешней политики нельзя понять, если не вводить в нее уже с середины XVI века кавказского вопроса» [14: 12–14].

Применение традиционной методологии (европоцентризма) по отношению к Востоку привело бы к недооценке его уникальности, особенностей менталитета и склада культуры. Такой позиции придерживается В.А. Гурко-Кряжин. Прозвучали обвинения и в том, что он не признавал некапиталистического пути развития стран Востока, допуская при этом признание прогрессивности империализма в отношении развития хозяйства и культуры Востока. По утверждению Мамета, В.А. Гурко-Кряжин восхвалял геополитику, перенес центр тяжести с экономики и социальных отношений, классовой борьбы в область географии и демографии. Так, в частности, описывая историю Азербайджана, автор определяющими считал «естественные богатства страны с наличием на ее территории великого торгового пути, идущего на север вдоль Каспийского моря в юго-восточные русские степи». Это касалось и Абхазии, в том аспекте, что ее природная физико-географическая замкнутость и пересечение торговых путей являлись определяющими для ее истории [11: 78]. Догматическое восприятие

марксизма закрывало дорогу к многофакторному объяснению цивилизационных феноменов. И поэтому не принималось оправдание В.А. Гурко-Кряжина, что в его взглядах не говорилось о преобладающем значении географического фактора.

К научному творчеству М.А. Полиевктова также можно отнести данную критику: при всей форме признания «захватнической политики русского царизма» в них присутствует тезис о значении геополитического фактора. Автор концепции «восточно-кавказского вопроса» большое внимание уделял процессу колонизации, роли мировой торговли, исследованию «волжско-каспийского пути» [18: 25–26].

М.А. Полиевктов так же, как и многие «старые специалисты», подвергался гонениям. В 1931 г. он был лишен на некоторое время возможности преподавания в Тбилисском государственном университете. «Великий перелом» на рубеже 1920–1930-х гг. позволил некоторым «старым специалистам» возвратиться к науке. Руководителям СССР понадобились представители старой школы в связи с нехваткой специалистов и подготовкой учебников по истории в высших учебных заведениях. Борьба И.В. Сталина с приверженцами «мировой революции» диктовала «резкий поворот» и в исторической науке к созданию «национальной истории». Этот процесс не нашел еще полного отражения в современной историографии [20].

Таким был общественно-научный фон, в контексте которого формировались научные положения концепции М.А. Полиевктова. Эта тема требует дальнейшего исследования, в частности, выяснения особенностей социально-научной среды грузинского общества конца 1920-х — начала 1940-х гг., анализа процесса «внутренней советизации» местных историков, разграничения линий напряженностей, в которые был вовлечен М.А. Полиевктов.

Источники и литература

1. Аносов Д.В., Бондаренко А.Ф. Мастера российской историографии: Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931) // Исторический архив. 2018. № 1. С. 92–107.

2. Выскочков Л.В. Петербургский период жизни М.А. Полиевктова и его книга «Николай I» (К столетию первого издания

- книги) // Деятели русской науки XIX–XX веков / ред., сост. Т.В. Андреева, С.Ф. Синельникова. Вып. 5. СПб., 2019. С. 107–148.
3. Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. М., 1926.
 4. Гурко-Кряжин В.А. Английская интервенция в 1918–19 гг. в Закаспии и Закавказье // Историк-марксист. 1924. Т. 2. С. 115–139.
 5. Гурко-Кряжин В.А. История революции в Турции. М., 1923.
 6. Гурко-Кряжин В.А. Краткая история Персии. М., 1925.
 7. Гурко-Кряжин В.А. Культура Грузии и ее отношение к Востоку. Тифлис, 1916.
 8. Гурко-Кряжин В.А. Хевсурь. М., 1928.
 9. Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.
 10. Максимчик А.Н. Рукопись профессора М.А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики» (1924 г.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40). М., 2014. С. 260–276.
 11. Мамет Л. Отражение марксизма в буржуазном востоковедении // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 69–96.
 12. Мендельсон В.И. А.Л. Попов — историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М., 1973. С. 252–273.
 13. Муратова Е.Г. Основные направления научно-исследовательской деятельности Михаила Александровича Полиевктова в «тифлисский период» его жизни // Кавказология. Электронный журнал. 2018. № 2. С. 51–65.
 14. Национальный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 12.
 15. Национальный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 27.
 16. Попов А.Л. Дальневосточная политика царизма в 1894–1901 гг. // Историк-марксист. 1935. № 11. С. 38–57.
 17. Попов А.Л. От Босфора к Тихому океану // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 3–28.
 18. Сулаберидзе Ю.С. «Тифлисский период» научного творчества М.А. Полиевктова. История создания научной концепции «восточно-кавказского вопроса». Саарбрюккен, 2020.

19. Тамазишвили А.О. Владимир Александрович Гурко-Кряжин: судьба бойца «востоковедного фронта» // Неизвестные страницы отечественного востоковедения: сборник. Вып. 3 / отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2008. С. 32–136.

20. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М., 2016.

21. Тихонов В.В. «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов — историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия — Грузия: альтернатива конфронтации — созидание (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / сост. Н.Ф. Бугай. М., 2011. С. 419–435.

С.Л. Дударев

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЯКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX–XX вв. (по материалам семейного архива и воспоминаниям членов семей Домогатских–Яблонских)¹

Целью настоящей статьи является освещение судеб поляков, оказавшихся на Северном Кавказе в XIX и XX столетиях, на примере жизненных перипетий семей Домогатских-Яблонских — представителей интеллигенции польского происхождения, которые проживали в Махачкале и Грозном в конце XIX — XX вв. до известных событий в Чеченской Республике в 1990-х гг. Данная тема уже не раз привлекала к себе внимание специалистов, которые преимущественно касались участия поляков в событиях Кавказской войны [1; 3–6; 9]. В нашем случае речь пойдет о людях с польскими корнями, которые были уже хорошо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края», № ППН-21.1/26.

адаптированы в российской среде, пережили процесс аккультурации, а затем и ассимиляции.

По воспоминаниям Н.Н. Яблонской (1923 г.р.) и И.В. Будниковой (девичья фамилия — Яблонская) (1951 г.р.), человеком, от которого берет начало рассматриваемая семейная история, был Сергей Сергеевич Домогатский. Он был сыном православного священника. У него и его жены Татьяны родилось пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Судьба каждого из них по своему показательна. Самый старший из сыновей, Михаил, после неудачной попытки пойти по стопам деда и стать священником (он поступил в духовную семинарию, но, перенеся тиф, оглох) избрал иной путь и стал хорошим бухгалтером. Какое-то время Михаил Домогатский жил в Баку и служил там на таможне, как и его брат Аркадий¹. Аркадий Домогатский, окончив мореходное училище в Баку, был капитаном судна на Каспии, водил его в Ленкорань. Впоследствии работал на бакинской таможне. Константин Домогатский избрал карьеру военного и служил в личной охране императора Николая II, сопровождая его при выездах. При поступлении на службу К. Домогатский собрал о своем происхождении соответствующие справки. Как-то во время скачек он упал с лошади, долго болел, после чего скончался. Отец очень горевал о смерти сына, но, когда произошла Октябрьская революция, сказал, что его сын вовремя умер.

Интересно то, как семья Домогатских оказалась на Кавказе. Первоначально она жила в Сызрани. С.С. Домогатский был обеспеченным человеком, имел двухэтажный дом с амбаром, участок земли, выезд с породистыми лошадьми, которых Сергей Сергеевич выписывал из-за границы. Дети, вырастая, разлетались из родного гнезда. Самым первым уехал Аркадий. Затем С.С. Домогатского постигли большие неприятности. Местные цыгане желали приобрести его великолепных лошадей, но он отказывал им в этом. Тогда неизвестные лица подожгли

¹ На это указывает сохранившаяся в семье почтовая открытка, которая датируется по штемпелю 30.06.1912. В ней знакомый М.С. Домогатского просит у него прощения за какую-то неуместную шутку. Заметим, как написан адрес: «г. Баку, Таможня, ЕВВ (то есть Его Высокоблагородию) Михаилу Сергеевичу Домогатскому».

дом, и С.С. Домогатский вынужден был уехать в Баку к сыну¹. Несмотря на внезапную и болезненную смену места жительства и статуса, он смог адаптироваться к новому положению вещей. Домогатский-старший служил весовщиком на Закавказской железной дороге, а с 1903 г. в г. Порт-Петровске (нынешней Махачкале) в отделении Русско-Кавказского нефтяного общества «заведующим по отправлению минерального масла» (так в воспоминаниях И.В. Яблонской). Сергей Сергеевич прожил долгую жизнь и скончался в возрасте 105 лет. Ко времени Октябрьской революции Домогатские уже жили в г. Порт-Петровске и владели там несколькими домами. После революционных событий семья располагала всего двумя смежными комнатами в одном из этих домов, где до своей смерти проживал М.С. Домогатский с супругой Ольгой.

Вместе с отцом на Кавказ переехали сестры Екатерина и Антонина. До революции Екатерина Домогатская (1886–1971) не работала, а после революции служила телефонисткой, регистратором в медучреждении. Антонина Домогатская до 1917 г. жила вместе с отцом, а в 1917 г. уехала в Баку и поступила на службу кассиром в Бакинскую таможенную, где уже работали ее братья. Екатерина Сергеевна вышла замуж за Н.И. Яблонского, проживавшего в Махачкале, а Антонина Сергеевна, которой отец запретил сочетаться браком с мужчиной, пытавшемся жениться во второй раз, осталась на всю жизнь одинокой, помогая воспитывать сначала детей, а потом внуков сестры. После расформирования таможни в 1918 г. она жила в Махачкале, Гудермесе, а затем и в Грозном, работая служащей в жилотделе, на железной дороге, телефонисткой. За работу в период войны А.С. Домогатская была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В 1949 г. она получила надбавку за выслугу лет в соответствии с постановлением Совета министров СССР № 3184 от 24 июля 1949 г. Как видим, ни дворянское происхождение, ни польские корни, которые в то время могли стать основанием для «подозрений», не сыграли здесь своей роли (или они были скрыты).

¹ Поразительно то, что обеспеченный человек дворянского происхождения оказался столь незащищенным в то время от криминальных элементов.

Судьба Н.И. Яблонского, мужа Е.С. Домогатской, является самой трагической в истории этих семей. Николай Илларионович Яблонский (1884–1937) работал на Грозненской станции связи Орджоникидзевской железной дороги (по другой версии — в Махачкале). Сферой его ответственности был телеграф. Пропала важная телеграмма, и по ложному доносу сотрудника с «литературной» фамилией Грушницкий Н.И. Яблонский был арестован. Но затем у молодого человека «проснулась совесть», и он признался в содеянном. Н.И. Яблонского освободили. После данного инцидента Н.И. Яблонский решил уйти с железнодорожного транспорта и устроился работать бухгалтером в Грозненский городской комитет партии. Однако по неизвестной причине он был арестован 1 января 1937 г., то есть сразу после Нового года (такие сюрпризы были в духе сталинской эпохи). Супруга навещала его в тюрьме, где на свиданиях разрешалось говорить только о домашних делах. Затем семья была извещена о том, что Н.И. Яблонский получил «10 лет без права переписки». Эта стандартная формулировка, что впоследствии стало общеизвестно, на самом деле означала расстрел. Много лет спустя, в конце 1980-х гг., в ответ на многочисленные запросы сына Н.И. Яблонского, В.Н. Яблонского, ему сообщили, что их отец был расстрелян в Пятигорске. В 1994 г. Н.Н. Яблонская, дочь погибшего, получила справку из Генеральной прокуратуры РФ о признании ее пострадавшей от политических репрессий. Согласно данной справке, Яблонский Николай Илларионович, 1884 г.р., репрессирован приговором военной коллегии Верховного суда СССР от 20.07.1937 по статьям 58-8, 58-9, и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР за контрреволюционную деятельность, осужден к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор был приведен в исполнение 20 июля 1937 г.

У Н.И. Яблонского было двое детей, Владимир и Нина. В.Н. Яблонский (1918–2002) родился в г. Порт-Петровске, о чем свидетельствовала соответствующая запись в метрической книге Никольского храма этого города. После окончания средней школы № 2 г. Грозного он поступил в Грозненский нефтяной институт. Однако, вероятно, в связи с арестом отца В.Н. Яблонский

оставил этот вуз и поступил в Дагестанский медицинский институт, который окончил в 1942 г. по специальности «Лечебное дело».

Профессиональная биография В.Н. Яблонского была очень насыщенной. Сначала он работал в Дагестане (в г. Махачкале, с. Уркарах Дахадаевского района Дагестанской АССР) и в Грозненской области врачом санэпидемстанции, эпидемиологом, начальником дезинфекционного отряда и т.д., а после переподготовки — врачом-психиатром. Затем В.Н. Яблонский надолго связал свою судьбу с Магаданом, где работал главным врачом местной психиатрической больницы. Этот период был весьма плодотворным: В.Н. Яблонский был награжден медалью «За трудовое отличие», значком «Отличник здравоохранения». Указом от 18 декабря 1965 г. Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил ему звание «Заслуженный врач РСФСР» за заслуги в области народного здравоохранения. Затем последовала работа в Грозном, вновь на Магадане и опять в Грозном, где в 1974–1994 гг. В.Н. Яблонский работал в Чечено-Ингушской республиканской больнице врачом-ординатором. За все эти годы к нему не возникало вопросов по поводу прошлого его семьи и судьбы отца.

Жизнь его сестры, Н.Н. Яблонской, несла более сильный отпечаток связи с пережитой некогда трагедией. Нина Николаевна Яблонская (1923–2012) в 1941 г. поступила в Грозненский нефтяной институт и в 1946 г. окончила полный курс по специальности «Технология нефти и газа». К счастью, институт не был эвакуирован во время войны, и его студенческо-преподавательскому составу не пришлось испытать всех тех мытарств, которые выпали на долю многих других вузов страны и Северного Кавказа в военные годы [8: 269–319]. Но преподавателям и студентам довелось участвовать в помощи организации обороны Грозного. Н.Н. Яблонская вместе с своими наставниками и товарищами по студенческой скамье была занята на рытье противотанковых рвов на подступах к городу.

После окончания вуза она трудилась в проектных организациях Грозного, связанных с нефтегазовой промышленностью, например, в широко известной многим грозненцам «довоенных» (то есть до 1994–1995 гг.) времен «Гипрогрознефти» (Государственного института по проектированию предприятий

нефтяной промышленности, или в просторечии — ГИПРО) на должностях инженера, старшего инженера, исполняла обязанности начальника проектно-конструкторской группы. Весьма показательно, что от предложений «идти выше» Нина Николаевна решительно отказывалась. Она не переставала бояться, что откроется факт расстрела отца. Страшное и, как тогда казалось, неизгладимое клеймо «дочери врага народа» наложило свой отпечаток на жизнь Н.Н. Яблонской, более 50 лет отказывавшейся говорить на эту тему. На всё, что было связано с памятью об отце, было наложено табу. Никаких общих фотографий семьи, почти ничего из писем, документов, вещей, связанных с жизнью семей Яблонских и Домогатских (кроме нескольких дореволюционных открыток, указывающих на социальное происхождение Домогатских, возможно, забытых и не уничтоженных вовремя), в бумагах Н.Н. Яблонской после ее кончины не осталось. Она подробно рассказала об аресте отца только на Новый 2012 год, за несколько месяцев до смерти. Сталинская эпоха словно чудовищным катком прошла по жизни Нины Николаевны, необратимо изломав ее¹.

В конце 2000-х гг. семья сидела за столом у бабушки Нины и дедушки Вити (мужа Н.Н. Яблонской, В.И. Синельникова, много лет проработавшего в Чечено-Ингушском государственном университете в Грозном, в том числе, на должностях освобожденного секретаря парткома, ректора и заведующего кафедрой). Наблюдая за тем, что происходит в стране, по телевизору, бабушка Нина обратилась к своему зятю Сергею (автору этих строк) со словами: «Это что, Сталина надо?» Такая реакция может показаться невероятной после всего, что пережила Нина Николаевна. Но это только на первый взгляд. Некоторые эпизоды из недавней истории Чечни указывают на то, что Сталина, порой в отчаянье, звали даже такие негнибаемые люди, как чеченские старики, представители народа, массово пострадавшего от деяний «отца народов» [3: 246–248]. Это означало вовсе не любовь к нему, а только то, что других средств для восстановления привычного миропорядка в условиях страшного хаоса

¹ В то же время старший брат Н.Н. Яблонской все же рискнул и сохранил у себя и фото расстрелянного отца, и фото К.С. Домогатского, сделанное личным фотографом Их Высочеств (т.е. Великих князей), Э. Кларом.

двух войн, когда, казалось, рушились даже основы вайнахской нравственности [7: 30], уже не осталось.

Наконец, следует остановиться на социокультурной характеристике членов рассматриваемых семей. Представители ее старшего поколения (С.С. Домогатский и его дети, объединяемые в одну группу ввиду отсутствия видимых социальных и мировоззренческих отличий между ними) были людьми религиозными, православными по вероисповеданию, приверженцами традиционной морали, осознававшими свое социальное происхождение и, возможно, не вполне утратившими свою польскую идентичность. Последнее следует предполагать ввиду того, что они (все или нет, неизвестно) знали польский язык и умели на нем писать. Во всяком случае, в семейном архиве сохранилась открытка, отправленная в Киев (получена киевской почтой 28.10.1906), с адресом на русском, но содержанием на польском, некоей Люцине Витольдовне Яворович, проживавшей по ул. Б. Васильковская, № 130. С ней кто-то из семьи Домогатских (возможно М.С. Домогатский) поддерживал в свое время очень близкие отношения, ибо текст начинается со слов: «Kochana Lucińko...» («Дорогая Люцина...»). Как открытка оказалась затем в Грозном, остается загадкой.

Дочери С.С. Домогатского, Екатерина и Антонина, имели гимназическое образование, умели играть на фортепиано и гитаре, были религиозны, особенно Екатерина (в будущем жена Н.И. Яблонского). Поселившись с мужем в Грозном, она часто посещала храм Архангела Михаила, читала молитвы на церковнославянском языке, соблюдала посты. В семье ее сына В.Н. Яблонского традиционно красили яйца на Пасху, причем внучек к этому не допускали, чтобы следы краски не были заметны на руках и не стали предметом разбирательств в пионерской и комсомольской организациях. Двоюродный брат В.Н. Яблонского, Леонид Владимирович Яблонский, служивший в храме бухгалтером, пел в церковном хоре.

Среднее поколение семей Яблонских (Домогатских) — В.Н. Яблонский и Н.Н. Яблонская (соответственно, 1918 и 1923 гг. рождения) — были хранителями семейной памяти, что особенно относится к Владимиру Николаевичу, хорошо знавшему семейную историю, фрагменты которой он передал своим дочерям. Н.Н. Яблонская была религиозна, соблюдала церковные

праздники, крестила всех своих внуков. Но во внешних проявлениях своей религиозности она была весьма сдержанна — сказались судьба ее отца и факт того, что ее муж длительное время находился на партийных и административных должностях и был убежденным коммунистом. В то же время он не ограничивал свободу совести супруги, глубоко уважая ее за человеческую честность и порядочность.

Брат и сестра Яблонские помнили свое дворянское происхождение, но никак не афишировали его, учитывая историю семьи. Они уже не получили того сословного воспитания, которое было характерно для их класса ранее, но при этом имели твердую нравственную, в том числе религиозную, основу, аристократическую выдержанность, получили хорошее образование и стремились быть на том присущем их бывшей страте уровне, ниже которого находиться было неприлично. В период молодости они старались умалчивать о польских корнях, никак не обнаруживали знания польского языка и, как нам представляется, не имели его. Вообще, тема полячества в сталинский период была в семье под запретом, особенно у Н.Н. Яблонской в момент ее выхода замуж. Утрата соответствующей идентичности братом и сестрой Яблонскими была продиктована не только естественным процессом ассимиляции, но и политическими обстоятельствами. Любопытно, что революционные события 1917 г. двояко сказались на судьбах семей Домогатских-Яблонских. С одной стороны, они утратили свою прежнюю нишу, в рамках которой могли достигать самореализации. С другой, возникшие специфические социальные лифты эпохи социализма (работа в условиях Крайнего Севера) позволили некоторым ее членам обрести новый и достаточно значимый статус (служба на руководящих должностях, присвоение почетных званий).

Если же говорить о младшем поколении (дочери В.Н. Яблонского и его второй жены, А.И. Бугарь, 1950-х гг. рождения, дочери Н.Н. Яблонской), то на этом уровне указанный выше процесс уже завершился окончательно во всех его аспектах. При этом в социокультурном разрезе для дочерей брата и сестры Яблонских характерно стремление к получению высшего образования, занятию достойного места в социуме, следование родителям в области

человеческой и семейной этики и ценностей. Эти же принципы они стараются передать и своим детям, самым младшим в генерации потомков Яблонских-Домогатских, родившимся в конце 1970-х — начале 1990-х гг., носящим уже совсем другие фамилии.

Можно сказать, что ныне живущие поколения этих семей (вторая половина XX — начало XXI вв.) объединены памятью о родителях, дедушках и бабушках. Они желают выявить, сохранить и передать самым младшим, то есть своим детям, а затем и внукам, то, что осталось от семейных воспоминаний и документов. Ныне живущих потомков Яблонских-Домогатских сплачивает мемориальное начало, связанное с жизнью в Грозном — важной вехой истории этих семей, где они прочно оформились как часть русской (русскоязычной) интеллигенции региона. Сегодня они неотъемлемая часть российского общества, давно и необратимо вросшая в него и связывающая свое будущее только с ним. Знание же своих корней помогает потомкам давних выходцев из Польши и тем, кто соединил с ними свою судьбу, осознать многообразие основ возникновения современной России и российского Кавказа, в том числе корней того феномена, который принято именовать «российскостью» [2: 88–100].

Источники и литература

1. Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008.

2. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южнороссийское обозрение. Вып. 45. Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2007. С. 88–100.

3. Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно...: очерки истории и повседневного быта одной семьи в интерьере эпохи: к 190-летию основания города Грозного (1818–2008). Армавир, 2008.

4. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / под ред. В.П. Ермакова. Пятигорск, 2018.

5. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев». Пятигорск, 2019.

6. Кулик М. Поляки на старших и высших должностях в Кавказском военном округе на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 213–226.

7. Осмаев А.Д. Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской республики в 1996–2005 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Грозный, 2009.

8. Панарина Е.В. Социальная политика Советского государства и военная повседневность населения Северного Кавказа в 1941–1945 гг. Армавир, 2017.

9. Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ А.А. ЦЕМБЕР: ОТ УСТЬ-СЫСОЛЬСКА ДО ПЯТИГОРСКА (ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ)

Андрей Андреевич Цембер — известнейший краевед, издатель первых коми книг, лингвист, основатель музейного и архивного дела в Республике Коми, первый исследователь истории региона советского периода. Его сложная биография вобрала в себя все драматические события XX столетия: революции, войны, оккупации, лишения и репрессии.

Прадедом А.А. Цембера был поляк-католик Бернард Цембер, помещик из западнопольского города Калиша. Дед Ксаверий Цембер, офицер польской гвардии, участвовал в польском восстании 1830–1831 гг., был разжалован в рядовые и сослан на Европейский Северо-Восток в г. Усть-Сысольск (с 1930 г. — Сыктывкар), служил в местном гарнизоне, создал семью [5: 255]. Для его сына Усть-Сысольск стал родиной, а внук внес огромный вклад в культурное развитие Коми края. Потомки Ксаверия Цембера живут в Сыктывкаре по сей день.

А.А. Цембер родился в Усть-Сысольске 11 (23) марта 1874 г. Он занимался преподавательской работой, трудился в городской

библиотеке-читальне и на книжном складе, в начале XX в. занялся краеведением: собирал коми фольклор, помогал финским ученым Ю. Вихману и У.Т. Сирелиусу во время их лингвистических и этнографических исследований в Коми крае, тесно общался с коми учеными В.П. Налимовым и К.Ф. Жаковым, издал «Русско-зырянский словарь», два сборника коми сказок и песен — первые книги, изданные непосредственно в Коми крае и посвященные коми культуре [4; 5: 255–268]. В 1911 г. А.А. Цембер организовал в Усть-Сысольске первый в регионе музей (ныне Национальный музей Республики Коми) и отделение Архангельского общества изучения Русского Севера [7]. Это стало важным шагом в развитии научно-краеведческой деятельности в Коми крае.

В 1916 г. А.А. Цембер уехал в Вологду, затем в Юзовку (Донецк) Екатеринославской губернии, но после того как 22 апреля 1918 г. немецкие и австрийские войска заняли Юзовку, решил вернуться в Коми край. На родине он работал в сфере образования и культуры, активно участвовал в дискуссиях, посвященных коми языку и письменности [11: 65–68], в организации охраны памятников старины и искусства, а в 1922 г. возглавил Комиссию по сбору материала по истории революционного движения в Коми автономной области, созданной в 1921 г. [5: 259–260]. Началась его работа как историка-краеведа и архивиста.

23 октября 1922 г. А.А. Цембер инициировал открытие Коми областного архива и стал его первым руководителем [8]. Он организовал сбор материалов для архива [2], в 1925 и 1929 гг. участвовал во Всероссийских съездах архивных работников (избирался в президиум наряду с видным историком М.Н. Покровским), активно работал в Обществе изучения Коми края, с 1923 г. публиковал работы по истории Коми края [10; 12–14].

В конце 1920-х гг. для А.А. Цембера наступили трудные времена. Во время очередной чистки компартии в мае 1929 г. его упрекали в том, что он устроил дома «старый быт», держал в доме иконы. 25 ноября 1929 г. А.А. Цембера исключили из РКП(б) [3]. В 1931 г. в печати Коми области и Северного края А.А. Цембера характеризовали как «кулацкого агента», «великодержавного шовиниста» и «классового врага», но через некоторое время газетная

травля прекратилась. А.А. Цембера восстановили в партии, он занялся сбором архивных материалов и краеведческой работой, преподавал в пединституте [5: 262–264].

19 апреля 1933 г. А.А. Цембер написал в своем дневнике об арестах в Сыктывкаре известных ему краеведов: «Арестовали Батиева и Синцова... Не за уголовное преступление, а за то что-то политическое... Г.П.У. хочет показать, что не даром хлеб ест, а ловит крамолу... Полный произвол. Схватывают и держат за решеткой, а иногда и расстреливают без суда и следствия. Никто не гарантирован, что сегодня жив, а завтра поведут в тюрьму, а там или с голоду подохнешь или расстреляют. Какая наступила дьявольская жизнь!» [11: 131–133].

В 1934 г. А.А. Цембер был обвинен в принадлежности к эсеровской партии (до Октябрьской революции), хотя на самом деле социалистом-революционером никогда не был. По некоторым данным, его хотели арестовать, но это решение было отменено [7]. В январе 1936 г. А.А. Цембер был отстранен от заведования Коми областным архивом, а 2 февраля 1936 г. уволен. Вскоре после этого он принял решение покинуть Коми область и уехал со своей супругой в Пятигорск, где жили его родственники. По сведениям П.Г. Цембера (праправнука А.А. Цембера), его прапрадед уехал к своим дочерям [1]. У одной из них, Нины, и ее мужа он и поселился. (Историк Л.П. Рощевская приводила иные данные, согласно которым А.А. Цембер «списался с проживавшей в Пятигорске сестрой» и уехал к ней [6].)

А.А. Цембер мотивировал отъезд состоянием здоровья, необходимостью лечения на Кавказе, но на самом деле, очевидно, стремился уехать подальше, чтобы избежать возможного ареста. В Коми он больше не вернулся. Полтора года спустя, 30 сентября 1937 г., его сын Георгий был арестован [1]. Прокуратура Коми АССР предъявила ему обвинение в контрреволюционной пропаганде и агитации (печально знаменитая статья 58-10 Уголовного кодекса РСФСР). Вполне возможно, под арестом оказался бы и его отец А.А. Цембер, живи он тогда в Сыктывкаре. Впрочем, если бы дело против Георгия стали активно «раскручивать» дальше, то отъезд А.А. Цембера в Пятигорск его мог бы не спасти. К счастью, в 1938–1939 гг. масштаб репрессий

в стране существенно ослаб. Георгия Цембера освободили, производство по его делу прекратили 14 июля 1939 г. Все родные, включая и живших в Пятигорске, могли вздохнуть с облегчением.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны А.А. Цембер обратился с письмом в Президиум Верховного Совета Коми АССР с просьбой о выделении ему персональной пенсии. Но комиссия по назначению персональных пенсий на своем заседании 14 ноября 1940 г. отказала ему в назначении пенсии, «не усматривая за гражданином Цембером особо выдающихся заслуг перед Коми республикой». Не помогло А.А. Цемберу и письмо его сына Георгия, ставшего к тому времени директором сыктывкарской школы № 14, отправленное в Народный комиссариат социального обеспечения Коми АССР, в котором Г.А. Цембер отмечал «совершенно бесосновательное снятие с работы» своего отца в 1936 г. и «отсутствие всякой поддержки со стороны сидевшего у партийного руководства буржуазного националиста Булышева» [5: 267].

Великая Отечественная война принесла семье Цемберов большое горе. Георгий и двое его братьев погибли в сражениях с гитлеровцами. «Всех трех сыновей моих убили в последнюю войну», — писал позднее А.А. Цембер [4]. Сам А.А. Цембер второй раз в жизни попал под германскую оккупацию. 9 августа 1942 г. Пятигорск был захвачен фашистскими войсками и находился под оккупацией до 11 января 1943 г. Более 3 тыс. горожан были убиты оккупантами, более 800 угнаны в Германию для принудительной работы. Попастъ в число отправленных в Германию почти 70-летний А.А. Цембер, очевидно, мог не опасаться, но оказаться в числе казненных гитлеровцами жителей — вполне. В сентябре 1942 г. оккупанты провели в Пятигорске операцию по уничтожению евреев. А о своем происхождении А.А. Цембер ранее сообщал противоречивые сведения, называя его то польским, то «польско-еврейским», то еврейским [1]. И если в 1920-е гг., в период весьма сложных отношений с Польшей, советскому гражданину лучше было числиться евреем, чем поляком, то при немцах — совсем наоборот. Впрочем, фамилия А.А. Цембера звучала вполне по-немецки, и это, возможно, помогло ему выжить.

Сохранились короткие свидетельства об этом периоде его жизни — две небольшие открытки, отправленные коми писателю

М.Н. Лебедеву в 1946 г. (еще в начале XX в. А.А. Цембер издал в Усть-Сысольске несколько произведений М.Н. Лебедева и в дальнейшем поддерживал с ним связи, нарушившиеся после отъезда А.А. Цембера из Сыктывкара и начавшейся войны, но после ее окончания восстановившиеся). 4 августа 1946 г. А.А. Цембер писал М.Н. Лебедеву: «Жил в 1943 и 1944 г. плохо. Пятигорск был оккупирован немцами, так что все натерпелись. После оккупации тоже было плохо — натерпелись» [4]. 8 июня 1944 г. А.А. Цембер был оформлен сторожем в ремесленную школу Пятигорска. Он получал 500-граммовый хлебный паек и трехразовое питание. Это помогало семье, но работал А.А. Цембер, видимо, не очень долго. Во всяком случае, в середине 1946 г. он писал М.Н. Лебедеву: «Нигде не работаю, т.к. из лет вышел, мне 72 года» [4]. Жилось семье Цемберов очень трудно, они недоедали, супруга А.А. Цембера скончалась («Жена померла на почве истощения от голода», — сообщал он М.Н. Лебедеву в августе 1946 г. [4]).

Вероятно, из переписки с М.Н. Лебедевым А.А. Цембер узнал о печальной судьбе своих коллег-исследователей Г.А. Старцева, А.А. Чеусова, В.П. Налимова, репрессированных в 1930-е гг. Он писал М.Н. Лебедеву: «Я был поражен известием, что С. и Ч. умерли. В таких же условиях помер проф. Налимов. Мне кажется, что мой друг Афанасий Андреевич Маегов тоже помер. Что-то я его часто вижу во сне. В последние годы я много думал и сделался религиозным человеком. Молюсь Богу...» [4]. Вероятно, переписка А.А. Цембера с М.Н. Лебедевым возбудила интерес органов МВД. В июне 1946 г. начальник архивного отдела МВД Коми АССР Н. Попова поднимала личное дело А.А. Цембера, но каких-либо последствий это не имело.

Исследователь, видимо, переживал за судьбу своих библиотеки и архива, находившихся в Пятигорске, хотел, чтобы ими могли пользоваться и после его ухода из жизни. По данным Л.П. Рощевской, в 1949 г. А.А. Цембер намеревался передать в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина некоторые свои книги и статьи, о чем информировала своих читателей даже газета «Правда» [6].

Живя на Кавказе, А.А. Цембер оставался исследователем Коми края. В послевоенные годы он установил контакты с коллегами-

историками из Коми АССР, пытался, несмотря на ухудшившееся здоровье, работать над новыми научными трудами. В 1955 г. А.А. Цембер отправил рукопись своей статьи «Прошлое некоторых финских народов и настоящее после Октябрьской революции» в редакцию журнала «Вопросы языкознания», но статья не была принята к публикации. Редакция прислала автору отзывы на эту работу, в которых было написано, что «автору статьи нельзя отказывать в знакомстве с топонимикой Коми АССР», но статья «представляет собой необработанный материал... иногда с весьма спорными этимологиями автора» [5: 268].

В последние годы жизни А.А. Цембер дорабатывал эту статью, но завершить ее не сумел. Последняя запись в рукописи сделана 16 октября 1957 г. А.А. Цембер страдал онкологическим заболеванием и, скорее всего, уже не мог более работать. Вероятно, поэтому он в конце 1957 г. передал свой архив на хранение в Центральный государственный архив Коми АССР. Л.П. Рощевская писала, что архив А.А. Цембера привез из Пятигорска в Сыктывкар «тогдашний директор республиканского архива М.П. Дмитриков» [6], но это, полагаем, не соответствует действительности. Будущему историку М.П. Дмитрикову в 1957 г. было всего 18 лет, только через семь лет он окончил исторический факультет Рязанского пединститута, а директором архива стал лишь в 1968 г. [9: 45].

Скончался А.А. Цембер в Пятигорске 7 января 1959 г. Один из авторов настоящей статьи в 2021 г. пытался найти на пятигорском кладбище могилу исследователя, но безуспешно. Не удалось пока установить контакты и с потомками А.А. Цембера, жившими на Кавказе. Изучение биографии А.А. Цембера в «кавказский» период его жизни необходимо продолжить с привлечением новых источников.

Источники и литература

1. Артеев А. Труды и жизнь природного зырянина Андрея Цембера // Республика. 2019. 31 марта.
2. Национальный архив Республики Коми (далее — НАРК). Ф. 488. Оп. 1. Д. 5.
3. НАРК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2.

4. НАРК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 23.
5. Они любили край родной / отв. ред. и сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1993.
6. Рощевская Л.П. Спасать историю. URL: <https://project201173.tilda.ws/page3948856.html> (дата обращения: 29.09.2022).
7. Таскаев М.В. Ветеран коми краеведения // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 235.
8. Таскаев М.В. Цембер Андрей Андреевич // Республика Коми: энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. М.П. Рощевский. Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 271.
9. Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН / сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2000.
10. Цембер А.А. Алименты в 17 столетии в зырянском крае или «Дело заказа архиерейских дел Яренского уезда по донесению Жешертской волости Ильинского попа о незаконном прижитии нищезю девкою ребенка» 1690 г. // Коми му. 1927. № 9. С. 45.
11. Цембер А.А. Дневник [1904–1936 гг.]. Сыктывкар, 1997.
12. Цембер А.А. К истории основания Сереговского солеваренного завода // Записки Общества изучения Коми края. 1929. Вып. 2. С. 48–50.
13. Цембер А.А. Первое десятилетие Коми организации ВКП (большевиков). (16 июня 1918 года — 16 июня 1928 года) // Коми му. 1928. № 7. С. 31–39.
14. Цембер А.А. Путешествие академика Лепехина в 1771 и 72 году // Коми му. 1927. № 4–5. С. 54–57.

А.М. Бугаев, Ш.А. Гапуров

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

История строительства государственности горских народов Северного Кавказа является одной из актуальных тем, опыт академического осмысления которой накапливается с 1920-х гг. [4].

В советскую эпоху, особенно с 1960-х гг., преобладали оценки, в основном отражавшие тенденции партийно-идеологического дискурса. Вместе с тем в трудах историков, юристов, занимавшихся научным обобщением исторической практики национально-государственного строительства в СССР в целом, в национальных регионах в частности, включая и северокавказский, уделялось внимание и проблемам концептуального характера, источниковедческим, связям вертикальным и горизонтальным.

Мы не ставили перед собой задачи развернутого анализа широкого спектра историографических проблем. Избрав в качестве объекта своего исследования опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе, накопленный в рамках начального этапа советской модернизации, мы сфокусировали свое внимание на двух проблемах, с нашей точки зрения, достаточно рельефно обозначившихся в последнее время, особенно в связи с празднованием юбилеев северокавказских республик. Во-первых, что такое национальная государственность? Во-вторых, с какого времени правомерно вести периодизацию ее становления?

С нашей точки зрения, национальная государственность есть политико-правовая форма институциональной самоорганизации (самоопределения) этнической общности (этноса, нации), как правило, на исторической территории ее эволюционной трансформации и компактного проживания.

Рубежные этапы многогранного, сложного и противоречивого процесса создания национальной государственности народов Северного Кавказа аргументированно обозначены в трудах отечественных исследователей [4; 19]. Говоря словами известного ученого из Кабардино-Балкарии А.Х. Борова, такое «отслеживание трансформации определенного феномена» [2: 13] дает возможность проследить не только хронологическую последовательность динамики ее легитимации, но и проецировать его траекторию.

Комплексный и объективный подход к оценке совокупности изменений и решений, принятых в рассматриваемое время на различных уровнях общественно-политической иерархии, «позволяет сделать вывод, что начало процессов национально-

государственного строительства у народов Северного Кавказа связано не с Октябрьским переворотом и установлением здесь советской власти, а с Февральской революцией, в которой они увидели прежде всего свободу национального самоопределения» [3: 35]. Наша точка зрения по данному вопросу не полярная. Мы, как и ряд коллег, давно ее аргументированно декларируем в своих публикациях и с трибун академических форумов [4].

Как известно, в государственной практике Российской империи особое место занимал национальный вопрос. Поэтому и в программных документах партий и других политических организаций он являлся одним из ключевых.

После падения самодержавия весной 1917 г. повсеместно в многонациональной России активизировались этнополитические движения, в том числе и на Северном Кавказе.

Как отмечают исследователи, представители горской элиты «одними из первых приступили к организации общественных сил» [15: 14]. 5 марта 1917 г. они коллегиальным решением учредили Временный центральный комитет объединенных горцев. Его руководителем (председателем) был утвержден Басият Шаханов [15: 15] — известный балкарский адвокат и просветитель.

Создание такого органа, бесспорно, диктовалось рядом обстоятельств чрезвычайного характера: во-первых, нарастающим обострением в регионе борьбы за власть, во-вторых, связанным с ней углублением политического раскола, в-третьих, эскалацией межнациональной напряженности в Терской области в целом и в отдельных ее регионах в частности.

В обсуждении ключевых вопросов текущей региональной повестки дня, определения программы и тактики действий важную роль сыграл общегорский съезд, состоявшийся в первой декаде мая 1917 г. в г. Владикавказе.

Учитывая, что эти вопросы нашли подробное освещение в трудах отечественных и зарубежных исследователей [5–8; 10–14; 17; 20], в данном случае мы лишь констатируем, что форум явился важным событием в политической жизни горских народов. Во-первых, он продемонстрировал востребованность горских

вековых традиций, предполагающих соборное решение жизненно важных, судьбоносных вопросов. Во-вторых, никогда до этого проекты национально-государственного обустройства всех горских народов в единстве, проекты принципов их взаимоотношений с российской метрополией, форм их объединительного союза с Россией не обсуждались на столь представительном уровне. При этом очевидно, что горская элита, во всяком случае ее предводители, свои основополагающие идеи не только риторически, а с твердой убежденностью декларировали, рассчитывая, что постимперская Россия будет строиться и развиваться как демократическое федеративное государство. Б. Шаханов эту надежду выразил следующими словами: в «России, несомненно, будет установлена республика, т. е. народоправство с выборным парламентом и выборным и ответственным перед народом правительством во главе с выборным же президентом» [18: 17]. И, развивая этот тезис, отметил: «Свободное государство, республика, даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии» [18: 17]. Поэтому он выражал уверенность, что горцы будут строить новое российское государство — всероссийский союз национальных автономий или демократическую республику — «рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России» [18: 17].

Итоговым решением Первого горского съезда стало официальное учреждение Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Делегаты утвердили его базовые политико-правовые акты: политическую платформу, программу, конституцию [18: 19]. В первом разделе «Политической платформы и программы...» отмечалось, что составными частями Союза горцев являются «все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов» [18: 28]. Во втором разделе документа констатировалось: «Сознавая себя нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства» [18: 28].

После октябрьского большевистского переворота представители горской элиты оказались перед дилеммой радикальной корректировки своих идей и проектов национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Кстати, вождь Белого движения на Юге России генерал А.И. Деникин, даже заподозрить которого в каких-либо симпатиях к горским народам, к их элите нет никаких оснований, в своих знаменитых мемуарах, анализируя события на Северном Кавказе, отмечал, что «политические стремления» горских лидеров, ориентированные на создание независимого государственного образования, обозначились «после падения российского Временного правительства» [9: 175].

11 мая 1918 г. была провозглашена Горская Республика в качестве суверенного государства. Предпринимались безуспешные попытки инициировать ее признание на международной арене.

Бесспорно, прав был Тимур Музаев (1967–2019), известный исследователь политической истории горских народов, который писал: «Несмотря ни на что, лидеры горского движения продолжали верить в Россию. Как ни парадоксально, в душе они не были сепаратистами, чтобы там не говорили о них глупцы и недоброжелатели — как прошлые, так и нынешние. Да, волею обстоятельств... горские лидеры были вынуждены провозглашать суверенитеты и даже выступать с весьма резкими заявлениями против поработителей Кавказа — как белых, так и красных. Но всё-таки они надеялись на будущую Великую и Свободную Россию и открыто говорили, что только в свободном, демократическом, федеративном Российском государстве горские народы Кавказа смогут обрести настоящую свободу и прийти к своему национальному возрождению» [16: 400–401].

Практически одновременно большевистские лидеры, учитывая популярность в национальных регионах бывшей Российской империи лозунга о самоопределении народов, тоже искали варианты его практической реализации. В качестве такого шага можно рассматривать различные республики, провозглашенные по инициативе местных политических кругов в регионах Северного Кавказа.

В марте 1918 г. на Втором съезде народов Терека территория их компактного проживания — Терская область — была объявлена Терской Советской Республикой.

Узун-Хаджи Салтинский, с момента падения царизма совместно с Нажмуудином Гоцинским вынашивавший идею создания имамата, в разгар Гражданской войны провозгласил создание Северо-Кавказского эмирата со столицей в чеченском ауле Ведено — в бывшей ставке имама Шамиля.

Однако и эти номинальные государственные образования, фактически не состоявшиеся, в скором времени — уже весной 1920 г. — исчезли с политической карты Северного Кавказа.

Таким образом, проекты национально-государственного строительства, которые в это революционное время конструировались на Северном Кавказе в основном по тактическим соображениям, так и остались нереализованными. В условиях смертельной схватки за власть, расколовшей российский народ на враждебные полюса, в результате чего разгорелась Гражданская война, охватившая практически всю территорию государства, вряд ли их участь могла быть иной.

В советской историографии, в частности в трудах, посвященных истории национально-государственного строительства, было принято считать, что Терская Республика положила начало строительству советских национальных автономий горских народов. Следующий этап — Горская АССР. Правомерен ли такой подход? Вполне, если учитывать, что речь идет о периодизации советского опыта национально-государственного строительства. При этом необходимо напомнить, что в условиях верховенства в советской исторической науке принципов классового подхода и партийности возможности расширения проблемно-концептуальных рамок не имелось.

По нашему мнению, опыт провозглашения национально-(многонационально-)государственных образований, хотя и декларативный, накопленный в период революций 1917 г. и Гражданской войны (1918–1920 гг.), является уникальным. И с точки зрения объективной оценки реальной (фактической) государственной практики он может рассматриваться в целостности (без полярных знаков) как поиск оптимальных форм строительства

государственности горских народов, как процесс, всецело подчиненный, причем всеми ключевыми акторами, своим «корпоративным» задачам этнической мобилизации.

Период с ноября 2020 г. по июль 2024 г. — это время вековых юбилеев республик Северного Кавказа.

13 и 17 ноября 1920 г. на съездах народов Дагестана и Терской области народный комиссар по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин официально объявил об образовании двух автономных советских социалистических республик (АССР): Дагестанской и Горской.

20 января 1921 г. Президиум ВЦИК издал соответствующие декреты. Таким образом, высший орган государственной власти РСФСР, в составе которой создавались эти автономии, юридически закрепил их статусы.

В состав Горской АССР были включены территории компактного проживания балкарского, ингушского, кабардинского, карачаевского, осетинского (Северная Осетия), чеченского народов, казачьего и иногороднего населения, городов Владикавказа и Грозного. Эта многонациональная республика — форма коллективной автономии — не выдержала груза реально существовавших национальных проблем, недалековидно увязанных в один узел по инициативе и настоянию И. Сталина, скорее всего, самоуверенно руководствовавшегося тем, что его при необходимости можно будет разрубить как узел гордиев.

Но Горская АССР, как отмечал еще в 1924 г. И. Ананов [1], раздираемая внутренними противоречиями, начала распадаться сама. И такой исход, как нам представляется, был неизбежен изначально. Видимо, поэтому, когда Бетал Калмыков, лидер Кабарды, в мае 1921 г., то есть буквально через несколько дней после Учредительного съезда Горской АССР, почти в категоричной форме поставил вопрос о выходе Кабарды из ее состава, Сталин демонстративно спокойно прореагировал на демарш своего кабардинского ставленника.

1 сентября 1921 г. в соответствии с декретом ВЦИК Кабарда получила статус автономной области в составе РСФСР.

В январе 1922 г. примеру Кабарды последовали Балкария и Карачай.

30 ноября 1922 г. была создана Чеченская автономная область. Почти одновременно статус губернского города получил Грозный.

7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена окончательно, в результате чего были созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, а также Сунженский автономный округ.

Так было положено начало качественно новому и устойчиво поступательному (в плане трансформации) этапу национально-государственного строительства на Северном Кавказе, этапу строительства национальных автономий — государственности горских народов.

Источники и литература

1. Ананов И. К преобразованию Горской Республики // Власть Советов. 1924. № 5. С. 160–164.

2. Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник. Вып. 6 / Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. С. 3–27.

3. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

4. Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. (историографический обзор) // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР: сборник статей. Вып. 2. М., 1978. С. 127–150.

5. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика: история несостоявшегося государства. 1917–1920. М., 2018.

6. Гусейнова И.С. Горская республика: зарождение, становление и причины падения (1917–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

7. Гутиева М.А. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1921–1939 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2011.

8. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб., 2009.

9. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 3, т. 4–5: Вооруженные силы Юга России. М., 2003.

10. Деникинская «автономия» в Дагестане. 1919–1920 гг. Исследования и материалы / сост. и авт. комм.: Х.М. Доного. Махачкала, 2018.

11. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке. Владикавказ, 2003.

12. Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018.

13. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

14. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи. М., 2015.

15. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. М., 2007.

16. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. 2-е изд. испр. доп. Нальчик, 2012.

17. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016.

18. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы. 2-е изд., испр., доп. Махачкала, 2013.

19. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.

20. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и национально-государственное строительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014.

Е.Ф. Кринко

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА КАВКАЗЕ В 1917–1950-х гг. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Вопросы национальной политики в СССР и национально-государственных преобразований на Кавказе в советский период давно и небезуспешно разрабатываются различными исследователями. Наличие предшествующих историографических трудов [11; 22; 24; 37 и др.] позволяет не останавливаться на опыте советских историков. В рамках данной работы предметом изучения является современная историография проблемы, относящаяся к трем последним десятилетиям. Начальной точкой отсчета выступает распад СССР, вызвавший серьезные изменения в организации и содержании исторических исследований на всем постсоветском пространстве. Они позволяют говорить не только о новом этапе в развитии отечественной (с 1990-х гг. — российской) историографии, но и о появлении самостоятельных национальных исторических школ в южнокавказских государствах, более не связанных между собой ни единой научной инфраструктурой, роль которой выполняли академические учреждения и вузы, ни общей исследовательской парадигмой. Дополнительную актуальность изучению национально-государственных преобразований советской эпохи придают этнополитические процессы последних десятилетий, позволяющие говорить о «параллелизме» событий [24: 9]. Они стали определенным вызовом и для западной историографии, давшим импульс исследованиям советского опыта нациестроительства как исторического феномена.

Новый этап в развитии отечественной историографии проблемы в значительной степени связан с общим изменением обстановки в стране, появлением новых подходов в изучении советского прошлого, рассекречиванием документов архивов,

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН (проект № 122020100347-2).

широким разнообразием мнений и оценок в отношении рассматриваемых проблем. В частности, получили распространение интерпретации советской национальной политики, основанные на «подходах социально-культурной антропологии и новейших достижениях в области изучения этничности, национализма и этнических конфликтов» [33: 12]. Представляет несомненный интерес опыт картографирования А.А. Цуциевым этнических и национально-государственных процессов [39].

Немаловажное место занимает и переосмысление теоретических и методологических аспектов проблемы, используемого терминологического аппарата, включая сами понятия «национальной государственности», «национальной автономии» и «советской национальной государственности», ее природы и типологии. Т.П. Хлынина обращала внимание на то, что понятие «советской национальной государственности» принадлежит к числу специально созданных, а представления о ней «складывались под воздействием не столько научных, сколько политических и идеологических потребностей общества», вследствие чего имеющиеся определения не могут «охватить собою все реальное многообразие ее форм» [37: 29].

Унаследованная от предыдущего этапа в развитии историографии специализация исследований выражается в том, что внимание большинства российских историков концентрируется на изучении советского опыта национально-государственных преобразований на Северном Кавказе и в его регионах. Ввод в научный оборот значительного количества документов позволил существенно расширить представления о самом механизме выработки и реализации советской национальной политики в данном регионе. Новые оценки данным процессам даны в работах Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова, А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе, Ю.Ю. Карпова, В.Г. Шнайдера и других историков, отказавшихся от прежних идеологических стереотипов [9; 14; 18; 19; 23; 28; 32; 36; 42 и др.]. Переосмыслены на новой источниковой базе причины создания, кризиса и ликвидации Горской АССР, территориальные споры между входившими в ее состав округами. Эти разногласия, сопровождавшиеся изменением границ национальных автономий, и в настоящее время остаются в числе

наиболее острых и болезненных вопросов, в изучении которых сказываются негативные этнические стереотипы.

Исследователями раскрыта роль, которую сыграли в становлении национальной государственности у народов Северного Кавказа различные советские лидеры и структуры — Народный комиссариат по делам национальностей [40], представительства автономий [32 и др.]. Появились специальные исследования, посвященные несоветским государственным образованиям на Северном Кавказе (в первую очередь Горской республике), которые в советской историографии считались контрреволюционными [15; 19; 26 и др.]. В связи с этим вызывает дискуссию вопрос о начале процессов национально-государственного строительства у народов Северного Кавказа, в ряде современных работ связываемом «не с Октябрьским переворотом и установлением здесь советской власти, а с Февральской революцией, в которой они увидели прежде всего свободу национального самоопределения» [9: 35]. Всё больше внимания вызывает национальная политика в так называемых «русских» районах Северного Кавказа, коренизация и формирование аппарата управления, мероприятия в области языка, образования и культуры [1–3; 35 и др.].

Переосмысление роли советских руководителей в судьбе народов Северного Кавказа обычно выражается в критике деятельности И.В. Сталина по разработке и реализации советской национальной политики, начиная с выдвигавшегося им плана автономизации в противовес ленинской идее федеративного устройства страны и заканчивая политическими репрессиями в отношении национальных элит и интеллигенции. Постепенно вызывает интерес и деятельность местных лидеров: так, осуждению подвергается за осуществление массовых репрессий партийный и государственный руководитель Кабардино-Балкарии Б.Э. Калмыков [9: 54].

Широкое освещение в историографии 1990–2000-е гг. получили вопросы принудительных переселений части народов Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны и их последствий. Особенно значительную роль во введении в научный оборот комплекса новых источников, раскрывающих данные вопросы, среди которых выделяются документы высших органов государственной власти СССР, сыграл Н.Ф. Бугай [12; 13]. Новые исследования

позволяют проследить порядок проведения депортаций и связанных с ними национально-государственных преобразований на Северном Кавказе, выяснить общее количество выселенных граждан, особенности их положения в принудительной ссылке. Большинство исследователей расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции, отдельные авторы говорят о геноциде в отношении репрессированных народов [8; 27; 29; 31; 38; 41 и др.].

В то же время причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Формальным поводом для нее послужили стандартные обвинения отдельных народов в поддержке захватчиков в период нацистской оккупации региона, создании бандформирований, нападавших на советские войска во время битвы за Кавказ. В настоящее время эту оценку разделяют отдельные авторы, приводящие данные о массовом переходе на сторону противника, дезертирстве и уклонении от службы в РККА представителей репрессированных народов [30: 267–269]. Значительная часть исследователей отвергает данные объяснения, указывая на то, что они основываются на данных избирательно используемых архивных фондов, и считая подобные оценки неуместными по отношению к целым этносам [6: 64].

Многие историки видят корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима, полагая их средством стирания национальных различий, способом решения межнациональных противоречий, а также приводят «соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов» на востоке страны [33: 24 и др.]. Часть северокавказских историков находит причины депортаций отдельных народов региона в стремлении Сталина расширить территории Грузии, а также в попытках ряда руководителей региона переложить на эти народы ответственность за провал партизанского движения (подробнее: [24: 192–194]). Возражая им, другие историки отмечают, что территории передавались не только Грузинской ССР, а выселению подвергались и народы, не граничившие с ней [38: 7–8].

Всё больше внимания стало уделяться и проблемам реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа. При этом отмечается, что партийные и государственные органы оказывали по возвращении репрессированным народам немалую помощь,

но в целом реабилитация конца 1950-х — начала 1960-х гг. носила половинчатый характер. Реабилитационные мероприятия 1989–1990-х гг. получили положительную оценку большинства исследователей. В то же время отдельные специалисты, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывают на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, в которой находилась Россия, так и с непродуманностью самих актов [27: 122–124].

В зарубежной и эмигрантской историографии широкое распространение получили представления о том, что репрессивная и русификаторская политика СССР выступала продолжением курса Российской империи на подчинение и ассимиляцию покоренных народов (Р. Пайпс, А. Авторханов и др.). Сторонники теории тоталитаризма приписывали большевикам тенденцию к гомогенизации, считая, что они «стремились силой навязать свое представление о порядке всем группам населения разнородной по составу империи и искоренить неопределенность, порождаемую подобным многообразием» [20: 262–263]. Немало внимания уделяется политике репрессий на Кавказе, проведению «национальных» операций НКВД [5; 7 и др.].

Новый взгляд на характер межнациональных отношений и национальную политику в СССР предложил Т. Мартин. Он назвал СССР «первой в мире империей положительной деятельности» [25: 10], которая в отличие от всех прежних империй поддерживала существование и развитие национальных меньшинств на территории бывшей Российской империи в гораздо большей степени, чем русских как национального большинства. Т. Мартин отказался считать СССР и федерацией, и моноэтническим государством, полагая, что его отличительной чертой являлась систематическая поддержка «внешних форм существования наций — территории, культуры, языка и элит» [25: 28]. Последующие изменения в советской политике и идеологии 1930–1950-х гг., связанные с отказом от национал-большевизма в пользу русского национализма, в чем особенно важную роль сыграли события Великой Отечественной войны, проанализировал Д. Бранденбергер [10].

Современную историографию стран Южного Кавказа отличает стремление к отказу от советского прошлого и созданию собственной национальной истории и мифологии. Хотя это стремление по-разному проявляется в отдельных государствах, общим для всех является апология республик, образовавшихся после распада Российской империи, как опыта независимой национальной государственности, предшествующего современному развитию Азербайджана, Армении и Грузии. Вступление на их территорию Красной армии в 1920–1921 гг. рассматривается как оккупация и свержение независимых национальных правительств, а процессы советизации и большевизации подвергаются осуждению. Значительное внимание уделяется антисоветским восстаниям и другим актам сопротивления советской власти, политическим репрессиям.

В грузинской историографии особую остроту вызывают вопросы территориальной целостности страны. Национальные движения в Абхазии и Южной Осетии, считающихся неотъемлемыми частями Грузии [16], рассматриваются как сепаратистские, а объяснения трудностей в грузино-осетинских и грузино-абхазских отношениях «не идут дальше тривиальных рассуждений о происках “внешних сил”, в частности, “имперских и великодержавно-шовинистических кругов России”» [4: 172].

Для азербайджанской и армянской историографии характерны взаимные обвинения в фальсификации истории [17; 34 и др.], при этом союзное руководство критикуется за поддержку соперников, в том числе при определении границ советских республик. Так, азербайджанские историки полагают, что Советская Россия «последовательно проводила политику уступок Араратской Республике в вопросе азербайджанских территорий» [21: 214]. В то же время в отличие от других партийных руководителей положительно оценивается деятельность Н. Нариманова, который стремился «восстановить власть республики» над ее территориями [21: 205, 215]. В армянской историографии считается, что «РСФСР и кемалисты использовали мифотворческую риторику борьбы против империализма для перераспределения территории Армении в собственных видах» [34: 382].

В целом в современной историографии предложены новые подходы (от интеллектуальной истории до исторической

антропологии) к пониманию вопросов разработки и реализации национальной политики в СССР и национально-государственных преобразований на Кавказе в советский период, даны их новые оценки. Благодаря в первую очередь российским исследователям и публикаторам в научный оборот введен значительный комплекс новых источников по рассматриваемой проблеме, что закладывает предпосылки ее дальнейшего изучения. Необходимо учитывать и кардинальные изменения во взаимоотношениях отечественных и зарубежных ученых, значительно расширившие возможности их сотрудничества и научного обмена в 1990–2000-х гг.

Среди зарубежных исследований проблемы особый интерес представляет «новая теория империи». Обращение к вопросам идентичности, духовным и социокультурным процессам открывает новые перспективные направления исследований. Напротив, возможности тоталитарной теории в изучении советской национальной политики и национально-государственных преобразований на Кавказе представляются практически исчерпанными. Ее сторонники не смогли предложить в объяснении причин, по которым СССР прекратил свое существование, ничего нового, кроме тривиального вывода о неизбежности распада всех империй [25: 34].

К сожалению, в близком направлении отрицания советского опыта в значительной степени развивается и постсоветская историография в южнокавказских государствах, тем более отягощенная грузом этнических предубеждений вследствие нерешенных противоречий и конфликтов. Это неизбежно сокращает диапазон возможностей научного диалога как одного из важнейших факторов и условий появления новых исследований.

Источники и литература

1. Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д.–Таганрог, 2020.
2. Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д., 2014.
3. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России: идеология и практики управления 1917–1941 гг. М., 2020.

4. Анчабадзе Ю. Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003. С. 159–175.

5. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М., 2011.

6. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

7. Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т. / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. М., 2015.

8. Борлакова З.М. Депортация и репатриация карачаевского народа (1943–1959 гг.). М., 2005.

9. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

10. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб., 2009.

11. Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. Историографический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Вып. II / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1978. С. 127–150.

12. Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

13. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.

14. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994.

15. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика: история несостоявшегося государства, 1917–1920. М., 2018.

16. Гамахария Д., Гогия Б. Абхазия — историческая область Грузии. Тбилиси, 1997.

17. Гасымлы М.Д. Азербайджан, Армения и Турция в 1920–1994 гг.: реальная история. М., 2016.

18. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 г. СПб., 2009.

19. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке. Владикавказ, 2003.

20. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.

21. Исмаилов Э. Очерки по истории Азербайджана. М., 2010.

22. Камалдинов Е.С. Советская национальная государственность на территории Северного Кавказа в 1917–1924 годы в отечественной историко-юридической науке. Пятигорск–Минеральные Воды, 2011.

23. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

24. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д., 2009.

25. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

26. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. 2-е изд. Нальчик, 2012.

27. Народы России: проблемы депортации и реабилитации / отв. ред. Н.Ф. Бугай. Майкоп, 1997.

28. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

29. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

30. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008.

31. Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004.

32. Северный Кавказ: выбор пути национального развития / отв. ред. Н.Ф. Бугай. Майкоп, 1994.

33. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф. 1993 г. / отв. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 9–34.

34. Тунян В.Г. Фальсификация истории восстановления армянской государственности в азербайджанской историографии. Ереван, 2018.

35. Туфанов Е.В. Кадровые региональные управленцы в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018.

36. Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

37. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.

38. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999.

39. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

40. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003.

41. Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999.

42. Шнайдер В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 — конец 1950х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007.

А.В. Баранов

ИСТОЧНИКИ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РКП(Б) – ВКП(Б) НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1921–1924 гг.) В ФОНДАХ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹

Российское общество нуждается в переосмыслении исторического опыта национальной политики на Северном Кавказе,

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

в аргументированном обосновании государственного единства, межэтнического согласия, преемственности созидательного развития. Поэтому, как видится, тема настоящей статьи обладает растущей актуальностью. Возрастает значение документальных комплексов архивохранилищ, в том числе малоизученных, к которым относятся источники о национальной политике РКП(б)–ВКП(б) 1920-х гг., отложившиеся в фондах Центра документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК).

Национальная политика первой половины 1920-х гг., проводившаяся в регионах с преобладанием русского населения, в том числе в Кубано-Черноморье, привлекала значительно меньше внимания историков, нежели национальная политика в автономных образованиях Северного Кавказа [8: 8–38]. Исследовался в основном статус, состав и расселение русских в автономиях и порубежных с ними местностях (см. монографию Г.С. Денисовой и В.П. Уланова) [7: 59–71, 87–103]. Достаточно глубоко изучены институты и практики политики в отношении этнических меньшинств Дона и Кубани, чему посвящены работы В.З. Акопяна [2] и А.В. Аверьянова [1]. Изучение материалов Кубано-Черноморья преобладает в работах, освещающих историю создания Адыгейской (Черкесской) автономной области [4] и украинизацию [3; 5]. Позиция научного коллектива (А.В. Баранов, В.В. Касьянов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков) состоит в том, что межэтнические отношения и этнополитика 1920-х гг. в автономиях и регионах с преобладанием славянского населения должны анализироваться в качестве неразделимого взаимосвязанного комплекса при учете преемственности с опытом имперской России [6: 13–30]. Но к настоящему времени системные источниковедческие исследования документов ЦДНИКК о национальной политике первой половины 1920-х гг. еще не проводились.

Цель статьи — оценить эвристические возможности источников о национальной политике РКП(б)–ВКП(б) на Северном Кавказе, отложившихся в фондах ЦДНИКК. Данная статья обосновывает проект издания тематического сборника документов.

При отборе, типологизации и интерпретации источников мы взяли за основу принципы системности, историзма и объективности. Учитывается идеологический и политический контекст

создания того или иного документа, уточняется авторство проектов резолюций и аналитических докладов.

Источники о национальной политике в фондах ЦДНИКК отражают сложные преобразования административно-территориального устройства Юга РСФСР в 1920-х гг. Так, в фонде 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)) хранятся многочисленные копии протоколов Юго-Восточного краевого бюро ЦК РКП(б) за 1921 — апрель 1924 гг. и Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) за май–октябрь 1924 гг., а также материалы к ним, поскольку эти органы были руководящими по отношению к обкомам [11]. В фондах 8, 9, 12 и 2816 отражены директивы и отчетные доклады, переписка окружных комитетов Коммунистической партии (Кубанского, Черноморского, Армавирского и Майкопского) с вышестоящим Северо-Кавказским крайкомом за октябрь 1924–1929 гг. Следует учитывать и усиление централизованных начал в партийно-государственной системе власти на протяжении изучаемого периода, рост влияния органов государственной безопасности, что подтверждается информационными сводками и обзорами ОГПУ, его территориальных (окружных и районных) отделений. Цели, методы и конкретные мероприятия национальной политики определялись партийными органами, а роль исполкомов Советов и их отраслевых подразделений (отделов народного образования, печати) была исполнительской.

Документы фондов 1, 8, 9, 12 и 2816 ЦДНИКК позволяют установить изменения приоритетов национальной политики в зависимости от общей ситуации на Юго-Востоке России (с лета 1924 г. — в Северо-Кавказском крае). Например, период 1921 — лета 1924 гг. характеризовался преобладанием военных задач (подавления «политического бандитизма») ввиду продолжения массовых повстанческих выступлений и слабости местных кадров управления. С осени 1924 по 1927 гг. на первый план выходят задачи укрепления низовых органов власти (сельских и аульных Советов), достижения гражданского и межэтнического мира. Период 1928–1929 гг. отмечен втягиванием региона в форсированную коллективизацию, сопровождаемую сломом традиционных общественных институтов: земельной общины,

религиозных организаций, форм самоуправления. По мере укрепления системы власти центр принятия решений неуклонно перемещался от государственных органов к партийным. Постепенно происходила переплавка, преобразование многоукладного нэповского общества в общество государственно регулируемое, советское. Неотъемлемой частью этого сложного процесса была социокультурная интеграция многочисленных народов вследствие их участия в модернизационном проекте.

Применительно к событиям начала нэпа важна резолюция пленума Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) совместно с секретарями губернских комитетов партии от 3 февраля 1922 г. В ней отмечается спад численности «политбанд» по Юго-Востоку России с 10 тыс. чел. к началу августа 1921 г. до 2250 чел. к началу 1922 г., но признается сохранение факторов политической и экономической нестабильности. Краевой руководящий центр власти поставил задачу перехода от «продразверсточных», карающих к политическим методам воздействия на массы, разложения повстанчества изнутри агентурной и агитационной работой. Большое внимание уделялось разоблачению националистических движений в автономиях Северного Кавказа, особенно в Чечне [9: 10]. На заседании Юго-Восточного бюро ЦК 29 июля 1922 г. признавалось «резкое понижение бандитизма и почти полное уничтожение политического бандитизма», что позволило ликвидировать областные военные совещания. В то же время отдельные области могли и впредь объявляться «неблагополучными по бандитизму» в решениях областных партийных, советских и военных органов с разрешения Крайвоенсовещания [10: 5–5 об.]. Жалобы мирного населения на налеты уголовных банд, угонявших заложников и скот, продолжались до 1925 г. [12: 34 об.]. Усиление бандитизма отмечалось уже на заседании Юго-Восточного бюро ЦК 20 декабря 1923 г., что повлекло за собой объявление большинства автономий неблагополучными по бандитизму и сохранение в них частей особого назначения. Такой режим несколько раз продлевался в течение 1924 г. [13: 84].

Вместе с тем из докладов о ходе продналоговой кампании в Терской губернии, Дагестанской и Горской АССР на заседании Юго-Восточного бюро ЦК 6 сентября 1922 г. ясно, что

местные органы управления вели сбор налога насильственно, с произвольным определением размера обложения, надеясь на военную силу. Такой подход был осужден краевым руководством [11: 3, 11]. Инициатива создания чрезвычайных троек и комиссии по борьбе с бандитизмом исходила от руководства Кабардинской автономной области (АО), что дважды, 28 сентября и 12 октября 1922 г., отвергали члены краевого бюро ЦК [11: 23 об., 27]. 1 декабря 1922 г. было отменено решение Карачаево-Черкесского организационного бюро РКП(б) о введении в автономии военного положения [11: 44 об.].

12 сентября 1922 г. Юго-Восточное бюро ЦК по докладу Н.Ф. Гикало и М.К. Левандовского создает специальную комиссию по вопросу о политическом положении Горской АССР и мерах его улучшения [11: 11]. Одновременно обсуждались вопросы о положении Кабардинской и Карачаево-Черкесской АО. Были поставлены задачи квотного представительства народов в местных и областных органах управления, укрепления кооперативов и профсоюзов, проведения совместных заседаний органов управления соседних автономий для урегулирования конфликтов. Разрешался переход от назначаемых революционных комитетов к выборным Советам, добровольная служба горцев в РККА и отрядах народной милиции, набор представителей народов Северного Кавказа в советско-партийную школу [11: 13, 14 об., 20 об.].

Характерно и то, что краевой руководящий орган РКП(б) обычно становился на сторону автономий в случае возникновения разногласий с соседними областями. Так, 18 октября 1922 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК по докладу Ш.-Г.У. Хакурате одобрили организацию Адыгейской (Черкесской) АО и создали комиссию для решения спорных вопросов с Кубано-Черноморской областью, в автономии разрешили амнистию добровольно сдавшихся повстанцев [11: 29, 31]. 9 апреля 1923 г. краевое бюро предложило Кубано-Черноморскому и Адыгейскому (Черкесскому) обкомам РКП(б) установить тесные отношения и координировать работу в рамках организационных отделов. Предлагалось освободить партработников от «мелочной опеки» советского аппарата [12: 42–42 об.].

Важным направлением деятельности Юго-Восточного бюро ЦК было разрешение конфликтов, возникавших как вследствие

кланово-родственных отношений в автономиях, так и ввиду кадровой слабости партийных и государственных организаций. Например, часто менялось руководство Дагестанского обкома РКП(б) и Карачаево-Черкесского обкома РКП(б), причем враждующие группировки возникали и на этнической, и на сословно-классовой основе. В Дагестан пришлось направить К.Е. Ворошилова для контроля над выполнением директив (февраль 1922 г.). Принимались меры усиления связи партийной организации с местным населением, налаживания работы комсомола, женских и кооперативных организаций, кружков самообразования и политической грамоты, выдвижения представителей «титовых» народов на руководящие должности [11: 48, 51]. Как выразился секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян на заседании бюро 29 июля 1922 г., «в Горской республике уездный аппарат Советов не существует, на первом плане — укрепление соваппарата, ГПУ, армии» [11: 81].

Значительную роль в национальной политике РКП(б) на Северном Кавказе играли меры определения границ и статуса автономий. На протяжении 1922–1924 гг. многократно обсуждались вопросы образования новых автономных областей, что к августу 1924 г. привело к упразднению Горской АССР. В частности, 5 января 1923 г. Юго-Восточное бюро ЦК напрямую подчинило себе Чеченскую областную и Грозненскую окружную партийные организации, выведя их из подчинения Горского обкома РКП(б). Вследствие слабости партийных кадров в Чеченской АО было создано Чеченское оргбюро РКП(б) с паритетным представительством национальностей [12: 1–1 об.]. Неоднократно обсуждался статус Кизлярского округа, заселенного в основном русскими и ногайцами, тем не менее переданного в 1922–1923 гг. из состава Терской губернии в Дагестанскую АССР. Как правило, местные и краевые инстанции выступали за возврат округа Северо-Кавказскому краю (1924–1926 гг.), но неизменно верх брала позиция ЦК РКП(б) в пользу Дагестана [12: 4 об.]. Земельный конфликт между Горской АССР и Кабардино-Балкарской АО был в июне 1923 г. передан в ведение выездной сессии особой коллегии высшего контроля по земельным спорам при ВЦИК РСФСР, причем краевым органам приходилось принимать к сторонам

примирительные меры [12: 71; 13: 8]. В сентябре 1923 г. дело дошло до столкновений отрядов самообороны конфликтующих автономий из-за с. Лескен, а на границе между Чечней и Дагестаном были созданы смешанные отряды пограничной охраны [13: 25, 28]. В декабре 1923 г. часть Северо-Осетинской парторганизации (в Дигории) выступила за автономию Осетии в рамках Горской АССР, что создало острый конфликт внутри ослабленной разделами республики [13: 86].

Одновременно краевые инстанции выступали против передачи г. Грозного либо его части в состав Чеченской АО, ограничиваясь отчислениями треста «Грознефть» в бюджет Чечни, и такая передача состоялась лишь в 1929 г. в новых условиях индустриализации. Постоянно обсуждался вопрос привлечения горцев на промышленные предприятия и в органы милиции г. Грозного, что удавалось в далеко не полной мере [13: 61, 64].

На основе резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г. активизировались меры коренизации — внедрения региональных языков в делопроизводство и все проявления общественной жизни, ликвидации неграмотности на региональных языках. Это направление политики было призвано ограничить влияние исламского духовенства, вытеснить из употребления арабскую письменность. Так, в докладе Юго-Восточного бюро ЦК о состоянии Дагестанской парторганизации от 28 июля 1923 г. с тревогой отмечался рост влияния духовенства. Предлагалось постоянно и осторожно освобождать массы из-под религиозного влияния, изъять вакуфные земли для финансирования взаимопомощи беднейших слоев земледельцев. Краевой властный центр предлагал поддержать намечающийся раскол исламского духовенства, ограничить его финансовые и правовые возможности, запретить шариатские суды на основе опыта Кабардино-Балкарской АО [13: 10]. В целом, однако, период 1924–1927 гг. характерен наибольшей терпимостью в государственно-исламских взаимоотношениях, проявлениями полиюридизма и разрешением религиозного образования.

Представляет значительный интерес решение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) от 14 декабря 1923 г. о согласии с организацией украинской секции при Кубано-Черноморском обкоме РКП(б). Из данного протокола бюро № 68 ясно, что решение

принималось во исполнение постановления расширенной коллегии Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б). Прежде всего, речь шла об украинизации школ и усилении партийной и советской работы среди той части населения, которую органы власти объявили украинцами [13: 77]. Активизация этого курса приходится на 1925 г., когда была создана краевая секция при агитационно-пропагандистском отделе крайкома РКП(б), проведено краевое совещание по украинизации. Соответствующие усилия органов власти были распространены также на округа бывшей Донской области, Терский и Ставропольский округа. Документы убедительно свидетельствуют о том, что украинизация была именно инициативой органов власти и встречала упорное сопротивление большинства населения Юга России. Парадоксальным образом одновременно совершается оправданное возвращение Таганрогского и Шахтинского округов из состава Украинской ССР в РСФСР.

Штаты подотдела национальных меньшинств краевого бюро ЦК, которому надлежало вести всё более разнообразную работу, оставались весьма скромными. По проекту постановления Юго-Восточного бюро ЦК от 19 января 1924 г., для всей Кубано-Черноморской области предусматривалось лишь три инструктора (по работе среди украинцев, греков и армян), трое для всей Донской области и по одному инструктору для Терской и Ставропольской губерний, Горской АССР и г. Грозного [14: 16].

В первой половине 1924 г., судя по документам, активизируется деятельность Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству административно-территориальной реформой («районированием»). Так, на заседании № 7 от 17 февраля 1924 г. члены краевого бюро предписали Краевому экономическому совету образовать комиссию по определению границ будущей Юго-Восточной области (в итоге переименованной в Северо-Кавказский край). Крайэкономсовету было поручено разработать план районирования, создав низовую территориальную сеть (округа) до октября 1924 г. Вопрос о статусе Горской АССР предполагалось оставить открытым до возвращения секретаря бюро ЦК А.И. Микояна из Москвы. В то же время члены Юго-Восточного бюро ЦК настаивали на включении в состав будущего региона Дагестанской

АССР, в том числе Кизлярского и Ачикулакского районов, где народы Дагестана насчитывали не более 10% жителей [14: 29]. Можно заключить, что границы Северо-Кавказского края были определены при деятельном участии руководителей региона: А.И. Микояна, Б.П. Позерна, Н.Б. Эйсмонта, В.Н. Хронина.

Таким образом, архивные документы ЦДНИКК за 1921–1924 гг. достаточно системно характеризуют цели, ресурсы и организационные формы, идеологический дискурс национальной политики. Среди важнейших аспектов данной политики следует выделить выбор статуса автономий и их границ, формирование в автономных областях органов управления, подготовку руководящих кадров и их коренизацию, землеустройство, государственно-конфессиональные отношения.

Ценность представляют также протоколы заседаний бюро и секретариата краевого комитета РКП(б)–ВКП(б). Они содержат сведения, не становившиеся открытыми в партийной пропаганде, в том числе отчетные и аналитические записки органов государственной власти, информационные сводки и отчеты полпредства ОГПУ по краю.

Комплекс охарактеризованных источников целесообразно опубликовать в виде тематического сборника документов, что особенно актуально накануне 100-летия СССР и внесет вклад в совершенствование научных представлений о национальной политике в раннесоветском обществе.

Источники и литература

1. Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.
2. Акоюн В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск, 2015.
3. Баранов А.В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932 гг.): замыслы, реакция сообщества, результаты // Наследие веков. 2021. № 3. С. 31–42.
4. Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Формирование национальных автономий на Северо-Западном Кавказе в 1920–1924 годах // Научный диалог. 2021. № 11. С. 282–298.

5. Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века). М., 2014.

6. Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг. / В.В. Касьянов, А.В. Баранов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков. Краснодар, 2021.

7. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д., 2003.

8. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д.А. Аманжолова, К.В. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов. М., 2021.

9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 195.

10. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196.

11. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199.

12. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290.

13. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

14. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 348.

П.И. Абайханова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР (1930–1940-е гг.) КАК НЕОТЪЕМЛЯЕМАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы историографии сталинских репрессий, вошедшие в круг внимания ученых лишь с началом перестройки, так как ранее данная проблема не могла быть самостоятельным объектом изучения в силу идеологических и политических факторов. Не претендуя на комплексное рассмотрение проблемы, автор статьи предпринимает попытку на основе анализа документов и научных исследований, посвященных политическим репрессиям в 1930–1940-е гг.,

выявить круг вопросов, наметить пути и методы дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы.

Среди первых работ, посвященных политическим процессам в СССР, можно выделить статью Л.Н. Лопатина, в которой впервые было предпринято осмысление истории репрессий в 1920–1930-х гг. в историографическом аспекте. Реализация репрессивной политики и судебные политические процессы конца 1920–1930-х гг. в СССР рассматриваются автором как «сфальсифицированные» официальной властью» [7: 146]. Л.Н. Лопатин отмечает, что «по имеющимся в открытом доступе архивным материалам можно установить время начала массовых репрессий, их направленность в разные годы, масштабы, фамилии репрессированных и даже предположить механизм фабрикации дел» [7: 147].

Теоретические трудности, связанные с изучением политических процессов в СССР, обусловлены также тем, что в настоящее время существуют различные подходы к пониманию массового террора. В рамках одного из таких подходов параллельно с разработкой проблемы массовых репрессий идет процесс изучения судебных политических процессов и их места в массовом терроре. В этом плане актуальна статья О.В. Хлевнюка «“Большой террор” 1937–1938 гг. как проблема научной историографии» [12]. Последовательное конкретно-историческое рассмотрение данной проблемы автор тесно связывает с «архивной революцией» 1990-х гг., «способствовавшей освоению архивов советского периода» [12: 433].

Несмотря на большое количество работ, посвященных некоторым аспектам данной проблемы, многие очень важные вопросы остаются неизученными. В результате преобладания работ, написанных по истории депортированных народов, остаются малоизученными репрессивные акции со стороны государства в отношении крестьянства, связанные с «ликвидацией кулачества как класса». Между тем для успешного анализа эволюции взаимоотношений власти и представителей групп населения с «нетрудовыми доходами» в 1930–1940-е гг. исследование судеб граждан, лишенных избирательных прав, представляется очень важным и перспективным.

Из имеющихся работ этого направления наибольшую ценность для нас представляет монография В.М. Самосудова

«Современная отечественная историография коллективизации (1980-е — середина 90-х годов)» [9]. Автору удалось на основе вышедших публикаций рассмотреть эволюцию проблемы репрессий в отношении крестьянства и различных категорий лишенцев в 1929–1933 гг.

Значительным вкладом в дальнейшее изучение проблемы раскулачивания как отдельной темы является труд В.Я. Шашкова «Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930–1954 гг.» [14]. Массовые репрессии, политика геноцида в самой реакционной форме, уничтожение лучшей части советского народа — рабочих, крестьян, партийных и государственных деятелей, представителей технической и творческой интеллигенции — все эти вопросы В.Я. Шашков объективно рассматривает в своей диссертации, в частности, он отмечает, что геноцид проводился под благовидным предлогом борьбы против врагов народа [14: 5–6].

Некоторое расширение проблематики (обозначение проблем депортации на уровне постановки исследовательских задач, пристальное внимание к работам авторов прошлых лет, анализ современных трудов) стало предметом многих диссертаций, подготовленных на рубеже XX–XXI вв.

Вкладом в разработку названной проблематики является диссертационное исследование Н.Б. Барановой «Власть и воздействие на массовое сознание в тридцатые годы XX в.: на материалах Среднего Поволжья». Для этой работы характерно стремление к новаторству в определении сущности и причин насильственных миграций в годы войны, исследовательский поиск. «Противоречия между интересами аппарата и остального общества использовались как социальная основа политики “разделяй и властвуй”. Основными политическими ценностями сталинизма становятся сила и приказ... ставится задача трансформации общечеловеческих ценностей, исторически присущих социуму, в ценности, соответствующие идеологическим установкам: существовал некий стандарт, под который старались подогнать конкретных людей» [3: 44], — отмечает Н.Б. Баранова.

В числе современных исследователей, детально изучивших сущность политики депортации, дающих глубокое представление о принудительном переселении целых народов, крупный

специалист по истории депортаций Н.Ф. Бугай. В своей работе «Л. Берия — И.Сталину: “Согласно Вашему указанию...”» автор пишет, что усиление тоталитарного режима обусловило использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения. Она рассматривалась в качестве одной из мер по ослаблению конфликтов между властью и народами — в первую очередь, между разными народами — во вторую [4: 5]. Данный тезис убеждает в том, что этнический признак является не самой главной причиной переселения и что депортация касается в большей степени внутренней политики государства.

Другого мнения придерживается исследователь К.И. Чомаев, который в работе «Наказанный народ» убедительно доказывает, что одной из главных причин насильственной миграции карачаевского народа являлось желание советского руководства расширить территорию Грузинской ССР. По мнению К.И. Чомаева, агрессия против Карачая, тем более обескровленного мобилизацией на фронт всей мужской части народа, и аннексия всей его территории были осуществлены через Сталина и Берия — этих «великих» [13: 23] грузинов, всей мощью воюющего и милитаризованного государства.

История депортации карачаевского и балкарского народов на широкой документальной основе рассмотрена в публикации Р.С. Тебуева «Депортация карачаевцев. Документы рассказывают». В своих теоретических выкладках автор затрагивает политику принудительных переселений и «глубокую заинтересованность» в этом процессе грузинской «команды в Кремле» [5: 16].

В 2001 г. Э.А. Аджиевой была защищена кандидатская диссертация по теме: «Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия: на примере карачаевского и балкарского народов» [1]. Для работы характерно изложение негативных сторон национальной политики советского руководства в период Великой Отечественной войны. По мнению Э.А. Аджиевой, депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны явилась проявлением исторического индетерминизма как фактора тоталитарной системы.

На взгляд современного исследователя Г.Н. Шнайдера, Э.А. Аджиева видит корни решения о выселении в разнонаправленности этнической и социальной эволюции «как основания этносоциального конфликта. Выселение и пребывание на спецпоселении карачаевцев и балкарцев... [Э.А. Аджиева. — П.А.] рассматривает как политику, сознательно рассчитанную на ассимиляцию этих народов» [15: 147].

Несколько расширена картина репрессивной политики в исследовании И.В. Алферовой, проанализировавшей труды А.Б. Зубова, В.Г. Чеботарева, Т.Ю. Красовицкой и других авторов, полагающих, что основной идеей планов Сталина была прежде всего культурная (языковая) ассимиляция. По мнению самой И.В. Алферовой, такого рода подходы к изучению истории депортации «сужают и упрощают мотивы, которые лежали в основе массового переселения народов» [2: 12].

Тем не менее, учитывая вышесказанное, можно полагать, что этнический признак являлся одним из поводов и чрезвычайно важной составляющей причин депортации, но не определяющим фактором.

В общеметодологическом смысле представляется убедительным мнение современного историка С.А. Красильникова. Относительно феномена спецпереселенцев 1930-х гг. в современной исторической литературе автор отмечает, что «несмотря на обилие и разнообразие публикаций, пока нет достаточных оснований считать эту проблематику не только исчерпанной, но даже в достаточной мере сложившейся. Прорыв в методологической и концептуальной сферах, а также и в накоплении источниковой базы, происшедший в начале 1990-х гг., оборачивается ныне если не спадом, то определенного рода стагнацией, признаком чего служит не только повторение в прошлом апробированных схем и подходов зрелыми, сложившимися исследователями, но и копирование их молодыми историками. Подходы маститых ученых оказалось легче тиражировать, накладывая на местные материалы и документы, зачастую даже без должной адаптации к региональным условиям» [6: 82].

Отдельного внимания заслуживает статья Дж.Я. Рахаева «Анализируя травму: историография депортации карачаевцев

и балкарцев как форма культурной памяти» [8]. Автор сопоставляет историографию принудительных массовых миграций народов СССР, в частности депортацию карачаевцев и балкарцев, с наиболее важными периодами политической истории СССР и РФ, раскрывает зависимость современной российской историографии от идеологем советской исторической науки. Думается, что такой подход нуждается в дальнейшей разработке. Дж.Я. Рахаев, исследуя проблему этнической мобилизации карачаевцев и балкарцев на рубеже XX–XXI вв., предлагает подход, предполагающий ее комплексную характеристику в «неразрывной взаимосвязи травматического опыта депортации с развитием национального самосознания и с самой идеей национального» [8: 350]. В связи с этим он отмечает тот факт, что колоссальное воздействие на формирование массового исторического сознания репрессированных народов Северного Кавказа как в советский период, так и в постсоветское время оказывала и продолжает оказывать официальная историографическая традиция. Статья Дж.Я. Рахаева была призвана выявить основные этапы этнокультурной адаптации местного историографического сообщества к травмирующим событиям Второй мировой войны [8: 351]. В результате анализа статьи Дж.Я. Рахаева становится совершенно очевидным, что в современных условиях понятие «травматический опыт депортации» должно рассматриваться шире и более многоаспектно. В связи с этим в настоящее время анализ некоторых аспектов в развитии российского общества в 1920–1930-е гг. весьма актуален.

В исследуемый период в стране происходили радикальные процессы, приведшие к глубоким изменениям базовых основ общества, в которых личность человека, гражданина отходила на второй план, выводя на первое место задачи внутренней безопасности страны. В этих условиях жизнь каждого отдельно взятого человека растворялась среди рядов репрессированных, спецпоселенцев, лишенцев.

Исследование показало, что события 1930–1940-х гг. в российской историографии оцениваются по-разному. Несомненным остается лишь тот факт, что политические процессы коснулись всех сторон общественной жизни, изменили и реформировали ее.

Тем не менее для многих ученых наиболее сложной для научного анализа остается попытка понять: какими критериями определялся уровень вредительства «врагов народа»; являлись ли на самом деле данные люди врагами своего государства; как стал возможен массовый террор в столь масштабном формате и др.

В этой связи интересным и актуальным является исследование М.Г. Степанова «Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 годы): обзор современных историографических исследований» [11]. По мнению автора, основу изучения репрессивной политики Советского государства периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.) должны составить аналитические обзоры современных российских исследователей, работающих в этом направлении. Особого внимания ученых и историков заслуживает проблема, связанная с преследованием советских граждан по статье 58 «Контрреволюционные преступления» Уголовного кодекса РСФСР в предвоенный, военный и послевоенный периоды (1939–1953 гг.), которые до сих пор оставались без внимания [11: 145].

В диссертационных исследованиях последних лет, посвященных проблематике репрессий и выполненных на основе новых документальных материалов, ключевым продолжает оставаться осмысление отношения государственной власти к различным народам и этническим группам, характеристика периода функционирования административно-командной системы управления в 1930–1940-е гг., сущность политики депортации.

Ряд документов, опубликованных в сборнике законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий [10], являются яркой иллюстрацией к изложенному выше.

Не имея возможности подробно проанализировать все имеющиеся научные работы и диссертационные исследования по истории репрессивной политики Советского государства, отмечу, что в настоящее время назрела настоятельная необходимость научного анализа всего комплекса историографических источников по истории репрессивной политики 1930–1940-х гг. в СССР. Таким образом, общая характеристика степени изученности темы в исследованиях последних лет создает почву

для появления фундаментальных трудов по внутренней политике Советского государства. Такой подход к изучению вопроса позволит перейти от рассмотрения отдельных историографических аспектов к обобщающему исследованию процесса репрессий в СССР.

Источники и литература

1. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001.

2. Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов: конец 30-х – 50-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

3. Баранова Н.Б. Власть и воздействие на массовое сознание в тридцатые годы XX в.: на материалах Среднего Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.

4. Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

5. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают / сост. Р.С. Тебуев. Черкесск, 1997.

6. Красильников С.А. Спецпереселенцы 1930-х гг. в новейшей отечественной историографии // Красильников С.А. Маргиналы в советском обществе 1920–1930 гг. Новосибирск, 2001. С. 69–86.

7. Лопатин Л.Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х – 30-х гг. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири / под ред. В.М. Самосудова. Омск, 1990. С. 145–149.

8. Рахаев Дж.Я. Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев // Люди и тексты. Исторический альманах. Ч. 1. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 350–380.

9. Самосудов В.М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е — середина 90-х годов). Омск, 1998.

10. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.

11. Степанов М.Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 годы): обзор современных историографических исследований // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 145–149.

12. Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А.А. Данилов. М., 2004. С. 433–451.

13. Чомаев К.И. Наказанный народ. Черкесск, 1993.

14. Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930–1954 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

15. Шнайдер В.Г. Причины депортации северокавказских народов: историография проблемы // Кавказский сборник. Т. 3. М., 2006. С.141–155.

Раздел II

Социально-экономические и демографические процессы на Кавказе в XIX–XX вв.

А.Х. Курмансеитова

ПОТОМКИ НОГАЙСКОГО КНЯЗЯ МУСЫ ТОГАНОВА НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИИ (по материалам «Актов Кавказской археографической комиссии»)

В «Актах Кавказской археографической комиссии» зафиксированы документы о потомках известного ногайского князя Мусы Тоганова, служивших в русской армии во время Кавказской войны. В историографии наиболее известен Д.В. Тоганов, первый пристав Кабарды, но в работах историков М.И. Афауновой [5], А.Т. Урушадзе [17], И.Р. Нахушевой [11] фамилия пристава и его деда зафиксирована как «Таганов», как и в «Актах Кавказской археографической комиссии». З.Б. Кипкеева сообщила мусульманское имя внука Мусы мурзы — Казбулат [10: 40]. Д.С. Кидирниязов установил подлинную фамилию первого пристава Кабарды — Тоганов [13: 98]. В русской и новейшей историографии отсутствуют сведения о других князьях Тогановых, участвовавших в Кавказской войне на стороне Российской империи.

Данная статья написана на базе документов, опубликованных в издании «Акты Кавказской археографической комиссии» (далее «Акты...»), с привлечением материалов из историографии советского и постсоветского периодов.

Ногайцы слово *тоган* / *туган* на арабской графике писали: ناعوثة. Данный термин обозначает мужское имя и в переводе с древнетюркского языка обозначает 'сокол' [9: 195]. В исторических

источниках и историографии фамилия князей из рода *тоган* пишется по-разному: Тогановы / Тугановы, а иногда Тагановы.

В дооктябрьский период родословные ногайских князей составлялись на арабской графике, писари при транслитерации на кириллицу не всегда правильно указывали фамилию князей из рода *тоган*. На написание этого слова на кириллице как *тоган*/*туган* повлияла арабская фонема *و* «вāv», которую ногайцы при транслитерации с арабской графики на кириллицу передавали как «о», иногда «у». В ногайском языке в основе слова *тоган* лежит название княжеского рода, впоследствии ставшее фамилией князей Тугановых (Тогановых) в России, а в Турции — Доан [12: 648; 7: 63].

На Северном Кавказе зафиксированы топонимы, непосредственно связанные с родом князей Тогановых / Тугановых, найдены также аналогичные топонимы и в Турции [6: 154–155, 243–244]. Лингвист М.А. Булгарова полагает, что ряд топонимов в ногайском языке восходит «к родовому имени Туган / Доган / Доан: Тоган кала, местность, крепость в устье р. Урупа (КЧР)»; «Мурзабек кабыры / Тоган улы Мырзабектинъ кабыры (КЧР)» (могила Мурзабека Тоганова); Тоган улы Ахлаудын ери (КЧР) (земли Ахлау Тоганова); род Тугановых зафиксирован в топонимии Турции: Dogankaya (Ankara), Dogankoyi, Doganpınar [8: 219].

Султан Хан-Гирей зафиксировал гробницу одного из предков фамилии Тогановых «на вершине Кубани, на высотах Уш-Куль» [14: 50–51]. И.С. Капаев пишет, что князья Тугановы проживали не только в ауле Ураковском, «у них были владения у места слияния Урупа с Кубанью возле Прочного Окопа, на землях Тахтамышевского аула, а также на землях бештаво-кумских ногаев в Пятигорье» [14: 55].

В Российском государственном архиве древних актов сохранилась «Челобитная подполковника Д.В. Тоганова (март 1781 г.) Екатерине II», в которой первый пристав Кабарды написал свою фамилию: «Тоганов» [13: 98–99]. Итак, подлинная фамилия потомков ногайского князя Мусы — Тоганов.

Все родословные ногайских князей восходят к Эдиге, основателю Мангытского юрта, впоследствии преобразованного в Ногайскую орду. О князе Тогане В.В. Трепавлов пишет: «Тоган,

сын Мусы б. Ваккаса», но в родословной бия Мусы среди его сыновей мурза Тоган не зафиксирован [16: 872, 1020; 13: 114–115].

По данным Исы Капаева, князя Ахловы произошли от Ахлау Туганова, а Тугановы выделались от рода князя Урака [14: 15]. Если князя Тугановы происходят от князей Ураковых, то родословная последних следующая: «Иддигей — Нураддин Мурза — Акас мурза — Князь Муса — Алчагир Мурза — Урак Мурза» [15: 1–2]. В дальнейшем историкам предстоит разыскать собственную родословную князей Тогановых / Тугановых.

Несколько поколений из рода Тогановых служили в русской армии и оставили свой след в российской истории. В их числе был и капитан Егерского полка Тоганов, командир батальона, воевавший в начале XIX в. под командованием генерал-майора И.П. Лазарева в Закавказье [1: 176]. В «Актах...» были напечатаны его личные рапорты (14 и 18 октября 1802 г.) из деревни Татлы (Закавказье) генерал-лейтенанту Лазареву [1: 596, 613–614, 761].

Капитан Тоганов владел несколькими языками, и его знания неоднократно успешно использовались во время его прохождения воинской службы на Кавказе. После вхождения Грузии в состав Российской империи, манифест об этом событии был переведен и напечатан не только на грузинском, но и на армянском языке. Манифест был обнародован во время церковной службы в г. Тифлисе (17 февраля 1801 г.) в армянской церкви Ванк. Сразу после этой церемонии капитан Тоганов в сопровождении 24 казаков ездил по всем улицам города и читал манифест на русском, грузинском, армянском и татарском языках [1: 416]. Многочисленные документы свидетельствуют об отважном капитане Таганове, но его инициалы в «Актах...» не указаны.

Мирные ногайские князья братья Росламбек и Едыге Тогановы неоднократно оказывали неоценимую помощь командованию Кавказской линии фронта. Когда в 1805 г. кабардинский князь Рослам-бек Мисостов препятствовал возвращению ногайцев и абазин на российскую сторону, то ногайские князья Р. Тоганов и Р. Мансуров оказали большую помощь генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу и способствовали возвращению ногайцев. В знак благодарности за этот поступок Глазенап ходатайствовал перед наместником Кавказа князем П.Д. Цициановым о награждении

ногайских князей Рослаббека Тоганова и Рослам-бека Мансурова [2: 946]. Генерал писал, что во время его нахождения на фронте они всегда и во многих делах оказывали ему помощь, приносящую большую пользу русским. Он особо отметил, как в 1804 г., когда он находился с войсками за Кубанью, они также «показали свои заслуги и приверженность» к России [2: 946].

Генерал от инфантерии С.А. Булгаков (30 апреля 1810 г.) отметил большие заслуги князей Тогановых и ходатайствовал о произведении старшего князя Тоганова, Рослаббека, в майоры, а младшего, Едиге, в капитаны, хлопотал о ежегодной выплате по 300 руб. каждому из них; кроме того, представил Едиге Таганова к золотой медали на георгиевской ленте [3: 910].

Некоторые князья из рода Мусы Тоганова служили в рядах российской милиции и охраняли пограничную зону от набегов абреков. В «Актах...» сохранились сведения о службе ногайской знати в русской разведке. Генерал-майор Ковалевский о военных происшествиях на правом фланге Кавказской линии в период с 14 октября по 4 ноября 1848 г. сообщил: «Милиция прикубанских ногайцев села на лошадей и под командой приставов делала разъезды для открытия неприятеля... ногайцы в разведке [приносили. — А.К.] пользу русской армии» [4: 591].

Из потомков князя Мусы Тоганова в русской истории наиболее известен первый пристав Кабарды — Дмитрий Васильевич Тоганов. В фондах Российского государственного архива древних актов историком Д.С. Кидирниязовым были выявлены сведения из биографии Д.В. Тоганова [13: 98–99]. В документах «Актов...» фамилия пристава напечатана «Таганов», но в письменном ходатайстве к Екатерине II он представился «Д.В. Тоганов». Итак, подлинная фамилия первого пристава Кабарды — Тоганов. Он является внуком известного ногайского мурзы Мусы, стоявшего во главе солтанаульских ногаев, возглавлявшего большую часть кубанских ногаев [1: 83].

Известно, что ногайцы, как и другие жители Кавказа, когда при боевых действиях на Кавказской линии фронта оказывались в сложной ситуации, то вынуждены были принимать российское подданство, но при благоприятной обстановке они нарушали клятву в верноподданстве Его Императорскому Величеству, так как предпочитали быть независимыми.

В 1736 г. мурза Муса со своими подданными принял присягу на верность России, но при принятии ногайцами российского подданства знатные ногайцы были обязаны в знак подтверждения своей лояльности и преданности императору отдавать в аманаты своих сыновей, а иногда и внуков. Так и Муса мурза, присягнув на верность императору, отдал в аманаты своего внука мурзу Казбулата [10: 40] в Кизлярскую крепость [13: 98]. Но в 1742 г. мурза Муса со своими подданными нарушил клятву и ушел в Закубанье. Тогда его внука Казбулата из Кизлярской крепости перевели в Санкт-Петербург, Казбулат Тоганов принял православие и стал Дмитрием Васильевичем Тогановым.

В русской истории немало случаев, когда из аманатов воспитывали верноподданных Российской империи. Их обучали в русских военных учебных заведениях, и потом они служили в русской армии. Одним из таких верноподданных царскому престолу воспитали и Дмитрия Тоганова, он учился в кадетском корпусе Санкт-Петербурга. После окончания учебы, когда он стал совершеннолетним, ему присвоили воинское звание поручика и направили в секретную экспедицию в Астраханский военный гарнизон [13: 98].

Указом Государственной коллегии иностранных дел Д.В. Тоганов был переведен для работы по калмыцким делам в драгунскую роту. Продолжительное время он служил приставом «по калмыцким делам». По рекомендации генерал-майора Н.Г. Спицына в 1759 г. Д.В. Тоганову присвоили звание капитана, в 1768 г. — секунд-майора [13: 99].

Ногайские князья пользовались большим авторитетом среди жителей Кавказа. Российские власти знали об этом, и 21 июля 1769 г. генерал-майору И.Ф. де-Медему было дано предписание — внука мурзы Мусы — секунд-майора Тоганова, знатного княжеского происхождения, освободить от должности пристава «при калмыцких делах» и «использовать при кабардинских делах» [1: 83].

В 1769 г. Д.В. Тоганова назначили первым приставом Кабарды, а в 1770 г. избрали на эту должность в Государственной коллегии иностранных дел Российской империи. Он внес значительный вклад в формирование русско-кавказских отношений. За достойную службу Д.В. Тоганову присвоили воинское звание

премьер-майора (1771 г.), а потом подполковника (1 сентября 1777 г.) [13: 99].

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Османская Порта надеялась вернуть свое влияние на Северном Кавказе и затягивала момент ратификации мирного договора. Крымский хан Девлет-Гирей прислал в Большую Кабарду своего «секретаря Агу Хасбулата» с уверениями, что якобы кабардинцы принадлежат Крыму, а не России [1: 89].

Кабардинцы были больше расположены к Крыму, чем к России, так как полагали, что для них подданство Крыму неопасно, они надеялись избавиться от власти Российской империи и рассчитывали по-прежнему оставаться независимыми. Русское правительство считало одним из действенных средств доброжелательное расположение сильных и значимых владельцев Кабарды к российской имперской власти. Для достижения данной цели предполагалось через «посторонние внушения» доказывать невыгоды для целого народа следовать своенравию нескольких человек. Данное предписание было дано для исполнения генералу де-Медему (1769 г.), а он, в свою очередь, должен был сообщить об этом приставу Кабарды Д.В. Тоганову. Перед последним была поставлена задача привлечь на российскую сторону наиболее влиятельных лиц Кабарды и обязательно сильного владельца Мисоста Баматова [1: 84].

Д.В. Тоганов неоднократно выезжал в Кабарду и встречался с владетельными князьями и влиятельными представителями кабардинцев и агитировал их стать подданными Российской империи. Между тем турецкие агенты активно распространяли слухи «с ложными прибавлениями» среди жителей Северо-Западного Кавказа о том, что в 1771 г. российские войска были разбиты за Дунаем и в Крыму. Эта информация возмутила Кабарду и ногайские орды. Д.В. Тоганов сообщил генералу де-Медему, что турецкое войско (24 тыс. чел.) перешло на российскую сторону и находится в г. Тамани, а «едисанцы, белогорцы» (видимо, речь о Белгородской (Аккерманской) орде) и прочие народы, кроме кабардинцев, выбрали над собой сераскиром султана Казы-Гирея [1: 87].

После заключения трактата (1772 г.) с крымским ханом Большая и Малая Кабарда были признаны подвластными России, что было подтверждено и в артикулах Кючук-Кайнарджийского

трактата (1774 г.). Генерал де-Медем в 1774 г. сообщил, что артикулы документа, касающиеся Кабарды, были прочтены почти среди всех «кабардинских владельцев, кроме некоторых не явившихся на собрание» [1: 89]. Известие обрадовало владельцев Малой Кабарды, но владелец из Большой Кабарды Хамурза Арсланбеков заявил, что они не могут считать себя подданными Российской империи, пока не получают подтверждение из Крыма [1: 89].

Агенты из Турции и Крыма усердно доказывали кабардинцам, что те находятся под властью Крымского ханства и не подвластны России. Крымский хан Девлет-Гирей (1776 г.) вел постоянную переписку с владельцами Большой Кабарды, убеждал их не признавать мирный договор [1: 89].

Генерал де-Медем для опровержения ложных слухов отправил пристава Д.В. Тоганова в Большую Кабарду для разъяснения ситуации. Хотя после объяснений приставом артикулов Кючук-Кайнарджийского трактата, относящихся к Большой и Малой Кабарде, кабардинцы «пришли в колебание», но они больше были расположены к Крыму [1: 89].

Для привлечения Кабарды на российскую сторону и отчуждения их от Крыма от имени генерала де-Медема была написана декларация (8 апреля 1777 г.), опровергающая «противные внушения» против России, распространяемые крымским ханом. Документ был распространен в Кабарде. Майор Бушуев с отрядом русских войск и приставом Д.В. Тогановым выдвинулись на р. Малку. Генерал де-Медем обратился к сераскиру со «строгим письмом», хотя последний и выдвинулся для сражения с русскими, но был вынужден вернуться на прежнее место, так и не поддержав сторонников крымского хана [1: 89].

Подполковник Д.В. Тоганов в 1769–1781 гг. исправно исполнял обязанности первого пристава Кабарды, он участвовал в составе русской армии в военных походах на Кавказе. Используя свой авторитет в горском обществе, личные знакомства и родственные связи, он добывал необходимую информацию о положении дел в Кабарде и разрешал сложные конфликты в горском обществе.

В челобитной на имя Екатерины II (март 1781 г.) Д.В. Тоганов писал: «А сейчас по старости лет и частым болезням прошу уволить меня со службы, и так как не имею никакого недвижимого

имения, [только. — А.К.] жену и 5 малолетних детей» [13: 98–99]. Он просил Екатерину II «определить на свободную в Моздоке» вакансию коменданта. Екатерина II удовлетворила просьбу Д.В. Тоганова, освободила его от занимаемой должности пристава Кабарды и назначила комендантом г. Моздока. Д.В. Тоганов в звании генерал-майора служил на этой должности до самой смерти (1798 г.) [13: 99].

«Акты Кавказской археографической комиссии» сохранили ценные сведения о потомках ногайского мурзы Мусы Тоганова: приставе Кабарды Д.В. Тоганове, Росламбеке и Едыге Тогановых, капитане егерского полка Тоганове и других ногайских князьях, служивших в самых высоких чинах в царской армии, внесших значимый вклад в русскую военную историю. Бесспорно, князья Тогановы / Тугановы являются потомками Эдиге, известного в истории Евразии государственного деятеля и полководца. Дальнейшее более углубленное исследование данной проблематики с привлечением архивных документов из центральных и северокавказских архивов позволит установить подлинную родословную потомков ногайского мурзы Тоганова.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1866. Т. I.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1868. Т. II.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1904. Т. IV.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1885. Т. X.
5. Афаунова М.И. Институт приставства в Кабарде (1769–1822 гг.) // Исторический вестник КБИГИ. 2008. Вып. VI. С. 99–111.
6. Булгарова М.А. Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.
7. Булгарова М.А. Ногайские имена собственные: словарь антропонимов. Научно-популярные статьи. Черкесск, 2016. (на ног. яз.)
8. Булгарова М.А. Родоплеменные названия в ногайской топонимии // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Черкесск, 2016. С. 217–222.

9. Гафуров А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: словарь. М., 1987.

10. Кипкеева З. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.

11. Нахушева И.Р. Приставское управление в Кабарде в 1769–1859 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Кавказология / Caucasology. 2020. № 3. С. 60–78.

12. Ногайско-русский словарь / под ред. К.М. Мусаева. М., 2018.

13. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа: документы XVII–XVIII вв. / сост. Д.С. Кидирниязов. Махачкала, 1998.

14. Орак-эли — Эркин-Юрт — Ураковский / сост. И.С. Капаев. М., 2015.

15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1.

16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 3-е изд., испр. и доп. М., 2020.

17. Урушадзе А.Т. Кабарда в политике А.П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 12–16.

Н.С. Степаненко

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖБЫ РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1830–1860-е гг.

Военная служба была универсальным инструментом для встраивания северокавказских дворян во всероссийский правящий класс и формирования устойчивой пророссийски ориентированной силы в регионе. Для самих аристократов служба в армии являлась хорошим социальным лифтом, возможностью получить образование и значительно улучшить свое материальное положение. Еще дореволюционные исследователи обращали внимание на особенности службы жителей Северного Кавказа в Российской армии. Историк императорского конвоя генерал-майор С.И. Петин описал службу представителей коренных народов

Кавказа в этом элитном подразделении [3]. Современный исследователь Е.В. Брацун детально проработал тему воинской службы горцев Северо-Западного Кавказа в конце XVIII–XIX вв. [1]. Объемный список генералов и офицеров из числа адыгов опубликовал А.В. Казаков [2].

В данной статье мы хотим показать особенности российского законодательства в отношении офицеров из числа горцев Северного Кавказа в 1830–1860-е гг. Для этого мы обратимся к «Полному собранию законов Российской империи», в котором собраны все императорские указы и постановления Сената, касающиеся их.

Правительство уделяло большое внимание формированию у горской знати идеи служения самодержавию. Они должны были впитать в себя принципы сословного строя, существовавшего тогда в империи. Основными институтами, которые были предназначены для воспитания горского дворянства, являлись учебные заведения и армия. 30 мест в столичных военно-учебных заведениях ежегодно предназначались для детей почетнейших горцев или для способных учеников. Предписывалось учредить школу при Тенгинском полку. Для детей почетнейших горцев Кавказской линии (преимущественно из среды князей и узденей) отдавалось 50 мест в ставропольской и 25 мест в екатеринодарской гимназиях. Дети горцев должны были обучаться совместно с детьми российских подданных [14: № 27 428]. В 1851 г. наместник на Кавказе М.С. Воронцов сделал запрос на имя императора о том, могут ли офицеры из горцев недворянского происхождения, но пользующиеся авторитетом у своего народа, направлять своих сыновей на воспитание в военно-учебные заведения. Николай I ответил, что могут, но только те, кто дослужился до воинского чина майора [12: № 25 665]. Согласно Табели о рангах, майорский чин давал право на потомственное дворянство. Соответственно, в столичные кадетские корпуса незнатному ребенку попасть очень сложно.

Воспитанники военно-учебных заведений из числа выходцев с Кавказа имели равные права с остальными обучающимися на присвоение внутренних званий фельдфебелей, унтер-офицеров и ефрейторов в качестве поощрения за отличия в обучении [4: № 10 256]. Российские власти уважительно

относились к религии воспитанников с Кавказа. В случае смерти их разрешалось хоронить в тот же день, как это было принято у мусульман. Условием соблюдения данного обряда являлось согласие родственников и заключение врача о смерти [7: 17 816]. Тем не менее переход в православие приветствовался. Офицеров из горцев, воспитывавшихся в военно-учебных заведениях, после того как они принимали христианство, сразу же, вне зависимости от их желания, переводили в те полки, к которым они были прикомандированы. При этом офицерам сохранялось добавочное содержание, получаемое ими ранее [16: № 29 636]. По всей видимости, это делалось для того, чтобы изолировать новообращенного православного христианина от общения с бывшими единоверцами, также обучавшимися в кадетском корпусе. Смена религии являлась серьезным шагом, который мог привести к конфликту между воспитанниками.

В 1843 г. император предписал выпускникам военно-учебных заведений из горцев выдавать двойное жалование. В первый год службы после выпуска годовое жалование новоиспеченного офицера передавалось в распоряжение командира полка. Ему предписывалось приобретать на эти деньги вещи, необходимые кавалерийскому офицеру. Николай I при назначении такого жалования руководствовался тем, что офицеры из горцев были удалены от Родины и не могли получить помощи от родственников, которые к тому же зачастую сами находились в состоянии крайней бедности [6: № 16 914].

Корнеты из горцев, поступавшие в регулярные кавалерийские части, также получали двойное жалование [8: № 19 616]. Форма этих кавалеристов несколько отличалась. Им предписывалось иметь на шинелях красные воротники без петлиц и серебряные пуговицы по армейскому образцу [14: 26 907]. Те же льготы полагались юнкерам из горцев. После производства в офицеры двойное жалование им выплачивалось за весь период службы в регулярных полках. Также предписывалось не требовать с них деньги для покупки верховой лошади и офицерского обмундирования [14: № 27 452]. За отличия в учебе выпускники военно-учебных заведений из горцев направлялись на службу в артиллерийские части. Они имели такие же преимущества, как и горцы,

выпускаемые в кавалерийские части, и получали жалование в двойном размере [9: № 21 749].

В 1830-е гг. обучающихся в кадетских корпусах горских воспитанников предписывалось направлять на службу в Кавказское линейное казачье войско с определением в полки, находящиеся рядом с местами их проживания [4: № 10 670]. При этом они получали воинские чины армейской легкой кавалерии [5: № 11 398]. Но эта практика себя не оправдала, так как на Родине молодые офицеры возвращались к прежнему образу жизни. Постепенно российские власти приходили к пониманию того, что офицеры из горцев, прикомандированные к регулярным кавалерийским полкам, быстрее могли научиться правилам строевой службы, чем при казачьих частях. Более того, в регулярных полках строже следили за дисциплиной [6: № 17 275]. Офицеров из горцев не направляли на службу в кирасирские полки. Прикомандирование их к драгунским полкам допускалось в случае необходимости, да и то только к пикенерским эскадронам [13: № 26 094]. Служба в тяжелой кавалерии требовала иных качеств, мало характерных для горцев, привыкших к маневренному ведению боя, присущему легкой коннице.

В начале 1850-х гг. находившихся на воспитании в военно-учебных заведениях сыновей горцев при выпуске их офицерами предписывалось назначать, как и детей грузинских дворян и мусульман Закавказья, в пехотные или кавалерийские регулярные полки в центральные районы России. Прослужив там шесть лет, они имели право переводиться в Отдельный Кавказский корпус. То же правило действовало и для горцев, выпустившихся юнкерами [12: № 25 856]. Шестилетняя служба выпускников военно-учебных заведений, происходивших из горцев, считалась обязательной. В случае неудовлетворительной службы их переводили в батальоны внутренней стражи, расположенные в северной, средней и южной полосах империи. Если по каким-либо причинам выпускник был уволен со службы, он должен был проживать во внутренних губерниях России. Только по истечении положенного шестилетнего срока со дня выпуска он имел право вернуться на Родину. Исключения допускались в тех случаях, когда начальство Кавказского края считало необходимым возвращение отпрыска по «семейным обстоятельствам особенной важности» [13: № 26 281].

Новый император постепенно начал отходить от политики особых льгот и попыток перевоспитания в отношении кавказских дворян. 4 апреля 1855 г. Александр II вновь позволил прикомандировывать офицеров из горцев к казачьим полкам, расположенным на Кавказской линии. Распоряжаться их приемом и увольнением должен был командующий войсками Кавказской линии и Черномории. Жалование и другое содержание горцы получали на тех же основаниях, что и казаки [16: № 29 272]. Отменялось двойное жалованье, назначенное Николаем I. В 1858 г. Александр II повелел прекратить ежегодное предоставление детям кавказских горцев 30 мест в столичных военно-учебных заведениях. Впредь администрация на Кавказе могла присылать в Санкт-Петербург детей «почетнейших и владетельных фамилий», пользующихся уважением в регионе. Прием таких воспитанников в военно-учебные заведения осуществлялся в качестве исключения и производился только с разрешения императора. Они учитывались сверх комплекта, и на содержание этих детей в год отпускалось 220 руб. серебром в год. Выпускники из горцев принимались в регулярные воинские подразделения на равных условиях с остальными [17: № 33 525].

Многие уроженцы Северного Кавказа поступали на государственную и военную службу уже в зрелом возрасте, минуя кадетские корпуса и учебные заведения. Согласно императорскому распоряжению, начальники Кавказской линии могли привлекать офицеров из горцев на кратковременную службу в экспедициях, давать им различные поручения и возлагать на них полицейские функции в аулах, в которых они проживали. За это офицеры из горцев не получали никаких выплат сверх назначенного им жалованья. В случае уклонения от точного выполнения возлагаемых на них поручений, офицеров из горцев лишали жалования. Обратное назначить выплату могли лишь с согласия командующего Отдельным Кавказским корпусом. Сведения об отмене и назначении жалования должны были отправлять в департамент военных поселений [10: № 22 125]. За отличия по службе в милиции офицеры награждались золотыми и серебряными медалями. Награды за храбрость жаловались на георгиевских лентах, за полезную службу и усердие — на анненской и владимирской соответственно [11: № 24 495].

Офицеров из горцев привлекали для службы в иррегулярных воинских частях как на Кавказе, так и в других регионах Российской империи. Согласно правилам о прикомандировании офицеров из горцев к казачьим войскам, оставшихся без должностей на Кавказе, они могли быть направлены на службу в различные военные формирования. Их могли отправить служить в полки Кавказского линейного казачьего войска, в черноморские казачьи полки и батальоны. Также горцев направляли служить в донские казачьи полки, находящиеся на полевой службе, в действующей армии, в 5-м пехотном корпусе и в Финляндии. Эти офицеры командировались добровольно в назначенные казачьи полки и батальоны с разрешения командующего Отдельным Кавказским корпусом.

Командование стремилось равномерно распределить офицеров из горцев в казачьих частях. Согласно правилам, на батальон полагалось по одному выходцу с Кавказа, а на полк — по шесть человек. В черноморские казачьи батальоны зачислялись не более одного офицера на роту или четырех офицеров на батальон. В донские казачьи полки, находящиеся на полевой службе в действующей армии, 5-м пехотном корпусе и в Финляндии, офицеры командировались не более одного на сотню или шести на полк. Жалование производилось из казны по окладам, определенным штатами казачьих полков и батальонов. Также допускалось жалование в большем размере, санкционированное особым императорским повелением. Офицеры, прикомандированные к донским казачьим полкам, несшим службу на Кавказе и в Закавказье, получали прибавку в размере трети от казачьего оклада сверх положенного жалованья. Этим преимуществом пользовались горцы, прикомандированные к батальонам Черноморского казачьего войска, но несшие службу за пределами Черноморья. Повышенное жалование также полагалось выходцам с Кавказа, служившим в составе донских казачьих полков в Польше.

При отправке с Кавказа офицеров, командируемых в донские казачьи полки, состоящих на полевой службе в действующей армии, 5-м пехотном корпусе и в Финляндии, из казны им отпускались прогонные деньги и годовое казачье жалование. Офицеры из горцев представлялись к производству в следующие чины преимущественно за отличие в сражениях. В полках, расположенных

вне зоны военных действий, они могли получить следующий чин за усердную службу и надежное поведение. Во время нахождения при казачьих полках и батальонах офицерам из горцев полагалось по одному драбанту (денщику, выполнявшему роль прислуги и личного помощника) из нижних чинов. Горцы пользовались одинаковыми правами с казаками на получение орденов Святого Георгия, Святого Владимира и знака отличия за беспорочную службу. Дети этих офицеров, погибших во время войны, имели преимущество при поступлении в военно-учебные заведения и обучение в них за счет казны [11: № 24 185].

В случае если горец на российской службе попадал в плен, ему продолжало начисляться жалование. Помимо этого, власти брали на содержание оставшихся без кормильца жену и детей [15: № 28 616]. За убитых или раненых во время боя лошадей, а также павших во время форсированного марша коней прикомандированные к казачьим частям горские офицеры и всадники Анапского горского полуэскадрона получали денежное вознаграждение из казны [18: № 34 695]. Своеобразной льготой для генералов и офицеров Отдельного Кавказского корпуса, происходивших из горцев, являлось дозволение носить на их народной одежде соответствующие их чину эполеты [18: № 30 916].

Гражданские чиновники из горцев имели право перевестись в военный чин за отличия в делах против неприятеля. Решение о переименовании чина должен был принимать командующий Отдельным Кавказским корпусом. Если награждаемый чиновник принадлежал к 3-му разряду по воспитанию (не имел свидетельства учебного заведения или обучался только в низших учебных заведениях), он переименовывался в военный чин только по милиции. В военные звания по регулярной пехоте или кавалерии могли быть переименованы лица, принадлежащие к 1-му разряду (окончившие высшие учебные заведения) и 2-му разряду (окончившие средние учебные заведения). Гражданские чиновники обер-офицерского ранга переименовывались в военные чины по милиции в следующем порядке: коллежский регистратор — прапорщик; губернский и коллежский секретарь — подпоручик; титулярный советник — поручик. Гражданские чиновники VIII и высших классов представлялись главнокомандующему

Отдельным Кавказским корпусом только в исключительных случаях. Чиновник, достойный получения военного чина, должен был отличиться распорядительностью в бою с неприятелем, командуя отдельным милицейским подразделением. Вопрос о том, какое именно военное звание заслуживал такой чиновник, должен был решать император. Государственные служащие, принадлежащие по воспитанию к 1-му и 2-му разрядам, за военные отличия могли быть переименованы в военные чины по регулярной пехоте или кавалерии, но только в первый офицерский чин, то есть в прапорщики или в корнеты. Также их прикомандировывали на шесть месяцев к образцовым или учебным войскам, для того чтобы они могли освоить порядок воинской службы [18: № 35 194].

Выходцы с Северного Кавказа, ставшие российскими офицерами, являлись своеобразными коммуникаторами между россиянами и своими обществами [19: 162]. Офицеры российской армии из числа горцев пользовались всеми преимуществами службы. В период правления Николая I власти уделяли большое внимание организации системы поощрений и мер социальной поддержки как для самих офицеров, так и для членов их семей. После прихода к власти Александра II политика особых льгот и преференций постепенно начала сворачиваться.

Источники и литература

1. Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII — XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014.

2. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI — начало XX в.): биографический справочник. Нальчик, 2006.

3. Петин С.И. Собственный Его Императорского Величества конвой: исторический очерк. СПб., 1899.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. (далее — ПСЗРИ-2). Т. XII. СПб., 1838.

5. ПСЗРИ-2. Т. XIII. СПб., 1839.

6. ПСЗРИ-2. Т. XVIII. СПб., 1844.

7. ПСЗРИ-2. Т. XIX. СПб., 1845.

8. ПСЗРИ-2. Т. XXI. СПб., 1847.
9. ПСЗРИ-2. Т. XXII. СПб., 1848.
10. ПСЗРИ-2. Т. XXIII. СПб., 1849.
11. ПСЗРИ-2. Т. XXV. СПб., 1851.
12. ПСЗРИ-2. Т. XXVI. СПб., 1852.
13. ПСЗРИ-2. Т. XXVII. СПб., 1853.
14. ПСЗРИ-2. Т. XXVIII. СПб., 1854.
15. ПСЗРИ-2. Т. XXIX. СПб., 1855.
16. ПСЗРИ-2. Т. XXX. СПб., 1856.
17. ПСЗРИ-2. Т. XXXIII. СПб., 1860.
18. ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. СПб., 1861.

19. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Армавир, 2011.

Ш.М. Батчаев

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАРАЧАЕ: ХОД, ИТОГИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Одним из важнейших событий в истории Карачая стали реформы конца 1860-х гг., главной из которых была крестьянская. Став прямым следствием включения региона в общееимперское правовое пространство, она оказала серьезное влияние на социально-экономическое развитие Карачая.

Отметим, что ко второй половине 1860-х гг. российская администрация в полной мере осознавала необходимость освобождения крепостных на Северном Кавказе так же, как и в других регионах страны. С целью подготовки и организации крестьянской реформы в 1866 г. был создан специальный Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа под председательством генерал-адъютанта А.П. Карцева [9: 42].

Проведя предварительный сбор сведений о формах и степенях зависимости у горских народов, комитет предложил региональным администраторам провести обсуждение и выработать условия освобождения. В обсуждении должны были участвовать

депутаты как от владельцев, так и от крестьян. В Карачае выборы их были проведены 1 октября 1867 г. Представителями от владельцев выступили шесть человек — два бия (князя), три узденя (второе сословие после аристократического) и один вольноотпущенник. От крестьян также шесть человек [9: 468–469]. После долгих споров и переговоров были выработаны наконец окончательные условия освобождения крепостных. Отметим, что они весьма различались для двух основных категорий крестьянства.

Согласно условиям, бесплатному освобождению среди юлгюлюкулов (крепостных крестьян, обладавших рядом личных и имущественных прав) подлежали лишь дети до 7 лет, а также пожилые люди (женщины старше 50, мужчины старше 55 лет). Уже за семилетнего крепостного надо было выплатить 20 руб., а затем каждый год стоимость возрастала на 5 руб. С 15 лет за каждый год сумма повышалась на 15 руб. Таким образом, взрослые юлгюлюкулы, находящиеся в наиболее трудоспособном возрасте, должны были выплатить за свое освобождение до 150 руб. После 40 лет сумма выкупа начинала соответственно уменьшаться, достигая своего минимума к 55 годам. Выкуп, вносимый женщинами, составлял 100 руб. Вдовы же, имевшие малолетних детей, могли получить отсрочку до тех пор, пока не подрастут дети. Отметим, что, согласно правилам, выкуп крестьяне могли выплатить как деньгами, так и скотом, хлебом и другими продуктами сельского хозяйства. В ином случае выкуп мог быть отработан в течение определенного периода (до шести лет).

Гораздо труднее были условия выкупа рабов (башсызкулов). Представители этой сословной группы наиболее трудоспособного возраста — с 18 до 35 лет (независимо от пола) — должны были заплатить за свое освобождение 200 руб. И если цена за семилетнего ребенка была такой же, как и у юлгюлюкулов (20 руб.), то затем она повышалась на 10 руб., а с 10 лет — на 15–20 руб. за каждый год. С 36 лет стоимость выкупа снижалась ежегодно на 15 руб. При этом башсызкулы не получили права самостоятельно выбирать способы выплаты выкупа и обязывались отработать его. На владельца они работали шесть дней в неделю, а во время сенокоса и всю неделю. Помимо выкупа освобождаемые крестьяне должны были отдать владельцу половину своего

имущества: скота, инвентаря и т. д., а при наличии и приусадебного участка (сабана), в тех редких случаях, когда крестьянин имел свою собственную землю [12: 28].

Достаточно тяжелые условия выкупа могли привести к разорению не только освобождаемых крестьян, но и части мелких рабовладельцев, для которых кулы были единственной рабочей силой в маломощном хозяйстве.

В этой связи начальник Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевич в феврале 1868 г. обратился к руководству Кубанской области с просьбой о выделении государственного пособия беднейшим крестьянам, а также тем владельцам, которые «будучи сами бедны, имеют и бедных крестьян, от которых при освобождении не могут получить ничего, а должны будут довольствоваться рассроченным на значительное время выкупом» [5: 64]. Всего к категории «бедных крестьян, заслуживающих пособия», Н.Г. Петрусевич отнес в Карачае 1263 чел. (607 мужчин и 656 женщин). К категории бедных владельцев он отнес 18 семей общим числом 92 чел. (42 мужчины и 50 женщин) [5: 78–79].

Надо сказать, что еще 4 марта 1867 г. Комитет по освобождению дал разрешение начальнику Кубанской области проводить добровольные соглашения между крестьянами и владельцами. В Карачае добровольные сделки стали заключаться с конца 1867 г., и к началу 1868 г. было освобождено 980 чел. За весну 1868 г. освободились 1381 чел. [9: 729]. Однако добровольное освобождение могли позволить себе лишь наиболее зажиточные из крестьян. Основная же масса надеялась на более легкие условия по обязательному освобождению. Оно должно было начаться 1 мая 1868 г., однако по просьбе владельцев, не желавших терять рабочие руки в преддверии сенокоса, уборки и откочевки скота на зимние пастбища, было отложено на полгода.

Для содействия мирному урегулированию всех конфликтов и скорейшему заключению сделок по добровольному освобождению крестьян 1 июля 1868 г. в Карачай прибыл мировой посредник, при котором должны были быть два помощника — один от владельцев, другой от крестьян.

Обязательное освобождение крестьян и рабов в Карачае началось 1 ноября 1868 г. В торжественной обстановке с участием

имперской администрации состоялось общее собрание жителей всех карачаевских селений. На нем было зачитано объявление начальника Кубанской области о том, что с этого дня крестьяне считаются свободными. После чего под руководством духовенства был проведен намаз с участием верующих всех сословий [12: 30].

Работу по заключению обязательных сделок об освобождении мировой посредник начал в с. Ташкёпюр и Мара. Со второй декады ноября он продолжил работы уже в Большом Карачае, где в крупнейших селениях Карт-Джурт и Учкулан проживало больше всего крепостных. За месяц в Карачае было освобождено 945 чел. (521 мужчина и 424 женщины). В последующем работа продолжилась, и к весне 1869 г. количество освобожденных составило 2806 чел. [9: 729].

Таковы были итоги проведения реформы, которая имела, естественно, и далеко идущие последствия.

Наиболее существенным результатом крестьянской реформы в Карачае, как и в остальных горских регионах, стало предоставление кулам статуса юридически свободного члена общины. Это позволило им активно участвовать в общественной жизни, выдвигать свои кандидатуры на административные должности, вводимые в карачаевских селениях в рамках реформ 1860-х гг. Уже с середины 1870-х гг. за ними закрепились посты во вновь образованных селениях, где кулы составляли абсолютное большинство. В конце же XIX в. они при поддержке участкового начальника С. Шмыткина, пытавшегося ослабить старую знать, были назначены старшинами селения Большого Карачая. Выдвигались они и на другие должности — сельских судей, казначеев и т.д. [4: 40–42].

Эгалитаризм социальной доктрины ислама в Карачае, как и на всем Северном Кавказе, привлекал вольноотпущенников и в ряды духовенства. Уже на первых выборах кадия — руководителя мусульманской общины — всего Карачая в 1870 г. свою кандидатуру выставил вольноотпущенник эфенди Г. Токов [7: 96]. Впоследствии количество духовных лиц подобного происхождения значительно возросло, и спустя ровно 30 лет после официальной отмены крепостного права, 1 ноября 1898 г., выходец из крестьян Джагафар-эфенди Хачиров был утвержден руководством Кубанской области в должности кадия Карачая [3: 5–6].

Освобождение от крепостной зависимости, переселение на новые земли способствовали значительному экономическому росту в среде карачаевского крестьянства. Десятки семей стремительно разбогатели благодаря своей предприимчивости и трудолюбию.

К числу важнейших последствий отмены крепостного права в Карачае относятся выезд кулов из селений Большого Карачая и основание новых населенных пунктов. Этому способствовало закрепление за карачаевцами в 1865 г. около 40 тыс. десятин, из которых 26 тыс. располагалось в междуречье Кумы и Кубани, а 14 тыс. — по левой стороне р. Теберды (около 12 тыс. десятин так и не были в полной мере переданы Карачаю вплоть до 1919 г.) [10: 17]. Еще до официальной полной отмены крепостного права часть вольноотпущенников с разрешения имперской администрации выселилась на новые места. К весне 1868 г., как сообщал Н. Петрусевиц, на р. Маре и у Каменной Башни (современное с. Ташкёпюр — Каменноост) уже проживало несколько десятков дворов [6: 84 об.]. К 1870 г. в статусе поселка существовало с. Сынты, основу которого составили также крепостные, причем в большинстве находившиеся в зависимости от других крепостных [8: 74].

Практически однородные в сословном плане, эти селения первые годы возглавлялись представителями аристократии, что в полной мере соответствовало представлениям горцев о сакральности княжеской власти. Отсутствие в среде бывших крепостных и рабов лиц, обладавших необходимыми организаторскими способностями и управленческими навыками, побуждало к такому выбору старшин и имперскую администрацию.

Так, в с. Мара, расположенном двумя отдельными хуторами по правому притоку р. Кубань, первыми старшинами стали брат последнего олия (правителя) Карачая Бадра-Исмаил Крым-Шамхалов, а также его шурин — представитель абазинского (впоследствии осевшего в Карачае) княжеского рода Мусос Кячев. Селение Ташкёпюр в 1870 г. возглавил Кючук Карамурзин, происходивший из кабардинских князей, переселившихся в Карачай. К княжескому роду принадлежал и старшина с. Сынты (ныне Нижняя Теберда) Асланбек Карабашев, вместе с которым в селение переехала и часть тех, кто был подвластен ему и носил такую же фамилию [2: 47–59].

Наряду с указанными выше аристократическими родами, в селениях Нового Карачая обосновался и ряд семей, принадлежавший ко второй степени княжеских родов, именуемых чанка. Так, в с. Ташкёпюр практически в полном составе переселились такие роды, как Кагиевы (ветвь балкарских таубиев Келеметовых), Айсандыровы (ветвь биев Дудовых), Казиевы и т.д. В с. Мара обосновались чанка Коджаковы и Чипчиковы [1: 54].

В то же время, несмотря на весьма привлекательные географические и климатические условия, представители карачаевского узденства отказались от поселения с бывшими крепостными. Лишь единичные семьи поселились в Маре и Ташкёпюре, в Сынты же их не было вовсе. Во многом это объяснялось тем, что наиболее предприимчивая часть узденей из Учкулана и селений Дуутского ущелья (Дуут и Джазлык) переселилась в Тебердинское ущелье. Здесь во главе с юнкером О. Байчоровым они основали с. Теберди, которое также было практически однородным в сословном плане, включая лишь отдельные семьи кулов или же биев [12: 34].

Несмотря на нежелание переселяться в селения Нового Карачая, как уздени, так и бии уверенно контролировали окружающие земли, сохраняя их в своем пользовании. Это зачастую приводило к поземельным конфликтам между жителями новых селений, стесненными в развитии скотоводства. Уже вскоре все земли были распределены между первыми переселенцами, а те, что прибывали вновь, были на положении иногородних. К этой категории принадлежало 18 % населения с. Сынты и 35 % в Маре [11: 29].

Освобождение крестьян и рабов привело и к значительному изменению в фамильно-родовой структуре карачаевцев. Большинство кулов не имели собственной фамилии и потому, обретая статус свободного человека, были записаны (по принадлежности) на фамилии владельцев. Таким образом практически во всех узденских и княжеских родах появились неродственные ветви, которые тем не менее значительно увеличили численность родов. Однако и поныне, спустя полтора столетия после реформы, большая часть взрослого населения Карачая четко разделяет внутри той или иной фамилии корневые ветви (атауулы), имеющие княжеское или узденское происхождение, от ветвей, образованных бывшими крепостными.

Подводя итог вышеизложенному, можно уверенно сделать вывод о том, что освобождение крестьян стало поистине эпохальным событием в истории Карачая. Оно положило начало значительной трансформации традиционного горского общества, ускорило его социально-экономическое развитие, оказало значительное влияние на все стороны жизни региона.

Источники и литература

1. Архив Карачаевского научно-исследовательского института им. А.И. Батчаева (далее — АКНИИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 72.
2. АКНИИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 121.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 69.
4. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 159.
5. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 129.
6. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 131.
7. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 187.
8. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 197.
9. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653.
10. ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 513.
11. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / отв. ред. Л.И. Лавров; под рук. И.М. Шаманова. Черкесск, 1978.
12. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.

Н.М. Гаджиева

ИЗ ИСТОРИИ ГИГАНТА КAVKAZСКОЙ ТКАЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ — ТЕКСТИЛЬНОЙ ФАБРИКИ ГАДЖИ ЗЕЙНАЛАБДИНА ТАГИЕВА

Экономическое развитие Азербайджана во второй половине XIX в. зависело от интересов Российской империи. Царская Россия рассматривала Азербайджан как источник сырья, и поэтому предприятия перерабатывающей промышленности здесь не создавались. Но в конце XIX в. в правительственных кругах

начали искать средства, чтобы поддержать высокий уровень промышленного развития и преодолеть отставание сельского хозяйства от промышленности во всей империи.

В силу воздействия российского капитализма в Азербайджане тоже происходило расширение капиталистических процессов в экономике: увеличивалась концентрация производства и рабочей силы, росла численность акционерных предприятий, усиливались централизация и обобществление капитала. В этих условиях в Азербайджане была создана фабрика по производству хлопчатобумажной продукции. Это была первая текстильная фабрика на всем Кавказе.

Фабрика принадлежала видному представителю азербайджанской буржуазии Гаджи Зейналабдину Тагиеву. Он был одним из самых богатых людей в мире и отличался от других капиталистов благородством и состраданием. Как один из основоположников национального промышленного предпринимательства в Северном Азербайджане Г.З. Тагиев принимал непосредственное участие во всех важных событиях и процессах, происходивших в стране в то время, и вел такой образ жизни, который был примером для будущих предпринимателей.

Построив крупную текстильную фабрику и вложив средства в производство хлопка и сукна, Тагиев направил содержание экономики Азербайджана из сырьевого в производственное русло, подал пример, как можно бороться против колониальной политики в экономике. Его интерес к созданию такого предприятия был связан как с огромным спросом, которой предъявили крупные мануфактурные фирмы Москвы, Иваново-Вознесенска, Лодзи и другие к сырьевым районам страны, так и со строительством Южно-Кавказской железной дороги, соединившей хлопковые районы Азербайджана с Баку, Поти и Батумом [2: 76].

В 1897 г. Тагиев продал английской компании Э. Губбарда, Г. Гладстона, Дж. Вишау и др. за 5 млн руб. свои нефтяные промыслы и вложил эти деньги в создание фабрики. Но в те годы создание предприятий перерабатывающей промышленности было сопряжено с преодолением серьезных препятствий. Доказательством тому является история создания хлопкоочистительной промышленности и строительства первой и крупнейшей

на Кавказе текстильной фабрики Г.З. Тагиева. В 1897 г. Г.З. Тагиев обратился к царской администрации с просьбой о разрешении учредить в Баку акционерное общество по обработке волокнистых материалов. Сначала ему дали разрешение, потому что, как писал начальник гражданских дел на Кавказе в своем ходатайстве министру финансов, по мнению бакинского губернатора, учреждение упомянутого общества очень полезно и имеет большое значение в плане торговли. Но вскоре дела пошли в обратном направлении. Местные власти издали приказ о прекращении работ под тем предлогом, что Г.З. Тагиев начал строительство завода, не дожидаясь разрешения, и несколько раз штрафовали самого предпринимателя. Выдача разрешения на строительство завода была отложена на три года. Даже после постройки фабрики несколько лет продолжался спор с властями по вопросу аренды земли [1: 19].

Место для завода Г.З. Тагиев выбрал на побережье Каспийского моря, в с. Ахмедлы. Но так как до Тагиева землю арендовали другие люди, то он был вынужден обращаться ко вторым и третьим лицам. До этого участки земли здесь арендовали братья Нобели, С.М. Шибаев и др. Одной из трудностей, с которыми столкнулся предприниматель, было то, что деревням разрешалось сдавать землю в аренду только на 30 лет. Это был очень короткий срок для крупного промышленного предприятия. Несмотря на это Г.З. Тагиев представил договоры в администрацию города с просьбой заменить их единым договором с Министерством сельского хозяйства на 99 лет. В то время газета «Новое время» выступила с нападками на Г.З. Тагиева, обвинив его в подлоге документов и захвате государственных земель. Начальник управления государственными имуществом К.А. Шапошников также заявил, что у сел Ахмедлы и Зиг нет желания сдавать общинные земли в аренду. Однако упомянутые иностранные капиталисты арендовали у общин десятки тысяч десятин земли. Наконец в Министерство сельского хозяйства обратился сам Г.З. Тагиев. Министерство одобрило строительство завода и показало, что никакого мошенничества не было. Таким образом, завод начали строить на площади более 22 десятин [5: 5–7].

В 1900 г. в с. Ахмедлы г. Баку начала действовать текстильная фабрика акционерного общества по переработке кавказского волокна.

После того как фабрика была готова, ряд российских магнатов забеспокоился. Мысль о том, что на российском и мировом рынках появится новый конкурент, вынудила их обратиться к высшему руководству страны и поставить через него барьер перед Тагиевым. Они добились того, чего хотели. Г.З. Тагиеву разрешалось производить только бязь [7]. Продукция фабрики на первых порах продавалась на Кавказе, в Туркестане и Персии, а затем стала отправляться во все мусульманские страны. Ее покупали для погребения покойников, из нее шили одеяния те, кто совершал паломничество к святым местам — в Мекку, Кербелу, Хорасан, ведь данная бязь была выткана на фабрике мусульманина руками правверных рабочих и мастеров.

В целях обеспечения своих фабрик необходимым сырьем Г.З. Тагиев попытался создать собственное хлопководческое хозяйство. В 1893 г. он приобрел часть имения Евлах-мюльки (вблизи г. Евлах) в Джеванширском уезде Елисаветпольской губернии площадью 26 тыс. десятин. В первые же годы под посевы хлопка было отведено 40–50 десятин. В 1897 г. — 250 десятин, а в 1912 г. — 1,2 тыс. десятин [3: 118].

Вся фабрика со всеми зданиями и машинами обошлась предпринимателю в 3310 тыс. руб. Первое время фабрика работала в убыток. Один пуд продукта стоил предпринимателю 24 руб. 63 коп., а на рынке он продавался за 18 руб. 70 коп. Разница составила 5 руб. 93 коп. Такое положение было связано с новизной работы, конкуренцией московских и лодзинских заводов, нехваткой опытных кадров [5: 8–10].

К 1903 г. предприятие значительно выросло. Это потребовало дополнительных капиталовложений. Весной 1902 г. капитал компании был увеличен до 4 млн руб. путем выпуска 2 тыс. акций по 1000 руб. и 8 тыс. акций по 250 руб. Г.З. Тагиев по-прежнему оставался владельцем контрольного пакета акций и управляющим директором компании. В совет директоров входило четыре человека. Фабрика Тагиева стала крупнейшей текстильной фабрикой на Кавказе. Уже в 1904 г. объем ее производства оценивался

в 2,2 млн руб., а в 1911 г. вместе с филиалом в Порт-Петровске (ныне Махачкала) — почти 3,5 млн руб.

С началом Первой мировой войны предприятие стало снабжать текстилем армию. Только в 1915 г. для нужд военной администрации было произведено до 4 млн аршин холста и 300 млн аршин парусинового сукна [6: 7].

Текстильная фабрика Г.З. Тагиева было построена архитектором И. Гославским как единый производственно-жилой комплекс. Это был первый рабочий поселок в Баку, построенный по особому плану. На этом предприятии рабочие были обеспечены бесплатным жильем. Кроме того, для рабочих были построены бесплатная больница, школа и электростанция [4: 110]. На фабрике также был клуб-театр, где действовали азербайджанские и русскоязычные кружки. При клубе был оркестр из любителей-рабочих. Имелась также библиотека-читальня.

По сведениям 1912 г., на текстильной фабрике работало 1475 рабочих. 70 % из них были азербайджанцами, 20 % — русскими, 10 % — представителями других национальностей [1: 38–46]. Среднегодовая заработная плата рабочего составляла 154 руб. 84 коп. В те времена белый хлеб первого вида стоил 4 коп., говядина — 12 коп., баранина — 13 коп., мыло — 15 коп., а цена горячей пищи в столовой была от 4 до 15 коп.

Построив текстильную фабрику в Баку, Г.З. Тагиев не только помог создать в Азербайджане новую промышленную зону, которая давала ценную экспортную продукцию и большие доходы. Большим результатом ее открытия стало обеспечение тысяч бедняков работой.

Источники и литература

1. Алиева Л.М. Рабочие-текстильщики Баку в начале XX в. Баку, 1969.
2. Ибрагимов М.Дж. Предпринимательская деятельность Г.З. Тагиева. Баку, 1990.
3. Исмаилов М.А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — в начале XX в. Баку, 1964.
4. Исмаилов М.А. Промышленность Баку в начале XX века. Баку, 1976.

5. Первая в Закавказье фабрика обработки волокнистых веществ. М., 1902.
6. Сеидзаде Д.Б. Азербайджан в начале XX века: путь к независимости. Баку, 2018.
7. Сулейманов М. Дни минувшие... : [Баку в начале XX в.]. Баку, 1990.

Д.М. Эдиев

ВОЗРАСТНАЯ АККУМУЛЯЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМАХ СЧИСЛЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

Возрастная аккумуляция (искажение возрастной структуры населения из-за округления респондентами переписей и обследований своего возраста) обычна для исторических демографических данных для регионов с высокой долей неграмотного населения. В типичном случае аккумуляция происходит в «круглых» возрастах, кратных пяти и (в большей степени) десяти, в связи с чем стандартные индексы возрастной аккумуляции (Уипла и Миерса) опираются на анализ частот возрастов, оканчивающихся на цифры от 0 до 9, и степени возвышения частот возрастов на 0 и 5 [1; 7–9; 11]. Аккумуляция особенно ярко проявляется в ранних переписях населения, хотя даже в современных переписных данных можно наблюдать ее последствия [10].

Интересно, что структура возрастной аккумуляции по ранним переписям населения некоторых регионов Кавказа не укладывается в традиционную схему и проявляет следы дополнительной аккумуляции в возрастах, кратных 20, что, видимо, является отголоском бытовавшей у горских кавказских народов двадцатеричной системы исчисления, в которой, например, возраст 60 является круглым («три двадцатки»), а возраст 50 — только частично («две двадцатки и десять»). Характерный пример приведен на рис. 1, где представлена структура по возрасту мужского (справа) и женского (слева) карачаевского населения Баталпашинского отдела Кубанской области, восстановленная по данным Первой всеобщей

переписи населения Российской империи 1897 г. [6: 53]. Заметно, что аккумуляция наиболее значительна в возрастах, круглых в двадцатеричной системе счета, практиковавшейся карачаевцами (табл. 1). В резком расхождении с обычной картиной аккумуляции возрастов концентрация людей в возрасте 60 не уступает или даже (у женщин) превышает концентрацию в возрасте 50, обычно вызывающем наибольшую аккумуляцию (например, см. сведения по регионам Российской империи вне Кавказа [4] и регионам мира по данным ООН [10]). Еще более ярко аккумуляция в возрастах, кратных 20, проявляется в более ранних данных, покрывавших лишь часть карачаевского населения [3; 5] (см., например, рис. 2).

Таблица 1. Десятичные числа в двадцатеричной и десятичной системах счета, практиковавшихся карачаевцами

Число	В десятичной системе	В двадцатеричной системе	Перевод названия числа в двадцатеричной системе
10	Он	Он	
20	Джыйырма	Джыйырма	
30	Отуз	Отуз	
40	Къыркъ	Эки джыйырма	‘Две двадцатки’
50	Элли	Эки джыйырма бла он	‘Две двадцатки и десять’
60	Алмыш	Юч джыйырма	‘Три двадцатки’
70	Джетмиш	Юч джыйырма бла он	‘Три двадцатки и десять’
80	Сексан	Тёрт джыйырма	‘Четыре двадцатки’
90	Токъсан	Тёрт джыйырма бла он	‘Четыре двадцатки и десять’
100	Джюз	Джюз	

По всей видимости, похожие результаты можно ожидать и для других горских народов Кавказа, которые практиковали двадцатеричный счет (абазины, абхазы, осетины, вайнахи и др.). К сожалению, у автора не имеется данных по этим народам, которые могли бы подтвердить распространение двадцатеричного счета у них в XIX — начале XX в., когда возрастная аккумуляция была всё еще сильна в российских данных.

За неимением лучшего обратимся к региональным данным переписей населения 1897 и 1926 гг. [2; 4]. С целью выявления степени двадцатеричной аккумуляции рассмотрим два индекса относительной аккумуляции:

1) отношение средней численности в возрастах 40 и 60 (круглых в двадцатеричной системе) к средней численности в интервале 33–72 года (по аналогии с традиционным индексом Уипла [11]) в сравнении с аналогичным отношением для возрастов, кратных 10, в том же интервале (40, 50, 60 и 70 лет);

2) отношение численности в возрасте 60 лет к средней численности в возрастах 33–72 года в сравнении с отношением численности 50-летних к средней численности в возрастах 33–72 года. Результаты сравнения указанных индексов аккумуляции в возрастах, кратных 20 и 10, по переписным данным для регионов Кавказа и некоторых других регионов показаны на рис. 3 и 4 вместе с картиной, обычной для данных по регионам мира с выраженной возрастной аккумуляцией [10]. На диаграммах не приведены результаты по большинству регионов Российской империи и СССР, а также по данным ООН, поскольку эти данные не показывают особенностей, связанных с округлением в двадцатках.

Таким образом, можно предварительно заключить, что аккумуляция в двадцатках, отражающая бытовавшую двадцатеричную систему счета, характерна именно для некоторых (видимо горских) народов Кавказа (возможно также и для части населения Нахичевани). Более того, несмотря на лингвистические следы в языках за пределами Кавказа (например, 80 во французском — *quatre-vingt*, староанглийском (религиозное) — *eight periods*), аккумуляция наблюдается в данных конца XIX–XX вв. именно на Кавказе. В любом случае демографическое явление аккумуляции возрастов оказывается удобным объективным маркером распространения систем счета и может сыграть важную роль как этнографический источник. Необходимо более широкое исследование, опирающееся на архивные статистические сведения по возрастной структуре народов и отдельных населенных пунктов, для того чтобы установить более точную и детальную картину распространения двадцатеричной системы счета у народов Кавказа и вне его.

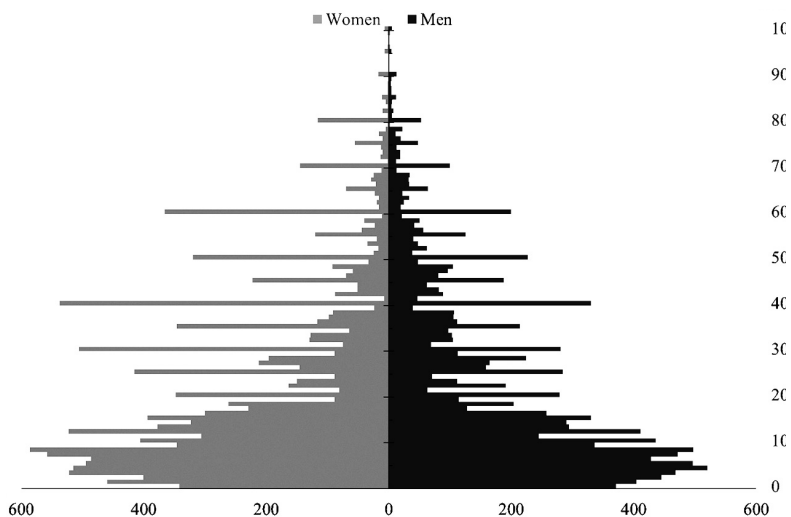


Рис. 1. Половозрастная структура карачаевцев, реконструированная по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [6: 53]

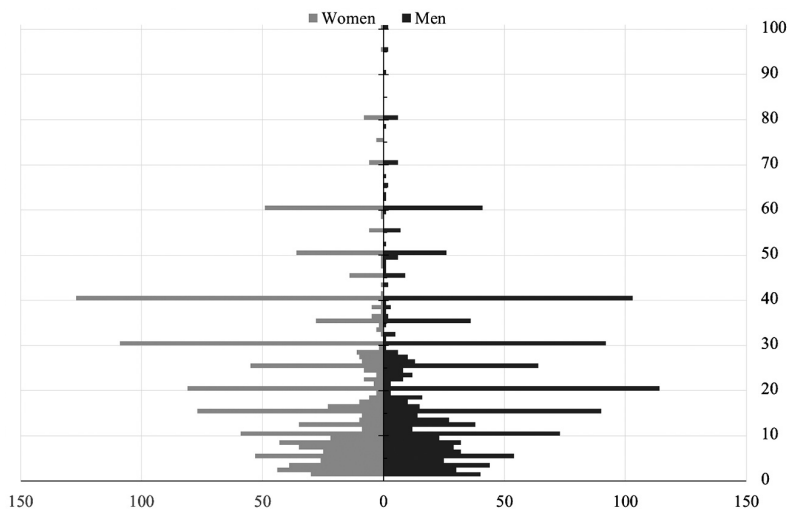


Рис. 2. Половозрастная структура карачаевцев согласно сведениям о зависимых сословиях 1865 г. [2: 1-133]

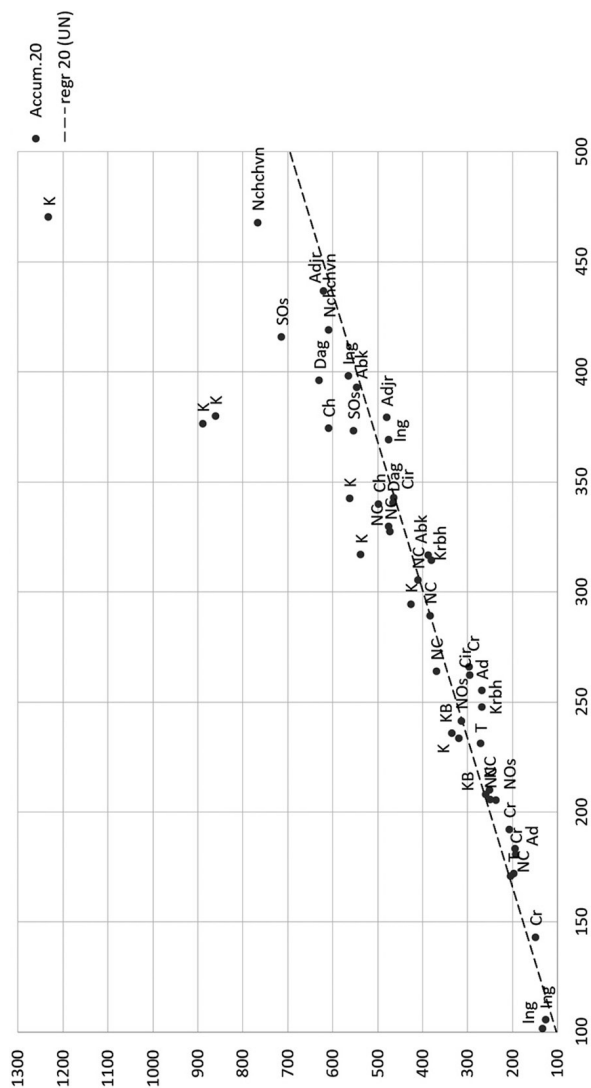


Рис. 3. Индекс аккумуляции в возрастах 40 и 60 лет (к средней численности в возрастах 33–72 года), вертикальная шкала, в сравнении с индексом аккумуляции в возрастах 40, 50, 60 и 70 лет (к средней численности в возрастах 33–72 года), горизонтальная шкала. Пунктирная линия показывает линию регрессии по страновым данным с традиционной аккумуляцией [10]. Буквенные сокращения: Ad — Адыгей; Adjr — Аджария; Ch — Чечня; Cig — Черкесский АО; Cr — крымские татары; Dag — Дагестан; Ing — Ингушетия; K — карачаевцы; KB — Кабардино-Балкария; Krbh — Карабах; NC — Северный Кавказ; Nchchn — Нахичевань; NOs — Северная Осетия; SOs — Южная Осетия; T — Татарская АССР

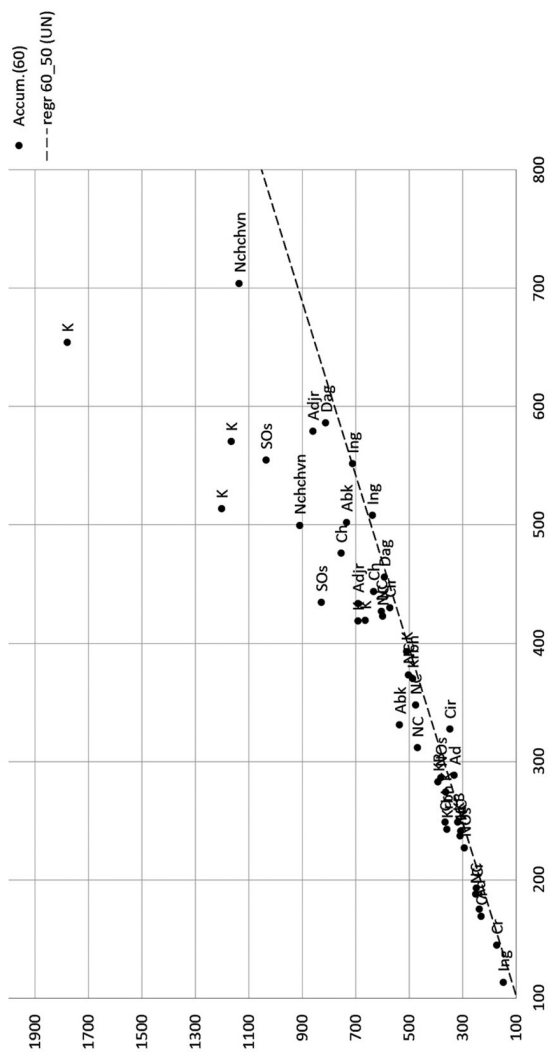


Рис. 4. Индекс аккумуляции в возрасте 60 лет (к средней численности в возрастах 33–72 года), вертикальная шкала, в сравнении с индексом аккумуляции в возрасте 50 лет (к средней численности в возрастах 33–72 года), горизонтальная шкала. Пунктирная линия показывает линию регрессии по страновым данным с традиционной аккумуляцией [10]. Буквенные сокращения: Ad — Адыгея; Adjr — Аджария; Ch — Чечня; Cr — Черкесский АО; Cr — крымские татары; Dag — Дагестан; Ing — Ингушетия; K — карачаевцы; KB — Кабардино-Балкария; Krbh — Карабах; NC — Северный Кавказ; Nchchn — Нахичевань; NOs — Северная Осетия; SOs — Южная Осетия; T — Татарская АССР

Источники и литература

1. Боярский А.Я. Курс демографической статистики. М., 1945.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 16.09.2022).
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 129.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 16.09.2022).
5. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 60.
6. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.
7. Myers R.J. Errors and bias in the reporting of ages in census data // Transactions of the Actuarial Society of America. 1940. Vol. XLI. Part 2. No. 104. P. 411–415.
8. Nagi M.H., Stockwell E.G., Snavley L.M. Digit Preference and Avoidance in the Age Statistics of Some Recent African Censuses: Some Patterns and Correlates // International Statistical Review. 1973. Vol. 41. No. 2. P. 165–174.
9. Pardeshi G.S. Age Heaping and Accuracy of Age Data Collected During a Community Survey in the Yavatmal District, Maharashtra // Indian Journal of Community Medicine. 2010. Vol. 35. No. 3. P. 391–395.
10. Population by age, sex and urban/rural residence // United Nations Statistics Division. Demographic Statistics Database. URL: <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode%3A22> (дата обращения: 16.09.2022).
11. Shryock H.S., Siegel J.S. The Methods and Materials of Demography. Washington D.C., 1973.

Д.С. Кокорхоева

ЭТНОДЕМОГРАФИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА 1920–1930-х гг.

Вопросы этнодемографии Северного Кавказа относятся к традиционным, но недостаточно изученным на материалах ранне-советского общества. Эти вопросы важны для понимания причин и мотивов выбора статуса и границ автономных образований в 1920–1930-х гг., разногласий и конфликтов, методов поддержания межэтнического согласия.

Цель публикации — установить изменения численности и географии проживания народов Северного Кавказа в 1920–1930-х гг. и их влияние на формирование автономных образований.

Работа выполнена в соответствии с методологическими принципами социального конструктивизма. Это позволяет разграничить реальные этнодемографические процессы на Северном Кавказе, а также их отражение в программах и результатах переписей населения 1926 и 1939 гг., в текущем статистическом учете и документах партийных, советских, хозяйственных органов. Конструктивизм применительно к этнической истории дает возможность прояснить цели национальной политики, способы ее аргументации путем составления перечня народов и их ранжирования, осмысления советскими чиновниками и этнографами 1920–1930-х гг. сложных языковых и территориальных явлений [7].

Вопросы этнодемографии Северного Кавказа 1920-х гг. изучались такими советскими историками, как Н.Г. Волкова [2], Ю.А. Поляков [8], В.М. Кабузан [6]. В современной историографии круг аспектов темы значительно расширился, что характерно для работ А.А. Цуциева [13], С.А. Хубуловой [12], С.И. Аккиевой [1]. Внимание стало уделяться картографированию ареалов расселения народов, депортации сунженских казаков, территориальным спорам между административными единицами, влиянию статистики населения на районирование Северного Кавказа. В то же время изменения численности и географии проживания

народов Северного Кавказа в 1920–1930-х гг. и их влияние на формирование автономий изучены недостаточно.

Большевистская партия в практике национальной политики 1920-х — начала 1930-х гг. принципиально исходила из модели этнического федерализма. Основанием для наделения внутригосударственной территории статусом автономии был этнический и языковой состав населения. Это означало, что создается многонациональное государство, в котором каждый народ должен был получить определенный политический статус. Данному замыслу соответствовала политика коренизации. Но не все из примерно 600 этнических групп, зафиксированных Всесоюзной переписью населения 1926 г. [7: 189, 192], могли быть признаны нациями в силу стадийных различий уровня экономического, социального и культурного развития. Статусы союзной республики, автономной республики, автономной области и автономного округа очевидно были неравны, а понимание «титულных» народов в законодательстве и идеологических текстах ставило «нетитулные» народы в приниженное положение. Фактически неравенство сохранялось. Также конструирование наций в СССР на основе крупных этнических групп поощряло некоторое соперничество между народами и потенциально могло привести к фрагментации государства. По мере нарастания угрозы мировой войны, укрепления партийно-государственной власти, признания идей построения социализма «в отдельно взятой стране» постепенно в первой половине 1930-х гг. возобладали обратные тенденции — к строительству единой политической нации, названной позже советским народом.

Горская АССР была создана декретом ВЦИК 20 января 1921 г. путем выделения южной части территории бывшей Терской области площадью 31 752,7 кв. верст с населением 819,6 тыс. чел. Наибольшую часть данной автономной республики составили бывшие дореволюционные округа: Нальчикский (с населением 188,9 тыс. чел.), Грозненский (174,6 тыс. чел.), Владикавказский (171,5 тыс. чел.), а также Веденский, Сунженский, Назрановский и горная часть Баталпашинского округов. Численность их населения указана по докладу члена краевого экономического совета Юго-Востока России А.М. Стопани о новом

административно-территориальном делении [5: 18–20]. Горская АССР состояла из созданных по этническому признаку автономных округов, а также г. Грозного и Владикавказа.

Согласно итогам всероссийской переписи населения 1920 г. (они были неполными из-за продолжавшейся Гражданской войны), титульные народы составляли в Горской АССР 75 % жителей, а русские — 19,1 % (причем половина русских проживала в г. Грозном и Владикавказе). С осени 1920 по зиму 1921 г. Реввоенсовет Кавказской армии труда по директиве Кавказского бюро ЦК РКП(б) провел выселение части сунженских казаков (до 15 тыс. чел.) в Ставропольскую губернию. Кабардинцы и балкарцы суммарно составляли в своей автономии 79,1 % населения, осетины — 86,2 %, ингуши — 97,5 %, чеченцы — 98,8 % [10: 28–51; 11: 54–55]. Дагестанская АССР была провозглашена в 1920 г. с территорией 31,3 тыс. кв. км и с населением 795,6 тыс. чел., в том числе русские составляли 5,9 % (после присоединения Кизлярского округа к Дагестану в 1922 г. доля русских возросла до 11,4 % жителей) [9: 14; 14]. В итоге удалось смягчить неравенство землепользования между русскими и горскими населенными пунктами, отчасти преодолеть чересполосицу их угодий. Горские народы получили около 400 тыс. десятин земли, в том числе необрабатываемой. Таким способом центральная и краевая власть стремилась создать этнически однородные автономии, свести к минимуму территориальные споры. Но удавалось это далеко не всегда, часто из-за полиэтничного населения пограничных местностей (например, аула Лескен между Кабардино-Балкарией и Северной Осетией), сложного традиционного землепользования.

На протяжении 1922 — первой половины 1924 гг. от Горской АССР отделились Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская автономные области. Районирование Северного Кавказа летом 1924 г. было проведено с сохранением сложившихся к тому времени автономных областей (уточнялись только их границы). Важным новшеством стало переподчинение имевших преимущественно русское население г. Грозного и Владикавказа, Сунженского округа непосредственно Северо-Кавказскому краю, а также создание автономных округов и районов внутри автономных областей.

Органы власти продолжали соблюдать этноязыковой принцип при выборе административных границ автономий, что подтверждается результатами Всесоюзной переписи населения 1926 г. В том числе титульные народы составили: автохтонные народы в Дагестанской АССР — свыше 82 %, чеченцы в Чеченской АО — 94,0 %, ингуши в Ингушской АО — 93,1 %, осетины в Северо-Осетинской АО — 84,1 %, русские в Сунженском округе — 89,4 %, русские во Владикавказском округе — 51,3 %, русские в Грозненском округе — 70,2 %, кабардинцы и балкарцы в Кабардино-Балкарской АО — 76,3 %, карачаевцы в Карачаевской АО — 81,3 %, кабардинцы и черкесы в Черкесской АО — 40,5 %, адыги в Адыгейской (Черкесской) АО — 46,0 % [4, т. 9: 34–51; т. 10: 9–13; т. 11: 8–17; т. 14: 6–16; т. 15: 8–13; т. 16: 8–12; т. 17: 8–25]. Однако следует учитывать, что процент русского населения был значительно снижен при переписи 1926 г. вследствие украинизации, а многие русские были записаны украинцами. Также многие народы имели сложную идентификацию, называя себя прежде всего обобщенно — мусульманами. Ряд народов не имел этнической письменности, пользуясь арабской графикой. В некоторой мере перечень народов Северного Кавказа, их подразделение на титульные и нетитульные стали итогом творчества советских этнографов и статистиков [7: 200–203].

В то же время идеал этнической однородности был недостижимым и по природно-географическим, и по экономическим, и по историческим причинам. Например, скотоводство зачастую сопряжено было с отгоном отар на значительные расстояния, а в городах проживавшие рядом народы вели торговлю и занимались ремеслами. Неизбежна поэтому была задача обеспечения равноправия и представительства в органах управления этнических меньшинств, чаще всего проживавших компактно. Так, по переписи 1926 г., русские в Адыгее составляли 25,6 % жителей, в Дагестане — 12,6 %, в Кабардино-Балкарии — 7,5 %, в Северной Осетии — 6,6 %, в Черкесии — 4,0 %, в Чечне — 2,9 %, в Карачае — 1,7 %; чеченцы в Ингушетии — 3,4 % и Грозненском округе — 2,0 %; украинцы в Адыгее — 23,3 %, Кабардино-Балкарии — 8,4 %, Грозненском округе — 8,0 %, в Сунженском округе — 7,2 %, в Северной Осетии — 6,8 %, во Владикавказском округе — 5,1 %,

в Карачае — 4,4 %, в Черкесии — 3,7 %; ингуши во Владикавказском округе — 1,9 %; осетины во Владикавказском округе — 13,8 %, в Карачае — 4,8 % и в Кабардино-Балкарии — 2,0 %; армяне во Владикавказском округе — 8,3 % и Грозненском округе — 6,0 %; грузины во Владикавказском округе — 6,4 %; татары (вероятно в их число включались и азербайджанцы) в Грозненском округе — 3,2 %; абазины в Черкесии — 29,7 % и в Карачае — 4,2 %; ногайцы в Черкесии — 16,8 % [4, т. 9: 34–51; т. 10: 9–13; т. 11: 8–17; т. 14: 6–16; т. 15: 8–13; т. 16: 8–12; т. 17: 8–25]. По отношению к ряду народов (русским, немцам, армянам, грекам, шапсугам и др.) проводился курс создания автономных округов и районов. Но многие этнические группы (грузины, горские евреи, евреи, персы, белорусы и т.д.) не получили форм территориальной автономии. Это усилило неравенство статусов народов и административных единиц в рамках этнического федерализма.

Важным аспектом этнодемографии были различия в степени модернизации территорий, что можно установить по удельному весу городского населения среди различных народов. Косвенно уровень урбанизации дает сведения о степени распространения современных городских профессий, о представленности народов в престижных социально-профессиональных группах. В Северо-Кавказском крае (по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г.) проживали в городах 26,3 % русских, 11,4 % украинцев, 54,6 % армян, 96,7 % евреев, 13,6 % немцев, 0,7 % чеченцев, 8,8 % осетин, 1,2 % кабардинцев, 3,4 % ингушей, 1,8 % черкесов, 3,1 % карачаевцев, 1,2 % балкарцев.

В Дагестанской АССР на декабрь 1926 г. жили в городах 33,7 % русских, 57,0 % украинцев, 82,5 % армян, 87,4 % евреев и 84,2 % горских евреев, 34,7 % азербайджанцев, 27,8 % немцев, 1,5 % аварцев, 0,8 % даргинцев, 2,3 % лезгин, 7,4 % кумыков, 2,8 % лакцев, 3,2 % чеченцев, по 0,1 % — табасаран и ногайцев [4, т. 9: 34–51; т. 10: 9–13; т. 11: 8–17; т. 14: 6–16; т. 15: 8–13; т. 16: 8–12; т. 17: 8–25].

Таким образом, повышенный уровень урбанизации отмечался по переписи 1926 г. среди русских, украинцев, евреев, армян, азербайджанцев и немцев, а не среди титульных народов в автономиях Северного Кавказа. При такой системе расселения массовое вовлечение представителей коренных народов Северного

Кавказа в современную промышленность, органы власти, научные и образовательные учреждения потребовало колоссальных длительных усилий.

Представляет интерес также сравнение переписей 1926 и 1939 гг. на предмет удельного веса народов и их численности в автономиях (проценты приводятся в текущих административных границах на время переписей). Так, в Дагестане удельный вес аварцев в населении республики вырос за 1926–1939 гг. с 17,6 до 24,8 %, даргинцев — с 13,8 до 16,2 %, русских — с 12,5 до 14,3 %, лакцев — с 5,1 до 5,6 %, азербайджанцев — с 3,0 до 3,3 %. Уменьшился удельный вес лезгин — с 11,5 до 10,4 %, кумыков — с 11,2 до 10,8 %, табасаран — с 4,0 до 3,6%, ногайцев — с 3,3 до 0,5%. Процент горожан среди русских в Дагестане вырос с 33,7 до 67,3 %, азербайджанцев — с 34,7 до 38,2 %, кумыков — с 7,4 до 19,1 %, но у остальных народов не превысил 13 % [3; 4, т. 9: 34–51; т. 10: 9–13; т. 11: 8–17; т. 14: 6–16; т. 15: 8–13; т. 16: 8–12; т. 17: 8–25]. То есть прирост численности и удельного веса народов Дагестана, проживавших в высокогорье, превышал таковой у равнинных народов (исключение — русские и азербайджанцы, которые в большей мере были носителями городских, индустриальных профессий). Сказывалась и тенденция властей в 1930-х гг. сокращать список народов.

В нескольких автономиях (Адыгее, Карачае, Кабардино-Балкарии) этнический состав значительно изменился вследствие передачи в их состав равнинных местностей и городов. Так, в Адыгее совокупный удельный вес русских и украинцев за 1926–1939 гг. вырос с 49,1 до 73,6 %, а черкесов и кабардинцев — сократился с 46,1 до 22,8 %, поскольку автономия получила г. Майкоп и Гиагинский район. В Карачаевской автономной области, к которой был присоединен Баталпашинский район, удельный вес карачаевцев снизился с 81,3 до 46,8 % всех жителей, а совокупно русских и украинцев — вырос с 6,1 до 44,5 %. В Кабардино-Балкарии, получившей Прохладненский и Майский районы, процент кабардинцев сократился с 60,0 до 42,4 %, балкарцев — с 16,3 до 11,3 %, а совокупно русских и украинцев — вырос с 15,9 до 39,0 % [4: т. 9: 34–51; т. 10: 9–13; т. 11: 8–17; т. 14: 6–16; т. 15: 8–13; т. 16: 8–12; т. 17: 8–25; 3].

Наиболее масштабные изменения произошли в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР, образованных путем объединения автономий с различным этническим составом населения. Так, перепись 1926 г. зафиксировала на территории будущей Чечено-Ингушской АССР 70,0 % чеченцев, 16,8 % ингушей и 10,7 % совокупно русских и украинцев, тогда как чеченцы составляли 94,0 % жителей Чеченской АО, ингуши — 93,1 % жителей Ингушской АО, русские и украинцы — 78,2 % населения Грозненского и 96,6 % — Сунженского округов. Перепись 1939 г. отмечала в сопоставимых границах Чечено-Ингушской АССР следующий состав населения: чеченцы — 52,9 %, русские — 28,8 %, ингуши — 12,0 %. Совокупная территория Северо-Осетинской АО и Владикавказского округа в 1926 г. имела состав населения: осетины — 60,3 %, русские и украинцы — 28,0 %, армяне — 3,0 %, грузины — 2,4 %, немцы — 0,95 %, ингуши — 0,66 %. Сопоставимая территория Северо-Осетинской АССР в 1939 г. имела 50,3 % осетинского населения, 39,3 % — русского и украинского, 2,7 % — армянского, по 1,9 % — грузинского и ингушского, 0,89 % — немецкого. При этом удельный вес городских жителей оставался в 1939 г. неравномерным среди различных народов. В Чечено-Ингушетии горожане составили 97,0 % армян, 61,8 % русских, 6,7 % чеченцев и 1,5 % ингушей; в Северо-Осетинской АССР — 98,3 % ингушей, 91,0 % армян, 87,2 % грузин, 62,3 % русских и 13,7 % осетин [3; 4, т. 9: 34–51; т. 10: 9–13; т. 11: 8–17; т. 14: 6–16; т. 15: 8–13; т. 16: 8–12; т. 17: 8–25]. Эти изменения состава населения объяснялись интенсивным развитием промышленности и транспорта в автономиях, привлекавшим переселенцев из других регионов РСФСР.

Таким образом, изменения численности и географии проживания народов Северного Кавказа в 1920-х гг. были вызваны как неравномерностью модернизации различных территорий, преимущественно сельским или городским образом жизни, так и национальной политикой коренизации, нацеленной на преодоление имперского наследия, на повышение статуса народов Северного Кавказа. Этническая модель федерализма, принятая в советском обществе, предполагала максимальное совмещение границ автономных образований с ареалами проживания

народов. Но достичь этого было крайне сложно часто из-за полиэтничного населения пограничных местностей, особенностей традиционного землепользования. В 1930-х гг. органы власти постепенно перешли к другому курсу, требовавшему сплотить полиэтничное население вокруг сильного государства, модернизировать общество, что побудило сделать более умеренной риторику этнического федерализма. Передача укрупненным автономным республикам городов и районов с преимущественно славянским населением сделала автономии более полиэтничными, но в то же время поощряла урбанизацию титульных народов Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Аккиева С.И. Советская модернизация как детерминанта поселенческих и этнодемографических процессов в Кабардино-Балкарии с 1920 по 1940 г. // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 10 (54). С. 72–77.

2. Волкова Н.Г. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы советской власти // *Советская этнография*. 1965. № 2. С. 40–56.

3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=13 (дата обращения: 12.08.2022).

4. Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. М., 1929. Т. 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17.

5. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 53.

6. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: этностатистическое исследование. СПб., 1996.

7. Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 177–206.

8. Поляков Ю.А. Страна Советов во время образования СССР: национальный состав населения // *История СССР*. 1985. № 1. С. 67–86.

9. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 126.

10. Труды Центрального статистического управления СССР. Т. XX, Ч. IV. М., 1927.

11. Труды Юго-Восточной плановой комиссии при Крайэкономсовете Юго-Востока России. Вып. 2: Статистический справочник Юго-Востока России / под общ. ред. В.С. Орлова, А.А. Пономарева. Ростов н/Д., 1923.

12. Хубулова С.А. «Неудобный класс»: некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного северо-кавказского крестьянства. Владикавказ, 2003.

13. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

14. Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М. Расселение русских в Дагестане: история и современность // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15564> (дата обращения: 11.08.2022).

А.Ю. Рожков

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)¹

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. (далее — ВПН), как и переписей 1920 г. и 1923 г., довольно часто используются при исследовании Северо-Кавказского региона в 1920-е гг. Вместе с тем поколенческий аспект практически не становился предметом отдельного изучения. Задача настоящей статьи — попытаться в отведенных рамках хотя бы частично восполнить этот пробел.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

В демографии поколение обычно представляется как частный случай когорты, или группы людей, родившихся в один календарный период от одного года до нескольких лет (ровесников). Между тем Я.С. Улицкий справедливо полагал целесообразным в демографической статистике исходить из синтеза двух подходов к поколению: поколение как совокупность и поколение как интервал времени [12: 26–27]. По Х. Ортеге-и-Гассету, поколение обладает объединяющими его признаками, определяющими глубинную общность судьбы: единством возраста и жизненного пространства [9: 261–262].

Под молодым поколением 1920-х гг. мы условно понимаем социально-демографическую общность сверстников, сосуществующих в большом кругу, выделяемую прежде всего на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных ими социально-психологических свойств. Такая укрупненная группа в зависимости от возраста синхронно проходит через одни и те же фазы жизненного цикла. Эта общность локализована не только территориально, но и исторически, поскольку переживает одни и те же события в одном и том же возрасте [11: 18–19].

Понятие «молодое поколение» шире, чем более распространенное понятие «молодежь», поскольку объединяет несколько возрастных групп. Нам представляется более релевантной (хотя не всегда совпадающей с принятыми в демографии интервалами когорт) такая классификация молодого поколения 1920-х гг.: дети до 12 лет, подростки 12–16 лет, молодежь 16–24 лет. Эти три возрастные группы вполне отражают социально-историческую специфику 1920-х гг. с довольно ранней первичной и трудовой социализацией молодого поколения. Там, где интересы исследования потребуют выделить специфические особенности возрастных категорий молодого поколения, без труда возможно вычленение групп детского возраста 5–9 и 10–14 лет, а также выход за верхнюю возрастную границу для рассмотрения ближайшей старшей когорты 25–29 лет («молодые взрослые»).

Перепись 1926 г. не была однодневной, как принято считать, а проводилась в течение 7 дней в городах и 14 дней в сельских местностях [2: 29]. Материалы ВПН дают возможность

реконструировать социально-демографический портрет поколения «революционного перелома» (в терминологии Ю.А. Левады [7: 41–42]), на плечи которого выпали эпохальные события. Статистический инструментарий ВПН включал три основных формуляра: личный листок, семейную карту и владенную ведомость. Пол являлся сквозным признаком разработки. Семейное состояние выявлялось для всех групп населения старше 15 лет. Для Дагестана и автономий Северного Кавказа этот порог понижался до 10 лет [4: 254–268]. В отличие от переписей 1920 г. и 1939 г. вопрос о национальности в ВПН не задавался. При ответе на вопрос о народности (в основу регистрации которой был положен принцип самоназвания) в скобках делалась дополнительная отметка о принадлежности к казачеству по самоопределению опрашиваемого. При отсутствии записи о принадлежности к казачеству у детей, но при наличии таковой у отца делалась соответствующая запись в ответах детей. В обратном случае, если отец относил себя к казачеству, но сын прямым ответом отрицал эту свою принадлежность, запись сына была определяющей [6: III, IV].

Итоги переписи показали, что общая численность детей, подростков и молодежи в возрасте до 24 лет по Северному Кавказу составила 5009,4 тыс. чел., или 59,9 % (с когортой 25–29-летних — 68,4 %), всего населения исследуемого региона, что на 1,8 % выше среднего показателя по СССР и на 1,6 % — по РСФСР в 1926 г. Соотношение мужчин и женщин среди молодого поколения было 2484,0 (49,6 %) и 2525,4 (50,4 %) тыс. чел. соответственно. Подавляющее большинство молодых людей (82,1 %) проживало в сельской местности, что вполне соответствовало специфике Северо-Кавказского региона как аграрного [3, т. 5: 136].

Для данного исследования анализ возрастных групп приобретает первостепенное значение. Самая многочисленная возрастная группа — дети 1922–1926 г. рождения (0–4 года) — составляли 14,2 % всего населения Северного Кавказа и 23,7 % молодого поколения региона. Это указывает на относительно высокую рождаемость в послевоенные годы, хотя и не достигшую довоенного уровня. В то же время высокой была и детская смертность. В 1925 г. в Кубанском округе в возрасте до одного года умирал каждый пятый родившийся ребенок. Еще 13,2 %

умерших, или почти 8270 чел., составили дети в возрасте от 1 до 12 лет [8, т. 2: 14]. Однако ряд демографов ссылается на недоучет рождений в этой группе и предлагает применять к данным ВПН минимально необходимую поправку в 0,9 % [1: 17–20].

Детей в возрасте 5–9 лет, родившихся в 1917–1921 гг., насчитывалось гораздо меньше — 817,4 тыс. чел. (9,8 % всего населения региона и 16,3 % молодого поколения). Это была самая малочисленная группа среди молодого поколения. Причина столь низкого показателя кроется в самом времени рождения, отмеченном естественным спадом рождаемости и ростом смертности вследствие двух войн, миграций, эпидемий и голода. Как отмечает В.П. Данилов, «эта группа дает единственное нарушение в последовательном движении ступеней возрастной пирамиды» [5: 23–24] (при этом стоит учитывать необходимую поправку на возрастную аккумуляцию [4: 61–62]).

Возрастная группа 10–14 лет (1912–1916 гг. рождения) была значительно многочисленнее предыдущей, хотя и немного уступала малолетним. Относительно высокая рождаемость в последние предвоенные годы обеспечила наличие в этой возрастной группе 1090,8 тыс. детей (13,04 % всего населения и 21,8 % молодого поколения). Таким образом, более трети (37 %) населения региона составляли дети и подростки до 14 лет, большая часть которых родилась после 1917 г. Юноши и девушки 15–19 лет, родившиеся в 1907–1911 гг., в численном отношении почти не отличались от предыдущей возрастной группы и составляли 12,8 % населения региона и 21,3 % молодого поколения Северного Кавказа. В целом те, кому не исполнилось 20 лет, составляли почти половину всего населения региона в исследуемый период.

Две старшие возрастные группы — молодежь от 20 до 24 лет (1902–1906 гг. рождения) и «молодые взрослые» 25–29 лет (1897–1901 гг.) — в совокупности составили 18,6 % всего населения и 31,1 % молодого поколения региона, то есть почти каждый пятый житель края и треть молодого населения региона были в возрасте 20–29 лет. При анализе этих двух групп заметно резкое уменьшение их численности по сравнению с предыдущими. Если 20–24-летние составляли десятую часть населения региона (10,1 %), то молодых людей в возрасте 25–29 лет насчитывалось

710,2 тыс. чел., или 8,5 % [3, т. 5: 136]. Последствия двух войн и сопутствовавшие им неблагоприятные для воспроизводства процессы вызвали омоложение возрастного порога, с которого в обычных условиях начинается естественное уменьшение численности населения. По данным П.Г. Чернопицкого, реальные людские потери Северо-Кавказского края составили 17,4 %, тогда как по всей стране почти вдвое меньше — 9,5 %. Больше всех понесли потери мужские возрастные группы от 17 до 40 лет [13: 5]. Всего по краю из 6043 инвалидов двух войн насчитывалось 1436 чел. (24,3 %) в возрасте 10–29 лет, в основной своей массе не принимавших участия в боевых действиях, при этом свыше 85 % из этих молодых людей потеряли конечности [3, т. 39: 254].

Как известно из демографической литературы, в нормальных условиях в молодых возрастах мужской пол численно преобладает над женским примерно до возраста 25–30 лет, из-за большей смертности мужчин с возраста 30–34 лет численность мужчин начинает постепенно уступать численности женщин [3: 64]. В отличие от Центральной России на Северном Кавказе исторически сложилось преобладание мужского населения над женским. Однако уже по переписи 1920 г. здесь наблюдается резкое уменьшение численности мужчин (на 100 мужчин приходилось 117,7 женщин); по городской переписи 1923 г. этот показатель несколько ниже, но все равно достаточно высок: на 100 мужчин приходилось 110,3 женщин [10: 175–176].

В исследуемый период в силу воздействия неблагоприятных факторов для воспроизводства населения, обусловленных двумя войнами, голодом, эпидемиями, миграционными процессами, общим ухудшением условий жизни, была резко деформирована картина рождаемости и смертности населения в целом и половозрастной структуры в частности. Преобладание мальчиков над девочками наблюдается только в возрасте до 14 лет, причем это преобладание незначительное (11,7 тыс. чел. в группе 0–4 года и всего 0,8 тыс. в группе 5–9 лет). Уже с 13–14-летнего возраста происходит выравнивание пропорций полов, а далее — заметное преобладание численности женской части населения над мужской. Разница в пользу девушек в группе 15–19 лет составляла около 43,7 тыс. чел. В группе 20–24 лет и в группе «молодых

взрослых» — в основном репродуктивном возрасте — суммарное преобладание численности женщин над численностью мужчин составило уже более чем 91,5 тыс. чел. Для сравнения отметим, что это больше, чем общая численность мужской части населения края в возрасте 15–19 лет [3, т. 5: 136].

Значительный интерес представляют данные о грамотности. К сожалению, материалы переписи не дают представления об уровне образованности населения, поскольку минимальным критерием грамотности у опрашиваемых считалось умение читать печатными буквами по слогам и подписывать свою фамилию. Числились грамотными 64,2 % населения Северо-Кавказского края в возрасте 8–24 лет, тогда как в группах 30–59 лет грамотных насчитывалось 52,9 % [3, т. 5: 136] (резонно предположить, что качество грамотности у этих поколений было различным в пользу младших групп). Заметно лучше показатели грамотности среди молодого поколения выглядят в сравнении с аналогичными когортами по переписи 1920 г. В Кубанском округе грамотной молодежи тогда насчитывалось всего лишь 33,1 % [8, т. 1: 18].

По территории проживания, полу, возрасту и другим признакам показатели грамотности были довольно неравномерными. Показательны в этом отношении данные по Кубани и Черноморью. Наиболее «грамотным» здесь являлся Черноморский округ с преобладавшим городским населением, где насчитывалось 69,3 % грамотных молодых людей. В то же время в Адыгейской (Черкесской) автономной области (далее — АЧАО) данный показатель не поднялся выше 38,7 % [3, т. 5: 136]. Значительно различалось положение с детской грамотностью в сельской и городской местности. В Черноморском округе среди детей школьного возраста 8–16 лет в городах грамотными были 80,1 %, в то время как в сельской местности округа таковых насчитывалось всего 53,9 % [6: 210, 212, 214].

С возрастом количество грамотных среди молодого поколения увеличивалось, однако оставался еще значительный пласт неграмотных детей, подростков и молодежи. По возрастным группам показатели грамотности выглядят следующим образом: в возрасте 8–9 лет знали грамоту в среднем 31,4 %, или каждый третий, в возрасте 15–19 лет — 59,1 %, среди 25–29-летних грамотными

были 62,7 % [3, т. 5: 136]. Национально-сословно-религиозные вековые традиции, ставившие женщину ниже мужчины, не могли не сказаться на положении с женской грамотностью. В среднем по краю показатели грамотности среди мужчин и женщин в возрастном диапазоне 8–24 лет составили 67,9 % и 52,1 % соответственно. Однако в национальных автономиях (например, в АЧАО) грамотных мужчин насчитывалось в 1,7 раза больше, чем умевших читать и писать девушек, причем наиболее значительным этот разрыв был среди горских народов Адыгеи — 2,7 раза. Среди коренных народностей (черкесов и кабардинцев) грамотной молодежи насчитывалось всего 20,3 % [3, т. 5: 138, 162, 170, 206, 226].

Большое значение имеют данные о занятости подростков и молодежи, распределении их по профессиям и видам деятельности. В целом 75,5 % молодежи Северо-Кавказского края в возрастном интервале 10–29 лет являлись самодеятельным населением: имели свой заработок или доход либо были иждивенцами государства, безработными или военнослужащими. При этом молодые люди, имевшие самостоятельный источник средств к существованию, составляли более половины (57,5 %) всего самодеятельного населения края. Это позволяет сделать вывод о том, что молодое поколение Северного Кавказа от 10 до 29 лет являлось активной, вполне самостоятельной частью общества, которая не была в основной своей массе обузой государству и родителям. Если самодеятельными являлись 82,8 % мужчин в возрасте 10–29 лет, то у женщин этот показатель значительно ниже — 68,6 % [3, т. 22: 64].

Представляют значительный интерес данные по возрастной группе 10–14 лет, которой физический труд еще не был разрешен в законодательном порядке. Среди всей самодеятельной молодежи края каждый пятый был представителем этой когорты. Свыше половины (55,8 %) детей в возрасте от 10 до 14 лет имели самостоятельный источник средств существования. Так, по Кубанскому округу и АЧАО среди детей младше 10 лет — возраста, автоматически учитываемого как несамодеятельный, — были зарегистрированы в качестве имевших свой заработок 13 % и 17 % соответственно [3, т. 22: 210].

Материалы ВПН позволяют судить о распределении малолетних (10–15 лет), помогавших в сельском хозяйстве, работавших в качестве личной прислуги и нищенствовавших, по возрасту. Они составляли 47,8 % всех детей этой возрастной группы в Северо-Кавказском крае. Показательно, что нищими среди них были всего только 0,2 %, что в абсолютных цифрах составляло 1350 чел., причем подавляющее большинство нищих (76,3 %) были мальчиками. Если мальчиков-нищих было больше в городской местности, то девочки преобладали в сельской. Абсолютное большинство занятых малолетних помогало в сельском хозяйстве, что составляло 98,9 %, в основном в земледелии. Среди девочек, работавших личной прислугой, большинство составляли няни. Как правило, это наблюдалось в сельской местности, в городах преобладала прислуга «на разной работе» [3, т. 22: 64, 161].

Абсолютное большинство молодого поколения в возрасте 10–29 лет (59,7 %) являлось земледельцами и скотоводами. Если же к ним причислить еще и 100,6 тыс. сельскохозяйственных рабочих в хозяйствах крестьянского типа, то аграрная прослойка среди молодежи составит 62,4 % [3, т. 22: 152, 158]. Рабочими назвали себя 12 % молодых северокавказцев, каждый четвертый из них работал в фабрично-заводской промышленности, 14,6 % — на железнодорожном транспорте, 4,4 % — в кустарной промышленности. Больше всего рабочей молодежи трудилось поденными переменными рабочими, чернорабочими, слесарями, клепальщиками, сапожниками, грузчиками, машинистами силовых установок, плотниками, токарями по металлу, электромонтерами [3, т. 22: 64–66, 144–145]. Служащими (преимущественно конторщиками, делопроизводителями, машинистками, милиционерами, санитарями, сторожами, уборщицами, учителями, счетоводами, курьерами, рассыльными) являлись 254,6 тыс. чел., или 6,9 % всей молодежи края. Почти 1,5 тыс. молодых людей (0,6 %) работали руководителями предприятий [3, т. 22: 68, 148–150]. Наиболее многочисленную группу образовали члены семьи, помогавшие старшим в их занятии: она составила 53,8 % всей работавшей молодежи. В большинстве своем это были садоводы, огородники, рыболовы, сапожники и кузнецы, а также вся несамодетельная молодежь [3, т. 22: 76, 151].

К лицам, не имевшим или не указавшим занятий (более 77 тыс. чел., или 2,1 % всей молодежи края), относились дети, содержавшиеся в приютах и детдомах, учащиеся-стипендиаты, пенсионеры, люди, проживавшие на доходы от сдачи в аренду квартир, домов, комнат, а также получавшие алименты. Последнюю категорию молодого поколения по основным разделам занятости составляли безработные — 1,8 % по группам 14–29 лет. В абсолютных цифрах это 5,5 тыс. чел., ощутивших на себе негативные последствия нэпа. Стоит заметить, что молодые безработные составляли почти половину (49,3 %) всех безработных Северного Кавказа [3, т. 22: 77, 210–211].

Таким образом, молодое поколение второй половины 1920-х гг. было самой многочисленной возрастной группой населения региона, далеко не однородной по полу, возрасту, имущественному и семейному положению. Подавляющее большинство молодых людей проживало в сельской местности, занималось ведением сельского хозяйства или помогало в его ведении старшим членам семьи. В то же время каждый второй безработный был в возрасте 14–29 лет. Молодежь была самой грамотной возрастной группой населения и вместе с тем имела наименьший жизненный опыт. Численное превышение женщин в репродуктивных возрастах благоприятствовало сексуальной свободе, распространенной в 1920-е гг. Существенный численный перевес молодых возрастов (особенно среди казачьего населения) над возрастными группами старше 60 лет (в среднем около 5,5 %), а также активная миграция молодежи в город в поисках работы и учебы не могли не сказаться на ослаблении влияния на них со стороны старших, прерывании казачьих и горских традиций, что в целом отражало асинхронность поколений Северного Кавказа 1920-х гг., свойственную переломным эпохам.

Источники и литература

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993.
2. Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: Краткий обзор организации и производства. М., 1938.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. М., 1928–1935.

4. Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР: Статистическое изучение численности, состава и размещения. М., 1969.
5. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
6. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д., 1928.
7. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 39–60.
8. Население и хозяйство Кубанского округа: статистический сборник за 1924–1926 гг.: в 2 т. / под общ.ред. В.И. Смирнского. Краснодар, 1928.
9. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. 2-е изд. М., 2000.
10. Северный Кавказ после районирования (итоги и выводы). Т. 2. Ростов н/Д., 1925.
11. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.
12. Улицкий Я.С. Демографическое понятие поколения. Часть первая — аналитическая // Проблемы демографической статистики: сборник статей / под ред. В.С. Немчинова. М., 1959. С. 19–56.
13. Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д., 1987.

С.А. Кропачев

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ СЕМЬИ, БРАКА И СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.

Под влиянием Октябрьской революции 1917 г. передовые идеи о роли женщины в обществе, институтах брака и семьи, которые активно распространялись в конце XIX — начале XX вв., отчасти были воплощены в Советской России. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях

и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов и передавались органам государственным. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [9: 87].

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина формально становилась юридически свободной.

В Советской России начался период, продолжавшийся примерно до середины 1930-х гг., когда развитие брачно-семейных отношений имело ярко выраженную либеральную направленность. В советском обществе идеи об освобожденной женщине, о том, что семья, брак, половая мораль будут кардинально отличаться от норм общества буржуазного, распространялись широко и активно. Либерализация матримониальных отношений, зреющая революция во взаимоотношениях полов, признание того, что фактический и зарегистрированный браки ничем не отличаются, имели вполне законченные юридические последствия. Государство признало фактический брак. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков [9: 87]. Данная правовая форма, как известно, была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 гг. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г., в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом, мужей было на 1 459 159 чел. меньше, чем жен, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, подлинные размеры которого установить весьма сложно,

существовавшего в Казахстане, Киргизии (до 1936 г. входили в состав РСФСР), Дагестане и на Северном Кавказе [6: 82].

В 1920–1930-е гг. в РСФСР одновременно существовали три формы брака: церковный, государственный и фактический. При этом церковный брак был весьма распространен. Так, рабочие Нижнего Тагила в 1917–1921 гг. в основном заключали церковный брак (90 %), в 1922–1924 гг. таких брачных союзов было только 40 %. Активная борьба советской власти с религией и церковью, трансформация религиозного сознания свели на нет церковные браки в конце 1930-х гг. [1: 36].

В целом в 1920-е гг. институт семьи и брака в России не претерпел значительных изменений, несмотря на новые политические, социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения, что означало раннее вступление в брак как для мужчин, так и для женщин, превалирование многодетных патриархальных семей, фактическое неприменение аборт, табу на разводы и т.д.

Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отношений стала разрушаться в 1930-е гг. под влиянием сложных экзогенных факторов. Коллективизация, индустриализация, депортации, вынужденная миграция, массовый голод, репрессии, невиданные темпы урбанизации, активная борьба с церковью привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения, снижению влияния религии, исчезновению повседневного общественного деревенского контроля. Последний играл весьма важную роль в повседневной жизни российской деревни, где в середине 1920-х гг. проживало 82,7 % всего населения страны. Миллионы крестьян, хлынувшие в города и на стройки первых пятилеток в конце 1920-х–1930-е гг., стали быстро усваивать более свободный стиль матримониального поведения [9: 89, 90]. Следствием всего этого стало резкое увеличение разводов и неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных абортов. Массовый характер приобрела детская беспризорность и безнадзорность.

Нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семейно-брачных отношений исчезли. Многие живы до сих

пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, у части адыгов, проживающих в Республике Адыгее и Краснодарском крае, сохраняется как норма поведения полное отсутствие на протяжении всей жизни контактов между зятем и тещей, запрет на участие родителей невесты на ее свадьбе, сохранение обычаев кражи (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

Вернемся в относительно благополучные 1920-е гг. Эволюция социальной роли женщины в семье и обществе тормозилась рядом объективных и субъективных причин. Среди них были укоренившиеся вековые традиции, институты общественного контроля, безграмотность, многодетность, религиозность, отсутствие веры в себя и другие. В сельской местности особенно незавидным было положение молодой бездетной женщины, вышедшей замуж и переехавшей к мужу, в большую крестьянскую семью, где в одной избе проживали, как правило, представители трех–четырёх поколений. Она занимала (не считая детей) низшую, наименее почетную социальную ступень в семейной иерархии. Выше нее стояли «молодки» — молодые женщины, имеющие детей, неженатые юноши (парни), молодые женатые мужчины, пожилые («взрослые») женщины, и венчал эту пирамиду пожилой мужчина, глава большой крестьянской семьи. Молодая замужняя бездетная женщина («молодица», «водворка», «молодуха», «молодайка» и др.) не была полностью бесправной, но ее положение было весьма незавидным.

К выбору невесты в России до 1917 г. и в первые десятилетия советской власти подходили очень серьезно. Это был своего рода капитал, выгодное приобретение, от которого ждали прибавления семейства, а значит и новых работников. Роль новоиспеченного мужа в семье также была незавидной. В XVIII–XIX вв. во многих частях Российской империи молодых крестьян призывали в рекруты, а затем им приходилось заниматься отхожим промыслом вне места постоянного проживания. Сезонная работа крестьян (отходничество) в Российской империи составляла один из значительных источников дохода сельского населения.

В 1920–1930-е гг., с началом коллективизации, многие крестьяне устремились в города. Многие ехали за новой, лучшей

жизнью, спасаясь от раскулачивания и голода. С введением паспортов в 1932 г. крестьяне не могли свободно покидать деревню. Но в годы первых пятилеток руководство строящихся фабрик, заводов, электростанций имело возможность организованно набирать рабочую силу из деревень («оргнаборы», «вербовка») [7: 7]. Длительное отсутствие дома молодого мужа создавало многочисленные проблемы. В ряде губерний Российской империи, а потом и РСФСР, существовало такое явление, как снохачество. Оно представляло собой практику в русской деревне, а также казачьей станице Дона [11] (однако не везде имевшую распространение), при которой возрастная мужчина — глава большой патриархальной крестьянской семьи, живущей в одной избе, состоял в половой связи с младшими женщинами семьи, обычно с женой своего сына (снохой).

Народы России в 1920-е гг. находились на разных стадиях социального, экономического и культурного развития. Эти процессы, впрочем, очень тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности по Всесоюзной переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7 % грамотных (52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин) [3: 95]. При этом грамотным считался гражданин (начиная с пятилетнего возраста), умеющий читать по слогам и писать свою фамилию на родном или русском языке [8: 245]. В других советских республиках, кроме Украинской ССР, уровень грамотности был еще ниже. Например, в Закавказской СФСР — 27,8 %, Узбекской ССР — 7,7 %, Туркменской ССР — 9,6 [3: 102, 105, 108, 109].

В Российской Федерации у жителей городов уровень грамотности был значительно выше, чем у сельских жителей [3: 95]. Мужчины были гораздо образованнее, чем женщины. Самый высокий показатель грамотности был у мужчин (73 %), проживавших в городах, самый низкий — у сельских женщин (24,1 %). В частности, у народов Поволжья в 1920-е гг. грамотных мужчин было в 2–4 раза больше, чем грамотных женщин [3: 95; 4: 179].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у латышей — 75,5 %, эстов — 72,4 %,

литовцев — 70,5 % , финнов — 76,0 % , финнов ленинградских — 70,5 % , немцев — 60,2 % , чехов и словаков — 74,3 % , сербов — 61,3 % , болгар — 51,5 % , румын — 56,4 % , греков — 50,3 % , албанцев — 46,5 % [1: 86]. В переписи указана еще одна собирательная группа: «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4 % грамотных), но в силу ее малочисленности (14 920 чел.) [1: 86], она является лишь исключением и не может быть сопоставлена с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР.

Высоким процент грамотности был у евреев (ашкеназов) — 72,3 % , евреев крымских — 58,2 % , ижоров — 60,9 % . Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8324 чел.), проживавшему в основном в Крыму, — караймам. У них уровень грамотности составлял 84,9 % и был одинаково высоким у мужчин и женщин [3: 86].

У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР: у русских — 45,1 % , украинцев — 41,3 % , белорусов — 37,3% [3: 86].

Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, мест его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка было широко распространено у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х гг.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) — 33,4 % , башкир — 24,3 % , марийцев — 26,6 % , мордовцев — 22,9 % , чувашей — 30,7 % , вотяков (удмуртов) — 25,6 % [3: 86].

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера» шесть этносов, куда входили гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4 % . Примерно

такая же картина была у тунгусов (эвены и эвенки) — 13,6 %, якутов — 6,3 %, остяко-самоедов и самоедов (ненцы) — 3,0 % и т. д. Исключение составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2 % (у мужчин — 36,9 %, у женщин — 9,3 %) [3: 87].

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Пятидесятилетняя Кавказская война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего, расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных было всего 5,9 %, у других народов, проживавших в республике, примерно столько же: у татов — 5,9 %, кумыков — 11,1 % [3: 87].

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) — 16,9 %, кабардинцы — 6,8 %, чечены и бацбии — 2,9 %, ингуши — 9,1 %, карачаи — 9,2 %, балкары — 5,3 % и т. д. Исключением являлись осетины, среди которых было 21,2 % грамотных. Среди киргизов грамотных было всего 4,6 %, казахов — 7,1 %. Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных народов составлял от 0,3 % (киргизы и чечены) до 11 % (осетины) [3: 87]. Это говорит о бесправии женщин этих народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин.

Образование в стране в 1920-е гг. не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е гг., но они были весьма скромными. В конце 1930-х гг. среднее образование имели 4,6 % населения, а высшее — 0,6 % [10: 182–185].

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль. Имела большое влияние на самосознание народов, их ментальность, общественную, политическую и культурную жизнь, прежде всего православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых для православных людей слова: «За веру, царя и отечество!» Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический

курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е гг. религиозные верования и убеждения в России еще играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства (православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-григорианство и др.), мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтничной и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. В 1920-е гг. в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам увеличилось количество атеистов. Наблюдалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Очень популярны у православных были церковный брак, крестины, отпевание, празднование Пасхи и других религиозных праздников.

Перелом наступил в 1929 г. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза воинствующих безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской православной церкви [12]. Гонениям подверглись все имевшиеся в РСФСР конфессии — мусульманство, иудейство и др. Католическая церковь в конце 1930-х гг. прекратила свое существование в СССР.

Подводя итоги эволюционного развития социальной роли женщины в обществе, семьи и брака в 1920-е гг., отметим, что названные институты, а также новации в гендерной политике существовали в благоприятной политической, социальной, экономической среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на внутреннюю политику в Советской России.

Это был период, продолжавшийся примерно до середины 1930-х гг., когда развитие брачно-семейных отношений имело

ярко выраженную либеральную направленность и проходило под условным девизом «меньше государства» [9: 86].

Последнее терпимо относилось к попыткам найти современные формы отношений между мужчиной и женщиной и дискуссиям о новой половой морали. Инструкция по производству переписи 1926 г. требовала, чтобы женатыми и замужними записывались лица, признающие себя состоящими в браке, хотя бы этот брак не был легально оформлен: «Поскольку данные о семейном состоянии имеют значение не сами по себе, а по той глубокой связи, в которой они находятся с другими демографическими и социальными характеристиками населения (плодовитость, самостоятельность женщины и др.), преимущества нового метода регистрации очевидны. Вряд ли убедительными являются ссылки на большую четкость определений при установке на регистрацию юридически оформленного брака. Четкость остается лишь в инструкции. На практике сложность жизненных отношений ломает формальные требования инструкции и обуславливает уклон в сторону регистрации фактических отношений» [5: V, VI].

Терпимость к новациям в семейно-брачных отношениях широко проявлялась в городах, где проживало только 17,3 % жителей Советской России. В стране преобладало сельское население (82,7%), а деревенские жители прежде всего национальных районов к изменениям относились весьма сдержанно.

В 1920-е гг. на селе фактический брак, самостоятельное прокреативное поведение, свободная сексуальная жизнь вне брака осуждались церковью и институтами социального (общественного) контроля. Пребывание в браке, сексуальные отношения, производство потомства воспринимались массовым общественным сознанием сельских жителей как единое целое. Прокреация и ее регулирование рассматривались в неразрывной связи с матримониальным поведением [2: 33–34]. Как уже отмечалось, глобальные изменения в семейно-брачных отношениях на селе наступили в 1930-е гг. под влиянием индустриализации, массовой миграции крестьян в города и на стройки, других сложных экзогенных факторов. Но в 1920-е гг., по крайней мере на селе, женщина продолжала играть сакраментальную роль, занимаясь

домашним хозяйством, семьей и воспитанием детей. В деревне доминировали традиционное матримониальное поведение крестьян, сложившийся веками уклад жизни и укоренившиеся типы воспроизводства населения.

Источники и литература

1. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.
2. Всемирная история: в 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: Эпоха глобальных трансформаций: кн. 1 / под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2019.
3. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М., 1928.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Т. 9. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. М., 1929.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительности проживания. Увечные и психические больные. Т. 35. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М., 1930.
6. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991.
7. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007.
8. Всесоюзная перепись населения 1937 года: основные итоги. М., 1992.
9. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневского. М., 2006.
10. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М., 2001.
11. Небрятенко Г.Г. Институт семьи в обычном праве донских казаков (XVI — начало XX вв.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 3. С. 19–23.
12. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1953 гг. М., 2017.

П.А. Кузьминов, К.А. Сундукова

ПЛАНЫ И РЕШЕНИЯ ГОЭЛРО В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.¹

В 2020 г. Российская Федерация отметила столетие принятия ГОЭЛРО — Государственного плана электрификации России — важнейшего документа, который лег в основу индустриализации России и всего Советского Союза. Его принятие и реализация обеспечили мощнейший рывок социально-экономического и культурного развития страны, в кратчайшие исторические сроки сделав ее ведущей экономической и политической державой в мире. Изучение истории его разработки и реализации, обоснование подходов к решению задач подобного масштаба и сложности представляет, на наш взгляд, большой научный и общественный интерес.

Идею электрификации как основного инструмента индустриализации и строительства общества социального процветания обосновал в 1898 г. немецкий русский, выходец из России, ученый политической экономии, известный статистик Карл Баллод, который под псевдонимом Атлантикус опубликовал в Германии книгу «Государство будущего» [1]. Только через восемь лет она была опубликована на русском языке в Петербурге [4: 31]. По нашему мнению, социальные идеи этого труда легли в основу разработки плана ГОЭЛРО. В частности, Баллод утверждал, что социализм — это не утопия и не сказка. Наоборот, воплощение в жизнь этой системы вполне возможно при современном уровне развития производительных сил. При этом социализм, по его мнению, был более эффективной экономической системой, чем капитализм.

Успех планов ГОЭЛРО был обусловлен огромным объемом научных и изыскательских полевых работ, проведенных геологами и инженерами Российской империи, и был составлен по самым высоким стандартам ученого сообщества того времени.

Хозяйственные задачи, стоявшие после октября 1917 г. перед страной, находившейся в состоянии экономического

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-00787.

и политического развала, требовали немедленных и вместе с тем взвешенных решений — поскольку они определяли долгосрочную перспективу развития России. Основанием для принятия таких решений, строительства устойчивого фундамента новой власти и новых экономических отношений стал единый план восстановления хозяйства страны.

Теория и практика первых десятилетий советской власти, в первую очередь в энергетическом строительстве, стали для большинства развитых стран того времени примером рациональной, экономной, плановой организации хозяйства, который многие пытались воспроизвести, но это оказалось им не под силу. Особенности России, страны с чрезвычайно обширной территорией, многоконфессиональной, многонациональной, неравномерно развитой, была необходимость выравнивания экономического состояния разных регионов и культурного уровня населения, введения единых стандартов образования и здравоохранения [2: 72]. С учетом постоянной угрозы внешней интервенции все эти мероприятия необходимо было провести в максимально короткие сроки.

В 1920 г. Совет народных комиссаров (далее — СНК) РСФСР под руководством В.И. Ленина разработал перспективный план электрификации страны. Для его реализации была образована Государственная комиссия по разработке плана электрификации России. Ее возглавил известный ученый, большевик, соратник В.И. Ленина, Г.М. Кржижановский. В комиссию привлекли более двухсот ученых и инженеров, в дореволюционной России занимавшихся проблемами энергетики. Интенсивная работа по выработке оптимальных решений гидростроительства дала прекрасные результаты. После обсуждения его основных параметров по регионам он был одобрен VIII Всероссийским электротехническим съездом [18], созванным декретом правительства. В целом план ГОЭЛРО был утвержден решением СНК, который 22 декабря 1920 г. принял историческое постановление «О плане электрификации России» [11], особенно актуальное для горских народов Северного Кавказа, отстававших в области промышленного развития от северо-западных и центральных районов России [3: 142]. В руководящие органы ГОЭЛРО вошли

Г.М. Кржижановский — председатель комиссии, А.И. Эйсман — заместитель председателя, А.Г. Коган — товарищ председателя, Б.И. Угримов — товарищ председателя, Н.Н. Вашков — заместитель товарища председателя, Н.С. Синельников — заместитель товарища председателя. На их плечи и легла огромная работа по организации работы отделов, секторов, связи с регионами, научными учреждениями, партийными и советскими органами власти.

С учетом особой важности плана ГОЭЛРО для судеб народов страны, изучению истории электрификации в СССР было уделено много внимания. Исторические материалы по данной проблеме составляют солидный массив публикаций. Но, к сожалению, конкретные мероприятия по электрификации областей и республик Северного Кавказа рассматриваются лишь в контексте общих изменений в социально-экономической жизни и структуре общества. Между тем, по нашему мнению, электрификация выступила как ключевой момент индустриализации и модернизации советского общества именно в национальных районах страны. В масштабах Северного Кавказа научных исследований по данной проблеме вышло немного. Лучшим исследованием советского периода является книга Р.И. Цориева [17], в которой дан комплексный анализ строительства малых гидросооружений у горских народов Центрального Кавказа. В последние годы вышли работы Р.С. Гуртуева, который ввел в научный оборот значительное количество новых источников по гидростроительству в Кабардино-Балкарии [5–8].

На Северном Кавказе первые гидроэлектростанции были построены лишь в самом конце XIX в., то есть значительно позднее, чем в центральных регионах страны. Освоение Садонского месторождения в Северной Осетии и грозненских нефтяных источников в Чечне вынудило предпринимателей задуматься о дешевых источниках энергии. Научные разработки зарубежных и российских ученых об использовании силы падающей воды оказались востребованы. Потенциал горных рек действительно был огромен, но как заставить этот огромный поток воды работать на общество? Для этого нужна была новая политическая система, которую и предложили большевики.

В Северной Осетии первая гидроэлектростанция была построена бизнесменами из Бельгии в 1897 г. По договору с начальником Терской области С.В. Кахановым она располагалась в знаменитом Алагирском ущелье при слиянии рек Ардон и Садон. Три турбины общей мощностью 750 лошадиных сил давали электроэнергию для нужд Садонского рудника.

В 1900 г. бельгийские предприниматели подписали договор с Владикавказской городской думой на постройку теплоэлектростанции в самом Владикавказе. Для ее строительства было основано «Бельгийское анонимное акционерное общество Владикавказских электрических трамваев и освещения», ставшее составной частью русско-бельгийского акционерного общества «Алагир». Владикавказская электростанция начала давать промышленный ток осенью 1904 г. Первоначально мощность станции составляла всего 405 кВт, но уже в 1915 г. ее мощность увеличилась вдвое и она давала уже 885 кВт. Всего в Северной Осетии до революции было построено более двух десятков электростанций общей мощностью около 3000 кВт [16: 72].

В Нальчикском округе Терской области — современной Кабардино-Балкарии — до 1917 г. было всего несколько маленьких электростанций. Выделялась Прохладненская электростанция, обеспечивающая нужды железнодорожного узла. В 1903 г. в ст. Прохладной была введена вторая, более мощная, электростанция (664 кВт). Электростанция в сл. Нальчик мощностью 14 кВт была построена на р. Нальчик в 1910 г. и снабжала электроэнергией небольшой лесоперерабатывающий завод «Чинар».

В начале 1920-х гг. большая часть действующих на Северном Кавказе электростанций устарела. Так, например, в Северной Осетии в 1920 г. выработка электроэнергии снизилась по сравнению с 1913 г. более чем на 50 %. В таком же положении находились и другие регионы молодой советской республики после Гражданской войны, поэтому совершенно неслучайно, что правительство РСФСР серьезно взялось за план ГОЭЛРО — первой масштабной экономической программы СССР.

8 октября 1920 г. Совет труда и обороны РСФСР издал постановление «О мерах по восстановлению электротехнической промышленности», по которому заводы и фабрики, производящие

гидротурбины, а также электротехнику, были приравнены к оборонным предприятиям, работающим на благо народов республики, со всеми вытекающими из этого статуса последствиями [3: 182]. Но финансовых и материальных ресурсов на возведение новых, более мощных электростанций на Северном Кавказе, как и в других районах страны, не было. Поэтому здесь, как и прежде, строились небольшие тепловые и гидроэлектростанции, как правило, на оросительных каналах: Баксанском, Карагачском, Кубинском.

Первые гидроэлектростанции строились прежде всего для освещения городов, поселков, сел (Нальчикская ГЭС, 128 кВт, начала давать ток в 1925 г.), для обеспечения предприятий энергией (тепловая электростанция при гидротурбинном заводе в Нальчике, 150 кВт, 1927 г.), механизации сельскохозяйственных работ (Акбашская ГЭС, 270 кВт, введена в строй в 1928 г.). До этого электрическое хозяйство было представлено исключительно тепловыми установками. Руководитель Кабардино-Балкарской автономной области Б.Э. Калмыков на V областной партконференции 30 апреля 1924 г. говорил: «В области электрификации нами кое-что уже проделано. Имеются небольшие электрические станции в г. Баксане, Тереке, готовятся в Урванском округе, и в течение 1924 г. и частью 1925 г. сеть электрификации расширится» [14: 13].

И всё же, несмотря на введение в эксплуатацию новых энергообъектов, установленная мощность всех электростанций Кабардино-Балкарии на конец 1929 г. составляла всего 715,9 кВт. В начале 1930-х гг. в Кабардино-Балкарии была введена в строй относительно крупная электростанция (1100 кВт) в г. Прохладном.

В Северной Осетии строительство большой тепловой электростанции мощностью 1200 кВт началось в 1924 г., одновременно со строительством Беслановского маисового комбината. Впоследствии ее мощность была увеличена до 3000 кВт, что позволило не только обеспечить электроэнергией производство, но и электрифицировать близлежащие села.

Первые положительные результаты, конечно, не устраивали руководство Северо-Кавказского края. Во второй половине 1920-х гг. стало ясно, что освоение значительного промышленного

потенциала региона — уже разрабатываемого Садонского месторождения полиметаллических руд (Северная Осетия) и разведанного к этому времени крупного месторождения вольфрам-молибденовых руд в районе Тырныауза (Кабардино-Балкария) — требовало форсированного ввода в эксплуатацию новых энергетических мощностей. Правительство СССР и РСФСР выделило немалые средства на эти цели.

В соответствии с планами ГОЭЛРО на Северном Кавказе было начато строительство целого ряда электростанций, которые должны были обеспечить промышленность необходимой энергией. В Кабардино-Балкарии приступили к возведению Баксанской ГЭС (проектная мощность 25 мВт), а в Северной Осетии — Гизельдонской ГЭС (проектная мощность 22,5 МВт).

Открытие в г. Нальчике чугунно-литейного завода (1929 г.), выпускавшего гидроагрегаты для сельских гидроэлектростанций, стало началом ускоренного развития этой сферы промышленности. Небольшой мощности гидроэлектрические установки стали устанавливаться на оросительных каналах в равнинной части Кабардино-Балкарии, а также возле высокогорных аулов. В 1934 г. завод был переименован в гидротурбинный и стал подчиняться облисполкому. Он выпускал мелкие гидротурбины для колхозных гидроэлектростанций, вентиляторы, грязевые насосы, а также принимал участие в строительстве гидростанций, в монтаже турбин.

Журналист областной газеты Н.С. Матвеевко, размышляя над качеством продукции завода, писал, что гидротурбинный завод выбрал для выпуска наиболее простую и экономичную модель турбины — типа «Банки», — и сообщал, что «колхоз Верхнего Чегема уже получил гидротурбину. В феврале получают турбины Жемтала, Псыгансу, Нижний Чегем. Новоивановка, Кашхатау, Аушигер и колхозы Дагестана получают турбины «банки» к 1 мая» [10].

По данным М.С. Кушхова, с 1930 по 1940 гг. в Кабардино-Балкарии было собрано около 60 гидроэлектрических установок [9: 367]. 28 сентября 1936 г. для их строительства и обслуживания было принято решение об организации в Кабардино-Балкарии отделения «Сельэлектр» [15: 71].

Из общего количества работавших в 1937 г. электроэнергетических установок 24 были колхозными и межколхозными: семь гидравлических, восемь тепловых и девять мельничных. Остальные агрегаты были мелкими и планировались к замене на снабжение электроэнергией от крупных электростанций в ходе третьей пятилетки. Самые мощные установки работали в селениях Псыгансу на р. Черек (питала энергией местный колхоз имени И.В. Сталина), Жемтала на р. Сукан-су — колхоз «Месхурей», Нижний Чегем на р. Чегем — колхоз имени Калмыкова. Верхне-Чегемская электростанция обеспечивала энергией два колхоза: «Думала» и «Эль-тюбю», Куянская ГЭС на Малокабардинской оросительной системе обеспечивала два колхоза, МТС, опытную станцию и головное сооружение оросительной системы. Акбашская ГЭС на той же оросительной системе питала электричеством шесть колхозов, МТС, машинотракторные мастерские, районный центр и предприятия местной промышленности, небольшая гидроэлектростанция мощностью 100 кВт работала в селении Зарагиж. К 1940 г. заработали новые сельские электростанции на каналах и реках: Терекская, Хамидиевская, Курпская, Арикская, Герменчикская и Кашхатауская, которые обеспечивали энергией окрестные колхозы и предприятия [16: 217].

Огромные надежды возлагались на Баксанскую ГЭС, ставшую общенародной стройкой Кабардино-Балкарии. Ее пуск в эксплуатацию был приурочен к 15-летию государственности — 1 сентября 1936 г. [13: 41]. Однако ход пуска наладочных работ диктовал свои сроки. «15 августа 1936 года состоялся пробный пуск объектов строительства, а 20 сентября 1936 года состоялся пуск первого агрегата, 8 ноября электростанция дала первый промышленный ток. Получили электроэнергию Тырныаузский комбинат, Нальчик, Пятигорск, Минводы, Кисловодск» [12: 82].

К этому времени были построены высоковольтные линии с напряжением 110 кВ от БаксанГЭС до подстанций «Машук» — район Пятигорска, «Нальчик» и 35 кВ в Пятигорске, Ессентуках, Минеральных Водах, Кисловодске. 14 октября получили питание от ГЭС города Кавминвод. 7 ноября 1936 г., ко дню годовщины Октябрьской социалистической революции, было открыто регулярное движение электропоездов Пятигорск — Минводы.

Второй агрегат был запущен ровно через год — в сентябре 1937 г., а на полную мощность станция вышла осенью 1938 г. [12: 82].

Конец второй пятилетки (1937 г.) зафиксировал превращение Кабардино-Балкарии в индустриально-аграрную республику: удельный вес валовой продукции промышленности составил 52 %, сельского хозяйства — 48 %. Были построены и начали работу крупные предприятия пищевой промышленности: Докшукинский спиртзавод, Докшукинский консервный завод, Нальчикская кондитерская фабрика, мясокомбинат, Нальчикский хлебозавод, обозостроительный завод, шорно-седельная фабрика, Былымский угольный рудник, расширялись пемзопепловый рудник, гидротурбинный и мотороремонтный заводы, в Нальчике начали работу новые обувная, швейная и трикотажная фабрики, были построены четыре лубяных завода. Началось строительство крупнейшего предприятия тяжелой промышленности республики — Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината [11: 115].

Таким образом, план ГОЭЛРО представлял собой модель комплексного развития всей страны в тесной связке с развитием регионов. Благодаря ему была сформулирована концепция развития Северо-Кавказского края как региона, специализирующегося на сельскохозяйственном машиностроении и производстве продовольствия, а также разработке месторождений цветных металлов. Энергетика района благодаря изучению и анализу наличия природных богатств была основана на использовании низкосортного дешевого топлива и гидроресурсов с максимальным экономическим эффектом.

Строительство Баканской ГЭС, крупнейшего на тот момент энергетического объекта региона, позволило не только ускорить промышленное и социально-экономическое развитие региона, но и в течение короткого промежутка времени изменить социальный состав населения, резко поднять его образовательный и культурный уровень. Наличие дешевой энергии позволило создать сотни новых, нетипичных для данной местности ранее производств, перейти к механизации основных технологических процессов в сельском хозяйстве, шире развернуть программу освоения естественных богатств Кабардино-Балкарии.

Источники и литература

1. Атлантикус (Карл Баллод). Государство будущего. Производство и потребление в социальном государстве. СПб., 1906.
2. Ацканов М.Х. Экономические закономерности перехода к социализму бывших национальных окраин России. Нальчик, 1963.
3. Виленский М.А. Экономические проблемы электрификации СССР. М., 1975.
4. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. М., 2021.
5. Гуртуев Р.С. Баксана свет неугасимый. К 80-летию Баксанской ГЭС (1936–2016). Нальчик, 2016.
6. Гуртуев Р.С. Проект строительства БаксангЭС в контексте уточнения плана ГОЭЛРО в 1925–1927 гг. // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 120–135.
7. Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А. Накопление научных знаний о гидроэнергетических ресурсах Северного Кавказа и первые шаги по их реализации // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 95–106.
8. Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А. Проект электрификации Кабардино-Балкарской автономной области В.А. Покшишевского (1927 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 4 (47). С. 76–82.
9. Кушхов М.С. Энергетика КБР: время и судьбы. Нальчик, 2001.
10. Матвеевко Н.С. Гидротурбина «Банки» // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 22 февраля.
11. Медалиев Х.Т. Социалистическая индустриализация Кабардино-Балкарии (1928–1937 гг.). Нальчик, 1959.
12. План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955.
13. Ставропольэнерго — 70 лет. 1936–2006. Пятигорск, 2006.
14. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 291.
15. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее — УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.
16. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. Д. 167.

17. Цориев Р.И. Электрификация горного края. Орджоникидзе, 1988.

18. Шателен М.А. Знаменательная дата в развитии электрификации СССР. К 25-летию VIII Всероссийского электротехнического съезда // Электричество. 1946. № 10. С. 3–4.

С.А. Хубулова

МАЛЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ¹

Современная тенденция всё возрастающего распространения городской культуры, дисбаланса в пользу городских жителей имеет самую прямую связь с одной из глобальных проблем — активной урбанизацией и влияние на сохранность/исчезновение традиционных культур. А это приводит к тому, что общество лишается чего-то ценного, связи человека с природой, в определенной степени обедняется историческая память народа.

Актуальность исследования такого феномена, как становление советской городской культуры, повседневности, обусловлена исключительной ролью, которую играла урбанизация в организации социально-экономической, культурной, политической и иных сфер жизнедеятельности социума.

Отвечая на вызовы времени, исследователи должны проводить глубокий, многоуровневый и всесторонний анализ городской темы, а решение проблем города становится необходимым условием познания современности. В этой связи большой интерес представляет процесс складывания системы малых городов в регионах в период советской власти.

До революции многие регионы имели по одному-два крупных города, остальное население проживало в сельской местности со своей традиционной культурой и повседневными практиками. Историография новых городов СССР насчитывает, в отличие

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта 21-09-43008 СССР.

от публикаций по крупным городам, небольшое количество трудов, в которых рассмотрены отдельные аспекты данной большой проблемы. Анализ градостроительных планов и их связь с духовной жизнью, идеологией и повседневными практиками проведен в работах признанных отечественных специалистов-историков и политологов [1; 4; 8–10; 12; 13; 15]. Они на большом материале определили основные тенденции и направления формирования малого городского пространства; обозначили главные социальные явления, которые складывались в процессе превращения сельского поселения в городское.

Несмотря на все многообразие исследований городской культуры, следует отметить отсутствие работ, посвященных социокультурной специфике малого города, возникшего в советское время. В условиях раннесоветской модернизации 1920–1930-х гг. с развитием промышленного потенциала страны остро встал вопрос о создании базы для роста производства. Поэтому начался процесс создания новых городов на базе развитых или близких к источникам сырья сельских населенных пунктов. Так многие регионы обрели малые города с населением, имевшим возможность трудиться на промышленных предприятиях и долгое время не отрываться от своего традиционного хозяйствования. Наряду с хозяйственными задачами, этот процесс имел и идеологический аспект, суть которого состояла в том, что для осознания власти над природой было достаточно «точечного» промышленного и городского строительства на периферии страны.

Многочисленные планы индустриальной революции с легкостью разрушали сельскохозяйственные районы с отсталыми деревнями и их жителями. Эти территории стали достаточно привлекательны. Советская власть коренным образом изменила структуру общества, разрушив сельскую замкнутость и создавая довольно мощный слой горожан с новыми занятиями, новым образом жизни и новыми идентичностями. В контексте проводимых властью мероприятий появилось понятие «новый город», в основу которого легли новые градостроительные концепции и который был построен либо на необжитом месте, либо на основе ранее существовавших сельских поселений, в котором развивался «новый» советский человек.

Встреча культур, которые в своей основе были антиподами (сельская и городская), ценностных ориентаций в условиях городской жизни, привлекательность городской культуры сделали превращение вчерашних сельчан в горожан менее трагичным и более динамичным.

Изучение культуры нового советского города, моделировавшего не только образ эпохи, но и горизонт надежд, важно для реконструкции советской истории. Спустя десятилетия урбанизация нивелировала уровень жизни в крупных и мелких городах, создав общекультурный потенциал общества. В этом отношении большой интерес представляют малые города Северной Осетии, которые на протяжении XX в. переживали указанные процессы, создавали довольно многочисленный слой горожан, удельный вес которых ныне составил более 60 % населения республики [17: 89].

Научные концепции, генерируемые в системе разных наук, формируют сложную и емкую совокупность знаний о феномене городской повседневности, формировании мировоззрения горожанина, и в них все в большей степени выявляется реальное пересечение проблем и задач, требующих междисциплинарных подходов в дальнейшем их исследовании [14: 8–9] (немногочисленные работы по проблеме малых городов североосетинского региона написаны экономистами и географами, а также любителями-краеоведами [3; 5; 7], научных исторических работ нет по настоящее время). Проблематику данного проекта определяет научный интерес к специфике новых советских городов и повседневных практик их населения, а также той важной информации о поведенческих стереотипах, менталитете, заблуждениях и иллюзиях, которые сопровождали горожанина-представителя тоталитарной культуры.

Новый малый город на территории Северной Осетии является в этом смысле примером осмысления и реконструируется как уникальный источник знаний о сущностных чертах советской культуры, в котором в полной мере отражены основные этапы градостроительных, социальных, мировоззренческих, поведенческих, идеологических процессов эпохи [9: 125].

Новые городские поселения в Северо-Осетинской АССР формировались разными способами: в результате преобразования наиболее рентабельных сельских населенных пунктов и создания

в этих местах градообразующих предприятий; на новом месте, но с привязкой к экономическим потребностям региона. Увеличение городского населения также происходило разными путями: за счет естественного прироста; внутривнутриреспубликанских миграций; внутрисоюзных перемещений (как правило, в Осетию на разные сроки прибывали специалисты-шахтеры, проходчики, инженерно-технические работники).

Формирование городских поселений в республике закончилось к середине 1960-х гг.; на карте региона появились пять малых городов (Моздок, Алагир, Ардон, Беслан и Дигора), а также шесть поселков городского типа, что свидетельствовало о высокой степени урбанизации, а также об особенностях отраслевой специализации региона. Функционирование города полностью определялось народнохозяйственным профилем [6].

Так, городские поселения, расположенные в юго-западной части республики, были напрямую связаны с добычей и переработкой руд цветных металлов. Такая специализация района определилась еще в середине XIX в., после проведенных царским правительством изыскательных экспедиций, давших хорошие перспективы разработки полезных ископаемых в горах Осетии. Когда в годы Крымской войны для армии потребовалось большое количество свинца, Алагирский среброцинковый завод поставлял свыше 500 тыс. пудов ежегодно [11: 8]. В советское время специализация была углублена, и в Алагирском районе появились шесть поселков городского типа: Садон, Бурон, Верхний Згид, Холст, Мизур, Верхний Фиагдон [2: 66]. Горнорудная промышленность республики развивалась быстрыми темпами.

Другие районные центры специализировались больше на пищевой и перерабатывающей отраслях. Так, градообразующими предприятиями Дигоры и Ардона стали консервные, маслосырзаводы с сопутствующим производством тары, лимонной кислоты [18: 3]. Всемирную известность получил Бесланский маисовый комбинат, построенный в 1934 г., который по качеству и количеству выпускаемой продукции занимал второе место в Европе [19: 36].

Практически во всех городах работали небольшие кирпичные заводы, снабжавшие продукцией не только местное население, но и жителей соседних республик.

Народнохозяйственными планами предполагалось преобразование перспективных сел в промышленно-ориентированные города. В зависимости от предназначения малый город формировал «свое лицо», которое проявлялось в социально-демографических процессах, культурном облике, наконец, в повседневной жизни его населения. При этом особенности сельского образа жизни и хозяйствования в расчет не принимались [16: 131].

В конце 1980-х гг. численность населения в поселках городского типа существенно сократилась ввиду перестроечных реформ и падения социально-экономического уровня. Так, в поселке Верхний Згид к концу 1980-х гг. численность населения упала в четыре раза, Верхний Фиагдон — в четыре с половиной раза, Холст — в три раза. Такому оттоку населения способствовало и истощение запасов полиметаллических руд, тяжелое состояние горнодобывающей промышленности [17: 94].

Подводя некоторые итоги анализа состояния малых городов Северной Осетии, отметим, что их создание определялось исключительно потребностями государственных планов развития народного хозяйства. А это, в свою очередь, диктовало необходимость приближения сырьевой базы к промышленным предприятиям. Для Северной Осетии, которая являлась аграрно-индустриальной республикой, наиболее престижными были предприятия легкой, пищевой, перерабатывающей промышленности. А в тех районах, где залегали цветные и полиметаллические руды, — горнорудная промышленность и переработка цветных металлов. Рабочая сила была представлена коренным населением и прибывшими из разных регионов страны специалистами.

С вхождением бывших сельских жителей в разряд «новых» горожан происходит смена традиционных жизненных практик, нередко городской образ жизни насаждается насильно, с отрывом людей от привычного способа существования.

Источники и литература

1. Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995. С. 21–28.

2. Бадов А.Д. Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. Владикавказ, 1993.
3. Бадов А.Д., Тавасиев В.Х. Социально-демографические проблемы Северной Осетии. Владикавказ, 1998.
4. Горбачев О.В. Концепция советского пространства: от материальности к мифу // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов / под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 151–164.
5. Каберты Н.Г., Гуриева Л.К., Бегиева А.Ш. Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизмы регулирования. Владикавказ, 2017.
6. Калоев Г.Ф. Новые города на карте СОАССР: учебное пособие. Орджоникидзе, 1986.
7. Касимов А.А. Алагир, опаленный войной. Владикавказ, 2017.
8. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.
9. Костюрина Н.Ю. Новый город как модель советской культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2006.
10. Мокроусова А.К. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 3. С. 173–181.
11. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук. Ф. 7. Папка 22. Д. 2.
12. Павлова Л.И. Город: модели и реальность. М., 1994.
13. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
14. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее. Научный совет РАН // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 7–9.
15. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.
16. Сушко М.Ю. Возникновение и развитие рабочих поселков в Саратовской области в 1950–1970 годы // Вестник Саратовского

государственного социально-экономического университета. 2011. № 1 (35). С. 129–132.

17. Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Население малых городов Северной Осетии: между селом и городом // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 87–95.

18. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (далее — ЦГА РСО-А). Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 22.

19. ЦГА РСО-А. Ф Р-558. Оп. 1. Д. 1.

Раздел III

Опыт национально-государственного строительства и общественно-политические процессы на Кавказе в XX в.

А.М. Камбиев

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (Терская и Дагестанская области в 1917–1921 гг.)

Свержение монархии в России в марте 1917 г. привело к бурному росту общественного движения во всех уголках бывшей империи. На национальных окраинах это в том числе привело к широкому движению за создание новых форм административно-территориального деления. Горские народы Терской и Дагестанской областей бывшего Кавказского наместничества на протяжении революции и Гражданской войны в регионе шли широким общественным фронтом в надежде или получить максимальную автономию в рамках той или иной формы российской государственности, или обрести независимость, опираясь на ту или иную форму иностранной поддержки.

Первоначально, при Временном правительстве, горские либерально-националистические деятели в своих планах не выходили за рамки создания отдельного «штата» в составе демократической федеративной России. Это решение было оформлено на I горском съезде в мае 1917 г. во Владикавказе, который собрал широкое представительство горских народов не только Северного Кавказа, но и Закавказья. Общественная организация «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» выражала настроения горской интеллигенции, части военной и духовной элиты региона. Они охотно шли на союз, в частности, с терскими

казацкими верхами. У горских деятелей было вполне оправданное понимание того, что в одиночку им будет невозможно противостоять набирающим популярность региональным большевистским силам. Именно это понимание первоначально вылилось в проект создания Юго-Восточного союза, который готовы были поддержать не только горские верхи Терека и Дагестана, но и соседние регионы в том числе Северного Кавказа.

После того как этот проект по ряду причин не удалось осуществить, уже после захвата власти большевиками в Петрограде, были созданы отдельные горское (из горских регионов Терека и Дагестана) и терское казачье правительства, которые приняли решение до регионального Учредительного собрания создать Временное терско-дагестанское правительство и объединить Терек и Дагестан в один регион против надвигающейся волны большевизма. Новое антибольшевистское правительство возглавил самый авторитетный на тот момент политический деятель Северного Кавказа — терский атаман М.А. Караулов.

Но фактически не удалось хотя бы на время создать какое-то подобие государственного бастиона в региональном масштабе против большевиков. Последние использовали легальную трибуну для захвата власти, проведя в свою пользу I и II съезды народов Терека в январе–марте 1918 г., которые в итоге привели к прекращению начавшегося вооруженного этнического противостояния на Тереке, свергли власть Временного терско-дагестанского правительства и провозгласили на Тереке советскую власть в марте 1918 г. Тогда же было провозглашено создание Терской Советской Республики, опиравшейся на широкие массы горцев, казаков и иногородних.

Однако такой вариант советской государственности на Северном Кавказе продержался недолго, ослабляемый внутренними противоречиями на национальной и земельной почве. Также начавшееся в июне 1918 г. Терское антибольшевистское восстание, поддержанное казачеством, частью кабардинцев и осетин, крайне отрицательно сказалось на национально-государственном строительстве на Тереке. Окончательно советская власть на Тереке была уничтожена в ходе наступления Добровольческой армии во главе с генералом А.И. Деникиным в конце 1918 — начале 1919 гг.

Параллельно советскому проекту на Северном Кавказе существовал либерально-националистический, который был оформлен 11 мая 1918 г. созданием Горской республики, провозгласившей на этот раз уже полную независимость и разрыв каких-либо государственных отношений с РСФСР. Первоначально Горское правительство во главе с А.-М. Чермоевым не располагало своей территорией, однако, заручившись поддержкой Османской империи, стремилось закрепиться на Тереке и в Дагестане, которые оно считало территорией своего «государства». После того как объединенные турецко-азербайджанские силы Исламской армии Кавказа выбили вооруженные силы Центрокаспия и британцев из Баку в сентябре 1918 г., горские вооруженные силы во главе с турками двинулись в сторону Дагестана и в ходе октябрьско-ноябрьского наступления выбили оттуда вооруженные силы Кавказской армии во главе с Л.Ф. Бичераховым. Горское правительство обосновалось в Дагестане, одновременно претендуя на территорию соседнего Терека. Новую республику частично поддерживали интеллигенция и военно-духовная элита Терека и Дагестана [8: 470].

На рубеже 1918–1919 гг. в борьбе за Северный Кавказ столкнулись две силы — Горская республика во главе уже с П.Т. Коцевым и Вооруженные силы на Юге России (далее — ВСЮР) во главе с генералом А.И. Деникиным [4: 105]. Потенциально эти две антибольшевистские силы имели все шансы объединить свои военно-политические потенциалы против единого врага — большевиков, однако ни одна из сторон не признавала за другой право на монопольное владение терско-дагестанским регионом. Первоначально конфликт проходил в форме деклараций, однако этот этап продолжался недолго. Внутри Горской республики зрело внутреннее недовольство политикой правительства, которое привело в конечном итоге к смене руководства. На смену П. Коцеву пришел генерал М.М. Халилов. Но и он недолго был во главе этой «кукурузной» республики, как нередко называли белогвардейские офицеры кавказские государственные образования того периода.

В мае 1919 г. в ходе молниеносной военной операции сил Терско-Дагестанского края ВСЮР были захвачены основные центры Дагестана, и Горская республика практически без боя

прекратила свое недолгое существование [1: 49]. Радикальная часть горских деятелей, недовольная новыми хозяевами региона, вынуждена была эмигрировать в Грузию, основная же часть военных и гражданских администраторов осталась на местах и присягнула на верность единой и неделимой России. Белую власть в регионе поддерживали либеральная интеллигенция, военные и духовные круги, терское казачество.

Белогвардейцы Добровольческой армии, а с января 1919 г. ВСЮР объединили отвоеванные у большевиков и горских сепаратистов Терек и Дагестан в отдельный регион — Терско-Дагестанский край. Во главе его был сначала генерал В.П. Ляхов, а с апреля 1919 г. И.Г. Эрдели. Край был разделен на национальные регионы, во главе которых были поставлены местные горские военные деятели, лояльные белому руководству. При этих главах нацрегионов были созданы советы для решения местных задач [2: 61]. В ознаменование лояльности новой власти каждый народ края должен был выставить в белую армию по дивизии, что вызвало недовольство новой властью и привело в том числе к восстанию, продолжавшемуся с середины 1919 г. до конца правления белогвардейцев в регионе — до весны 1920 г.

В этот же период параллельно белогвардейцам на Северном Кавказе существовали еще две структуры, претендовавшие на власть в регионе. В сентябре 1919 г. был создан Северо-Кавказский эмират во главе с аварским шейхом Узун-Хаджи со столицей в Ведено [3: 133]. Планировалось создать шариатскую монархию в регионе при поддержке фактически свергнутого к тому моменту турецкого султана Мехмеда VI. При всей широте замысла фактически власть Узун-Хаджи распространялась на некоторые горные районы Чечни и Дагестана. К тому же приходилось поддерживать контакт с большевиками, через которых в эмират шли деньги, оружие и боеприпасы. В это же время в соседнем Дагестане, объятom антибелогвардейским восстанием, в октябре 1919 г. был создан Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана [6: 101]. Первоначально первые роли в нем играли исламисты и турки, чуть позже власть перехватили большевики. Фактически в тылу Терско-Дагестанского края ВСЮР существовали эти два очага сопротивления.

Однако власть белогвардейцев на Северном Кавказе в начале 1920 г. была свергнута не в ходе внутреннего восстания, а после победоносного наступления красных сил Кавказского фронта во главе с М.Н. Тухачевским. В марте–апреле 1920 г. территория Терека и Дагестана полностью была очищена от белогвардейских сил. Однако непродуманная политика большевиков в регионе привела к восстанию во главе с Н. Гоцинским [7: 25], которое сотрясало Дагестан на протяжении 1920–1921 гг.

В этой связи, для того чтобы сбить накал вооруженного противостояния и выбить опору из-под либерально-националистических автономистских и независимых горских настроений, с середины 1920 г. советское руководство начало разрабатывать региональную административно-территориальную реформу [5: 36]. В конце концов в начале 1921 г. было решено создать на базе двух областей Горскую и Дагестанскую АССР и Терскую губернию из казачьих районов бывшей Терской области. Судьба этих трех регионов сложилась по-разному. Горская АССР и Терская губерния были упразднены уже в 1924 г., в то время как Дагестанская АССР просуществовала до момента распада СССР.

Источники и литература

1. Артемьев А.С., Лобанов В.Б. Добровольческая армия в Терской области: конец 1918 — первая половина 1919 гг. // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 43–50.
2. Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б. Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 58–67.
3. Добрякова Н.А., Лобанов В.Б. Узун-Хаджи Салтинский — военный и политический деятель периода Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917–1920) // Современная научная мысль. 2021. № 2. С. 132–135.
4. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). М., 2016.
5. Пученков А.С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 33–37.

6. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2021.

7. Сулаев И.Х. Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859–1925) // Религиоведение. 2018. № 2. С. 21–28.

8. Сулаев И.Х. Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917–1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 463–487.

С.А. Бегуев

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛИДЕРЫ ЧЕЧНИ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА ТЕРЕКЕ 1917 г.

Участие в политических процессах 1917 г. шейхов и некоторых других религиозных лидеров Чечни — одна из актуальных тем в отечественной историографии, а также в исследованиях, посвященных революционным событиям и Гражданской войне на Северном Кавказе.

В начале марта 1917 г. в России произошло свержение самодержавия. В связи с этим среди горских народов Северного Кавказа возникло движение, которое преследовало цель объединения отдельных народов в единый союз [7: 46].

Февральская революция ознаменовала новый этап в динамике социально-политических процессов Кавказского региона. Борьба мусульманских народов выливалась в исламскую форму движения, в одних районах за полную независимость, а в других — за автономию [1: 150].

14 марта 1917 г. в Грозном прошел Первый съезд чеченского народа, на котором обсуждались вопросы признания Временного правительства, установления шариата и т.д. На этом съезде также был выделен Чеченский национальный совет. В его состав вошли шейх Дени Арсанов, чеченский промышленник и землевладелец Тапа Чермоев и присяжный поверенный Ахметхан

Мутушев, который был избран председателем [2: 76]. Дени Арсанов стал комиссаром Надтеречного участка Грозненского округа.

Религиозные лидеры возглавляли крупные духовные общины, имели тысячи последователей, располагали солидной финансовой базой, пользовались огромным общественным авторитетом [5: 132]. Они считали, что в отсутствие твердой власти и религиозности мусульманского населения ими может управлять только шариат.

В апреле 1917 г. шейхи Дени Арсанов, Сугаип-мулла Гойсумов, Абдул-Вахаб-Хаджи Дыдымов совместно с чеченскими политическими деятелями Тапой Чермоевым, Ахметханом Мутушевым и Таштемиром Эльдерхановым организовали съезд чеченского народа, объединивший в Грозном около 10 тыс. чел., и руководили им. На этом съезде был избран Чеченский национальный совет во главе с социал-демократом Ахметханом Мутушевым, окружным комиссаром стал Таштемир Эльдарханов.

1–7 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся Первый горский съезд народов Северного Кавказа, в котором приняли участие представители всех народов Северного Кавказа: дагестанцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, черкесов, кабардинцев, балкарцев, караногайцев и др.

Ведущую роль на съезде играла национальная интеллигенция: Б. Шаханов, А. Мутушев, М. Абуков, Б. Далгат, Т. Чермоев, П. Коцев, Р. Капланов, А. Эффендиев, З. Темирханов и др. Деятельное участие в работе съезда принимали представители мусульманского духовенства Н. Гоцинский, А. Митаев, Д. Арсанов, С. Гойсумов, А.-В.Х. Дыдымов. Также присутствовали представители военно-помещичьей знати [4: 177–178].

Постановлением духовной секции на съезде было принято решение о создании шариатских судов, введении должности шейх-уль-ислама (муфтия) — духовного лидера, избираемого мусульманами по шариату.

До учреждения муфтията при ЦК Союза горцев из девяти человек был сформирован Религиозный совет. В него вошли: от чеченцев — Сугаип-мулла Гойсумов, от ингушей — Абдул-Карах-Хаджи, от кабардинцев — Алихан Шогенов, от тюркских народов Кубанской и Сухумской областей и Ставропольской губернии —

Умар-Эфенди Мударрис Алиев, от черкесов по Кубанской области и Черноморской губернии — Сабит-Мулла Идрисов. По Дагестану выборы были отложены [3: 150].

Выросло недовольство народа Союзом объединенных горцев и национальным комитетом, и авторитет их руководства с каждым днем падал в глазах народа. На этой волне выросло влияние мусульманского духовенства, которое чувствовало себя несправедливо обойденным при формировании национальных органов власти. Располагая большой поддержкой среди верующих горцев, духовенство стремилось потеснить терявшую доверие масс интеллигенцию. Особую политическую активность проявляли шейхи Дени Арсанов, Сугаип-мулла Гойсумов, Ибрагим-Хаджи Гойтинский, Кана-Хаджи Хантиев, Юсуп-Хаджи Байбатыров и Али Митаев. Религиозные лидеры со своими мюридами ездили по Чечне и активно проводили агитационную работу среди чеченского населения. Проповедовали идею необходимости введения шариата [6: 17].

В результате этой агитации 25–26 июня 1917 г. в Грозном состоялся съезд чеченцев Грозненского округа, представителей духовенства и сельских общин Чечни, созданный комиссией областного исполкома при содействии религиозных лидеров. Своим решением съезд повсеместно ввел в Чечне нормы шариата.

Безусловное преимущество на грозненском съезде получили шейхи и их сторонники. Именно этот форум «показал представителям партии Союза объединенных горцев, что настоящими хозяевами и предводителями в Чечне являлись шейхи и духовенство». Роль шейхов была настолько значительна, что в некоторых газетах прошедший съезд был назван «Съездом духовенства» [10].

Съезд своим решением повсеместно ввел в Чечне нормы шариата. Главным итогом съезда стало смещение с поста комиссара Грозненского округа Таштемира Эльдарханова — бывшего депутата Государственной думы, известного просветителя и педагога. Новым окружным комиссаром стал шейх Дени Арсанов — глава одного из крупнейших религиозных братств накшбандийского тариката Чечни и Ингушетии. Съезд постановил «ввести в действие единый мусульманский кодекс — шариат». Вместо

существовавшего светского Грозненского горского суда было решено учредить шариатский суд под председательством мутлы Бейсултана Тагирова, который получил сан окружного кадия. Помощником окружного комиссара остался Данилбек Шерипов; второй помощник Изнаура Арсанукаева подал в отставку вместе с Эльдархановым [5: 134].

В начале июля на Тереке власть под предлогом охраны порядка захватил «временный военный комитет». Шел процесс дифференциации демократического и реакционного течения в Союзе объединенных горцев и в других национальных органах власти. Назревший раскол беспокоил руководство Союза объединенных горцев. Необходимо было разработать меры против разбоев и анархии. Все эти вопросы должен был решить Второй горский съезд, созванный 20 августа 1917 г. Программа съезда состояла из следующих вопросов: духовные дела, организация народной милиции, борьба с разбоями, продовольственный вопрос, организация советов крестьянских депутатов и земельных комитетов, подготовка к Учредительному собранию, установление более тесных контактов с национальными органами Грузии, финансы Союза, пересмотр Конституции, изменения во внутренней структуре Союза, вопрос о выборе формы федерации горских народов и др. [4: 193].

Местом проведения Второго съезда горских народов Северного Кавказа было названо высокогорное село Анди на границе Чечни и Нагорного Дагестана. Назначенный съезд не состоялся, так как значительное число делегатов не смогло прибыть из-за плохих погодных условий в горах. Но при большом стечении людей, около 5 тыс. чел., на этом форуме встал вопрос о провозглашении имамом Н. Гоцинского. Наибольшее сопротивление избранию Н. Гоцинского имамом оказали религиозные лидеры из Чечни: Д. Арсанов, С. Гойсумов, А. Митаев и др. Андийский съезд отклонил идею провозглашения имама и избрал Нажмуддина Гоцинского духовным лидером мусульман Северного Кавказа — муфтием [9: 62–63].

Неудача Андийского съезда, от которого горские народы в первую очередь ждали решения вопроса о земле, и фактическое бездействие гражданских властей и национальных комитетов,

откладывавших насущную аграрную реформу до малопонятного горцам Учредительного собрания, привели к новой вспышке крестьянских волнений.

1 сентября Чеченский комитет под председательством А. Мутушева принял решение провести операцию против абреков в Веденском округе. Комитет постановил сформировать из уже действующих отрядов чеченской милиции специальный отряд для поимки и задержания преступников. Но между А. Мутушевым и милиционерами произошел неприятный инцидент из-за зарплаты. В результате инцидента формирование милицейского отряда было сорвано и экспедиция против абреков в Веденском округе не состоялась. Сам Мутушев, оскорбленный нападением милиционеров, постепенно отошел от руководства Чеченским комитетом. В Чеченском комитете все большую роль стали играть заместитель председателя Муса Курумов и комиссар Грозненского округа шейх Дени Арсанов. В отличие от Мутушева, союзника грозненских социалистов, Курумов и Арсанов явились сторонниками установления в крае твердой власти в союзе с казачеством [5: 215–216].

25 октября 1917 г. в результате вооруженного восстания было свергнуто Временное правительство. Власть перешла в руки большевистской партии. Для привлечения на сторону советской власти мусульманских народов руководители советского правительства приняли ряд серьезных решений. Учитывая исключительную важность сохранения в составе России мусульманских народов, Совет народных комиссаров РСФСР обратился к мусульманам: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [1: 33].

Осенью 1917 г. наметился решительный отход прогрессивной горской интеллигенции от Союза объединенных горцев Кавказа, от политики верхов горских народов. Почти вся интеллигенция мусульманских народов Терской области и Дагестана, увлеченная общим потоком национально-освободительного движения, принимала самое горячее участие в созыве первого общегорского съезда и в организации Союза объединенных горцев Кавказа. Но для чего, с какой целью это делалось — она не отдавала

себе отчета. Никакой более или менее определенной программы не было.

1 декабря 1917 г. решением совещания представителей Центрального комитета Союза объединенных горцев Кавказа, Войскового правительства Терского казачества и Союза городов Терско-Дагестанского края было провозглашено Временное терско-дагестанское правительство. Основными задачами терско-дагестанского правительства являлись скорейший созыв Учредительного сейма, обеспечение спокойствия и порядка, борьба с хозяйственной и финансовой разрухой [4: 199].

Терско-дагестанскому правительству с первых же дней своего существования пришлось срочно решать две очень важные проблемы — грозненский кризис и конфликт между ингушами и казаками.

После смерти атамана М.А. Караулова терско-дагестанское правительство потеряло свою политическую силу. Большевики-красногвардейцы и казахи революционные комитеты начали нападать на чеченские и ингушские аулы. Для защиты аулов от нападений в Чечне и Ингушетии приступили к созданию отрядов ополчения [11: 208]. В это тяжелое время чеченские религиозные лидеры со своими мюридами принимали невероятные миротворческие усилия для предотвращения межнациональной войны и достижения мира.

27 декабря 1917 г. шейх Дени Арсанов и его мюриды, выехавшие по приглашению казаков для обсуждения спорных вопросов о земле и мире между горцами и казаками, были убиты казаками во главе с атаманом Зайцевым в ст. Грозненской. В ответ на убийство шейха озлобленные горцы напали на казачьи станицы. В свою очередь, казаки напали на ряд чеченских селений [8: 18]. Были организованы вооруженные столкновения между казачьими станицами и чеченскими аулами. В конце декабря 1917 и начале января 1918 г. были разгромлены селения Старый-Юрт (Толстой-Юрт), Новый-Юрт (Виноградное), Старая Сунжа и ст. Кахановская.

Таковы были основные вехи бурного 1917 г. для чеченского народа.

Источники и литература

1. Авторханов А.Г. Империя Кремля: советский тип колониализма. Гармиш-Партенкирхен, 1988.
2. Государственный архив Российской Федерации, Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 207.
3. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 г.). СПб., 2009.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 2: История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008.
5. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. Нальчик, 2012.
6. Ошаев Х.Д. Очерки начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928.
7. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1. Д. 151.
8. Рукописный фонд Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук. Ф. 21. Оп. 1. Д. 440.96.
9. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы. Махачкала, 1994.
10. Терский вестник (Владикавказ). 1917. 2 июля.
11. Шейхи Дени и Багаудин Арсановы / авт. проекта и сост. Р.Ш. Албагачиев. Нальчик, 2015.

С.Ш. Салакая

БОРЬБА ВОКРУГ СТАТУСА АБХАЗИИ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Большевики Абхазии впервые предприняли попытку взять власть в свои руки на I Съезде абхазского народа в ноябре 1917 г., когда потребовали передачи всей власти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и объявления Абхазии Сухумским

округом РСФСР, но потерпели неудачу [8: 144]. Несмотря на это, большевики не оставили попыток захвата власти и в апреле 1918 г. сумели взять ее в свои руки, но ненадолго. В Сухуме она пала уже через 40 дней, хотя в отдельных уездах продержалась дольше. Одной из главных причин падения советской власти стало то, что местные большевики объявили Абхазию Сухумским округом РСФСР, в то время как остальные политические силы Абхазии ставили вопрос о возрождении абхазской государственности в той или иной мере [1: 288–289].

Однако вопрос советизации Закавказья, в том числе Грузии и Абхазии, был не снят с повестки, а лишь отодвинут на время. В начале 1921 г. в Грузии и Абхазии для этого сложились благоприятные условия. Закончилась победой большевиков Гражданская война, советская власть была установлена в Азербайджане и Армении, Турция нуждалась в помощи Советской России.

17 февраля был создан Революционный комитет Абхазии, в состав которого вошли Е.А. Эшба (председатель), Н.А. Лакоба и Н.Н. Акиртава. В этот период Е.А. Эшба и Н.А. Лакоба находились со специальным заданием в Турции, а ревкомом фактически руководил Н.Н. Акиртава. Е.А. Эшба и Н.А. Лакоба вернулись в Абхазию лишь 6 марта. В течение двух недель на всей территории Абхазии была установлена советская власть (официальной датой советизации считается 4 марта 1921 г., когда Сухум был освобожден от меньшевиков) [1: 326–327].

Сразу после советизации на первый план выдвинулся вопрос политического статуса Абхазии. Руководство компартии Грузии так же, как и руководство Кавказского бюро ЦК РСДРП(б), рассчитывало сохранить существующий status quo, то есть видело Абхазию автономной частью Грузии. Теоретическим обоснованием этого статуса должны были стать работы И.В. Сталина по национальному вопросу. При этом никаких официальных указаний сверху ревкому Абхазии спущено не было, в Москве и Тифлисе рассчитывали, что руководство Абхазии самостоятельно примет решение об автономном статусе Абхазии. Однако почти сразу после советизации Абхазии ее руководители выступили резко против вхождения в состав Грузии в качестве автономной республики. В первую очередь это было вызвано резким неприятием

среди населения Абхазии (в том числе грузинского) вхождения в каком-либо виде в состав Грузии после бесчинств и произвола со стороны грузинских властей и войск во время оккупации. Поэтому ревком Абхазии поставил вопрос о ее преобразовании в советскую социалистическую республику и о формировании Организационного бюро (Оргбюро) РКП(б) в Абхазии для создания абхазской компартии. Е. Эшба, вспоминая первые дни советизации, говорил, что для изживания национальной розни руководство Абхазии признало необходимым объявить о независимости Абхазии, отмечая, что открытых противников у этого решения не было [11: 29].

26 марта на расширенном заседании ревкома Абхазии и Оргбюро РКП(б) в Абхазии после очередного обсуждения сложившейся ситуации было принято решение объявить Абхазию советской социалистической республикой. При этом в телеграмме на имя В.И. Ленина и И.В. Сталина сообщалось, что со времени восстановления советской власти Абхазия так и не получила указаний о своем административном статусе и предписаний относительно политики региона в этом отношении. Поэтому был принят ряд решений: об объявлении Абхазии социалистической республикой; о ее вхождении в «Общероссийскую Федерацию»; о выстраивании в Абхазии умеренно осторожной общей политики по отношению к буржуазии и крестьянству. Мотивировалось это решение следующим: «Первое: Шовинистическая политика грузинских меньшевиков пробудила тенденцию к национальному самоопределению среди абхазцев, составляющих восемьдесят процентов населения Сухумского округа. Второе: Эта же политика вызвала среди абхазцев массовое желание связать свою судьбу непосредственно с Российской Федерацией. Третье: Объявление самостоятельности Абхазии закрепит освободительный характер борьбы Красной Армии... Затягивание решения основного вопроса сильно затрудняет всю нашу работу и ставит перед нами вопрос, сможем ли мы дальше нести ответственность за нее». В заключении отмечалось: «В случае неполучения срочного ответа, объективные условия заставляют нас взять на себя ответственность за объявление Советской Социалистической Республики Абхазия» [6: 38–39].

На следующий день, 27 марта (в литературе встречается дата и 26 марта), состоялся телефонный разговор между председателем Кавбюро ЦК РКП(б) С. Орджоникидзе (Тифлис) и председателем ревкома Абхазии Е. Эшба (Сухум). Орджоникидзе сразу обозначил свою позицию, подавая ее как мнение Москвы и «здешних товарищей». Она заключалась в том, что Абхазия должна быть автономной советской республикой в составе Грузинской Советской Республики. «Другое решение этого вопроса рассматривалось бы как аннексия со стороны России», — говорил он. Е. Эшба возражал своему собеседнику, указывая, что «меньшевики своим шовинизмом до того оттолкнули от себя абхазцев, что включение Абхазии в Советскую Грузию произвело бы самое отрицательное впечатление на абхазцев, и как повторение старой меньшевистской, якобы автономной Абхазии». Орджоникидзе продолжал настаивать, но и Эшба от своей позиции не отступил. Тогда было решено срочно провести в Батуме встречу Эшба и Лакоба с ответственными работниками Кавбюро и ревкома Грузии [6: 40–41]. На этом совещании (28 марта) было поддержано решение о провозглашении ССР Абхазии. На смену позиции С. Орджоникидзе, возможно, повлияли не только аргументы абхазской стороны, но и миссия Эшба и Лакоба во главе абхазо-лазской делегации в конце 1920 — начале 1921 г. в Турцию, в ходе которой они встречались с Кемаль-пашой и сумели привлечь на его сторону значительную часть абхазо-адыгской («черкесской») диаспоры. Успех этой миссии мог позволить руководителям ревкома Абхазии ставить вопрос о более широких рамках абхазской государственности [2: 83].

31 марта 1921 г. ревком Абхазии издал Декларацию об образовании ССР Абхазии, о чем были извещены Ленин и все советские республики. «Волей трудящихся родилась новая Социалистическая Советская Республика — Абхазия. Первый Съезд рабочих и крестьянских депутатов Абхазии окончательно решит судьбу народа. Советская республика маленького народа служит наглядным примером великой освободительной роли Красной Армии и является новой пощечиной, которую нанесла Великая Октябрьская революция угнетателям малых народов... От имени трудящихся молодой Советской Абхазии шлем горячий привет

Великой Рабоче-Крестьянской стране — Советской России и всем советским республикам» [7: 43].

Население Абхазии с большим воодушевлением приняло создание самостоятельной республики. Е. Эшба, выступая на I Съезде трудящихся Абхазии (май 1921 г.), отметил, что при меньшевистской власти члены Народного совета Абхазии «месяцами в Тифлисе молили хотя бы о фиктивной автономии, но и фиктивной автономии они не могли добиться... Пришли большевики, и маленькая Абхазия имеет неприкрашенную, фактическую независимость» [10: 27].

Как было упомянуто выше, решение о создании ССР Абхазии было встречено в штыки руководством ревкома и компартии Грузии, несмотря на их согласие в Батуме на провозглашение Абхазии самостоятельной республикой. Председатель Кавбюро Г.К. Орджоникидзе должен был заявить им, что это решение вызвано необходимостью дать возможность трудящимся Абхазии освободиться от социального и экономического наследия меньшевиков, правда, отмечая при этом: «но в дальнейшем абхазцы сами убедятся в необходимости тесного объединения с советской соседкой Грузией» [4: 201], признавая тем самым, что от первоначальных планов не отказались. Только 21 мая 1921 г. ревком Грузии принял декларацию «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазии», аргументируя это решение националистической политикой меньшевистской Грузии в отношении Абхазии.

Однако самостоятельность Абхазии оказалась недолгой. Через полтора месяца после объявления ревкомом Грузии декларации о независимости ССР Абхазии началась закулисная компания по ее ликвидации. На заседании пленума Кавбюро ЦК РКП(б) 5 июля 1921 г. с участием Сталина и членов Кавбюро Г. Орджоникидзе, С. Кирова, Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, А. Назаретяна, А. Мясникова, Ю. Фигатнера, Е. Эшба был рассмотрен вопрос «О положении дел в Абхазии». В постановлении пленума, в частности, говорилось о необходимости вести партийную работу в направлении «объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики, входящей в состав ССР Грузии». Таким образом, фактически была предreshена судьба независимости Абхазии [1: 329].

22 июля 1921 г. состоялось совместное заседание Оргбюро РКП(б) в Абхазии и ревкома Абхазии с участием секретаря Кавбюро А. Назаретяна, рассмотревшее вопрос «О взаимоотношениях ССР Абхазии с ССР Грузии». Итоги совместного заседания были вынесены на расширенное совещание партийного и советского актива Абхазии 23 июля. Одобрив в целом декларацию ревкома Грузии о независимости ССР Абхазии, совещание высказалось за заключение союзного равноправного договора «на основе федерации экономического единства с Советской Грузией» [7: 48–49].

К этому руководство Абхазии подталкивало, во-первых, решение пленума Кавбюро и воля наркома по делам национальностей РСФСР И. Сталина, во-вторых, крайне тяжелое экономическое положение Абхазии. Попытку руководителей ревкома и Оргбюро РКП(б) Абхазии получить финансовую помощь в РСФСР перекрыл И. Сталин. 8 сентября 1921 г. он направил записку на имя секретаря ВЦИК РСФСР А. Енукидзе: «Абхазия автономная часть независимой Грузии, самостоятельных представителей при РСФСР не имеет и не должна иметь, кредитов от РСФСР не может получить. Наркомнац И. Сталин» [1: 330]. Была заблокирована и попытка получить финансовые средства путем продажи табака за границу (кстати, любопытно также действовало и правительство меньшевистской Грузии, сводя на нет попытку властей Абхазии продать табак за рубежом). Руководство Абхазии, как могло, сопротивлялось включению в Грузию. В письме в Кавбюро 26 октября 1921 г. Е. Эшба изложил свое мнение о федерации Абхазии с Грузией. Он категорически возражал против ликвидации независимости Абхазии и включения ее как автономной области в состав ССР Грузии, считая, что народ мог истолковать такое решение как появление двуличной политики со стороны правительства [3: 103].

Осенью 1921 г. по инициативе Ленина и Кавбюро в Закавказье началось движение за экономическое и политическое объединение в федерацию. Однако часть руководства ревкома и Компартии Грузии во главе с Б. Мдивани выступила против идеи федерации закавказских республик и выдвинула план непосредственного вхождения Грузии в Союз ССР. Тогда и в Абхазии возникла идея вхождения в Закавказскую Федерацию и Союз ССР, минуя Грузию. Е. Эшба в письме Кавбюро ЦК от 14 ноября 1921 г. поставил вопрос

о нецелесообразности заключения договора с Грузией в условиях создания ЗСФСР и потребовал прямого вхождения Абхазии в Закавказскую федерацию в качестве четвертой республики [1: 331]. Однако эта идея не получила поддержки Кавбюро.

16 ноября 1921 г. Кавбюро ЦК, рассмотрев вопрос «О независимости ССР Абхазии», приняло постановление: «1. Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии; 2. Предложить тов. Е. Эшба предоставить свое окончательное заключение о вхождении Абхазии в состав Грузии на договорных началах или на началах автономной области в РСФСР» [5: 160]. Руководители Абхазии вынуждены были остановиться на объединении с Грузией на федеративных договорных началах.

16 декабря 1921 г. в Тифлисе союзный договор был подписан. Он был ратифицирован I Съездом Советов ССР Абхазии 17 февраля 1922 г. В нем говорилось, что Грузия и Абхазия вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз. До февраля 1931 г. Абхазия имела уникальный статус договорной советской социалистической республики со своей конституцией, флагом и гербом, кодексами и т.д.

В целом, говоря о национально-государственном строительстве в Абхазии, мы можем утверждать, что полноценное восстановление абхазской государственности произошло в 1921 г. Конечно, никто из новых руководителей Абхазии не рассчитывал, да и не хотел независимости Абхазии, но они надеялись, что молодая республика станет равноправным субъектом советской федерации. Однако мощное давление со стороны не только Тифлиса, но и Москвы вынудило абхазских руководителей пойти на самый реалистичный и прагматичный шаг в той внутри- и внешнеполитической ситуации — заключить союзный договор с Грузинской ССР [9: 112]. Укрепление власти И.В. Сталина в СССР, превращение его фактически в единоличного правителя приводит к дальнейшему понижению статуса Абхазии, в феврале 1931 г. договорная ССР Абхазия преобразуется в Абхазскую АССР в составе Грузинской ССР. Тем самым с «опозданием» на 10 лет был реализован план включения Абхазии в состав Грузии как автономной республики.

Источники и литература

1. История Абхазии: учебное пособие / гл. ред. С.З. Лакоба. Сухум, 1991.
2. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
3. Лежава Г.П. Между Грузией и Россией: исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997.
4. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи: в 2 т. Т. 1. М., 1956.
5. Партархив Абхазского обкома Компартии Грузии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19.
6. Сагария Б.Е. О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии: сборник статей. Гагра, 1993.
7. Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921–1938). Сухуми, 1981.
8. Салакая С.Ш. Абхазия в 1917 году // Салакая С.Ш. История и историография Абхазии, XIX — нач. XX века: сборник научных статей. [Б. м.], 2018. С. 143–146.
9. Салакая С.Ш. Создание советской государственности в Абхазии // Абхазия в 1917–1931 гг.: сборник статей. Сухум, 2021. С. 102–113.
10. Укрепление советской власти в Абхазии: сборник документов и материалов (1921–1925 гг.). Сухуми, 1957.
11. Центральный государственный архив Абхазской АССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5.

И.В. Агрба

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА АБХАЗИЮ В 1917–1921 гг.

Сложный как для Абхазии, так и для Кавказа в целом в политическом отношении период 1917–1921 гг. невозможно рассматривать вне международной конъюнктуры того времени. Для понимания развивавшейся тогда политической борьбы необходим

учет экономических интересов сторон, так как мировые державы, соперничавшие за территорию Кавказа во время Первой мировой войны, стремились овладеть главными источниками сырья в регионе. Местные политические элиты, выступая за независимость своих стран, активно пытались защитить их экономические ресурсы. Особенно активно эта борьба проявилась в отношениях между Абхазским народным советом (далее — АНС) и правительством Грузинской Демократической Республики (далее — ГДР). В связи с этим справедливо встают вопросы о том, какими экономическими ресурсами обладала собственно территория Абхазии и насколько они влияли на ее политическую судьбу в развернувшейся борьбе как мировых держав, так и кавказских политических элит за Абхазию.

Абхазия в начале XX в., в отличие от Азербайджана с его богатыми нефтяными месторождениями, не обладала разработанными источниками сырья. Известное уже к этому времени Ткварчельское угольное месторождение не играло существенной роли в экономике края в рассматриваемый период. Благоприятные климатические условия и плодородные почвы способствовали развитию бальнеологических курортов и сельского хозяйства. Среди традиционно выращиваемых сельскохозяйственных культур, таких как кукуруза, фасоль, орехи и виноград, появляется новая и самая востребованная на международном рынке культура — табак. Поэтому главным источником дохода для Абхазии (Сухумский округ) перед началом Первой мировой войны являлась именно культура табака, с появлением которой крайне низкая товарность сельского хозяйства в последней четверти XIX в. сменилась его поступательным ростом в начале XX в.

Немаловажную роль в популяризации этой культуры в Абхазии сыграл фактор сокращения числа посевов табака в Турции, Греции и Македонии в связи с Балканскими войнами 1912–1913 гг. Это, в свою очередь, привело к тому, что население Абхазии осознало большую прибыльность табаководства. Подтверждением служит тот факт, что местные жители стали пересматривать свои договоры с арендаторами — теперь хозяин земли являлся уже и участником в табачном производстве, и пайщиком [4: 49]. Таким образом, местные феодалы как самые крупные землевладельцы

в округе были очень заинтересованы в сохранении существующего поземельного положения. Они использовали так называемую мегрельскую форму аренды, то есть забирали в счет аренды земли 1/4 урожая и не несли никаких расходов по производству. Нужно добавить, что к 1900 г. 40 % всех земель под табак принадлежало местным жителям [4: 49]. Все эти обстоятельства не могли не влиять и на выбор политических ориентиров как не в пользу большевиков, так и против политики грузинского правительства на территории Абхазии.

Последовательный рост табаководства на территории Абхазии демонстрируют нижеприведенные таблицы, которые дают представление об объеме засеваемых площадей и доле экспорта на территорию Российской империи и за ее границы [4: 47, 50].

Таблица 1. Показатели развития табаководства в Абхазии

Годы	Число плантаций	Площадь в десятинах	Сбор в пудах
1914	9288	13 104	602 676
1915	8293	8824,8	425 000
1916	11 770	10 596	556 834

Таблица 2. Экспорт табака из Абхазии в пудах

Годы	В Россию	Проц.	За границу империи	Проц.	В Закавказье	Проц.	Всего
1913	433 635	81,4	75 307	14,2	23 505	4,4	532 447
1914	523 854	89,4	20 820	3,6	41 279	7,0	585 953

Нужно также отметить, что объемы сбора табака в Абхазии по отношению к сбору табака в Закавказье были значительно выше и равнялись в среднем за 1900–1904 гг. — 60,3 %, за 1904–1909 гг. — 64 % и за 1909–1914 гг. — 73,3 % [4: 49]. По данным за 1916 г., собранный урожай составил 556 834 пуда. Однако за период с 1917 по 1918 гг., то есть за годы революции, табак почти не вывозился. Первая мировая война и революция в России ослабили хозяйственные связи между регионами бывшей Российской империи и сделали практически невозможным вывоз табака из Абхазии.

Экономика Абхазии, как и в целом экономика Кавказа, находилась в крайнем упадке. Население страны нуждалось в самых элементарных вещах: хлебе, сахаре, мыле, так называемой мануфактуре, являвшихся продуктами импорта. Денежная масса почти полностью отсутствовала на территории Абхазии. В связи с этим единственной возможностью снабдить население товарами первой необходимости была продажа лишь одного валютного товара — табака. Необходимо учитывать и тот факт, что прежние рынки сбыта для абхазских табаководов тоже становились практически недоступными из-за Гражданской войны в России, поскольку, как уже отмечалось, весь абхазский табак с 1900 г. поставлялся на иностранные рынки через Россию. При всей сложности со сбытом абхазского табака, судя по всему, находились частные лица, скупавшие табак в Абхазии. В документах отсутствуют точные данные по количеству скупаемого табака и цен на него, но при этом есть жалобы членов АНС в докладных записках на имя грузинского правительства на частных скупщиков.

Обращения к грузинскому правительству по поводу предоставления АНС права вывоза табака начались сразу же после подписания договора о взаимопомощи от 8 (11) июня 1918 г. между АНС и правительством ГДР. Первый из них датируется 1 июля 1918 г., в нем АНС просит отменить постановление грузинского правительства о запрете вывоза табака за пределы Абхазии. Уже 1 августа состоялось заседание грузинского правительства с участием министра по делам Абхазии Рафаила Чхотуа, на котором обсуждался этот вопрос. 2 августа Р. Чхотуа телеграфирует АНС о том, что «Правительство Грузии стоит на договорной точке зрения и общности обложения» [2: 108]. Далее он сообщает, что на основании торгового договора с Германией право вывоза табака в первую очередь предоставляется Германии. В телеграмме Р. Чхотуа сообщал о том, что 10 августа должно состояться заседание комиссии при участии германских представителей, и просил прислать «знаковок» табачного дела, желательно Джото Шервашидзе. Пока же, как писал Р. Чхотуа, «правительство по соглашению с германской миссией разрешило к вывозу 43 000 пудов табака» [2: 108].

Однако, судя по всему, просьба правительства не была удовлетворена. Поэтому 3 августа 1918 г. Джото Шервашидзе обращается

с просьбой к Р. Чхотуа, чтобы он взял разрешение на вывоз 10 тыс. пудов табака из Абхазии на его имя, и указывает на то, что разрешение на вывоз 43 тыс. пудов еще не получено [2: 113]. Вслед за этим на заседании АНС от 4 августа 1918 г. был заслушан доклад и состоялись прения по поводу запрета, наложенного грузинским правительством на вывоз табака за пределы Абхазии. В ходе прений АНС принял постановление, в котором: выразил протест против решения грузинского правительства запретить вывоз табака и других продуктов из Абхазии; объявил неправомерным вмешательство грузинского правительства в экономическую жизнь Абхазии; требовал отмены распоряжения грузинского правительства о запрете вывоза табака из Абхазии [1: 94].

В постановлении особо подчеркивалось, что соглашение от 9 февраля и 11 июня между АНС и ГДР предоставляет «Абхазскому Народному Совету неотъемлемое право распоряжаться естественными богатствами и источниками доходов Абхазии» [1: 93], а также то, что средства, отпущенные Грузией на содержание Сухумского округа, «будут возвращены грузинскому правительству по выяснению доли, причитающейся Абхазии из имущества бывшей Российской империи» [1: 93]. Депутаты указывали, что вопрос о запрете или разрешении на вывоз табака из Абхазии есть вопрос внутренней экономической политики. Предметом внешней политики вопросы внешней торговли становятся только тогда, когда они воплощаются в торговый договор, заключаемый с иностранным государством [1: 93].

Представить грузинскому правительству депутатов данное постановление было поручено Владимиру Константиновичу Шервашидзе и Дмитрию Ивановичу Алания. Само постановление за председателя подписал Дмитрий Гулия. Оно было опубликовано в газете «Наше слово» 7 августа 1918 г.

В тот же день в знак протеста из состава АНС вышло шесть членов: Варлам Шервашидзе, Владимир Эмухвари, Арзакан Эмухвари, Максим Цаава, Лаврентий Хонелидзе, Джото Шервашидзе. В объяснительной записке было сказано следующее: «Мы, нижеподписавшиеся члены Абхазского Народного Совета, полагаем, что принятием резолюции Владимира Константиновича Шервашидзе большинством Совета, отказывая правительству

Грузинской Демократической Республики в праве на заключение торгового договора с другими государствами, касающегося вывоза тех или иных продуктов в пределах Абхазии, вопреки праву, предоставленному Грузинскому Правительству в силу пункта временного договора Абхазского Народного Совета с Правительством Грузии, ибо заключение торгового договора относится к сфере международной политики, встало на путь разрыва с Грузией...» [1: 94–95].

Уже 16 августа 1918 г. в газете «Наше слово» появляется обращение к населению Абхазии от Временного народного совета, в котором прежний Совет называют подтасованным турецкими агентами. «Факт свершился! Абхазский Народный Совет, в том составе, который искусственно был подтасован турецкими агентами, пал» [1: 95]. Тем самым вмешательство во внутреннюю жизнь Абхазии и лишение ее экономических ресурсов привело к первому крупному конфликту между представителями АНС и грузинским правительством, разгону Абхазского народного совета 15 августа 1918 г., то есть к государственному перевороту.

После поражения Германии в Первой мировой войне ситуация оставалась без изменения, поскольку в документах за 1919 г. мы видим неоднократно обращение представителей АНС к правительству ГДР с просьбой об отпуске комиссариату 50 тыс. пудов табака, а также разрешения на вывоз вина, мелкого ореха фундука [1: 242]. Последнее заявление, сделанное депутатами Народного совета В. Гурджуа, И. Маргания, Т. Кварацхелия, М. Бериулава 3 января 1920 г., носило форму претензии. В нем депутаты указывали, что они предлагали правительству дать возможность АНС купить 100 тыс. пудов табака по тем же ценам, по которым покупает грузинское правительство, и обеспечить участие правительства в чистом доходе от продажи табака 50 на 50 [3: 66]. Однако и в этой просьбе АНС было отказано.

В феврале 1920 г. финансово-экономическая комиссия АНС принимает постановление об участии Абхазии в осуществлении государственной табачной монополии [2: 333] и отправляет делегацию от Комиссариата Абхазии с докладом о развитии табачного дела [2: 334]. Однако все эти действия АНС и Комиссариатом Абхазии были оставлены без внимания. Пытаясь выйти

из сложной финансово-экономической ситуации, АНС выступил с инициативой о введении попудного налога на табак, вывозимый грузинским правительством с территории Абхазии. Получив отказ и на это предложение, депутаты Абхазского народного совета лишились содержания.

Таким образом, экономический фактор в политической борьбе за Абхазию имел если не самое важное, то однозначно определяющее значение. Он продемонстрировал, что цели грузинского правительства, особенно после объявления Грузией независимости 26 мая 1918 г., далеко не ограничивались партийными идеями. Это ускорило процесс превращения недавних политических единомышленников, представителей Абхазского народного совета и правительства Грузии, в непримиримых политических оппонентов.

Источники и литература

1. Абхазия — документы и материалы (1917–1921 гг.) / сост. Р.Х. Гожба. Сухум, 2009.
2. Абхазский Народный Совет, 1917–1920: документы и материалы / сост. Р.В. Ходжаа, отв. ред. Т.А. Ачугба. Сухум, 2007.
3. Документы по истории Абхазии 1917–1931 / сост. Г.З. Анчабадзе. Тбилиси, 2021.
4. Олонецкий А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX — начало XX века). Сухум, 1934.

А.В. Аверьянов

МОДЕЛИ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.: некоторые аспекты

Первостепенной задачей советской национальной политики в 1920-е гг. провозглашалось создание необходимых условий для окончательного вызревания наций. Важнейшим механизмом национального строительства стала областная автономия, которая

должна была обеспечить быстрое и всестороннее развитие всех сфер жизни народов России и ликвидировать их экономическую и культурную отсталость [20: 60]. Несмотря на универсализм советской национальной политики, партийное руководство признавало необходимость ее адаптации к региональной специфике [19: 77]. Наиболее показательным представлялся процесс национального строительства на Дону и Северном Кавказе с учетом их полиэтничного характера, а также длительного хода кровопролитной Гражданской войны в регионе.

Автономизация Северного Кавказа была неотъемлемой частью решения национального вопроса в регионе и основным механизмом нациестроительства. В ноябре 1920 г. было провозглашено создание Горской АССР в составе РСФСР. В 1921–1922 гг. из ее состава были выделены Кабардинский, Карачаевский, Чеченский и Балкарский автономные округа, преобразованные в автономные области. В 1922 г. была провозглашена Черкесская (Адыгейская) автономная область. После упразднения Горской АССР в 1924 г. на ее территории были созданы Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ [28: 66].

В то же время дефицит ресурсной базы северокавказских автономий не позволял осуществить полноценную модернизацию своими силами: развивать промышленность, формировать национальный пролетариат, управленческие кадры. Советское руководство поставило целью сформировать экономически самостоятельные регионы, что предопределило в 1924 г. объединение «русской» Юго-Восточной области, куда вошли территории бывшей Донской и Кубано-Черноморской областей, а также Ставропольской и Терской губерний, с северокавказскими автономиями в единую административно-хозяйственную единицу — Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону [28: 66].

Этническая и административная структура Северо-Кавказского края дает основание говорить о двух субрегионах в его составе — национальных автономных образованиях, которые в течение 1920–1930-х гг. повышали свой статус от национальных округов до автономных областей и республик, и так называемых «русских» округах и районах края, где проживало

преимущественно русское население с многочисленными вкраплениями этнических сообществ (армяне, немцы, греки, шапсуги, туркмены, калмыки и др.), расселенных дисперсно вне пределов своих национальных очагов — союзных республик и автономий различного уровня. Во многих документах государственных и партийных органов эти территории в рабочем порядке, то есть неофициально, именовались «русскими» в противовес «национальным областям». Например, в письме Народного комиссариата просвещения РСФСР во ВЦИК от 9 октября 1928 г. отмечалось, что «задача дальнейшего просвещения в национальных областях не под силу местному бюджету даже при условии замедления роста просветительской работы в русских округах» [4: 2]. Секретари Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян и А.А. Андреев в своих выступлениях часто употребляли словосочетание «русские округа» [15: 9; 16: 16 об.; 17: 23].

Этнический состав двух субрегионов и характер расселения в них обуславливал разницу подходов в национальной политике в Северо-Кавказском крае. В пределах национальных очагов северокавказских этносов были образованы национальные автономии, которые отражали процесс строительства национальной государственности (в форме автономных округов, областей, республик) со всеми присущими ей политическими атрибутами и символами (декларированный суверенитет, статус титульных (коренных) народов и др.). Примечательно, что этносы, проживавшие в русских округах, целенаправленно отделялись от этносов, образовавших свои национальные автономии на Северном Кавказе. Если к первым в большинстве случаев применялось вполне официальное наименование — «нацмены», то в отношении вторых чаще всего использовался термин «националы» [10: 46–46 об.].

В отличие от классического варианта нацистроительства с опорой на национальный очаг, выделяемый в автономную административную единицу, в Северо-Кавказском крае в «русских» округах сформировался иной тип нацистроительства. Он обуславливался историческими особенностями заселения региона, прежде всего его колонизационным характером. Большую часть его населения составляли переселенцы и их потомки

из различных регионов России, а также из-за рубежа, мигрировавшие на указанные территории за последние два столетия. По своей совокупной численности немецкие, армянские, греческие общины превосходили население некоторых северокавказских автономий. Однако многочисленные поселения и колонии армян, греков, немцев и других народов были разбросаны по всей территории Северо-Кавказского края (так называемые дисперсные этносы). В регионе также проживали ассирийцы, грузины, туркмены, шапсуги, евреи, цыгане, татары, калмыки, поляки, чехи, молдаване и др. Многие из них сохраняли традиционный уклад и вели замкнутый образ жизни.

Этносоциальные отношения на Дону, Кубани и Ставрополье во многом противоречили большевистскому постулату об угнетаемых нерусских народах. Некоторые старожильческие этнические общины по уровню своего экономического и культурного развития превосходили русское крестьянское и казачье население. Зажиточными были многие армянские общины, прежде всего в Нахичевани-на-Дону, Чалтыре. Большинство немецких колоний на Дону, Кубани и Ставрополье были значительно богаче своих соседей, в том числе русских и казаков. Партийные органы неоднократно отмечали, что «к особенностям ведения сельского хозяйства немцами относился их довольно крупный размер, товарный характер, наличие большого количества наемных работников» [9: 89].

За период длительного проживания многих этнических общин на Дону, Кубани, в Черноморье, на Ставрополье и Тереке сформировались уникальные субэтнические группы. Дисперсный характер расселения национальных общин значительно затруднял их консолидацию в рамках государственного курса на формирование унифицированных этнонаций. За несколько поколений наряду с сохранением этнического самосознания переселенцев интенсивно формировался региональный тип идентичности. В качестве примера можно выделить донских армян, черкесских, или горских, армян (черкесо-гаи), ставропольских туркмен, понтийских и закубанских (горских) греков и др. У многих этнических сообществ наблюдалась также внутренняя социальная, экономическая и культурная дифференциация. Выделялись богатые

и бедные колонии у немцев, армян, греков. Непросто складывались отношения между донскими нахичеванскими армянами и армянскими беженцами из Турции и Закавказья [21: 287–288].

Новая волна переселенцев, которые стали массово прибывать на Юг России в годы Первой мировой войны, а также в 1920-е гг., еще больше затрудняла процесс национальной унификации. Среди беженцев преобладали греки, армяне, ассирийцы из Османской империи. Мигранты имели культурные, языковые, ментальные особенности, отличавшие их от соплеменников-старожилов. Основная масса беженцев прибывала на территорию Кубани, а также Дона, главным образом в Шахтинский, Донской и Сальский округа [8: 9]. Миграционная волна еще в большей степени способствовала углублению этнической мозаичности в регионе.

Важнейшим фактором, препятствовавшим реализации классической формулы национального строительства на Дону, Кубани и Ставрополье, было наличие национальных очагов у крупнейших этносов, сложившихся в формате союзных или автономных республик в составе СССР, что автоматически придавало процессу регионального нацистроительства периферийный характер. Так, армяне имели свой национальный очаг в Армянской ССР, входившей в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и выделившейся из нее в 1936 г. Непосредственно с Северо-Кавказским краем граничила Украинская ССР, где активно поводилась политика украинизации. Национальным очагом ставропольских туркмен, несмотря на собственную многовековую этническую историю, считалась Туркменская ССР, созданная в октябре 1924 г. Родиной советских немцев была объявлена Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья, которая курировала вопросы развития языка и культуры южнороссийских немцев. Донские калмыки, проживавшие в восточных районах Донецкого округа Северо-Кавказского края, сформировали свой национальный очаг, не вошедший в Калмыцкую автономную область.

Процессы национального строительства на Дону, Кубани и Ставрополье начались на несколько лет позже, чем автономизация горских народов. В их основу был положен универсальный

принцип этнической консолидации и компактного проживания. Результатом стало создание Шапсутского (1924 г.), Туркменского (1925 г.), Армянского (1925 г.), Мясниковского (армянского) (1926 г.), Ванновского (немецкого) (1928 г.), Калмыцкого (1929 г.), Греческого (1930 г.) национальных районов и большого количества национальных сельсоветов. Последние создавались на основании письма ВЦИКа «О выделении национальных сельских Советов», опубликованного 29 апреля 1926 г. В нем предписывалось в районах со «смешанным национальным населением при разукрупнении выделять селения с однородным составом для организации самостоятельных сельсоветов» [18: 32].

Несмотря на попытки этнической консолидации в рамках национальных районов, гораздо более значительная доля этнических сообществ проживала за границами национальных образований. Из более чем 90 тыс. немецкого населения Северо-Кавказского края в Ванновском национальном районе проживало не более 6–7 тыс. немцев; из 162 тыс. армян в Мясниковском и Армянском районах — около 30 тыс. чел. [2; 6: 201; 7: 12; 11: 7]. Остальная часть населения была рассредоточена по территории всего Северо-Кавказского края.

Ключевое значение в рамках национальной политики в регионе отводилось культурному строительству. Общность языка и психического склада, проявляющегося в общности культуры, признавались важнейшими признаками нации [20: 10]. В числе первоочередных задач советской власти в области культурного строительства в 1920-х гг. следует выделить ликвидацию неграмотности, развитие начального и среднего образования на родном языке, создание национальных театров, газет, журналов. Ситуацию в сфере борьбы с неграмотностью в национальной среде усложняло наличие многочисленных языковых диалектов, их отличие от литературных языков, которые стали активно формироваться в указанный период в рамках национально-культурного строительства. Так, донские армяне и многие армянские беженцы разговаривали на западно-армянских диалектах, а жители армянского села Эдиссия на Ставрополье — на тюркском наречии, в то время как литературный армянский язык сложился на основе восточно-армянских диалектов. Аналогичные сложности

наблюдались у немцев, значительная часть которых не знала ни русского, ни литературного немецкого языка [22: 40–41]. Отличались многообразием и греческие диалекты вплоть до того, что некоторые этнические группы греков с трудом понимали друг друга [5: 64].

Характерным примером представляется дискуссия внутри нахичеванской армянской общины на Дону в 1920-е гг. о выборе варианта армянского языка, который было необходимо внедрить в качестве официального языка делопроизводства Мясниковского района, местной прессы, в частности районной газеты «Мурч-Мангах» [1: 25]. Схожие проблемы фиксировались в Армянском районе на Кубани, чье население разговаривало на западно-армянском диалекте. В то же время политическое руководство края во главе с А.И. Микояном жестко настаивало на внедрении норм «ереванского» варианта армянского языка в процесс школьного образования донских армян.

Важной особенностью периферийного национального строительства среди дисперсных этносов в регионе был его крестьянский характер. Подавляющая часть этнических меньшинств проживала на селе и занималась сельским хозяйством. Доля промышленных рабочих была крайне незначительна. Национальные районы, как правило, не имели крупных промышленных центров. Выходцы из них трудились на предприятиях в крупных городах — Ростове-на-Дону, Аксае, Таганроге, Новороссийске и др. [12: 2, 5, 20, 36, 59, 92]. В отличие от рабочих из северокавказских автономий они не возвращались в места компактного проживания, довольно быстро ассимилируясь в городах. Значительная часть рабочих, особенно немцев, поляков, украинцев, в городских условиях подвергалась быстрой культурной и языковой ассимиляции, что делало их непригодными для ведения пропагандистской и организационной работы среди сельского населения [26: 102].

Главную ставку в рамках национального строительства в национальных районах и сельсоветах приходилось делать на батраков и бедных крестьян, которые должны были составлять национальный партийный и советский актив. Однако массовая неграмотность, политическая и социальная пассивность

бедняцкого элемента в этнической среде обуславливали низкие темпы партийного и советского строительства. Наиболее тяжелая ситуация складывалась в национальных и смешанных сельсоветах, где нередко возникал разлом не по классовому, а по национальному признаку. Так, в некоторых колониях Донского и Терского округов немцы-бедняки, консолидировавшись с немцами-середняками и зажиточными немцами-колонистами, отказывались голосовать на выборах в сельсоветы за русских кандидатов из бедноты [3: 11]. В силу нехватки национальных кадров районные и окружные власти допускали возможность нарушения принципа национального квотирования в пользу поддержки русских кандидатов-бедняков.

Дефицит местных национальных кадров компенсировался за счет вовлечения в партийное и советское строительство выходцев из других регионов страны. В немецкие колонии назначались активисты из крупных городов Северо-Кавказского края, а также из Автономной ССР Немцев Поволжья. Среди донских армян вели работу партийные активисты из Армении. Ростовских армян-партийцев присылали для работы среди армян-беженцев в Армянском районе [24: 8]. Однако приезжие кадры не проявляли заинтересованности в долгосрочном пребывании на новом месте по причине низких заработных плат, отсутствия перспектив продвижения по карьерной лестнице и при появлявшихся возможностях уезжали в крупные города, что приводило к большой текучке кадров [23: 66].

Указанные проблемы в значительной степени так и остались нерешенными. Всё более очевидной становилась экономическая несостоятельность многих национальных районов, что требовало дополнительного финансирования со стороны краевых властей. Некоторые из них находились в наиболее тяжелом финансово-экономическом положении. Например, Шапсугский [13: 82–83], Калмыцкий [27: 158–159], Туркменский [25: 22] национальные районы. Даже в достаточно благополучном по сравнению с другими Ванновском немецком национальном районе «размер... бюджета был недостаточен» [14: 142]. К тому же титульное население большинства национальных районов неуклонно сокращалось. Во второй половине 1930-х гг. национальные районы были

лишены национального статуса, некоторые из них были ликвидированы как административные единицы.

Результаты периферийного варианта национального строительства на Дону и Северном Кавказе были противоречивы. За короткий промежуток времени удалось консолидировать многочисленные субэтнические группы, проживавшие в регионе, значительно повысить уровень их национального самосознания, ликвидировать неграмотность и создать условия для развития национального языка и культуры. Обратной стороной периферийного нациестроительства стала культурная и языковая унификация населявших регион народов, утрата ими уникальных образцов и черт местных этнических культур, высокий уровень социально-политических конфликтов, допускавших возможность насильственных методов их разрешения.

Источники и литература

1. Акопян В.З. Армянская периодическая печать Юга России в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2013. № 2. С. 23–29.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 18.08.2022).

3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 119.

5. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 234.

6. ГАРО. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 98.

7. ГАРО. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 52.

8. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 107.

9. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941.

10. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 961.

11. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1116.

12. ГАРО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 274.

13. Иванцов И.Г. Становление автономии Шапсугского района (1924–1937) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4 (51). С. 80–84.

14. Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.

15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 1. Д. 66.

16. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 86.

17. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 99.

18. Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР: систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (октябрь 1917 г. — ноябрь 1927 г.) / сост. И. Лазовский, И. Бибин. М.; Л., 1928.

19. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос: сборник избранных речей и статей. М., 1937.

20. Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012.

21. Тикиджьян Р.Г. Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII — начале XXI вв. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2012. С. 284–290.

22. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 84.

23. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 21.

24. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 165.

25. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 655.

26. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 751.

27. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 29.

28. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Е.В. Туфанов

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа)

Одной из актуальных проблем современной отечественной исторической науки является изучение принципов формирования нового кадрового состава молодого Советского государства, который обеспечивал реализацию директив центральной власти на местах. Именно эти кадры должны были не только проводить политику центра в регионах, но и формировать систему партийно-государственного управления. Кадровая политика центральной власти в 1920–1930-е гг. была направлена на создание профессионально качественного слоя управленцев. Успешность выполнения данной задачи во многом гарантировала РКП(б)–ВКП(б) обладание государственной властью.

Территория Северного Кавказа являлась частью Советского государства и в то же время имела ряд специфических особенностей: полиэтничность, многоконфессиональность, многообразие традиций и быта местного населения. Все эти факторы необходимо было учитывать центральной власти при формировании кадрового потенциала, необходимого для становления советской политической системы. Для укрепления позиций советской власти в регионах партия старалась привлечь к работе в структурах государственного аппарата национальных районов представителей местных этносов. С целью формирования региональной партийно-государственной номенклатуры правительство в 1920–1930-е гг. приступает к реализации политики коренизации государственного аппарата управления в национальных областях. Фундамент политики коренизации был заложен на X съезде партии в 1921 г. В постановлении «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» внимание акцентировалось на том, чтобы партийные органы оказали максимальное содействие представителям местных народов в деле развития и укрепления советской государственной системы в регионах — в формах, которые соответствовали бы традициям национальных

меньшинств [6: 553]. Одной из задач была организация делопроизводства в государственных структурах на родном языке. При подготовке законодательной базы для реализации политики коренизации партия большевиков взяла курс на формирование кадрового резерва из представителей местных этносов, которые доминировали в своем регионе и имели приоритетное право при назначении на руководящие должности в государственном или партийном аппарате. Уже на XII партийном съезде в 1923 г. в резолюции по национальному вопросу был утвержден ряд мероприятий по реализации политики коренизации. Было предложено организовать работу марксистских кружков силами представителей региональных работников партийно-государственного аппарата и наладить выпуск марксистских изданий на языках титульных наций [6: 718]. На съезде обращалось внимание на необходимость тщательного отбора сотрудников государственного аппарата, которые будут реализовывать постановления РКП(б) по национальному вопросу. Организационное бюро Центрального комитета партии 16 ноября 1923 г. приняло постановление об учете и распределении работников государственных и хозяйственных органов [7: 1–4]. Таким образом, номенклатурная система, структура и механизмы ее функционирования были созданы.

Основной смысл образованной номенклатурной системы заключался в подчинении всех руководящих кадров партийным органам, в безоговорочном выполнении ими всех постановлений и указаний центральной власти. Выстраивалась прочная структура иерархического подчинения и личной зависимости номенклатурного управленца от вышестоящего назначаемого органа партийного управления, поэтому в списки номенклатуры включались в основном члены партии. Так как в рядах РКП(б) главенствовала система беспрекословного подчинения, основанная на принципах единоначалия, членов партии не надо было уговаривать выполнять решения и постановления руководящих органов партии. В партийных документах утверждается не работник как самостоятельная личность, а «штатная единица» с определенным набором качественных характеристик. Именно создание партийно-государственной номенклатуры обеспечило благоприятные условия для реализации на местах директив центральной власти.

Архивные документы показывают, что процесс подготовки национальной партийно-государственной номенклатуры затронул все районы Северного Кавказа. Согласно принятым региональной властью планам коренизации были установлены хронологические рамки реализации данной политики во всех сферах жизни региона. Так, например, окончательный срок перевода делопроизводства на национальный язык в Северо-Осетинской и Адыгейской автономных областях определялся 1928–1929 гг., в Кабардино-Балкарской и Черкесской автономных областях — 1929–1930 гг., в Чеченской, Ингушской и Карачаевской автономных областях — 1930–1931 гг. Отметим, что в документе обозначалась необходимость закончить подготовку секретарей сельских советов из представителей местных народов во всех национальных областях Северо-Кавказского края до 1 января 1930 г. [3: 13]. Данный документ также предлагал два варианта сроков окончания коренизации культурно-просветительных учреждений: первый — в четыре года, второй — в пять лет [3: 13]. Однако на территории Ставропольского окружного исполнительного комитета работа с нацменьшинствами шла и до проведения активной фазы политики коренизации. Согласно архивным документам, еще в 1926 г. представители национальных меньшинств присутствовали в выборных органах власти: украинцы — 999 чел., туркмены — 63, татары — 15, армяне — 5, греки — 32, немцы — 79, чехи — 2, евреи — 12, латыши — 1, поляки — 1, представители других народов — 69 [2: 18]. Таким образом, на Юге России кадровая политика соотносилась с политикой центральной власти. Но, как упоминалось выше, у нее были и свои особенности, главная из которых была обусловлена полиэтничностью региона.

Советская власть повсеместно открывала национальные школы, которые не только способствовали ликвидации неграмотности, развитию культуры, повышению уровня жизни, но и занимались пропагандой коммунистических идей в ходе ежедневной работы. Ярким свидетельством масштабности политики коренизации стало создание письменности для бесписьменных языков национальных меньшинств. Письменность открывала возможность не только для сохранения фольклорных памятников, ведения делопроизводства на национальном языке,

но и для появления периодических изданий, которые тоже активно пропагандировали коммунистические принципы, доносили важные новости, прославляли земляков-партийцев, ударников труда и т.п. На территории Терского окружного совета были организованы специальные терминологические комиссии, которые должны были проработать вопрос унификации нового алфавита для перевода делопроизводства на родной язык национальных меньшинств [4: 45]. Однако перевод делопроизводственной документации на местные языки оказался сложным процессом. В силу полиэтничности Северного Кавказа основным языком общения становился язык численно преобладающего народа. Поэтому для внутреннего и внешнего общения удобнее было пользоваться русским языком.

В исследуемый период шел процесс становления системы управленческих кадров на территории Северного Кавказа. Ведущую роль в развитии кадрового потенциала играла организованная центральной властью государства система партийного образования, которая функционировала на самых разных уровнях — от краткосрочных курсов до получения идеологического образования в стенах коммунистических университетов. Система партийного образования являлась основным инструментом формирования ответственного номенклатурного работника. В 1920–1930-е гг. наличие партийного образования являлось одним из критериев отбора на руководящую должность. Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет предлагал повысить уровень управленцев и увеличить кадровый потенциал за счет выдвижения на руководящие должности подготовленных националов-общественников, подготовки и переподготовки кадров путем организации курсов, также увеличения состава аульских советов до 15–21 чел. с привлечением в них женщин и молодежи [1: 91–97].

Основные элементы подготовки и переподготовки партийно-государственных региональных управленцев, заложенные в период активной реализации политики коренизации, продолжали функционировать и в конце 1930-х гг., когда она пошла на спад и практически была свернута. Архивные документы показывают, что в 1939 г. было переподготовлено 175 чел., среди которых

через шестимесячные курсы советского строительства прошло 39 карачаевцев и черкесов. Они являлись в основном работниками низовых советов. 260 чел. прошли годичные курсы советского правительства в системе заочного обучения, из них 204 чел. (более 75 %) были работниками сельских и поселковых советов. Именно они представляли советский актив на местах. Переподготовка на стационарных шестимесячных краевых курсах советского строительства дала возможность выдвинуть с сельской на районную руководящую работу более 175 чел. [5: 79]. Таким образом, результатом политики коренизации стало то, что после прохождения курсов повышения квалификации работник менял свой карьерный статус и занимал руководящую должность.

Следует отметить, что в период 1920–1930-х гг. была выстроена система учета и распределения советских управленцев различного уровня. Таким образом, были решены кадровые проблемы молодого Советского государства, так как новые управленцы являлись важнейшей частью советской государственной системы. Они были послушным инструментом для претворения в жизнь всех решений и постановлений коммунистической партии. Коренизация партийно-государственного аппарата региона проходила в русле национальной политики государства. Тем не менее, несмотря на проблемы в осуществлении политики коренизации в рассматриваемый период, она выполнила свое главное предназначение. Некогда разрозненные народности и этносы края, благодаря настойчивости и последовательности ее осуществления, становились полноценными, с точки зрения советской власти, нациями. Коренизация стала для народов Северного Кавказа не только мощным толчком к социально-экономическому и культурному развитию, но и заложила основы представлений о наличии особых национальных интересов, учет которых требует и особой политики.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 1485. Оп. 8. Д. 182.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 563.

3. ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 1321.

4. ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1665.

5. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 2. Д. 97.

6. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. 7-е изд.: в 4 т. Ч. 2: 1924–1930. М., 1954.

7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 34. Д. 95.

А.Д. Осмаев

ШАРОЕВСКИЙ ОКРУГ ЧЕЧЕНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1925 г.

В преддверии столетия Чеченской автономной и других национальных областей Северного Кавказа приобрели актуальность вопросы, связанные с ее образованием, развитием, социально-политическими процессами, протекавшими в ней. Активно изучали проблемы национально-государственного строительства с 1990 г. Н.Ф. Бугай и Д.Х. Мекулов [3], А.Х. Боров и А.Г. Кажаров [1], А.Х. Даудов и Д.И. Месхидзе [4], Е.Ф. Кринко [6], А.М. Бугаев [2], Ю.Ю. Карпов [5], Т.Ю. Хлынина [8], А.А. Цуциев [9] и др.

Как и во всей стране, в Чечне укрепление советской власти после Гражданской войны было связано с определенными трудностями. Жизнь в чеченских селах, особенно горных, протекала, как и раньше, глубоких изменений, связанных с новой властью, в ней не было. Безусловным авторитетом пользовались шейхи и муллы, и далеко не все они приняли новую власть, хотя и не выступали открыто против нее (часть из них поддержала красных в Гражданскую войну). Анализ анкет, составленных Объединенным государственным политическим управлением (далее — ОГПУ) накануне разоружения 1925 г., несмотря на неточности, дает достаточно много ценной информации о количестве населения сел, их политической позиции, взаимоотношениях с соседними селами, а также о людях — главах администрации, родов/тайпов, муллах, наличии коммунистических и комсомольских ячеек.

В анкетах есть и раздел топографических заметок: характеристика подходов к селам, дорог, мест возможных засад [7].

Данные по селам собирались сотрудниками ОГПУ и местными уроженцами, названия сел и хуторов, имена, подразделения тайпов часто записывались искаженно, так как чеченская речь воспринималась на слух. Количество необходимого к сдаче оружия выведено по формуле: от трех мужчин одна винтовка, на одну винтовку 20 патронов, один револьвер от 12 мужчин.

Шаройский округ Чеченской автономной области переживал вместе со всей бывшей Российской империей сложный и болезненный этап становления после ряда катаклизмов 1917 — начала 1920-х гг.

В анкете селения Дай указано, что «численность населения в 1925 г. составляла 1598 чел., из них мужчин — 817, число дворов — 226. Председатель сельсовета Сальмирзаев Джамирза, в прошлом крупный бандит, считается ныне советским человеком, ходок по общественным делам. Общественный мулла Иосхаков Гоберти из рода Омайгар (здесь и далее имеются ввиду подразделения тайпа. — А.О.), секты Али Митаева, 45 лет, реакционно настроен, имеет связь с шейхом Магомедом Ансалтинским, прибывшим в Чечню из Дагестана в 1921 году, будучи преследуемым за крупную контрреволюционную деятельность в рядах Н. Гоцинского, приверженцем которого остался до сего времени. Пользуется влиянием в Чеберлоевском и Шароевском районах. В Дае держит в руках всю молодежь. Преобладают последователи сект — Кунта-Хаджинской — тамада Дата Мааев и Ансалтинского — тамада Начуев Гази. Родовое устройство: 1. Гадаев — 65 дымов, глава Чин Мир Митаев; 2. Илегарски — 62 дыма, главы Шамиев, Акнукаев; 3. Дагарский — 30 дымов, глава Малачуев Мулла; 4. Заолиевский — 18 дымов, глава Зукаев Зуби; 5. Исаевский — 82 дыма, Зулиев Селих. Общество отличается антисоветским настроением, всецело находится под влиянием Гоцинского. В 1920-м году подвергалось оружейному обстрелу со стороны гарнизона Шатоя. В 1922 году делало попытку к захвату крепости. Постоянно отказывается от господинности и поддерживает бандитизм. При операции есть вероятность вооруженного сопротивления. Требуется особенная осторожность

и бдительность, главным образом при арестах. Количество оружия: винтовок — 245, патронов — 4900, револьверов — 65 штук» [7: 103].

В селении Кюри (Кири), согласно анкете, «численность населения — 482 чел., из них мужчин — 254, число хозяйств — 107. Председатель сельсовета Исаев Гайда, рода Керой, популярен, бедняк. Политическая окраска общества: аул входил в среду влияния Гоцинского. Имеется преобладающее количество последователей реакционного шейха Алсалтинского. Отличается и сейчас бандитизмом, грабят проезжающих главным образом. Основной род Кероевский. Авторитеты нам неизвестны. Аул является важным промежуточным пунктом для Дагестана — дорога в Чеберлоевский район и дальше на плоскость, наиболее удобная для провоза дагестанцами хлеба. В обществе есть своего рода постоянные дворы, извлекающие не малые доходы от движения дагестанцев. Количество оружия: винтовок — 80, патронов — 1600, револьверов — 20» [7: 52].

В селении Чадыры (Чайра) «численность населения — 296 чел., из них мужчин — 160, число хозяйств — 68. Председатель сельсовета Кадилов Болхад, выяснено, что власть им присвоена самовольно, играя на темноте и абсолютном отсутствии понимания советской власти. Кадилов — крупнейший ростовщик и кулак, жмуший весь Шароевский район. Недавно он был избит за грабительские проценты с баранов. Политическая окраска аула: аул до 1923 года входил в состав Дагестанской республики, живет большой процент дагестанцев. Считается мирным аулом, удален от всякого культурного центра. Отношения с соседями дагестанцами — самые мирные. Авторитеты нам здесь неизвестны. Количество оружия: винтовок — 50, патронов — 1000, револьверов — 12» [7: 54].

В обществе Куанхи (Кенхи) «численность населения — 136 чел., из них мужчин — 71, число хозяйств — 24. Политическая окраска аула: общество небольшое по своему характеру, совершенно аналогичное Чадыри-Бути. Ранее входило в состав Дагреспублики, сильно удалено от центра района и округа. Власть отсутствует совершенно. Порядок жизни регулируется почетными стариками общины. Общество считается мирным. Бандитизма нет.

Отношения с Андийским округом наилучшие, вследствие экономической заинтересованности Куанхи. Количество оружия: винтовок — 22, патронов — 440, револьверов — 5» [7: 55].

В селении Киселой «численность населения — 354 чел., из них мужчин — 183, число хозяйств — 86. Политическая окраска аула: общество небольшое и составляет один “тейп”, не имеет родственной защиты со стороны соседних обществ. Благодаря этому подвергается гонениям со стороны соседей, постоянно травят пастбища кеселоевцев, не пренебрегая иногда угоном скота. Одно помогает кеселоевцам сохранять равновесие — это оружие. Боясь оскорбления, кеселоевцы не выезжают никуда, покупают кукурузу у проезжающих втридорога, живут замкнутой спаянной общиной, руководимой стариками, сельсовета — нет. К обществу необходимо отнестись с особо подчеркнутой мягкостью и использовать агитационно этот момент. Следует использовать кеселоевцев в части осведомления по району. Количество оружия: винтовок — 60, патронов — 1200, револьверов — 15» [7: 56].

В обществе Бутты или Бути «численность населения — 448 чел., из них мужчин — 230, число хозяйств — 115. Общественный мулла — Абдуллаев Иса, 50 лет, кулак, из Арабийского (арабского. — *Авт.*) рода, секты Ансалтинского, на должности муллы 19 лет. Большая часть населения принадлежит к секте Узум-Хаджи и меньшая — Ансалтинского. Родовое устройство: 1. Род Кураши Ичана, 41 дым; 2. Араби — 40 дымов; 3. Кицало — 22 дыма. На почве постоянных неурядиц меж собой, обществом выбран руководитель, являющийся, как бы главой всего населения с. Бути, из рода Араби, 50 лет, Хадуриев Витури-Баш, являющийся большим авторитетом в обществе. Естественно сохранилась взаимная неприязнь. Обыкновенно порядок жизни общества регулируется советом старшин и муллой. Председательствует Хадуриев Витучи Паша (так в анкете. — *А.О.*). Общество до 1923 года входило в состав Дагестанской республики, отойдя по желанию Кецелоевцев (сильный род, несмотря на свою малочисленность) к Чечне. Общество до сих пор экономически больше связано с Андийским округом, с которым у него сохраняются самые добрососедские отношения. В Чечне информация отмечает тяготение общества установить советский порядок, но лишено,

благодаря своей удаленности от центра района округа и области, всякого руководства. Молодежь общества по примеру Шатоя и Хакмадоя пытается организовать ячейку комсомола и стремится для учебы в Грозный. Количество оружия: винтовок — 70, патронов — 1400, револьверов — 8» [7: 57].

В Хуландоевском обществе «численность населения — 446 чел., из них мужчин — 239, число хозяйств — 108. Председатель сельсовета Мусаев Пери, лет 33, рода Хуландой, популярен, середняк, в царское время и в гражданскую войну занимался бандитизмом, на должности председателя с 1923 года, имеет связь с бандитизмом и укрывает его. К власти относится враждебно, в работе бездействует. Родовое устройство и окраска аула: общество входит в состав Шароевского племени, характерная особенность которого — хозяйственная и культурная отсталость. В обществе преобладает значением Хуландоевский род. Аул представляет из себя цельную спаянную общину. Входит в сферу влияния Гоцинского, не раз находившего здесь приют. Отдельные авторитеты нам не известны. Общество отличается бандитизмом, как внутри Чечни, так и главным образом пограничным. Общество враждует с Гакоевским обществом Андийского округа из-за покосной горы Хиндилам, делает налеты на Тушетию. В подходах к населению требуется осторожность и такт. Возможно провоцирование их к сопротивлению. Количество оружия: винтовок — 40, патронов — 1400, револьверов — 17» [7: 72].

В обществе Шарой «численность населения — 2452 чел, из них мужчин — 1319, число хозяйств — 412. Председатель исполкома Хаджиев Халат, 45 лет, из рода Шарой, популярен, секты Кунта-Хаджи, середняк, отношение к советской власти сочувственное. Политическая окраска: общество административно и географически является центром района. Экономически тяготеет и связано с Итум-Калинским районом. Всё общество входит в состав Шароевского племени; культурно и экономически наиболее отсталое. Входило в сферу влияния Гоцинского, теперь вышло из него (отказ в приюте в конце прошлого года). Советское влияние крайне слабое, но постепенно проникает. В обществе организовалась ячейка РЛКСМ в числе 58 человек. Ее организатор и секретарь Хажик Умаров. Актив молодежи подлежит

использованию. Общество враждует на земельной почве с соседями. Имеются ремесленники, кузнецы и оружейники. Количество оружия: винтовок — 430, патронов — 8600, револьверов — 100» [7: 73].

В селе Сандухой «численность населения — 685 чел., из них мужчин — 417, число хозяйств — 179. Председатель сельсовета Пироев Байза, из рода “Весниг”, популярен, 32-х лет, бывший стражник царского времени, кунта-хаджинец, к советской власти относится безразлично, кулак. Общественный мулла не указан. Родовое устройство: 1. Пеской — 50 дворов, тамада Мудаев Сари, лет 60, кунта-хаджинец; 2. Бештык — 45 дворов, тамада Батаев Докуш, 55 лет, Кунта-хаджинец. 3. Вестиг — 55 дворов, тамада Хасанов Бушей, лет 65, Кунта-хаджинец, род поддерживал отряд Гикало, каждый род образует свой отселок. Сохранился строго общинный порядок жизни “Один за всех, все за одного” — регулируемый перечисленными стариками. О советской власти представления не имеется. В подходах к обществу требуется особый такт, что будет иметь большое агитационное значение. Количество оружия: винтовок — 115, патронов — 2300, револьверов — 25. Хутора: 1. Кебасы в 2 верстах от Сантхоя, население — 89, мужчин — 47, число хозяйств — 15. Оружие: винтовок — 16, патронов — 300, револьверов — 3; 2. Харчаха — в 2 верстах от Сантхоя население — 287, мужчин — 156, число дворов — 60. Оружие: винтовок — 50, патронов — 100, револьверов — 12» [7: 69].

В Хашелдаевском обществе «численность населения — 2452 чел., из них мужчин — 1315, число хозяйств — 543. Председатель сельсовета Хожаев Малча, из рода “Шарой” популярен, середняк, кунта-хаджинец. Зампредсовета — Муратов Мута, он же является уполномоченным от хуторов. Родовое устройство: общество входит в состав Шароевского племени, по существу заполняющего весь район, племя по формам своего хозяйства считается самым отсталым в Чечне. Сохраняется в строгих формах родовой быт. Расположено в нижней части притока Шаро-Аргуна и Хожейчуах. Самое общество разделяется на три населенные группы: Верхний и Нижний Хашелдой и Малохчаты. Количество оружия: винтовок — 430, патронов — 8600, револьверов — 105.

Хутора: 1. Джангулой, в 1–2 верстах от Хашелдоя — Хацедой, на карте нет. 2. Дукой-Корт; 3. Геванжой; 4. Чехалдой — население — 360, мужчин — 180, число хозяйств — 74. Цифровые данные всех хуторов в общей цифре. Оружие: винтовок — 60, патронов — 1200, револьверов — 15» [7: 70].

В обществе Химой «численность населения — 883 чел., из них мужчин — 514, число хозяйств — 168. Председатель сельсовета Магомадов Абдул, его заместитель Эльмуразаев Бетик, личности обоих нами не установлены. Политическая окраска аула: общество входит в сферу влияния Гоцинского, почти целиком ему сочувствующего. По характеру своей экономики и быту — аналогично остальным обществам района. Имеется много последователей Ансалтинского — реакционной секты. Местный тамада кунта-хаджинцев Алиев Магома-Али-Хаджи — близкий друг шейха Махкетинского. В подходах к обществу требуется осторожность и такт. Количество оружия: винтовок — 170, патронов — 3400, револьверов — 40» [7: 71].

В Хакмадоевском обществе «численность населения — 1142 чел., из них мужчин — 567, число хозяйств — 239. Председатель сельсовета — Бакаев Амир, работает совместно с общественным муллой, реакционно настроен к советской власти, принимал участие в закрытии советской школы и разгонял ячейку РКСМ. Общественный мулла Шамсуд Борзоев реакционер, разогнал школу и притесняет комсомол. Родовое устройство: 1. Бетаевский — 50 дымов, тамада Берсаев Цацу, 76 лет, стражник царского времени, приверженец Гоцинского и обещает при моменте выступить в защиту, весьма популярен, реакционно настроен к советской власти. В его лице род является базой Гоцинского. В роду 61 мюридов Али Митаева. Тамада — сын Берсаева. 2. Хакмадоевский — 55 дворов — тамада Хакмалыев Осман, кунта-хаджинец, несколько человек служили в отряде Гикало, один — в Красной Армии, есть работающие на промыслах и состоят в партии РКП(б), к группе Гоцинского не расположены, хотя усиленно и склонялись к тому членами противоположной группировки. Сейчас род слабеет под влиянием молодежи этого рода, организовавшей в обществе советскую школу (ныне разогнанной) и комсомол. При осторожности использования на род можно

опираться. В роду 43 кунта-хаджинцев. 3. Семировцы; 4. Чулкоевцы — небольшое родовое объединение серьезного значения в обществе не имеет. Ячейка комсомола состоит (официально на учете не значится) из 7 человек, 4 из Хакмадоевского, 2 из Семировского и 1 из Чулкоевского рода. В своей деятельности ячейка задавлена председателем сельсовета и муллой. Количество оружия: винтовок — 180, патронов — 3600, револьверов — 45» [7: 65].

В обществе Цеси «численность населения — 306 чел., из них мужчин — 168, число хозяйств — 71. Политическая окраска аула: общество входит в сферу влияния Гоцинского. Отличалось участием в бандналетах на Тушетию, иногда Дагестан. Экономически одно из отсталых и бедных обществ. Общество — важный для Шароевского района узел дорог на Зумсой, Хочарой, Шарой, Химой и Кюри. Количество оружия: винтовок — 50, патронов — 1000, револьверов — 12» [7: 68].

В селении Хали-Кале «численность населения — 2220 чел., из них мужчин — 1217, число дворов — 210, площадь пахотной земли — 1816 десятин. Председатель сельсовета Байсангуров Ибрагим из рода Халкелой, середняк, безличная в обществе личность, служил в отряде Гикало, на службе состоит с 1923 года. К советской власти относится лояльно. Общественный мулла Мамода-Хаджи Даугаев, 50 лет, с высшим арабским образованием, кулак, муллой служит 20 лет, популярная личность, узумхаджинец, один из организаторов нападения на отряд Чечотдела ОГПУ 8 августа 1925 г., крайне реакционная личность, держит в кулаке всё племя Халкелоя. Объявлял газават. Родовое устройство: 1. Андой — 90 дворов, тамада Ибрагим Байсагуров; 2. Алхадой — тамада Дата Малаев; 3. Бохургой — тамада Габу Бедишев. Физиономии в отдельности нам не известны. Общество отличается антисоветскими настроениями, выраженного активно нападением на наш отряд, категорическим отказом от уплаты налогов и открытым заявлением и непризнанием советской власти. Через Шамсуд-Хаджи подтверждено влияние Гоцинского. После нападения на отряд общество разоружалось, был сдан весь хлам. Аул великолепно вооружен. При операции необходима особая бдительность. Родственные аулы — Нюхой, Сальбюри, Дашкахой, Батачарой» [7: 98].

В селении Хани-Кале «численность населения — 363 чел., из них мужчин — 192, число дворов — 59. Председатель сельсовета Мальсаг Нисаев, бездействует, к советской власти и РКП(б) относится отрицательно. Общественный мулла Саид Магомадов, 45 лет, середняк, с отрицательными взглядами на советскую власть, узум-хаджинец, популярен. Родовое устройство: 1. Акбулатовский — 80 чел., тамада рода Ворщикова Аркагал; 2. Арсаковски — 33 чел., тамада Умар Магаев; 3. Вогатский — 77 чел., тамада Маджи Саламов. Общество входит в сферу влияния шейха Джабраила Вичиева из Гатын-Кале, одного из узум-хаджинских руководителей, друг Каим-Хаджи. Общество не скомпрометировано. Количество оружия: винтовок — 60, патронов — 1200, револьверов — 15» [7: 102].

В селении Шакарой/Шикарой «численность населения — 192 чел., из них мужчин — 103, число хозяйств — 53. Председатель сельсовета Туртазалиев Магомед, из рода Шарой, популярный середняк, 37 лет, кунта-хаджинец, отношение к советской власти лояльное. Политическая окраска общества: аул считается одним из богатых в районе, имеет хорошие пастбища. Входит в сферу влияния Гоцинского, имеющего здесь своих последователей, не раз укрывался у них. В отношении других аулов общество прославилось захватами чужих пастбищ, благодаря чему его члены пользуются неприязнью остальных горцев. Количество оружия: винтовок — 160, патронов — 2200, револьверов — 25» [7: 73].

Таким образом, мы можем видеть, что в 1925 г. горный Шаройский район был, несмотря на трудности проживания, обжитым, население его составляло около 12 тыс. чел. (на сегодняшний день только чуть более 3200 чел. в 11 селах (29 сел покинуты).

По данным анкет, антисоветски были настроены два общества, но только одно из них активно проявляло это настроение. Занятие бандитизмом приписывается двум обществам, в сферу влияния Нажмудина Гоцинского, одного из руководителей контрреволюционного движения, входили пять обществ (степень этого влияния и даже наличие влияния определить было достаточно проблемно). Два общества считались мирными, в трех практически не было сельсоветов, их жизнь регулировалась стариками и муллой, в одном из обществ председатель сельсовета занял должность самовольно.

Из председателей сельских советов один считался советским человеком, по одному председателю были реакционно настроены к советской власти / настроены враждебно и имели связи с бандитами / сочувственно и безразлично относились к власти / лояльно и отрицательно относились к власти; взгляды двух не были установлены.

Из священнослужителей — мулл — реакционно по отношению к советской власти, согласно анкетам, были настроены трое, один отрицательно относился к власти, по другим муллам сведений не было получено, можно предположить, что они занимали нейтральную позицию.

Только в двух обществах были комсомольские ячейки, одна из которых была разогнана муллой и председателем сельсовета.

Общества Шароевского округа к 1925 г. имели отдаленное представление о советской власти, которая здесь твердо не установилась, население жило самостоятельно. Изменений ни за несколько лет советской, ни за 58 лет царской власти здесь не произошло: не было дорог, школ и другой инфраструктуры.

Итак, проведенный анализ позволил реконструировать картину общественных отношений, демографические и другие показатели Шароевского округа Чеченской автономной области в период становления советской власти.

Источники и литература

1. Боров А.Х., Кажаров А.Г. Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 3. С. 111–161.
2. Бугаев А.М. Образование автономий горских народов Северного Кавказа: этапы становления // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 78–81.
3. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.
4. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009.
5. Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

6. Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг. // Magna Adurgit: Historia Studiorum. 2019. № 2. С. 151–164.

7. Российский государственный военный архив. Ф. 25 896. Оп. 9. Д. 16.

8. Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

9. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

В.З. Акопян, З.В. Акопян

ПОЧЕМУ ГЕОРГИЕВСК И МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ В 1934 г. НЕ СТАЛИ ЦЕНТРАМИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ

В начале января 1934 г. просуществовавший десять лет Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону был разделен на две равные части. Вплоть до лета того же года в Москве и в крае обсуждался вопрос, где должен находиться центр края, принявшего новую территориальную конфигурацию, но сохранившего старое название. История выбора нового центра Северо-Кавказского края, в частности выявление причин, по которым им не стали запланированные решениями партийных и советских органов вначале город Георгиевск, а затем и Минеральные Воды, осталась без внимания исследователей¹.

Формально решение о разделении Северо-Кавказского края было принято 10 января 1934 г. в соответствии с постановлением ВЦИК «О разделении территории существующего Северокавказского края на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северокавказский край с центром в г. Пятигорске, с последующим перенесением краевого центра в г. Георгиевск» [6].

¹ Данная статья является продолжением серии публикаций, посвященных Пятигорску как региональному административному центру Северного Кавказа [1–5], и нескольких других статей, находящихся в печати.

Однако этому постановлению руководящего советского органа РСФСР предшествовало решение на партийном уровне.

1 января 1934 г. методом опроса членов Политбюро ЦК ВКП(б) этот орган принял постановление (п. 92/73) «О разделении Северо-Кавказского края». В состав нового края входили все автономии Северного Кавказа (кроме Адыгеи) и преимущественно русские районы. Центром вновь образованного Северо-Кавказского края устанавливался город Георгиевск, «а временно до возведения в Георгиевске помещений — Пятигорск (на год)» [8].

Политбюро утвердило оргбюро по созыву конференции нового Северо-Кавказского края в составе Е.Г. Евдокимова, В.М. Путнина, Б.Э. Калмыкова и И.Я. Дагина. При этом постановлялось «наметить первым секретарем Северо-Кавказского края т. Евдокимова, вторым секретарем — т. Путнина, предисполкома края — т. Калмыкова» [8]. Посредством опроса 6 января «во изменение постановления» от 1 января на должность председателя крайисполкома был предложен М.Д. Горчаев, его заместителем — И.П. Нудьга. Опять же посредством опроса 7 января утвердили во главе политического представительства ОГПУ Северо-Кавказского края И.Я. Дагина.

Многие самые важные назначения были утверждены уже на втором заседании оргбюро крайкома ВКП(б) 10 января [7: 3–4], в день, когда было принято официальное постановление ВЦИК об образовании Северо-Кавказского края. На этом же заседании оргбюро крайкома приняло постановление, в соответствии с которым основные органы власти края обязывались в срок до 15 января выехать в Пятигорск — его временный центр.

Желание краевой партийно-государственной номенклатуры воспользоваться всеми прелестями курортного Пятигорска, комфортными условиями проживания, целебными источниками, прекрасным климатом обусловило стремление руководства Северо-Кавказского крайкома и оргбюро крайисполкома превратить временный центр края в постоянный.

Для изучения вопроса о планах строительства нового центра Северо-Кавказского края в Георгиевске в Пятигорск прибыл начальник планово-финансового отдела Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР, заместитель наркома

коммунального хозяйства И.И. Нейбах. Познакомившись с городами Кавказских Минеральных Вод и Георгиевском, 18 февраля он выступил на заседании бюро крайкома с докладом «О строительстве краевого центра». Также были заслушаны выступления Б.Э. Калмыкова и Е.Г. Евдокимова. Бюро, приняв к сведению сообщение Нейбаха, создало комиссию для «проведения подготовительных работ и для составления проектов и расчетов, связанных со строительством краевого центра» [7: 5].

Не прошло и месячного срока, отведенного комиссии под руководством Нейбаха, как Георгиевску был вынесен отрицательный вердикт. Об итогах работы комиссии 15 марта на заседании бюро крайкома доложили Горчаев, Евдокимов и Путнин. В постановлении по вопросу «О краевом центре» констатировалось: 1) вследствие крайне неблагоприятных почвенных условий для строительства краевого центра в Георгиевске, что установлено комиссией Нейбаха и дополнительными исследовательскими работами, просить ЦК партии о пересмотре решения о Георгиевске и об определении строительства краевого центра для Северо-Кавказского края в Минеральных Водах; 2) принимая во внимание трудности размещения краевых организаций в Пятигорске и необходимость форсирования строительства нового города (Минеральные Воды так же, как и Георгиевск, не имели ни одного здания для размещения краевых организаций), просить ЦК партии об отпуске в текущем 1934 г. специальных средств на строительство города в размере 40 млн руб. и лимитов на дефицитные строительные материалы; 3) просить ЦК обязать наркомхоз выделить группу специалистов, строителей-коммунальщиков, которые бы немедленно приступили к проектированию работ и организации строительства. Кроме того, бюро просило дать указания наркоматам и хозяйственным объединениям об ассигновании специальных средств своим краевым организациям для строительства в новом краевом центре зданий под учреждения и жилища [7: 49]. После указанного выше решения вопрос о Георгиевске как административном центре крупного территориального образования больше не поднимался.

Какие же обстоятельства послужили причиной отмены решения о размещении краевого центра в Георгиевске?

Во-первых, сложное финансово-экономическое состояние страны в условиях разворачивавшейся индустриализации. Однако эта причина не могла стать решающей и единственной, так как вместо Георгиевска было принято решение создать центр в Минеральных Водах, что требовало не меньших капиталовложений.

Во-вторых, неблагоприятный климат города, открытого всем ветрам равнинного Предкавказья. Болотистая местность, постоянные эпидемии, повторявшиеся с завидной регулярностью, являлись важным аргументом для переноса центра в более «здоровую» местность.

В-третьих, недостаточная безопасность Георгиевска в период открытых конфликтов. Не защищенный природой город на берегах Кумы и Подкумка в своей истории так и не выполнил фортификационную функцию и становился легкой добычей для разного рода противоборствующих сил.

Наконец, привлекательное державно-имперское и христианское название города становилось минусом в условиях борьбы с топонимами досоветской истории и антирелигиозной кампании. В то же время переименовать по-советски Георгиевск означало пренебречь важной страницей в истории родины Сталина. Как известно, благодаря Георгиевскому трактату Картли-Кахетия стала частью России, в которой сын прачки и сапожника возглавлял государство, занимавшее одну шестую часть суши планеты Земля. Легче было переименовать Ставрополь в Ворошиловск, Владикавказ — в Орджоникидзе, а Северо-Кавказский край — в Орджоникидзевский край (что было сделано в 1937 г.).

Таким образом, спустя два с половиной месяца после решения ЦК ВКП(б) и ВЦИК вопрос об административном центре нового Северо-Кавказского края в г. Георгиевске был снят с повестки.

Краевые власти, не получив тогда добро на утверждение постоянной столицей Северо-Кавказского края г. Пятигорска, могли довольствоваться более приемлемым вариантом по сравнению с Георгиевском — городом Минеральные Воды (в документах того времени — Минводы, Мин-Воды), ставшим «воротами Кавминвод» после подведения к нему Владикавказской железной дороги в 1875 г., а в 1894 г. двух линий: до Кисловодска и до Железноводска.

Минеральные Воды в качестве центра Северо-Кавказского края имели следующие основные преимущества перед Георгиевском:

1. Минводы являлись самым крупным в крае железнодорожным транспортным узлом.

2. Здесь находился крупнейший на Юге России аэропорт.

3. В городе динамично развивалась промышленность, а рабочий класс составлял доминирующее население — для государства диктатуры пролетариата это имело большое значение.

4. Близость к курортному городу позволяла руководству края проживать в Пятигорске, а работать в Минеральных Водах.

Спустя ровно месяц после обнародования решения о строительстве краевого центра в Минеральных Водах Е.Г. Евдокимов на заседании бюро 15 апреля еще раз подтвердил, что данный вопрос решен в пользу этого города. Бюро поручило М.Д. Горчаеву в «пятидневный срок представить план развертывания строительства на 1934 г. в Минводах, предусмотрев одновременно и затраты других хозяйственных Наркоматов» [7: 84]. Одновременно крайком обратился к И.И. Нейбаху с просьбой оказать всемерное содействие и принять участие в разработке этого плана.

Через неделю поручение было выполнено, и план в общих чертах был представлен. Рассмотрев его, бюро крайкома 25 апреля приняло постановление «О постройке краевого центра», в котором был утвержден состав комитета по строительству нового центра под председательством М.Д. Горчаева. Комитету поручалось в трехдневный срок представить в Совет народных комиссаров все заявки и практические предложения «по вопросу строительства нового города» в Минеральных Водах. Для реализации этого проекта предлагалось организовать строительный трест [7: 114].

Таким образом, решение о краевом центре в Минеральных Водах являлось в какой-то степени компромиссным. Руководящая краевая номенклатура могла на постоянной основе поселиться в Пятигорске, а на работу отправляться в город Минеральные Воды, который являлся самым удобным местом для прибытия в край представителей как из Москвы, так и всех автономий и районов Северо-Кавказского края.

Однако к началу лета 1934 г. вопрос о краевом центре в г. Минеральные Воды без какого-либо обоснования был снят с повестки. Желание краевого руководства остаться в Пятигорске на постоянной основе совпало с мнением Центра, считавшего непозволительной роскошью выделить 40 млн руб. на строительство новой столицы с нуля.

Самую главную проблему дефицита земли в курортном городе и вреда, который мог быть нанесен природоохранной зоне строительством краевого центра, решено было преодолеть за счет использования участка пятигорских окраин, в частности за железнодорожным полотном — в районе горы Пост, где компактно проживало армянское население.

Таким образом, причины пересмотра решения о центре Северо-Кавказского края в Минеральных Водах, на наш взгляд, заключались в следующем.

Во-первых, отмена принятого решения о Минеральных Водах, как и в случае с Георгиевском, была связана со сложным финансово-экономическим состоянием страны в условиях разворачивавшейся индустриализации и губительной коллективизации, приведшей к миллионам жертв.

Во-вторых, это связано с настойчивым желанием краевого руководства не только на постоянной основе проживать в Пятигорске, но и официально превратить город-курорт в административный центр Северо-Кавказского края.

В-третьих, презентабельное и деидеологизированное название города Минеральные Воды в конкретный период советской власти становилось недостатком и по логике не только краевых, но центральных властей мало подходило для города, обладающего столичным статусом. Впрочем, переименовать город не составляло больших трудностей.

В-четвертых, политическая элита национальных регионов как в 1920-е гг., так и в наступившие 1930-е гг. проявляла недовольство в отношении любого непрямого подчинения автономии Центру, тем более находящемуся в «русской части» Северного Кавказа. Не этим ли объясняется решение впоследствии перевести центр Северо-Кавказского края из Пятигорска в Орджоникидзе? Отметим, что Владикавказ, или Орджоникидзе, на рубеже 1936–

1937 г. так же, как ранее Георгиевск и Минеральные Воды, крайним центром остался только на бумаге.

Наконец, в Центре не было уверенности в том, что территориальное подчинение Северного Кавказа останется таковым надолго. И действительно, запланированная в середине 1930-х гг. новая Конституция СССР уже в период ее обсуждения предполагала повышение по форме статуса автономий Северного Кавказа с их прямым подчинением Москве. А это после принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г. уже делало неактуальным нейтральное расположение центра, то есть не в столице какой-либо автономии или в Ставрополе. Этим и было обусловлено решение о переносе центра Северо-Кавказского края, переименованного в Орджоникидзевский, в Ставрополь, ставший Ворошиловском.

Таким образом, принятое решение избрать Минеральные Воды административным центром Северо-Кавказского края спустя два месяца было снято с повестки. Как и Георгиевск, Минеральные Воды довольствовались скромным статусом районного центра.

Источники и литература

1. Акопян В.З. Пятигорск как региональный административный центр России в 1919 — январь 1920 г. // Университетские чтения — 2021. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. 17–19 марта 2021 г. Ч. XI. Пятигорск, 2021. С. 6–11.

2. Акопян В.З. Пятигорск как региональный административный центр России в смутное время (1917–1919 гг.) // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: сборник материалов XIV Международной научной конференции 18 февраля 2021 г. Саратов, 2021. С. 72–83.

3. Акопян В.З. Пятигорск как региональный административный центр Российской империи в 1830–1917 гг. // Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: сборник научных трудов. Саратов, 2021. Вып. XIII. С. 23–40.

4. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура, 1920–1940 гг. Ростов-н/Д., 2010.

5. Акопян В.З., Пахомова Е.В. К истории формирования органов государственной власти в Терской губернии и округе (1921–1930) // *Философия права*. 2021. № 3 (98). С. 171–180.

6. Всероссийский центральный исполнительный комитет. Постановление от 10 января 1934 года «О разделении территории существующего Северокавказского края на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове н/Дону и Северокавказский край с центром в г. Пятигорске, с последующим перенесением краевого центра в г. Георгиевск». URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPlaceArtText.aspx?pid=10&id=2159> (дата обращения: 12.08.2022).

7. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.

8. Протокол № 152 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 января 1934 года. URL: <https://istmat.org/node/59303> (дата обращения 12.08.2022).

Е.Г. Гегия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АБХАЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг.

Одним из важных событий 1970-х гг. в истории Советского Союза стало принятие новой, «брежневской», конституции. Основной Закон был принят Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. Этот документ вошел в историю как «конституция развитого социализма», и в отличие от предыдущих он закреплял за каждой союзной республикой право выхода из состава СССР, а также право законодательной инициативы в высших органах власти Союза [3: 757]. Затем на ее основе началась работа над проектами новых конституций в союзных и автономных республиках. В Абхазской АССР на фоне данного процесса начался очередной этап национально-освободительного движения, направленный на защиту интересов абхазов.

10 декабря 1977 г. 130 представителей абхазского народа подписали письмо, адресованное Президиуму Верховного Совета СССР девятого созыва и всему советскому руководству. В письме

поэтапно излагалась политика грузинских властей, направленная на ассимиляцию абхазского этноса: фальсификация истории Абхазии грузинскими учеными, массовое искажение топонимики, изменение демографического состава автономной республики, также прозвучала проблема отсутствия классического университета в Абхазии. Главный вопрос, который ставился в письме, — необходимость ввести в новую конституцию республики пункт о праве выхода Абхазии из состава Грузии [1: 164–177].

Ответом явилась политика дискредитации авторов письма, а само письмо было переслано в Абхазский обком и ЦК КП Грузии для изучения поднятых там вопросов. Бывший в то время первым секретарем Абхазского обкома В.М. Хинтба позже вспоминал: «Замысел грузин был таков — “дать отпор” авторам письма, но руками не грузин, а самих же абхазов, как будто это исключительно наша инициатива (чтоб, мол, имена тбилисского начальства даже не упоминались)» [11].

22 февраля 1978 г. было созвано специальное заседание бюро Абхазского обкома КП Грузии, которое осудило письмо как антисоветское и националистическое. 13 марта 1978 г. заседание бюро Сухумского горкома партии рассмотрело вопрос «О неправильных действиях группы представителей научной и творческой интеллигенции и некоторых других работников города Сухуми» [5: 195]. Авторы письма были строго наказаны, вплоть до увольнения. Однако в защиту авторов письма начали созываться сходы в разных районах Абхазии. На каждом из них принимались постановления, в которых поддерживалось требование внести в новую конституцию статью, позволяющую пересмотреть статус Абхазской автономной республики. Одним из самых массовых стало абхазское народное собрание в с. Лыхны 2 апреля 1978 г. На нем присутствовало более 12 тыс. представителей всех городов и районов, а также руководство Абхазии [6: 99].

Несмотря на это, 15 мая состоялось заседание Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, которое одобрило проект Основного Закона и приняло решение вынести его на всенародное обсуждение в автономной республике [7].

21 мая при участии секретаря ЦК КПСС И.В. Капитонова и первого секретаря ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе состоялось

собрание актива Абхазского обкома КП Грузии. Собрание рассмотрело вопрос «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции Абхазской АССР». А 22 мая в Сухуми¹ состоялся 25-тысячный митинг абхазов, на котором присутствовало руководство республики. На нем было заявлено, что в связи с поступившими предложениями сессия Верховного Совета, которая должна была принять новую конституцию Абхазии, откладывается на неопределенный срок. В то же время руководство объявило о невозможности изменения политического статуса Абхазии. Секретарь ЦК И.В. Капитонов в своем выступлении отметил, что «нецелесообразно в какой-либо форме решать этот вопрос, выходящий за рамки Конституции СССР и Конституции Грузинской ССР» [2: 520]. Наряду с этим были предприняты и некоторые шаги, призванные урегулировать ситуацию. 27 мая бюро Абхазского обкома отменило свои решения от 22 февраля, осуждавшие авторов письма.

Также 1 июня было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР». Оно предусматривало решение широкого круга проблем. Среди них: вопрос о прекращении в 1979 г. заготовки древесины в лесах Абхазской АССР, об организации государственного университета и телевизионных передач, а также строительство в 1979–1980 гг. Дома телевидения и радиовещания в г. Сухуми и др. [8]. Таким образом, часть требований, выдвигавшихся в «письме 1977», получили свое решение.

6 июня 1978 г. состоялась внеочередная девятая сессия Верховного Совета Абхазской АССР, на которой была принята Конституция. Как отмечалось в официальной печати, «с учетом национальных особенностей развития республики». На сессии присутствовали заместитель заведующего отделом ЦК КПСС В.И. Бровиков, секретари ЦК КП Грузии Г.В. Колбин и Д.И. Патиашвили, правительство автономной республики [9].

Однако данный документ не учитывал интересы абхазского народа и был принят без его участия. Было предпринято всё, чтобы не допустить рабочих и колхозников абхазского происхождения для участия в праздничном митинге по случаю

¹ Официальное название г. Сухум с 1936 по 1992 гг.

постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об экономическом и культурном развитии Абхазской АССР», новой Конституции автономной республики. В этот день были перекрыты все пути, ведущие в Сухуми, а площадь перед зданием правительства и здание Абхазского обкома партии были в срочном порядке оцеплены войсками и милицией. В то же время на митинг были приглашены производственные коллективы автономной республики грузинской национальности. Сама процедура принятия Конституции производилась втайне от народа и оказалась неожиданностью для всех [2: 617].

В связи с этим 7 июня в с. Лыхны состоялся многотысячный сход. Лыхненское народное собрание выразило протест против действий, допущенных партийными и советскими органами Грузинской ССР и Абхазской АССР.

Ситуация в республике оставалась напряженной вплоть до конца 1970-х гг. С 25 сентября по 2 октября 1978 г. в республике была дезорганизована работа ряда предприятий транспорта, торговли, объектов промышленности городов Гагра, Гудаута, учебных заведений г. Сухуми [4: 153]. Из справки ЦК КП Грузии «О фактах грубейшего нарушения трудовой и государственной дисциплины в Абхазской АССР, принявших саботажный характер, в ответ на постановления ЦК КП Грузии по Абхазии в 1978 году»¹ следует, что с 25 по 29 октября в Абхазии были случаи «полного игнорирования требований трудовой и государственной дисциплины» [2: 656].

Вскоре в республике были проведены кадровые перестановки, которые стали следствием прошедших волнений. Первый секретарь Абхазского обкома В.М. Хинтба был снят с должности еще в разгар событий 1977 г., на его место был выдвинут Б.В. Адлейба.

21 сентября 1978 г. председателем Совмина Абхазской АССР вместо А.П. Сакварелидзе назначается Ю.Д. Убилава [10]. Таким

¹ Речь идет о постановлении ЦК КП Грузии от 5 сентября 1978 г. «О повышении ответственности партийных комитетов, исполкомов Советов народных депутатов, общественных организаций, административных органов за строгое соблюдение общественного порядка на местах и недопущение впредь самовольных сходов и стихийных собраний».

образом сохранялось негласное правило, в соответствии с которым первым секретарем Абхазского обкома был абхаз, а председателем Совета Министров — грузин.

В Гагре население требовало освободить от должности первого секретаря горкома партии Т.Ш. Кванталиани. Эти события также привели к кадровым изменениям. Его сначала заменили грузином Г.К. Начкебия. В связи с таким решением обстановка в городе накалилась еще больше, и вскоре на эту должность был назначен абхаз А.К. Гварамия, бывший до этого первым секретарем Гудаутского райкома. Позднее на эту должность из Тбилиси был переведен Э.Э. Капба [5: 203].

События второй половины 1970-х гг. в истории Абхазии известны как один из этапов национально-освободительного движения. Обсуждение проекта новой конституции всколыхнуло абхазскую общественность. В письме 1977 г. вновь прозвучали факты ассимиляции абхазского этноса, а также был поставлен вопрос о необходимости пересмотра политического статуса республики. Последнее требование не было учтено при принятии нового Основного Закона Абхазской АССР. Однако несмотря на осуждение со стороны руководства Абхазского обкома и ЦК КП Грузии авторы и подписанты данного обращения получили активную поддержку населения. В результате партийное руководство предприняло шаги по разрешению некоторых вопросов, поставленных в письме. Было принято постановление ЦК КП Грузии, а затем ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР», решен вопрос об организации телевидения и о преобразовании Сухумского пединститута в Абхазский государственный университет.

Источники и литература

1. Абхазия в советскую эпоху: сборник документов. Т. 1. Абхазские письма (1947–1989) / сост. И.Р. Марыхуба. Сухум, 1994.
2. Абхазия в советскую эпоху: сборник документов. Т. 2: Из истории национально освободительной борьбы абхазского народа (70-е годы XX века) / сост. И.Р. Марыхуба. Сухум, 2009.
3. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. М., 2004.

4. Лежава Г.П. Абхазия: анатомия межнациональной напряженности. М., 1999.
5. Лежава Г.П. Между Грузией и Россией: исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997.
6. Марыхуба И. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 2000.
7. Советская Абхазия. 1978. № 94. 16 мая.
8. Советская Абхазия. 1978. № 107. 3 июня.
9. Советская Абхазия. 1978. № 109. 7 июня.
10. Советская Абхазия. 1978. № 202. 18 октября.
11. Эхо Абхазии. 1998. № 17. 22 апреля.

С.А. Орешин

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЧКЕРИЯ. 1992–1999 гг.

После распада Советского Союза в 1991 г. Чечня фактически обрела независимость, в одностороннем порядке выйдя из состава России. Перед чеченскими властями, возглавляемыми президентом Д.М. Дудаевым, стояло много сложных задач, среди которых одним из самых главных являлся выбор новой модели государственности, которая должна была прийти на смену прежней советской. В начале 1992 г. велась работа по разработке и принятию Конституции Чеченской Республики. Однако новые власти не стремились вынести проект конституции на всенародный референдум, хотя такой запрос у общественности был. В целом они стремились декларативно оформить символы суверенной государственности, но не заботились о наполнении их реальным содержанием [13: 125].

2 марта 1992 г. Парламент Чеченской Республики объявил о прекращении действия Конституции Чечено-Ингушской АССР 1978 г. и утвердил новую конституцию. Она содержала принципиально иные подходы к построению государства, знаменовавшие

собой разрыв с советским марксистско-ленинским укладом. В ней говорилось о том, что народ Чеченской Республики принял эту конституцию «по воле Всевышнего». Статья 1 определяла Чеченскую Республику как демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения чеченского народа (несмотря на то что около трети населения Чечни тогда составляли представители других народов). Декларировалось введение демократических прав и свобод, провозглашался принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, выборы представительных органов должны были осуществляться на началах всеобщего, равного и прямого избирательного права при свободном выдвижении кандидатов и тайном голосовании. Наиболее важные вопросы государственной жизни должны были выноситься на всенародное обсуждение и голосование [4: 90]. В Чечне провозглашался политический и идеологический плюрализм, религия отделялась от государства, при этом граждане могли исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Единственным органом законодательной власти являлся парламент, который избирался на основе всеобщего, прямого избирательного права при тайном голосовании на пять лет и действовал постоянно. Он наделялся чрезвычайно широкими полномочиями в области как внутренней, так и внешней политики. Исполнительную власть в Чеченской Республике возглавлял избиравшийся на пять лет президент, при этом одно лицо могло находиться в этой должности не более двух сроков подряд. Одновременно с ним на пять лет избирался вице-президент. Исполнительно-распорядительным органом власти, подчинявшимся президенту, являлся Кабинет министров. Судебная власть была представлена Конституционным, Верховным и Арбитражным судами [6: 3, 6, 7, 16, 21, 24, 25, 27, 29].

Согласно конституции, Чечня представляла (вернее должна была представлять) собой унитарную светскую демократическую парламентско-президентскую республику. Однако многие положения конституции фактически остались на бумаге. С самого начала Чеченская Республика оказалась в состоянии острого политического противостояния между сторонниками президента Дудаева и антидудаевской оппозицией, обвинявшей его

в намерении узурпировать властные полномочия. Одновременно уже весной 1992 г. обострились отношения между президентом и парламентом. Дудаев стремился к расширению президентских полномочий и не скрывал намерения выстроить подчиненную только ему «вертикаль власти». Парламент ревностно оберегал свои привилегии и небезосновательно подозревал президента в намерении узурпировать власть и установить диктаторский режим [14: 67].

Дудаев начал назначать в районы собственных представителей — префектов, которые сосредотачивали в своих руках реальные рычаги управления, оттесняя на задний план выборные органы местного самоуправления. Более того, президент собственными указами назначал и смещал с должности руководителей сельского самоуправления. В мае Дудаев лично возглавил республиканский Кабинет министров [8: 239].

В начале 1993 г. Дудаев начал усиливать полномочия органов исполнительной власти, поручив подготовить поправки к Конституции Чеченской Республики, согласно которым практически вся реальная власть сосредотачивалась бы в руках главы государства [9: 170]. 22 февраля Дудаев единоличным указом установил в Чечне режим президентской республики. Президент намеревался провести референдум по поводу предложенного им проекта новой конституции. Новый Основной Закон существенно расширял полномочия президента и ограничивал сферу компетенции парламента, превращая его в представительный орган. Парламент, естественно, отменил проведение этого референдума [14: 82].

4 июня Дудаев разогнал парламент, 6 июня объявил о роспуске Конституционного суда. В середине июня в чеченскую конституцию были внесены поправки, отразившие переход к президентской республике [8: 276]. В конце июня Дудаев объявил о восстановлении работы парламента, однако «без права законодательной деятельности». В августе Дудаев своим указом восстановил законодательские функции парламента, однако 30 августа в республиканскую конституцию были внесены положения, предоставлявшие президенту полномочия распускать парламент, самостоятельно формировать Кабинет министров и назначать

судей всех уровней [8: 277]. Вместо разогнанного Конституционного суда Дудаев учредил 26 января 1994 г. Конституционную коллегия Верховного суда Чеченской Республики из семи судей, которые назначались самим президентом [9: 171]. Кабинет министров теперь назначался исключительно президентом и нес ответственность только перед ним. Тем самым с разделением властей было покончено, и в Чечне утвердился режим суперпрезидентской республики, который начал приобретать черты персоналистской диктатуры Дудаева. Это послужило одной из причин углубления внутричеченского кризиса и начавшейся осенью 1994 г. гражданской войны в Чечне, осложненной вводом федеральных войск в декабре.

К моменту окончания так называемой первой чеченской войны (август 1996 г.) публичная власть в республике де-факто отсутствовала. Она была поделена между вооруженными группировками, возглавляемыми авторитетными и харизматичными полевыми командирами, на сферы и зоны влияния. Исполняющий обязанности президента республики З.А. Яндарбиев пытался найти выход из создавшегося положения и укрепить авторитет власти в опоре на шариат и начал принимать решительные меры по исламизации государства. В сентябре он подписал указ о формировании светских районных судов и замене их шариатскими [14: 240]. В Грозном был образован Верховный шариатский суд во главе с заместителем муфтия Чеченской Республики Ш. Батукаевым [10: 73].

В январе 1997 г. на состоявшихся президентских выборах победу одержал А.А. Масхадов, придерживавшийся умеренных политических взглядов и провозгласивший своей целью создание независимого демократического светского чеченского государства. Но уже 3 февраля 1997 г. под давлением исламистов в Конституцию Чеченской Республики Ичкерия были внесены дополнения, зафиксировавшие постепенный отход от принципов светскости и демократизма, заложенных в Конституции 1992 г. Несмотря на декретирование «политического и идеологического плюрализма», была вычеркнута фраза о том, что ни одна идеология не могла являться государственной. Государственной религией в Чечне был объявлен ислам. Гарантируя каждому

гражданину уважение его верований и свободное отправление религиозных культов, Основной Закон обходил молчанием право атеистов не исповедовать никакой религии. Укрепление авторитета государства было объявлено долгом всех граждан, общественных объединений и средств массовой информации.

По-прежнему постоянно действующим высшим органом законодательной власти Чеченской Республики являлся ее парламент, избираемый на пять лет. Ему возвращались многие полномочия, упраздненные при Дудаеве. Исполнительную власть возглавлял президент, который возглавлял правительство республики, формировал аппарат исполнительной власти и руководил им [7]. В структуре органов государственной власти появился Высший президентский совет, в который вошли военные и политические лидеры Ичкерии. Он утверждал предложенные президентом кандидатуры министров, после чего они выносились на рассмотрение парламента [12: 197].

Очень быстро выяснилось, что власть государственных органов Ичкерии не распространялась на крупнейших полевых командиров, которые создавали на подконтрольной им территории собственные органы управления и вели себя независимо от официального Грозного. 3 ноября 1997 г. был сформирован Совет полевых командиров — оппозиционный президенту Масхадову консультационный орган [11: 37]. Помимо него на власть претендовали ваххабитские «джамааты». В республике началась острая борьба по вопросу о политическом будущем чеченского государства — должно ли оно было представлять собой светскую парламентско-президентскую демократическую республику или же, напротив, следовало преобразовать ЧРИ в шариатское государство [1: 98].

Масхадов постоянно проявлял колебания по данному вопросу. 5 марта 1998 г. он назначил председателем Кабинета министров Ш.С. Басаева, члены правительства которого впервые в истории Чечни принесли присягу не на Конституции, а на Коране [5: 765]. Несмотря на протесты парламента, новое правительство, поддерживаемое президентом, взяло курс на исламизацию Чечни. Осенью 1998 г. Чеченская Республика вновь оказалась на грани полномасштабного кризиса. В ноябре Масхадов дал согласие на создание

консультативного совета, в состав которого вошли ведущие полевые командиры и политические деятели, а также специального Суда чести, который должен был провести люстрацию всех чиновников и отстранить от должности «недостойных» лиц.

Пытаясь перехватить у исламистов их политическую повестку, 3 февраля 1999 г. Масхадов издал указ о введении в республике шариатского правления «в полном объеме». Все сферы государственного устройства республики должны были быть приведены в соответствие с шариатом. Выполняя постановление Шариатского суда, Масхадов объявил о создании Государственного совета Кхеташо в составе 20 чел., в состав которого он пригласил войти ведущих полевых командиров. Это фактически означало отход от доктринальных установок, ориентировавшихся на построение в Чечне светской демократической республики, и замену ее исламской республикой. Усиливались полномочия президента, который получил возможность самостоятельно назначать членов Кабинета министров и Государственного совета. Парламент лишился законотворческих функций, за ним были оставлены лишь функции осуществления общего контроля над проводимой в республике политикой [2: 3]. Был сформирован организационный комитет во главе с А.Х. Закаевым по созданию «шариатской конституции». Ее проект должен был затем быть согласован Советом улемов и представлен для принятия Общенациональному съезду чеченского народа. Одновременно Масхадов своим указом ликвидировал должность вице-президента.

Однако радикальная оппозиция усиливала давление на президента. 7 февраля оппозиционные полевые командиры начали формирование параллельной Шуры (совета) во главе с Ш. Басаевым и создали собственный Высший шариатский суд, который вынес постановление, что, так как в Чечне было введено шариатское правление, то Масхадов автоматически перестал быть президентом и должен передать свои полномочия Шуре. Объявив о введении шариатского правления, Масхадов фактически подорвал конституционные основы своего режима и предоставил оппозиции возможность противопоставить сформированному по произвольным принципам Государственному совету столь же нелегитимную Шуру во главе с Басаевым [12: 200].

6 февраля парламент Чечни отменил все принятые было нововведения. При этом четкого представления о том, в каком направлении должна развиваться чеченская государственность, не было ни у сторонников президента, ни у оппозиции. Выдвигались идеи преобразовать Чечню в парламентскую республику, или, наоборот, президентскую, или же теократическую. Предлагалось даже взять за основу вариант корпоративного государства наподобие того, что создал в Италии Б. Муссолини.

В июне под давлением оппозиционной Шуры Масхадов был вынужден издать указ о создании Совета из «военно-политических лидеров», вместе с которыми обязался отныне обсуждать все важные решения [3: 59]. Президент также в очередной раз объявил о своем намерении построить «исламское государство с чеченской спецификой», в котором заветы Пророка Мухаммада (шариат) должны будут органично сочетаться с национальными обычаями (адат). Парламент был окончательно лишен законодательных полномочий, переданных Государственному совету-Кхеташо [3: 60].

К августу 1999 г. Масхадов и руководимый им государственный аппарат фактически утратили контроль над текущими событиями [14: 307]. Ичкерия оказалась в состоянии острейшего политического кризиса и фактического безвластия, что явилось одной из важных причин быстрого распада этого государственного образования и возвращения Чеченской Республики в конституционно-правовое поле России.

Источники и литература

1. Абдурахманов Д.Б. Чеченский парламент. История и современность. Грозный, 2014.
2. Барахова А. Масхадов сдался шариату // Коммерсант. 1999. 5 февраля. № 14 (1658). С. 3.
3. Батуев В., Суховерхов В., Новиков В., Годяев А. Чечня — имамат XXI века? // Россия и мусульманский мир. 1999. № 10 (88). С. 59–66.
4. Гумашвили Л.Э. К вопросу о структуре и содержании Конституции Чеченской Республики Ичкерия // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2010. № 1 (3). С. 86–99.

5. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков / отв. ред. Ш.Б. Ахмадов. Грозный, 2008.
6. Конституция Чеченской Республики. Грозный, 1992.
7. Конституция Чеченской Республики Ичкерия. Грозный, 1997. URL: <https://chechenlaw.ru/?p=94> (дата обращения: 05.08.2022).
8. Ляховский А.А. Зачарованные свободой: тайны Кавказских войн. Информация, анализ, выводы. М., 2006.
9. Музаев Т.М. Чеченская Республика: органы власти и политические силы. М., 1995.
10. Мусайханов С.С. «Шариатское государство» в реалиях Ичкерии (Чечни) // Социология власти. 2009. № 6. С. 72–80.
11. Мухин А.А. Чеченская Республика и ее вооруженные силы. М., 1999.
12. Осмаев А.Д. Общественно-политическая ситуация в Чеченской республике в 1996–1999 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2008. № 4-3 (60). С. 195–202.
13. Сайдумов М.Х. Чеченская государственность в период объявленной самостоятельности 1991–1994 гг.: от постановки и реализации идеи государственного суверенитета до отступления и утраты заявленных принципов // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. № 3 (31). С. 123–127.
14. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен: в 5 т. Т. 3. М., 2002.

Раздел IV

Социокультурные преобразования и религиозная политика на Кавказе

Д.Д. Чотчаев

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (на материалах Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии)

Одной из актуальных проблем в истории народов Северного Кавказа является их интеграция с Россией и роль в этом процессе народного образования. Факты свидетельствуют, что вовлечение горцев в орбиту российского просвещения оказало благоприятное влияние на их культурное развитие. Несмотря на русификаторскую политику властей в рассматриваемой сфере, народы Кавказа, в том числе карачаевцы и балкарцы, выдвинули из своей среды немало высококвалифицированных талантливых специалистов, окончивших престижные учебные заведения страны. По данным источников, ряд карачаевцев и балкарцев в XIX — начале XX в. прославились как кадровые офицеры, выдающиеся врачи, учителя, художники, музыканты и т.д.

В повышении образовательного уровня горцев сыграла свою роль основанная в 1820 г. Нальчикская аманатская школа, которая стала одним из первых учебных заведений на территории проживания балкарцев и считалась на тот момент лучшей среди всех аналогичных образовательных учреждений. Здесь учащиеся получали знания по арифметике, русскому языку, религии, военному делу и другим предметам. Здесь же изучалась культура России.

В рассматриваемый период на Кавказе действовали миссионерские школы, организованные под эгидой православной церкви. Они должны были заниматься «христианским просвещением и полным обрусением инородческих детей» [13: 154].

Вскоре в полной мере стала ощущаться необходимость полноценного светского образования. Как отмечает исследователь Л.С. Гатагова, первые десятилетия XIX в. характеризовались крайне медленными темпами становления школьной системы на Кавказе, отстававшего от потребностей развивавшегося в рамках российской государственно-административной структуры региона [2: 15–16]. Это в полной мере относилось и к Карачаю, где до конца 1870-х гг. отсутствовали светские учебные заведения.

Тем не менее начиная с 1803 г. молодым представителям горских племен было позволено обучаться за счет государства в различных образовательных учреждениях России. Февраль 1849 г. был ознаменован изданием «Положения о воспитании кавказских и закавказских уроженцев за счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи», в соответствии с которым законодательно оформлялись «кавказские стипендии». «Положение...» предписывало отправлять ежегодно на учебу в Россию 160 горцев. Из них в 10 вузов Санкт-Петербурга могли быть приняты 68 чел., в четыре образовательных учреждения Москвы — 77, в Казань — 5, в Горыгорецкую школу — 5 студентов, представлявших Кавказ. Все расходы брало на себя государство [10: 63].

В числе студентов-горцев были карачаевцы и балкарцы. Инженер Ислам Айсандыров-Дудов обучался в институте путей сообщения в Санкт-Петербурге. Таусултан Шакманов вначале был студентом технологического института, а в 1916 г. перевелся на юридический факультет Московского университета. Таусултан Муллаев в 1915 г. стал слушателем экономического отделения Киевского коммерческого института [16: 78 об.–79].

Карачаевцы и балкарцы, как и представители других кавказских народов, обучались также в открываемых в уездных и губернских городах в соответствии с высочайшим Указом от 17 марта 1803 г. училищах и гимназиях. В частности, следует отметить училище, открытое 30 августа 1811 г. в Ставрополе, которое в декабре 1834 г. было преобразовано в высшее уездное [12: 581].

Кроме того, горцы получали образование в училищах в Георгиевске, Кизляре, Моздоке, Пятигорске и других городах.

Значительную роль играло основанное в 1829 г. в Нальчике уездное училище, главной задачей которого было постепенное формирование у учащихся доброжелательного отношения к русскому народу и пропаганда этой идеи в аулах [15: 22]. Первоначально сюда было принято 17 чел. в возрасте 13–15 лет из семей карачаевских и балкарских старшин. Они овладевали русской речью, навыками чтения, письма и счета.

Старейшая в регионе мужская гимназия была открыта в 1837 г. на базе Ставропольского высшего уездного училища. Именно ей было предназначено стать во второй половине XIX — начале XX в. основным центром просвещения. Известно, что в разное время гимназию окончили такие выдающиеся представители Карачая и Балкарии, как Айтек, Мырзакул и Басханук Крымшамхаловы, Султанбек Абаев, Абай Шаханов, Ислам Айсандыров-Дудов, Ильяс Байрамуков, Саид Халилов, Ислам Крымшамхалов, Ислам Хубиев (Къарачайлы) и многие другие. Большая часть представителей карачаево-балкарского народа выделялась отличной и хорошей учебой, что отмечалось благодарностями дирекции учреждения.

Некоторые представители Карачая и Балкарии окончили Екатеринодарскую (Кубанскую) (Таукан Алиев, Казий Лайпанов и др.), Владикавказскую гимназию, преобразованную в 1876 г. в реальное училище (Мисост Абаев, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы и т.д.).

Вместе с тем источники свидетельствуют о крайне малом количестве вакансий для горцев в указанных учебных заведениях. Положение изменилось с открытием в начале XX в. Баталпашинской гимназии. В 1912 г. контингент учащихся составлял 20 чел. из Карачая и Черкесии, а в 1916 г. там пребывали уже 56 горцев [9: 562]. По данным материалов архива Карачаевского научно-исследовательского института, в данном учебном заведении в 1915 г. из 253 учащихся горцев было 135 [1: 7].

В конце XIX — начале XX в. в образовательной сфере был острый кадровый дефицит, не хватало учителей. Для решения данной проблемы была организована сеть средних специальных

учебных заведений. Одним из таковых стала Кубанская учительская семинария, начало деятельности которой приходится на 1869 г. Выпускники отправлялись на работу в школы Северного Кавказа и Херсонской губернии. Из стен этого образовательного учреждения вышли Ахмат Байрамуков, Хызыр Халилов, Курман-Али Курджиев, Рамазан Куатов, Асланмырза Боташев, Тохтар Биджиев и другие соотечественники, которые, придя в школы Карачая, давали ученикам прекрасные знания по различным предметам.

В 1880–1890-е гг. в Кубанской учительской семинарии ежегодно получали знания до четырех стипендиатов из Баталпашинского отдела. Две стипендии существовали за счет горского населения в целом, и две вакансии содержались аульными обществами отдела.

Аульные общества обращались в вышестоящие органы с просьбой об увеличении числа вакансий в разных образовательных учреждениях за собственный счет. Так, в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе дополнительно из средств карачаевского народа были оформлены две стипендии по 1300 руб. для мальчиков из Карачая [8: 203–204]. С помощью данного шага появилась возможность расширить контингент будущих медицинских работников. Среди ее выпускников были Бекир Чеккуев, Тауби Хубиев, Халит Эркенов, Магомет и Хаджи-Мурат Кочкаровы, Анзор Каракетов, Ибрагим Мамчуев, Алимджашар Батдыев и др.

Асхат Биджиев, Хамзат Голаев, Али Хасанов, Асланбек Кочкаров окончили Майкопское промышленно-техническое училище.

Во Владикавказской сельскохозяйственной школе, преобразованной в ремесленное училище, обучались Кайтуко Абаев и Сергей и Исмаил Урусбиевы.

Наряду с этим просветители горских народов, в числе которых были карачаевцы и балкарцы, добивались открытия светских школ в национальных районах региона. Они считали, что именно просвещение должно способствовать культурному развитию горцев и их приобщению к русской цивилизации, а следовательно, интеграции горских территорий с Россией. Так, 1 января 1851 г. в Нальчике открылась Кабардинская школа, которая,

однако, не стала чисто кабардинской. Всего в ней было 25 мест, из которых половина отводилась для детей русских офицеров крепости Нальчик. Здесь также учились карачаевцы и балкарцы. Как отмечал исследователь Т.Х. Кумыков, в день основания школы в списке учеников значилось 12 чел., в том числе 2 кабардинца, 4 балкарца, 4 осетина, 1 карачаевец, 1 выходец из Сванетии. В качестве кандидатов для поступления были определены 17 чел. Из них кабардинцев насчитывалось 9, дигорцев — 7 и из Чегемского общества был 1 балкарец [6: 350].

В 1851 г. сюда были приняты Адиль-Гирей и Канамат Крымшамхаловы, Хамурза Урусбиев, Зарахмат Шакманов, Кертебий Урусбиев, Асланбек Урусбиев. В 1854 г. в число воспитанников ввели Мутабия Дудова и Султанбека Абаева, а в 1855 г. — Али Баразбиева, Аслан-Гирей Кучукова, Хан-Гирей Келеметова. Мырзакул Суншев, Абай Шаханов, Аслан-Мурза Абаев, Давлет-Гирей Шакманов поступили сюда в 1858 г.

1860 г. ознаменовался преобразованием Кабардинской школы в Нальчикскую окружную горскую школу. Законодательной основой для такого шага послужил принятый 20 октября 1859 г. Устав горских школ. Образовательное учреждение приравнивалось к уездному училищу и имело в своей структуре три основных и один подготовительный классы. Своекоштным (содержащим себя за свой счет) пансионерам было необходимо платить за обучение 80 руб., а приходящим — 5 руб. в год. Пансионеры содержались на 50 % за счет казны и 50 % — Кабардинской общественной суммы. В числе преподаваемых в школе предметов были Закон Божий, мусульманские законы, русский язык, география, краткая русская и всеобщая история, арифметика, начальные понятия о геометрии и алгебре, чистописание. Выпускникам данного учебного заведения давалась возможность поступать в 4-й класс российских гимназий. Завершая образование, они получали свидетельства, дающие право работать в начальных сельских школах.

Анализ национального представительства школы показывает, что к январю 1869 г. балкарцев вместе с кабардинцами было 23, в 1890 г. — 38 из 103, в 1893 г. — 48 из 106, в 1895 г. — 39 из 100, в 1904 г. — 48 из 131, в 1905 г. — 52 из 135 [14: 137].

Указанное учебное заведение окончили Мисост и Аслан-Гирей Акаевы, Далхат Урусбиев, Зулкарнай Жабоев, Каншау и Абай Шакмановы, Исхак и Магомет Муллаевы, Сулемен Апаев, Шакман и Таукан Шакмановы. Однако события 1905–1907 гг. в России и вовлечение учащихся в демократическое движение привели к временному закрытию школы до ноября 1906 г.

В июле 1909 г. Государственный совет и Государственная дума одобрили закон «О преобразовании Нальчикской горской школы в реальное училище». В соответствии с документом учебному заведению был придан новый статус. Новое реальное училище состояло из шести основных и одного приготовительного класса с пансионом при нем [7: 217–218].

В 1913 г. образовательное учреждение получает название «Кабардино-Горское Императора Александра III реальное училище». Контингент учащихся составлял 208 чел. В приготовительном классе обучался 21 чел., в первом — 45, во втором — 44, в третьем — 41, в четвертом — 22, в пятом — 28 и в шестом — 7 чел. Казеннокоштных учеников насчитывалось 50, своекоштных — 13 и приходящих — 145. Из них: балкарцев и кабардинцев — 92 воспитанника, русских — 97 и других национальностей — 19 [18: 1–13].

Казеннокоштными являлись представители Балкарии: Исмаил Муллаев, Руслан Жанбеков, Мусса Джабоев, Евгений Урусбиев, Кучук Эркенов, Султанбек Блаев. Большинство учащихся принадлежало к мещанам и крестьянам. Многие из них относились к категории «несостоятельных».

Анализ деятельности училища показывает, что в 1916 г. в Нальчикском реальном училище состояло 257 чел., в том числе русских — 106, горцев (балкарцев и кабардинцев) — 91, грузин — 3, армян — 11, других национальностей — 46. Православных было 128, а мусульман — 97 учеников. Детей потомственных дворян было 13, личных дворян и чиновников — 35, духовенства — 6, потомков почетных граждан и купцов — 6, выходцев из мещан и цеховников — 27, казаков — 24, детей иностранцев — 1, крестьян — 71 [6: 380–381].

На конец 1870-х гг. приходится основание первых образовательных начальных учреждений в Баталпашинском отделе Кубанской области, куда входил и Карачай. В соответствии

с «Положением о начальных народных училищах» от 1864 г. начали свою работу народные училища для утверждения в массах религиозных и нравственных понятий и распространения первоначальных полезных знаний. В начальных училищах изучали Закон Божий, приобретали навыки письма, читали книги гражданской и церковной печати, изучали арифметику в пределах четырех действий, а также занимались церковным пением.

В 1867 г. императором Александром II было утверждено решение Государственного совета «О преобразовании учебных заведений на Кавказе и за Кавказом». В соответствии с ним императорский наместник в регионе имел право изменять «Положение о начальных народных училищах» (1864 г.) и «Устав гимназий и прогимназий» (1864 г.). Ему разрешалось увеличивать количество часов на изучение русского языка и сокращать на общеобразовательные дисциплины. Для нерусских народов допускалось преподавание родных языков. В том же году по распоряжению наместника вводилось обучение на русском языке во всех начальных школах, открытых для детей горцев Министерством народного просвещения.

Значительным событием явилось открытие в 1878 г. в ауле Учкулан по инициативе и при непосредственном участии известного просветителя и духовного лидера Карачая Магомета Байрамукова первого светского образовательного учреждения — Учкуланского одноклассного училища с интернатом. Именно здесь учились и жили дети из аулов Карт-Джурт, Хурзук и Дуут, в которых отсутствовали свои школы. Здесь изучали русский язык, чистописание, арифметику, краткий очерк географии России и Закон Божий (мусульманский), который преподавал священнослужитель. В конце 1870-х — начале 1880-х гг. в училище получали образование 30 учеников, в 1890-е гг. — 90 чел., а к началу XX в. — уже 166 [5: 21].

В 1897 г. Учкуланское одноклассное училище реформируется в двухклассное нормальное с пятилетним сроком обучения с ремесленным отделением, в котором все желающие приобретали навыки столярного и токарного дела.

Значительную роль в дальнейшем развитии учебного заведения сыграл возглавивший его в 1910 г. Ильяс Байрамуков.

Его усилиями в 1913 г. училище было преобразовано в высшее начальное с восьмилетним сроком обучения. Благодаря ему, Учкуланское училище стало одним из лучших во всей Кубанской области. Здесь учились не только карачаевцы, но и балкарцы, адыги, ногайцы, абазины, грузины, евреи и русские. В связи с тем что Учкуланское училище уже не могло вместить всех желающих получать образование, были открыты новые общеобразовательные учреждения. Так, в 1879 г. светская школа начала функционировать в Верхней Теберде, в 1894 г. — в Тебердинском селении, в 1895 г. — в ауле Карт-Джурт и Хурзук. В 1897 г. появляется одноклассное начальное училище в ауле Верхняя Мара.

Материалы, содержащиеся в архивах региона, позволяют выявить количество школ и численность учащихся в них в 1895–1897 гг. В Карачае в тот период действовало пять учебных заведений. В Учкуланском училище обучались 166 чел., в Тебердинском — 54, в Карт-Джуртском — 72, в Хурзукском — 66, в Маринском — 50. Всего во всех карачаевских школах контингент учащихся составлял 408 чел. К 1901 г. их число возросло до 457 [4: 14].

По официальным данным Кавказского учебного округа, к 1 января 1903 г. в горских аулах Карачая функционировали: Учкуланское, Дуутское, Джегутинское, Джазлыкское, Каменно-мостское, Карт-Джуртское, Маринское, Сентинское, Тебердинское и Хурзукское училища.

Как свидетельствуют материалы Всероссийской переписи 1897 г., из 433 жителей мужского пола в ауле Дуут 43 были грамотными, из 211 мужчин аула Джазлык 10 являлись грамотными. В Карт-Джурте из 1087 таковых было 93, в Сентинском ауле 10 чел. из 464, в Учкулане — 282 из 2902 мужчин. К 1916 г. в Карачае работали 12 школ и училищ практически во всех крупных аулах [11: 239].

Процесс открытия светских школ и, как следствие, некоторый рост уровня грамотности населения проходил и в Балкарии. Во второй половине XIX в. состояние грамотности здесь выглядело так: в Урусбиевском обществе — 12 из 2310 жителей, в Чегемском — 13 из 3539, в Хуламском — 6 из 2072 чел. В 1904 г.

в Безенгиевском обществе 2 чел. являлись грамотными, в Хуламском — 7, в Урусбиевском — 6, в Кенделене — 3, в Чегемском обществе — 14, в Балкарском — 22 [8: 205].

Открытие первой школы в Балкарии в селении Кашхатау относится к 1902 г. Вскоре в силу ряда обстоятельств она была закрыта и возобновила свою работу в 1909 г. Во главе учебного заведения стал К.А.Черняга. После поездки инспектора народных училищ Терской области в августе 1915 г. в Кашхатау отремонтировали школьное здание. Сюда начали принимать детей от 9 до 12 лет.

В 1913 г. в Урусбиевском обществе открылись Урусбиевская 1-я школа с числом учащихся 27 чел. и Урусбиевская 2-я, где пребывало 22 школьника. Вскоре во все трех школах Балкарии обучалось 73 чел., то есть один ученик приходился на 424 жителя [17: 77–79].

Невозможно обойти вниманием проблему приобщения к учебному процессу горянок и открытия для них учебных заведений. Архивные документы свидетельствуют, что карачаевцы не только создавали такие образовательные учреждения на своей территории, но и оказывали содействие в этом соседним народам. Так, в 1880 г. при непосредственном участии представителей Карачая была основана женская школа в ауле Бибердовском. Более того, карачаевцы приняли решение о ее содержании за свой счет наравне с зеленчукскими горцами, о чем говорилось в документе, подписанном представителями горских племен Баталпашинского отдела [6: 364].

По данным переписи 1897 г., в ауле Учкулан насчитывалось 76 грамотных горянок (2,6 %), в Карт-Джурте — 12 (1,2 %), в Дууте — 7 (1,8 %) и в Сентинском ауле — 2 (0,4%) [3: 2–3].

В 1904 г. начало свою работу женское отделение при Учкуланском училище. В Каменноостском училище в 1906 г. обучались пять горянок. В том же учебном году 43 девочки приступили к занятиям в Георгиевско-Осетинском училище [8: 205]. В 1909 г. женские классы появляются в Теберде, несколько позже — в аулах Хурзук и Карт-Джурт.

Таким образом, карачаевцы и балкарцы, как и другие народы Северного Кавказа, в XIX — начале XX в. оказались вовлеченными в систему светского российского образования. Обучение

их представителей в учебных заведениях в российских городах, а также открытие образовательных учреждений на территории проживания горцев позволили приобщиться кавказским народам к достижениям российской цивилизации. Иными словами, в рассматриваемый период образование явилось важнейшим фактором интеграции народов Северного Кавказа и России.

Источники и литература

1. Архив Карачаевского научно-исследовательского института. Ф. 24. Д. 16. Ед. хр. 2.
2. Гагагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
3. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 5. Д. 103.
5. Джанибеков С.Ю. 120 лет Учкуланской школе (1878–1998). Черкесск, 1998.
6. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX вв. Нальчик, 2002.
7. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX века. сборник архивных документов. Нальчик, 2001.
8. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.
9. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967.
10. Пашаев А.Х. оглы. Очерки истории начального образования на Кавказе в XIX — начале XX веков. (Опыт сравнительно-исторического изучения проблемы.) Баку, 1991.
11. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): сборник документов. Ростов н/Д., 1985.
12. Стрелов В.И. Генезис образования в Ставропольской губернии в дореформенный период (конец XVIII века — 1861 год) // *Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века* / под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2006. С. 579–585.

13. Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX — начала XX в.: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.

14. Турчанинов Г.Ф. Из истории Нальчикской окружной горской школы (2-я пол. XIX в. — нач. XX в.) // В помощь учителю: сборник методических статей. Вып. 2 / ред. А.Ф. Перетяtko, П.К. Рудич и др. Нальчик, 1945. С. 130–140.

15. Узденова С.Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до октября 1917 г.). Пятигорск, 1994.

16. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее — ЦГА КБР). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1196.

17. ЦГА КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 13.

18. ЦГА КБР. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3.

А.Г. Гурин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В 1918–1940 гг.

В XX в. всё человечество вступило в новую эпоху развития в результате изменений в науке, технике, культуре, идеологии, экономике, политике, медицине и других сферах. Для граждан нашей страны и чад Русской православной церкви (далее — РПЦ) этот век был еще и временем чудовищных испытаний. Огромное количество православных верующих во всех уголках нашего большого многонационального и многоконфессионального государства подверглось преследованиям, репрессиям, унижениям, порой мучениям и даже смерти за исповедание православной веры. Жертвами большевистского террора стали и жители Северного Кавказа.

Начало рассматриваемого в статье периода связано с установлением советской власти на территории Северного Кавказа и ускоренным проведением в жизнь антирелигиозного законодательства РСФСР в 1917–1920 гг. Окончанием периода является

нападение на Советский Союз немецко-фашистских захватчиков, поскольку перелом в отношениях советской власти и РПЦ произошел именно в ходе Великой Отечественной войны. По мнению автора, взаимоотношения советской власти и РПЦ в период с 1941 по 1945 гг. на территории современной Карачаево-Черкесской Республики (далее — КЧР) требуют отдельного рассмотрения и анализа, поэтому в контексте темы затрагиваются вскользь на основе некоторых примеров. Ключевыми событиями этого периода стали выработка новых форм и принципов реализации религиозной политики на местах, формирование секулярного общества, изъятие церковных ценностей из храмов и монастырей, репрессии в отношении священнослужителей, монашествующих и верных чад РПЦ, а также закрытие и разрушение храмов и монастырей.

Большую роль в попытке уничтожения Церкви на Северном Кавказе сыграл обновленческий раскол. По мнению ученых, именно через раздоры и разделения большевики намеревались быстро покончить с централизованной церковной организацией и получить «карманную церковь» [21]. А революционная обстановка весьма способствовала внутрицерковным переменам. Обновленческое движение в лице многих иерархов поддерживало новую власть и приветствовало всяческие нововведения, зачастую противоречащие духу Церкви и ее канонам. На Северном Кавказе обновленцами были захвачены православные монастыри и храмы, в частности, на территории современной Карачаево-Черкесии. Реализация репрессивной политики советской власти, направленной против духовенства, монашествующих и верующих в регионе, стала частью взаимоотношений государства и РПЦ.

Положение духовенства в станицах в период Гражданской войны оставалось очень сложным. Конечно, во многом еще были сильны местные традиции и обычаи. Жители региона, причем как казаки, так и горцы, придерживались религиозных устоев, существовавших длительное время. Однако антирелигиозная пропаганда, проводимая властями, постепенно приносила свои плоды среди местного населения, что привело в итоге к перелому существовавшего положения. Так, например, в ст. Исправной

был арестован за антисоветскую агитацию местный священник Николай Копачевский. Однако за отсутствием доказательств священника вскоре отпустили на свободу. Выйдя из-под ареста, он принялся за восстановление станичного храма, который нуждался в капитальном ремонте. Отцу Николаю пришлось претерпеть множество насмешек и упреков со стороны красноармейцев, всячески противостоявших возобновлению служб в храме [14: 111–112 об.].

В ст. Баталпашинской положение духовенства было также непростым. 9 июня 1919 г. причт Николаевского собора докладывал в Кубанский епархиальный совет о том, что после захвата ст. Баталпашинской красноармейцами их отношение было весьма доброжелательным и даже религиозным, так как вместе с главным командующим Яковом Балахоновым отряд принимал участие в богослужениях. Однако в июне 1918 г., после восстания полковника А.Г. Шкуро, ситуация изменилась. Красные ворвались в собор и вытащили стоявшие около колонн, завернутые в чехлы знамена 1, 2-го и 3-го хоперских полков. Духовенство обвинили в поддержке старого монархического строя. Было принято решение «израсходовать» священников, а чтобы соблюсти дух демократизма, назначена «чрезвычайка». Священник собора Пётр Фёдоров был вызван на заседание «чрезвычайки». Начавшееся следствие было прервано ружейными залпами партизан Шкуро, которые вошли в станицу. Благодаря этому священники собора избежали гибели [14: 10 об.–11].

В ст. Зеленчукской к этому времени начались гонения на монахов Александро-Афонской Зеленчукской пустыни, основанной в XIX в. Последний игумен монастыря Феофил (Чередниченко) в 1918 г. писал рапорт в Ставропольскую духовную консисторию: «Честь имею донести Духовной консистории, что 22 января сего года депутатами станицы Зеленчукской описано все движимое и недвижимое имущество в обители и на хуторе Латы: рогатый скот, лошади и пищевые продукты, окромя церквей, церковной утвари, также братских келий и корпусов, каковые и сдали нам на хранение впредь до решения Учредительного собрания» [1: 43]. Местные жители вспоминали, как под праздник Крещения Господня были расстреляны трое монахов, причем

власти запретили хоронить насельников. Святыни, служебную утварь, книги красноармейцы выбрасывали на улицу в общую кучу, забирая себе только то, что представляло материальную ценность. Многие иконы смогли спасти верующие, пустив по водам р. Зеленчук [1: 44]. В этом же году был убит бывший насельник монастыря иеромонах Никандр (Прусак) [15: 489 об.].

Гонения и репрессии на верующих и духовенство происходили и после Гражданской войны. К 1923 г. уже появлялись документальные сведения о том, что многие храмы, расположенные на территории современной КЧР, были захвачены обновленцами. Также происходили массовые аресты не только священников, но и монашествующих, верующих.

Так, например, Петропавловский храм ст. Зеленчукской перешел под подчинение обновленческих церковных властей. Очень долго в храме продолжалось противостояние духовенства, часть из которого поддерживала патриаршую Церковь, а часть обновленческую. Споры были настолько горячими, что многие прихожане перестали выходить на работу [2: 13]. Противостояние, начавшееся в 1923 г., закончилось через 10 лет окончательной победой обновленцев. Настоятеля храма — священника Архипа Безродного, церковного старосту Дмитрия Арсентьевича Кощубу и ближайшее окружение священнослужителя, прихожанина Косьму Васильевича Захарченко и монахиню Матрону Наумовну (Ленёву), поддержавших перерегистрацию прихода из обновленческого в канонический патриарший, приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Один из священнослужителей, а также часть прихожан Петропавловского храма были отправлены в исправительные лагеря. Священник Иоанн Семёнов был отправлен в ссылку в г. Караганду сроком на 10 лет, такой же срок получили и прислуживавшие при храме женщины Варвара Дорофеевна (Бражникова) и Акулина Кузьминична (Захарченко) [2: 159].

Покровский храм и Николаевский собор ст. Баталпашинской также перешли в подчинение обновленческой церкви. Этот факт подтверждает личное дело священника Покровской церкви Льва Тернова [19].

Нужно отметить, что переходы из канонической Церкви под покровительство обновленцев сопровождались церковными

наградами. В частности, в 1923 г. священника ст. Баталпашинской Льва Тернова обновленческий архиепископ Иоанн (Снычѳв) наградил камилавкой. В 1925 г. его же вместе со священником Никольского собора Димитрием Фѳedorовым и священником ст. Усть-Джегутинской Алексеем Намаевым наградили наперсным крестом. Сам же Тернов был благочинным данного округа (в архивной справке поясняется, что это был 43-й округ). Из личного дела Тернова следует, что священник ст. Исправной Николай Копачевский к 1925 г. также получил церковную награду — камилавку [19: 3].

С 1923 г. начались погромы в Спасо-Преображенском Сентинском женском монастыре а. Нижняя Теберда. Часть сестер бежала в соседние села и станицы, кто-то ушел к отшельникам в горы. Около трех десятков послушниц и монахинь помогали в детском лагере, а именно в детской больнице, здание которой ранее находилось в ведении монастыря. Но в 1927 г. лазарет закрыли, а монастырское хозяйство отдали местному колхозу. Монахинь и послушниц лишили избирательных прав [11]. Вместе с сестрами в дальнейшем подвергся репрессиям и священник, возможный духовник монастыря, игумен Иосиф (Федоринов). Он покинул обитель и по приглашению настоятеля Никольского храма с. Казинского (ныне — с. Казинка Андроповского района Ставропольского края) стал вторым священником прихода [9: 689]. Уехали в Казинское и некоторые насельницы монастыря.

В начале 1930-х гг. в Казинском и окрестных селах началась коллективизация. Согласно справке территориального оперативного сектора Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ), в 1931 г. в с. Казинском насчитывалось 39 % коллективных хозяйств, остальные принадлежали единоличникам. За пятилетку заметно сократилось число желающих вступить в партию или комсомол. Виновной в провале коллективизации назначили церковную общину. Сначала в ссылку отправили настоятеля Никольского прихода — священника Воскресенского. В 1931 г. вместе прихожанами Никольского храма подвергся аресту и священник Иосиф. Среди верующих были монахини и послушницы Спасо-Преображенского Сентинского и Ставропольского Иоанно-Мариинского монастырей [9].

8 декабря 1931 г. тройка при полномочном представительстве ОГПУ в Северо-Кавказском крае и Дагестанской Советской Социалистической Республике (далее — ПП ОГПУ СКК и ДССР) признала Иосифа Федоринова и прихожан Никольского храма виновными по статье 58-10/11 Уголовного кодекса РСФСР. Игумен Иосиф получил 5 лет ссылки в Северный край, остальные — по три года лагерей [9: 747]. Однако после ссылки они снова вернулись на Кавказ.

Нужно отметить, что один из монашеских скитов располагался на г. Брык. Но и это место не было оставлено сотрудниками ОГПУ, были изъяты церковные ценности, монахи репрессированы [9: 747].

Советская власть стала преследовать и обновленцев. В 1927 г. были лишены избирательных прав все священнослужители Никольского собора и Покровской церкви ст. Баталпашинской. Священника Никольского собора Василия Миловидова отправили в ссылку. Обвинялся он в том, что в 1918 г. в период пребывания белых в ст. Баталпашинской поддерживал тесные связи с командным составом войск генерала Шкуро. Был обвинен в антисоветской агитации и тройкой при ПП ОГПУ СКК и ДССР 24 марта 1931 г. по ст. 58-10 Уголовного кодекса был заключен в концлагерь в г. Пятигорске на пять лет. Свою вину на допросе не признал. В 1989 г. был реабилитирован [5: 22].

Начиная с 1927 г. на заседаниях органов Бюро ВКП(б), проходивших в ст. Баталпашинской, выносились решения усилить антирелигиозную пропаганду в местных станицах и аулах [13: 16].

В 1929 г. была арестована группа верующих во главе с настоятелем храма с. Маруха иереем Никандром Русаковым. Священника, монахинь и мирян в количестве 18 чел. обвиняли в организации группировки, которая вела борьбу с советской властью. Часть проходивших по делу монахинь из числа бывших насельниц Сентинской обители а. Нижняя Теберда была отправлены в ссылку. Остальные отпущены на свободу. Иерея Никандра за неимением доказательств в антисоветской агитации также освободили из-под стражи. Его снова подвергали арестам в 1931, 1932 и в 1935 гг., а позже, в 1938 г., в г. Ачинске его приговорили к высшей мере наказания — расстрелу [8: 13–16]. На место

отца Никандра в Казанский храм был назначен священник Яков Овсянников. Но прослужил он в приходе недолго, до 1935 г., затем был арестован и по статье 58/10 Уголовного кодекса РСФСР приговорен к ссылке сроком на 10 лет с последующим лишением гражданских и политических прав сроком на пять лет [3: 419–420]. После в храме совершал служение священник Лука Степанович Щербаков. Он был расстрелян 1 января 1938 г. [6: 17].

Нужно отметить, что в Марухе в период гонений проходили крестные ходы в урочище Романов курган к источнику, где совершались богослужения. Это свидетельствует о сплоченности прихода, который одним из немногих остался верен канонической Церкви. Именно здесь собирались сотни людей, что подтверждает сделанный приблизительно в 1928–1933 гг. снимок. Благодаря сравнениям фотоснимков священнослужителей и фотоснимка участников крестного хода удалось узнать на нем представителей православного духовенства канонической Церкви, а при изучении архивно-следственных дел установить и годы их служения в селе.

В 1928 г. были репрессированы оставшиеся монахи и иноки во главе с игуменом Александром-Афонской Зеленчукской пустыни Феофилом (Чередниченко). По статье 162 Уголовного кодекса РСФСР отец Феофил был приговорен к ссылке на пять лет. Отбыв наказание, он вернулся в Зеленчукскую и с 1934 г. служил в Тихоновской церкви станицы псаломщиком. Несмотря на то что священник Иосиф был очень болен миокардитом, бронхитом и ревматизмом, в октябре 1935 г. он был снова арестован и приговорен к ссылке на 10 лет [3: 85]. Оставшихся монахов ожидала та же участь. Иеромонаха Дамаскина (Погорелова), проходившего по одному уголовному делу вместе с игуменом, приговорили к 10 годам лагерей, впоследствии с лишением в правах сроком на пять лет, а монаха Даниила (Савенко) — к четырем годам ссылки с лишением в правах на три года [3: 419–420]. Пустынь полностью прекратила свое существование в 1927 г.

Непростая ситуация была и в приходе в ст. Преградной. Церковь, как и многие храмы в округе, подчинялась обновленческим властям. К 1930 г. за упорное сопротивление обновленческим властям настоятель храма священник Георгий Горыч был

выслан в Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, откуда больше не вернулся [20: 76–78].

В 1937–1938 гг. в ст. Усть-Джегутинской были подвергнуты арестам две группы монахинь бывшего Спасо-Преображенского Сентинского женского монастыря а. Нижняя Теберда во главе с игуменьей Натальей (Антоненко). Большая часть из них в 1937 г. была осуждена [7], а другая часть за недоказанностью вины отпущена на свободу в 1938 г. [4].

К 1934 г. не только многие священнослужители были репрессированы, но и были закрыты православные храмы. Ярким примером отношения советских властей к церквям служит Николаевский собор в ст. Баталпашинской. В 1933 г. он служил овощехранилищем, где складировали кукурузу. После он был уничтожен [16].

По архивным сведениям, а также воспоминаниям очевидцев, из камня Никольского храма выстроили новый исполком, городскую библиотеку и баню, часть камня пошла на мощение уличных дорог [12: 4; 22: 392].

Перелом во взаимоотношениях властей и представителей Церкви произошел во время Великой Отечественной войны, когда в стране стали открываться многие храмы, духовные учебные заведения, многие священнослужители стали возвращаться с мест заключения. В свою очередь Церковь стала призывать верующих встать на защиту Родины, жертвовала на фронт военную технику, собирала в приходах средства в помощь фронту [17], представители духовенства подпольно помогали партизанам, а также укрепляли дух многих граждан верой в победу [10].

В 1945 г. священнослужители и верующие Покровской церкви г. Черкесска получили от И.В. Сталина благодарственную телеграмму за помощь, оказанную фронту, в размере 171 354 руб. [18]. Будущие священнослужители Карачаево-Черкесии воевали во время Великой Отечественной войны на стороне Красной армии и были удостоены орденов и медалей: протоиерей Василий Афонин, протоиерей Николай Пономарёв, протоиерей Пётр Козырь, протодьякон Василий Гамиев [20: 53–58].

Таким образом, взаимоотношения властей и РПЦ на территории современной Карачаево-Черкесии с 1918 по 1940 гг. были

очень сложными. Они сопровождались ссылками представителей православной Церкви, закрытием храмов и монастырей. Некоторые общины продолжали свое существование благодаря переходу в обновленчество. Фактическим центром объединения представителей канонической Церкви долгое время оставался Казанский храм с. Маруха. Однако репрессии дошли и туда, и многие священнослужители и верующие подверглись арестам и последующим ссылкам. В происходивших репрессиях обновленческий раскол был своего рода орудием, с помощью которого власти боролись с канонической Церковью.

Взаимоотношения властей и представителей Церкви изменились во время Великой Отечественной войны. Борьба с общим врагом стала решающим фактором объединения двух сторон.

Источники и литература

1. Александро-Невский Зеленчукский монастырь / сост. В.М. Плотников, Л.Г. Логвиненко. Нижний Архыз, 2001.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Карачаево-Черкесской Республике (далее — УФСБ России по КЧР). Архивно-следственное дело (далее — Д.) 563-пф. Т. 1, 2.
3. Архив УФСБ России по КЧР. Д. 974-пф.
4. Архив УФСБ России по КЧР. Д. 1847-пф.
5. Архив УФСБ России по КЧР. Д. 18 366-п.
6. Архив УФСБ России по КЧР. Д. 24 757-пф.
7. Архив УФСБ России по КЧР. Д. 25 111-пф.
8. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Д. П-18 078.
9. Архив УФСБ России по Ставропольскому краю. Д. 25 069-пф.
10. Верхорубова В. Как воевали священники во время Второй мировой войны // Комсомольская правда. 2014. 3 февраля. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26189.5/3077545/> (дата обращения: 16.09.2022).
11. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее — ГА КЧР). Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 17.
12. ГА КЧР. Центр документации новейшей истории (далее — ЦДНИ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 132.
13. ГА КЧР. ЦДНИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3511.

14. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10.

15. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп.1. Д. 563.

16. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 163.

17. Ильяшенко А., прот. Русская Церковь и война: только 1 колонна танков и 300 миллионов рублей? // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/o-vklade-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-v-pobedu-v-velikoj-otechestvennoj-vojne/> (дата обращения: 16.09.2022).

18. Красная Черкесия. 1945. 28 февраля. № 41.

19. Личный архив автора. Послужной список священника ст. Баталпашинской Льва Тернова.

20. Осинина М.Б., Гурин А., свящ. Святые наших дней: жизнеописания новомучеников, исповедников и подвижников благочестия Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 2019.

21. Степанов А.С. Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

22. Твердохлебов С.П. Черкесск: ориентир в океане фактов и событий: краеведческий путеводитель: в 3 т. Т. 2. Черкесск, 2010.

А.М. Ерохин, С.М. Воробьев

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹

Северный Кавказ является пограничным регионом, сравнительно поздно вошедшим в общероссийское социокультурное и цивилизационное пространство. Исторически регион был и остается не только южным форпостом России, перекрестком цивилизаций, религий и культур, зоной взаимодействия, в процессе которого происходит социокультурная интеграция, формирование уникальной поликультурной среды. Перманентно присутствуют

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018 «Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа».

риски актуализации деструктивного потенциала этнизации политики и межэтнических противоречий, основанных в том числе на рецепции советской истории общественным сознанием северокавказских народов, событиях, оставивших глубокий след в социальной памяти.

Осмысление исторического опыта развития Северного Кавказа в советский период актуально в связи с тем, что в регионе происходило взаимодействие традиционалистского, преимущественно исламского горского населения и формирующихся советских институтов «модерности». Советская модернизация предполагала быструю индустриализацию, культурную революцию и развитие аграрного сектора на новых коллективистских основаниях.

Советская модернизация в течение большей части периода своего существования была конкурентной и привлекательной моделью развития, привела к большим успехам в создании современного общества, особенно таких его аспектов, как массовое образование, фундаментальная наука и уникальный опыт социокультурной интеграции северокавказских народов. Методологически перспективным представляется рассмотрение советского общества как особой формы модерности и особой цивилизации. Представляет несомненный интерес и изучение «культурного измерения советской современности» [8; 14].

Модернизация России советского периода 1920–1930-х гг. представляла собой переход от традиционного общества к современному, в процессе которого формировались передовые индустриальные производства и соответствующие им политические и социокультурные механизмы, позволявшие поддерживать и развивать эти процессы. По целям, средствам и результатам советская модернизация, как и в других странах, сводилась к индустриальному и материальному прогрессу, но с преобладанием более традиционных коллективистских начал [15]. Определяющими критериями модернизации были индустриализация и улучшение условий жизни большинства населения.

Наряду с универсальными моделями модернизационного развития, такими как формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация,

урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей, советская модернизация существенно отличалась от классической западной модели. Она основывалась на примате государства над обществом, коллектива над личностью, существенном ограничении свобод личности, жестком централизованном планировании [10: 54].

Исторические особенности России, занимавшей «периферийное положение в западном мире», при этом обладавшей «чертами особой цивилизации», привели к сочетанию установок, соединивших «отрицание западной модерности» и желание «превзойти ее» [13: 18]. Коммунистическая «революция сверху», ставшая продолжением традиционной для России установки на управление социокультурными трансформациями со стороны государственной власти, дала начало формированию советской модели развития и соединила большевистский проект с более ранними образцами имперской модернизации [2]. При этом, несмотря на решающую роль коммунистического проекта «альтернативной» современности в модернизации советского социума, построение коммунистического общества оказалось нереализуемым. Советское общество стало результатом взаимодействия логики проекта «с динамикой множественных исторических констелляций» [1: 21].

Национальная политика 1920-х гг. — начала 1930-х гг. на Северном Кавказе проходила в русле коренизации, ускоренного государственного национального строительства, формирования новых национальных идентичностей и развития национальных языков. Данная политика достаточно быстро достигла своего предела, поскольку не вполне отвечала новым вызовам и задачам построения Советского государства, коллективизации и индустриализации страны. Средства и методы реализации государственной политики к середине 1930-х гг. во многом существенно изменились. Это был новый курс на русификацию посредством дальнейшего распространения русского языка в государственном управлении, среднем и высшем образовании, учреждениях культуры. В середине 1930-х гг. начали складываться идеологические основания советской концепции дружбы народов. В ее основу, помимо пропаганды и официальной фиксации примордиальной

этничности, было положено начавшееся после 1933 г. усиление роли русского языка и русской культуры в процессе советской модернизации. Русская культура на государственном уровне наделялась «наряду с культурами других народов СССР глубоким историческим прошлым». После публикации 1 февраля 1936 г. статьи в газете «Правда», озаглавленной «РСФСР», русский народ получил шаблонный эпитет «первого среди равных». А русская культура официально признавалась «самой прогрессивной культурой, являющейся образцом для других советских народов [9: 617–618].

В качестве одной из проблем модернизации Северного Кавказа следует выделить социальную пассивность северокавказских народов, обусловленную социокультурными особенностями их сообществ и отсутствием широкого распространения русского языка. Русский язык до 1917 г. был распространен только среди узкого круга горских элит и наиболее активной части населения, включавшейся в имперскую модернизацию. Среди большей части горского населения наблюдались настороженность и недоверие по отношению к советской власти, распространявшей новую идеологию и русский язык в регионе. Революция и Гражданская война разрушили прежние государственные институты в области управления, образования и культуры, что привело к болезненным процессам создания новых институтов, построенных на принципиально новой идеологической основе и противоречивших традиционной ментальности горцев.

Русское население сыграло большую роль в развитии городов и промышленности Северного Кавказа. Для индустриального развития широко привлекались рабочие из центральных и юго-западных регионов СССР, так как большинство трудоспособного местного населения не владело рабочими специальностями. При создании промышленных производств активно привлекались представители северокавказских народов. Например, за 10 лет (с 1922 по 1932 гг.) количество горцев среди промышленных рабочих Дагестана увеличилось с 30 % до 71 %. В техникумах и вузах региона складывалась практика наставничества, оказания помощи русскими специалистами местным молодым людям, абсолютное большинство которых не умели читать и писать [3: 85].

В промышленное производство привлекалась наиболее активная часть сельского населения — те, кто имел опыт ремесленных форм труда или прошел подготовку в профессиональных образовательных учреждениях.

Наряду с развитием промышленности в этот период начался новый этап урбанизации. Если раньше города на Северном Кавказе были прежде всего военными, торговыми, административными и культурными центрами, то в 1930-е гг. они стали и промышленными центрами. Вокруг новых заводов формировались рабочие районы, имевшие новую социокультурную основу. Индустриальное развитие региона потребовало значительных капитальных вложений, и Советское государство, испытывавшее огромные проблемы с финансированием индустриализации, пошло на это. Так, согласно планам первой пятилетки, на Северном Кавказе должно было быть построено 60 крупных промышленных предприятий, в том числе в Адыгее — 4, в Черкесии — 2, в Карачае — 6, в Кабардино-Балкарии — 16, в Северной Осетии — 7, в Чечне — 8, в Ингушетии — 17 [5: 526]. В национальных автономиях русские по-прежнему являлись основой индустриального развития. Представители горских народов неохотно переезжали в города и если работали на заводах, то сезонно, возвращаясь летом к привычному сельскохозяйственному труду в родных аулах. Так, например, горцы Дагестана весьма неохотно шли работать на железную дорогу: на рубеже 1920–1930-х гг. национальные кадры здесь едва составляли 10 % [3: 47]. При этом если в годы революции и Гражданской войны русское население на Северном Кавказе сократилось, то к концу 1930-х гг. оно увеличилось практически в два раза [7: 294].

К началу 1940-х гг. возросла доля городского населения в автономных образованиях Северного Кавказа, при этом наблюдался быстрый его рост за счет горских народов. Согласно переписи населения 1939 г., наиболее высокий процент жителей-горожан отмечался у осетин (20,8 %); более чем в 14 раз возросло с 1926 г. чеченское городское население, составившее 7,7 % от общей численности народа. У ингушей, адыгейцев, карачаевцев в городах проживало 9 %, 6,7 % и 6,1 % населения [4: 83]. Быстрые процессы урбанизации, сопровождавшиеся переселением сельского

населения в города, приводили к тому, что не все приезжие из села могли адаптироваться к социокультурной жизни города. Они продолжали существовать в рамках традиционной сельской модели жизнедеятельности. Начались сложные социокультурные процессы, в которых город начал «переваривать» село, а село — город. Города становились центрами промышленного развития, основой высшего и среднеспециального образования, проводниками советской государственной политики, местом формирования новых идеологических и социокультурных ценностей, значительно отличавшихся от системы ценностей абсолютного большинства северокавказских народов. Рост городского населения Северного Кавказа в процессе индустриализации не изменил социально-статусные позиции жителей села и города, по-прежнему город по степени престижности оставался выше села.

Основным приоритетом в социокультурном развитии Северного Кавказа являлось дальнейшее включение населяющих его народов в социокультурное пространство огромной страны. Это предполагало дальнейшее усиление степени и глубины имплементации русского языка как государственного и языка межнационального общения в социокультурную жизнь северокавказских народов. Русификация региона являлась логическим продолжением модернизации, включающей в себя индустриализацию, развитие системы среднего, среднеспециального и высшего образования, СМИ на русском языке, советской идеологии и российской культуры. Литература, включая и техническую, газеты и журналы издавались в основном на русском языке, на русском же велось делопроизводство и радиовещание. Это приводило к быстрому освоению русского языка всем населением, которое стремительно включалось в модернизационные процессы. Расширение функционирования русского языка приводило к снижению роли и сужению областей применения родных языков северокавказских народов, что способствовало социокультурной ассимиляции. Русский язык становился не только языком общественной жизни, но и проникал в быт и культуру, повседневную жизнь горской семьи. Советское государство, используя русскую культурную и научную интеллигенцию, создало кириллическую письменность для языков горских

народов, определило русский язык как язык межкультурного взаимодействия, сформировало систему всех уровней образования с созданием условий для подготовки специалистов из числа горцев в области образования и культуры, науки и промышленности.

В 1930-е гг. были созданы педагогические институты в городах Ставрополе, Орджоникидзе и Нальчике, осуществлен перевод письменности горских народов на кириллическую основу. Преподавание в школах на родном языке и недостаточное изучение русского языка уменьшало возможность для горцев поступать в среднеспециальные и высшие учебные заведения и приводило к малому числу специалистов-горцев, необходимых для модернизации региона. Например, в 1948 г. в Кабардино-Балкарском педагогическом институте из 599 студентов насчитывалось только 56 кабардинцев, а в Нальчикском сельхозтехникуме — 7 % от общего количества студентов, среди учителей с высшим образованием также было только 7 % кабардинцев [12: 61]. Только в 1960 г. на Северном Кавказе открылись первые классы с русским языком обучения для детей горцев, а в середине 1960-х гг. все нерусские классы были переведены на русский язык обучения. Это существенно повысило уровень владения русским языком горской молодежи [12: 120]. К 1970-м гг. в национальных республиках сформировалась значительная прослойка национальной научной интеллигенции. В Кабардино-Балкарии в этот период было порядка 900 научных работников, в Дагестане, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии около 2 тыс. чел. [11: 96].

Активный процесс развития русского языка посредством подготовки учителей, специалистов в области промышленности и сельского хозяйства, владеющих в равной мере родным и русским языком, продолжался и в 1960–1980-е гг. В этот период развивалась учебно-методическая база для обучения русскому языку и русскоязычная информационная среда (ТВ, радио, газеты), расширялась сеть вузов и научно-исследовательских институтов. Можно говорить, что только к концу советского периода завершилась окончательная институционализация русского языка на Северном Кавказе [6: 100].

На основе русского языка через систему общего образования был создан основной механизм формирования, поддержания

и ретрансляции новым поколениям как идеологических советских ценностей, так и советской культуры, в своей основе российской. Формирование советского социокультурного пространства на Северном Кавказе происходило достаточно долго и завершилось преимущественно к 1970-м гг. Основным индикатором стало распространение русского языка во всех сферах жизни народов Северного Кавказа, в этот период русским языком овладели все слои населения региона. Каждый горец мог говорить как на родном, так и на русском языке. Социокультурное развитие северокавказских народов в советский период не носило характер культурной ассимиляции, это был процесс социокультурной интеграции при сохранении и статусном развитии родного языка и родной культуры. Русский язык для народов региона стал также и языком межнационального общения. Это являлось одним из факторов, усиливающих имплементацию русского языка в социокультурную жизнь северокавказских народов, что выступало основой их включения в модернизационные процессы и формировало множество новых каналов вертикальной и горизонтальной мобильности.

Источники и литература

1. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
2. Арнасон Й. Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 4 (90). С. 30–44.
3. Булатов А.Г. Индустриализация Дагестана: история, опыт, проблемы (1926–1932 гг.). Махачкала, 2001.
4. Волкова Н.Г. Основные демографические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.): сборник статей / под ред. В.К. Гарданова. М., 1968. С. 58–89.
5. Государственная политика вывода России из демографического кризиса: монография / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. М., 2007.
6. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д., 2003.

7. Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа СПб., 1996.

8. Коткин С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб., 2001. С. 239–315.

9. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

10. Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 1. С. 54–82.

11. Розин М.Д. Научный комплекс Северного Кавказа. Ростов н/Д., 2000.

12. Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920–1970 годы). Нальчик, 1971.

13. Arnason J.P. The Future Ehat Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. London, 1993.

14. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

15. Tiryakian E.A. The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of S.N. Eisenstadt / eds. E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. Boulder, 1985. P. 131–147.

М.Х. Хаджиева

КАРАЧАЕВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА 1920–1930-е гг. В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В многочисленных работах, посвященных исследованию материальной культуры народов Северного Кавказа, большим пробелом остается достаточно значимый период 1920–1930-х гг. — неоднозначное время, связанное с идейными и общественными сдвигами в государстве. В 1920-е гг. ставится задача создать новую советскую одежду, гендерно унифицированную, удобную,

прочную и функциональную [3: 65]. Однако фактически воплощение этих принципов в традиционных сообществах зависело от того исторического пути, который прошел комплекс одежды.

Предметом данной статьи является карачаевская женская одежда периода 1920–1930-х гг., рассматриваемая в контексте ее исторического развития. В данное десятилетие одежда карачаевских женщин транслировала содержание, не отвечающее запросам молодого Советского государства. В силу обращенности карачаево-балкарской материальной культуры к прошлому, тщательного отбора и сохранения лучших образцов одежды, внешний вид женщины был своеобразным культурным феноменом, законсервированным во всем великолепии «имперской роскоши». Сознательному сохранению дореволюционной формы одежды способствовал дефицит качественных и востребованных населением тканей и тем более готовой одежды. В Советском государстве возникла ситуация, когда места для несоветского гардероба не было, но при этом не существовало и четких рекомендаций, как должна выглядеть женщина-горянка. В связи с этим для анализа особенностей карачаевского костюмного комплекса в первые десятилетия советской власти необходимо последовательно рассмотреть все его компоненты в динамике.

Изготовление тканей и нетканых материалов, обработка кожи. Карачаевские женщины всегда славились своим швейным мастерством. Они обшивали всю семью, от нижнего белья до шуб и обуви. Известный дореволюционный исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О.В. Маркграф писал: «Женщины бесспорно главные деятельницы местного кустарно-промышленного дела: на них лежит наибольшая и самая тяжелая часть труда... Не отрываясь от своих земледельческих и домашних работ, она производством войлочных изделий занимается на досуге: осенью, зимой и ранней весной, при том у себя дома» [5: 17]. На традиционном станке *чепкен агъач* карачаевки ткали знаменитое на весь Кавказ сукно *чепкенлик*, из которого в основном изготавливали мужскую одежду. Для производства женской одежды использовались только привозные дорогие ткани, в том числе фабричное сукно *схарла*. В 1920–1930-е гг. женщины старались бережно использовать старые запасы заморских и российских

тканей — шелковистый бархат, набивной шелк, парча, фабричное сукно, переложенные для сохранности листьями грецкого ореха и бутонами гвоздики, шелковые, золотые и серебряные нити, кружева. Всё это великолепие хранили в сундуке *кюбюр*.

Преимственность со степной кочевнической культурой выразилась в методах обработки и выделки кож, войлока и домотканого сукна для верхней одежды (в первую очередь шуб, утепленных стеганых бешметов *къантал*), штанов *кёнчек*. В советское время кожи и шкуры домашних и диких животных выделывались и обрабатывались специальными растворами *ашатгъан* и *балата*, приготовленными из муки злаковых *къылчыкълы мюрзеу* с солью и айраном. В результате получали мягкую, с блестящим мехом шкурку. Для получения эластичной и мягкой кожи использовали колотушку *агъач токмакъ*, выравнивающие и смягчающие приспособления: горизонтальное — *джатхан талкъы* и вертикальное — *ёре талкъы*. После кожи отбеливали и окрашивали. Как отмечает З.Х. Текеева, «таким образом из кожи (*сахтиян*) карачаевцы и балкарцы шили меховые шапки, шубы, зимние шаровары, обувь» [15: 55]. Обработкой шерсти и шитьем одежды занимались женщины, сложные манипуляции, связанные с очищением, смягчением, покраской шкур, были прерогативой мужчин.

Способы орнаментирования одежды. Карачаевские женщины владели уникальными золотошвейными навыками и конструированием одежды в соответствии с типом ткани. Как и в случае обработки кожи, элементы золотого шитья вместе с аппликативной техникой украшения одежды демонстрируют преимущество золотошвейного искусства карачаево-балкарского народа и степной кочевнической культуры. При раскопках анализируемых З.В. Доде аланских погребений XI–XII вв. неподалеку от ст. Змейской в Северной Осетии была обнаружена одежда из шерстяных и шелковых тканей, а также из кожи, отделанная золоченой аппликацией. Одежда, во многом повторяющая формы и технологию изготовления находок из Змейского катакомбного могильника, была найдена при раскопках погребений того же времени близ г. Кисловодска [2: 10].

Орнамент традиционной одежды, ритуальных чаш *гоптан* и круглодонных *аякъ*, а также стилизованных фигурок животных

и птиц на ритуальных и обрядовых печенях, хлебах и хлебцах является симбиозом кобанского и скифо-сармато-аланского искусства в карачаево-балкарской культуре. Орнаменты кавказского и степного стиля выполняли особую миссию: они показывали связь человека с небесными силами и миром мертвых. Духи, хозяева, патроны, покровители и боги должны понимать, о чем просят люди, а понимают они только язык орнамента.

В оформлении платья важное место занимало шитье золотой и серебряной нитью, в том числе расположение в особом порядке позолоченных серебряных бляшек солярной формы, а также вышивка в виде трилистника, символизирующего богиню Умай, покровительницу детей и материнства, воинов и охотников. Трилистник считается символическим воплощением древа жизни — в Карачае *Джуртда Джангыз Терек*, а в Балкарии — *Раубазы Терек*. Следует отметить описанное Н.Н. Михайловым [8] покрывало из катакомбы № 48, края которого украшены бляшками в виде клевера/трилистника. Орнамент карачаевского платья был представлен в основном геометрическими формами, настолько тщательно стилизованными, что только искусствоведы могут распознать их изначальную зооморфность. Вынужденная стилизация началась в период принятия магометанской веры, согласно заповедям которой, однажды уже сотворенного Аллахом повторять не следует. Следует отметить, что чем старше орнамент, тем выше процент стилизации, что мы и наблюдаем в традиционной культуре карачаево-балкарского народа.

Еще до революции женскую одежду стали украшать гладью, что было влиянием городской культуры. Прежняя сложная и кропотливая техника традиционной вышивки металлизированными золотыми и серебряными нитями, «вприкреп», которая «путем лощения кабаньим клыком» выглядела как золотая накладка [13: 172], начинает упрощаться. Нужно отметить, что допускалось изменение техники изготовления и нанесения орнамента, а также замена некоторых материалов.

Для украшения стали использовать бисер, стеклярус, блески, позумент, что кардинально меняло внешний вид вышивки, которая стала терять самобытность древнекавказской и степной кочевнической культуры. Хотя, наряду с этим, использование

бисера и других названных материалов было характерно и для народов, населявших Кавказ в древности, например, сарматов, участвовавших в формировании карачаево-балкарского народа. Также влияние могла оказывать и римская культура, которая достаточно плотно приблизилась в I в. н.э. к территории расселения кавказских племен. Однако использование новых материалов преемственностью назвать нельзя, так как места прикрепления на одежду бисера были иными.

Традиционное платье *чепкен* являлось важной составляющей женского гардероба, его шили из лучших материалов: тисненого, двухворсного и шелкового бархата, плотной парчи, атласа или плотного шелка. Длинные в пол, расширяющиеся юбки, тонкая талия, затянутая в корсет, мягко поблескивающий нагрудник и пояс дополняли образ женственной и оберегаемой семьей и обществом горянки.

Со временем разрез на традиционном платье трансформировался: под него стали вшивать полосу ткани того же или контрастного цвета, которая имитировала нижнее платье. Изменения происходят и в крае рукава — проймы в платьях закрытого типа стали выкройными. Задолго до революции в гардеробе женщин появляются элементы европейской одежды: юбки с блузками, которые носили с традиционным поясом *кямар*, являющимся символом высокого статуса, кружевные и газовые шарфы, надевавшиеся с шапочкой *окъа бёрк*, а также привозные шубы из дорогого меха горностаея, хорька, каракуля, белки, ботинки и туфли на небольшом каблукке, фабричные чулки, сумочки и украшения. В начале XX в., как отмечает К.М. Текеев, «женщины среднего и пожилого возраста... стали носить шерстяные платья, совершенно не похожие на традиционные. <...> Платья эти делались отрезными по талии, с юбкой в сборку, с вырезом на груди, застегивающимся на традиционные золотые и серебряные пуговицы, со стоячим воротником, с рукавами на манжетах, также застегивающимися на пуговицы» [14: 386].

Верхняя одежда. В силу природно-климатических условий необходимой частью женского гардероба были шубы *тишируу тон*. До революции женщины-карачаевки носили привозные «хорьковые, горностаевые, каракулевые, беличьи» [14: 387]. Для девушек

и молодых женщин шубы шили покрытые бархатом и парчой с серебряными или золотыми пуговицами, для пожилых — фабричным или кустарным сукном. Эти предметы одежды археологи обнаруживают также в погребальных комплексах, например, в парном захоронении в Нижнем Архызе, исследованном Л.Н. Глушковым: «Обе женщины были положены на правый бок с согнутыми ногами, сверху были покрыты шубами с холщовым верхом на козьем меху, в холщовых панталонах и чулках» (цит. по: [2: 104–105]). В первой трети XX в., несмотря на последствия Гражданской войны и эпидемии болезней скота, следствием которой стало сокращение поголовья домашних животных, каждая женщина всё же могла позволить, благодаря богатой сырьевой базе и невероятному трудолюбию мужчин, сшить себе шубу из каракуля или каракульчи.

В состав женской одежды также входило **нижнее белье**. Традиционно рубашку *тишируу кёлек* шили из натурального шелка, сатина, льна, батиста. Нарядные рубашки из шелка обшивали галуном, тесьмой, кружевом. Рубашки в основном шили длиной до середины икры, в области груди располагалась застежка из перламутровых пуговичек [10]. Штаны *кёнчек* шили из тех же тканей и заправляли в обувь. Край белья, даже очень нарядного, обшитого галуном и шелком контрастного цвета, выглядывать из-под платья по этикету не мог. Как пишет А.Я. Кузнецова, «этот способ обшивки деталей одежды тесьмой или позументом обнаружен археологами в древних погребениях» [4: 109]. *Кёнчек* связан исключительно с кочевническим компонентом, что отлично прослеживается по материалам половецких балбалов, у которых наблюдается «не только наличие шаровар, но и обычай их ношения — заправленными в сапоги» [1: табл. 34, 37]. В погребении могильника Байрым XIV в. у с. Верхний Чегем, исследованного И.М. Мизиевым, были обнаружены *кёлек* и *кёнчек* с ромбовидной вставкой [7: 18–22, 87]. Форма и вид нижнего белья эпохи Средневековья дошли практически в неизменном виде до советского времени. В отличие от экономичных моделей советской промышленности с ограниченным ассортиментом тканей и фурнитуры и сокращенной технологической обработкой швов, не говоря об отсутствующих «буржуазных излишествах» в виде вышивки,

тесьмы, кружев, традиционные *кёлек* и *кёнчек*, сшитые руками карачаевских женщин, выглядели весьма презентабельно.

Большие изменения еще до революции претерпели и традиционные **головные уборы**, в том числе карачаевские шапочки *бёрк*. В Средневековье шапочки из кожи, войлока, бархата, шерсти носили все женщины. Приведем в качестве примера конусообразную шапочку пожилой женщины из средневекового могильника Байрым XIV в., исследованного И.М. Мизиевым, а также шапочку из могильника Донифарс того же века, где обнаружен войлочный головной убор с бронзовыми пластинами. А.Я. Кузнецова отмечает: «Подобные металлические налобные пластинки встречаются довольно часто в более поздних захоронениях на территории Балкарии и Карачая» [4: 113].

В исследуемый период металлический блеск пластин старались имитировать с помощью галуна. В советское время шапочки надевали по очень большим праздникам только девушки и некоторые молодые женщины. Женщины среднего и пожилого возраста носили сохраненные в сундуках привозные шали и шелковые, расшитые платки *чилле джаулукъ* с длинной шелковой бахромой, которые, как отмечает К.М. Текеев, пришли из далекой Испании [14: 390]. Кстати, и сегодня свадебный обряд снятия покрывал не обходится без испанских шелковых платков. Также ценились вологодские кружевные платки, большие шелковые тканые платки *лаудан джаулукъ*. Другая разновидность платков — *гюрменди джаулукъ*. Их привозили из Азербайджана. Белого цвета *гюрменди джаулукъ* с лиловым орнаментом до сих пор используют в погребальной обрядности [11]. В быту были распространены и павловопосадские платки *кашемер джаулукъла*, в обрядовых действиях они не использовались [9]. Пожилые женщины носили так называемые платки-пальто *палтон джаулукъ* фабричного производства, теплые и уютные.

Что касается **обуви**, то шить ее никогда не переставали, так как она была нужна для хозяйственной деятельности. Обувь изготавливали из сыромятной и сафьяновой кожи традиционного фасона. В дореволюционный период большая часть женщин носила фабричную и кустарную обувь: туфли, ботинки, сапоги из сафьяна престижных цветов — бордового, коричневого и вишневого.

Зимняя обувь для хозяйственных занятий *сахтиян уюк* (современные утги) изготавливалась из кожи, войлока и сафьяна. На *уюк* надевали кожаную обувь *чарыкъ* или галоши. Но галоши тоже были в дефиците, и поэтому в исследуемый период чаще использовали кожаные *чарыкъла*. Традиционная обувь такой формы могла появиться только у скотоводческих народов, что подтверждается артефактами из погребений могильников Махческа [6: 258] и Байрым XIV вв. [7: 18–22]. Следует подчеркнуть, что обувь традиционного типа использовалась для сельскохозяйственных работ вплоть до 1970-х гг. [11].

Подводя итоги сделанному обзору, следует отметить, что начиная с древности одежда карачаево-балкарского народа многократно видоизменялась под влиянием природно-климатических, социально-экономических, политических условий и, конечно, эстетических предпочтений общества.

В 1920–1930-е гг. случился конфликт культурных норм и правил, приведший к нарушению прежних границ женского пространства, которое началось с изменения быта женщин. В это же время начинается агитация против женских украшений *тюйме* и *къямар*, что объяснялось «вредом для здоровья, а также тем, что, приобретая эти дорогие предметы, женщины часто отказывали себе в более необходимом» [12: 169–170]. Признаком отсталости, необразованности и вековой закрепченности было признано также ношение традиционной одежды. Однако по факту в этот период женская одежда демонстрирует стабильность как в форме, крое, фактуре, так и в расцветке. Это было обусловлено особыми экономическими условиями первых десятилетий советской власти, когда было невозможно купить и даже «достать» милые сердцу женщин качественные фабричные ткани, кружево, тесьму, золотые и серебряные нити и меха. Даже во время нэпа качественные кустарные материалы не покрывали спроса.

В период индустриализации в Карачае в довольно короткий срок стали готовить специалистов для работы на заводах и кустарных производствах из представителей местных народов, но это не повлияло на содержимое гардероба женщин. Коллективизация шла тяжело, по темпам коллективизации «Карачай, Чечня и Ингушетия отставали» от других областей Северного

Кавказа. «Женщины почти не принимали участия в различных отраслях сельскохозяйственного производства» [16: 104–105]. Они по-прежнему занимались домашними промыслами и ремеслами: «обрабатывали шерсть, валяли войлоки и бурки, пряли, ткали сукно, красили его, шили одежду, обрабатывали овечьи и козьи шкуры, шили обувь» [15: 9].

Социалистические преобразования и создание новой материальной коммунистической базы не внесли изменений в одежду карачаевских женщин в этот период: она продолжала транслировать нормы и ценности прошлого века.

Источники и литература

1. Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 32. Отдельный оттиск. Одесса, 1915.

2. Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (реконструкция этносоциальной истории): дис. ... д-ра ист. наук. Т. I. М., 2007.

3. Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М., 2013.

4. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.

5. Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

6. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. П.С. Уваровой. Вып. 8: Могильники Северного Кавказа графини Уваровой. М., 1900.

7. Мизиев И.М. Средневековый могильник Байрым у с. Верхний Чегем // Сборник студенческих научных работ КБГУ. Вып. 3. Нальчик, 1964. С. 15–22.

8. Михайлов Н.Н. Интересные находки // Ставропольская правда. 1966. 16 августа.

9. Полевая запись Хаджиевой М.Х. Инф. Айсандырова Л.М., 1958 г.р., записана в г. Карачаевске Карачаево-Черкесской Республики в 2019 г.

10. Полевая запись Хаджиевой М.Х. Инф. Биджиева З.М., 1964 г.р., записана в с. Терезе Карачаево-Черкесской Республики в 2020 г.

11. Полевая запись Хаджиевой М.Х. Инф. Богатырева З.С., 1959 г.р., записана в с. Джингирик Карачаево-Черкесской Республики в 2020 г.

12. Студенецкая Е.Н. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа / под ред. В.К. Гарданова. М., 1968. С. 151–184.

13. Студенецкая Е.Н. Украшение одежды кабардинцев (XIX–XX вв.) // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. 5. Нальчик, 1949. С. 163–193.

14. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы: Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989.

15. Текеева З.Х. Домашние промыслы и ремесла карачаевцев и балкарцев: традиции и современность. Карачаевск, 2010.

16. Шаманов И.М. Становление социалистического образа жизни в Карачае (1920–1941 гг.) // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып.1. Черкесск, 1983. С. 70–140.

М.М. Шахбанова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на примере Дагестана)

В настоящей статье анализируется языковая политика Советского государства в Дагестанской АССР от его образования до распада Советского Союза. В фокусе внимания автора последовательно окажутся государственные меры по преодолению неграмотности, созданию алфавитов и письменности для народов, которые их ранее не имели, будет привлечено внимание к современной полемике о необходимости изучения родных языков и о формате их присутствия в общественной жизни региона.

Как известно, в 1920-е гг. национальная сфера находилась под пристальным вниманием советской власти, потому что от ее состояния напрямую зависела стабильность в обществе. Более того, прочность в данной сфере позволяла наладить быстрое

восстановление экономики, разрушенной во время Гражданской войны. Политика, проводимая советской властью, была направлена на интернациональность, основанную на свободном самоопределении народов, поэтому в СССР осуществление языковой политики активизировалось с 1920-х гг.

Кроме того, новая власть ощущала острую потребность в квалифицированных кадрах: подавляющая часть научно-технической интеллигенции дореволюционного периода не признала советскую власть, соответственно, не изъявила желание участвовать в восстановлении разрушенной экономической базы, поэтому Советское государство столкнулось с отсутствием специалистов, которых можно было привлечь на работу. Одним из актуальных стал вопрос поголовного обучения населения грамотности причем в кратчайшие сроки. Ситуацию усугублял вопрос языка обучения, ибо многие народы, как известно, не имели своих алфавитов, следовательно, и письменности на своих национальных языках. К решению этого важнейшего вопроса были привлечены специалисты из крупных научных центров Москвы и других центральных российских городов.

Итогом государственной деятельности в названном направлении было создание письменности для языков, которые ее не имели, организация национальных школ, вузов. Реализация этих мер позволила за короткий промежуток времени, во-первых, ликвидировать массовую неграмотность, во-вторых, образовать национальную интеллигенцию, способную самостоятельно решить имевшиеся в образовательной, кадровой и иных сферах вопросы.

Языковая политика в России издавна была подвержена различного рода трансформациям, которые можно охарактеризовать как положительно, так и отрицательно. Так, в дореволюционный период она «отличалась неприкрытой прагматичностью: значительная степень терпимости, иногда и безразличия проявлялась там... где функционирование местных языков не представляло непосредственной опасности государству... В то же самое время православные миссионеры при полной толерантности со стороны властей попутно с евангелизацией нехристианских российских народов ненароком занимались и развитием их языковой культуры, осуществляя переводы текстов из Священного Писания» [4: 67].

В развитии письменности народов Советского Союза выделяются два основных этапа: а) латинизация и б) переход на русскую графическую основу. Каждый из них имел свою специфику: латинизация письменности проходила централизованно, под руководством специальных научно-организационных органов, ибо на них влияли объективные исторические факторы (сравнительная неизученность языков, отсутствие подготовленных кадров на местах и т.д.). Благодаря единому руководству на первом этапе развития письменности удалось достичь высокой степени единообразия и унификации. Переход на русскую графическую основу происходил под руководством уже появившихся за годы советской власти местных научных центров. Это наряду со многими достоинствами обусловило и ряд недостатков, которые ощущаются до сих пор [5: 18]. Критически языковую политику советской власти оценивает М.В. Дьячков: «По всей стране развернулась работа по ничем не обоснованному их (языков. — М.Ш.) переводу с латинской графики на русскую. Новые алфавиты, в отличие от латинизированных, составлялись наспех и недостаточно квалифицированно» [4: 69].

Если обратиться к языковой политике и ее осуществлению в Дагестане, то языковая проблема обсуждалась на I съезде Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 г.), на котором в начальных школах с третьего года обучения решили вводить предметами преподавания арабский и русский языки, а в высших начальных школах предметом преподавания с первого класса — тюркский язык. В годы Гражданской войны в Дагестане шла борьба за упрочение положения тюркского языка с доводом о необходимости ослабления статуса арабского языка: «В первые годы советской власти арабский язык еще пользовался большим влиянием в Дагестане. Реакционное духовенство и свергнутые классы использовали его в своих интересах, противопоставляя русскому языку. В этих условиях замена арабского алфавита латинским могла серьезно подорвать позиции арабского языка и укрепить роль русского языка как средства межнационального общения народов Дагестана. В 1920 г. была осуществлена реформа арабского алфавита с целью приспособления его к фонетическим особенностям местных языков. На новом алфавите стали печататься учебники,

книги газеты, журналы на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском языках. Вплоть до 1928 г. народы Дагестана пользовались реформированным арабским алфавитом» [3: 113].

2 сентября 1926 г. в Совнарком ДАССР состоялось совещание по вопросу «О государственном в ДАССР шрифте». «Арабский алфавит, — сказал Н. Самурский, — в условиях многоязычия не дает достаточных результатов в развитии народного образования, и на смену должен идти новый алфавит — латинский» [3: 126], поэтому по итогам совещания было принято решение о введении в Дагестане латинского шрифта. Состоявшийся в 1927 г. пленум Дагобкома ВКП(б) отметил огромные преимущества латинского алфавита перед арабским, аргументируя такую позицию тем, что «несоответствие старого арабского алфавита фонетике многих дагестанских языков уже задержало в прошлом развитие их письменности и грозит теперь сорвать проведение в жизнь решения о практике родных языков» [9: 18]. Одновременно с решением «проблемы перехода существующей письменности народов Дагестана на латинизированный алфавит руководство Дагестана приступило к выработке письменности на основе латинской графики, для не имевших ее народов (лезгин и табасаранцев); уже в феврале 1928 г. на пленуме обкома ВКП(б) было принято решение о создании письменности для лезгинского языка» [7: 47].

На III сессии ЦИК ДАССР (1929 г.) было принято решение «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинский алфавит», и с 1 октября 1930 г. латинский алфавит стал государственным алфавитом в ДАССР [6]. Однако и латинский алфавит не всех устраивал, ибо букв в латинском алфавите было меньше, чем звуков в дагестанских языках. Наряду с этим он не обеспечивал развитие дагестанских языков, национальной культуры, литературы, более того, был преградой процессу интенсивного внедрения русского языка в делопроизводство, а также приобретения им статуса языка межэтнической коммуникации. Поэтому Президиум ВЦИК принял постановление о переводе письменности дагестанских народов, за исключением тюркского, с латинизированного на русский алфавит с 1 октября 1937 г. В этот же год XIV партконференция Дагестана принимает решение о введении нового алфавита на кириллице с доводом, что это послужит

«могучим средством дальнейшего политического и культурного подъема трудящихся масс Дагестана и наиболее быстрого и полного овладения ими всеми завоеваниями социалистической культуры народов Советского Союза, еще более усилит неразрывный союз трудящихся Дагестана с русскими и другими народами» [1: 72]. В следующем году бюро Дагестанского областного комитета партии и ЦИК ДАССР принял постановление «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит» (4 февраля 1938 г.).

По мнению В.А. Тишкова, «опыт языковой политики в СССР был достаточно уникальным с точки зрения сохранения и развития языкового многообразия: около 70 языков получили разработанную письменность, издавалась литература и велось преподавание на десятках языков народов СССР». В то же время исследователь отмечает исключительную роль русского языка как языка «государства, общенациональной культуры и подавляющего большинства населения» [11: 19].

В постсоветский период в кавказских республиках можно было наблюдать обострение языковой ситуации, обусловленное как субъективными, так и объективными причинами. После активного проведения языковой политики в 1920–1930-е гг. (период так называемого языкового строительства), когда более чем для 50 народов была создана письменность, возникли национальные литературы, расширилось обучение на национальных (родных) языках и т.д., наблюдается определенный спад и потеря интереса к осуществлению языковой политики. Вместе с тем можно было наблюдать попытки искусственного ускорения процесса нивелирования национально-языковых отличий. Регистрировались и прямые случаи русификаторства, пренебрежения к национальным языкам. В то время обучение в основном было налажено на русском языке, так как он имел общесоюзное значение и выступал языком межнационального общения [2: 17]. В течение долгого периода развития государства национальный язык, впрочем, как и национальная культура, находились на вторых ролях, и только в перестроечный период стали возрождать национально-самобытное в истории народов. В предыдущий период государственного развития наделяние национальной проблематики более высоким статусом, нежели

советской, истолковывалось как проявление национализма и жестко преследовалось.

Таким образом, можно констатировать, что проблема сохранения национального (родного) языка беспокоила общественность и национальную интеллигенцию не одно десятилетие, и языковая политика советского периода оценивается с противоположных позиций. М.В. Дьячков поднимает вопрос о переоценке в современном обществе ухода от арабского алфавита для языков Кавказа на раннем этапе советского языкового строительства, об искусственной политизации этого процесса: «В наши дни немало деятелей того или иного национального движения стремятся укоренить в общественном сознании мысль о том, что замена арабской графики в тюркских и кавказских письменностях на латинскую была направлена на изоляцию молодых поколений от древних этнических культур. К тому же намеренно замалчивается то обстоятельство, что арабская графика, органически соотносящаяся со структурой арабского языка, заметно менее латинской подходит тюркским, кавказским языкам, равно как и языкам Африки и Юго-Восточной Азии» [4: 68].

В настоящее время наблюдается полемика о необходимости изучения родных языков и о степени присутствия их в национальной жизни, обсуждается и вопрос о том, что вообще считать отдельным языком. Наряду с признанием роли национальных языков в сохранении культуры, говорится и о важности преподавания русского языка (как государственного языка Российской Федерации) на высоком уровне, поскольку равное положение национальных меньшинств в собственном государстве «обеспечивается в том числе и через свободное владение русским языком» [8: 156].

Если обратиться к ситуации в Дагестане, то мнения разделились от радикальных требований национал-патриотов до конструктивных предложений профессионалов-лингвистов. М. Султан-Барсов предлагает сдавать выпускные экзамены в школах и по родным языкам. По его мнению, это должно способствовать улучшению отношения дагестанцев к родным языкам, снижению интенсивности процессов языковой маргинализации: «Через 10 или 20 лет, если не преломить ситуацию с маргинализацией дагестанских языков, дело может принять необратимый

процесс. А мы, языковеды, в ответе перед грядущими поколениями» [10: 3]. Общеизвестно, что формальное преподавание национальных языков не приносит ощутимого результата, но каким будет эффект реализации призыва осуществлять принудительное изучение родных языков, остается пока неясным. Без всякого сомнения, в настоящее время актуальным является обеспечение условий для проведения языковой политики, направленной на изучение и сохранение национальных (родных) языков всех народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Источники и литература

1. Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959.
2. Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 3–19.
3. Гаджиев А.С. Великий русский язык — средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала, 1981.
4. Дьячков М.В. Родной язык и межэтнические отношения // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 67–70.
5. Исаев М.И. Сто тридцать равноправных: о языках народов СССР. М., 1970.
6. Красный Дагестан. 1929. 24 ноября.
7. Магидов Ш.Г. Национально-языковая проблема на Северном Кавказе: история и современность. Махачкала, 1994.
8. Майборода Э.Т. Этническая идентичность в концепции коллективных прав человека // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д., 2007. С. 156–161.
9. Материалы к докладу т. Коркмасова, принятые бюро ДК ВКП(б) от 31 августа с.г. к вопросу о языке и алфавите: с приложением проекта резолюции бюро ДК ВКП(б) от 19 июня 1927 г. Махачкала, 1927.
10. Султанов-Барсов М. Профессора-лингвисты селятся решать проблему // Дагестанская правда. 2007. 18 сентября.
11. Тишков В.А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 3–22.

Н.Ю. Кулиш

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
КУЛЬТПРОСВЕТРАБОТЫ С НАСЕЛЕНИЕМ:
ОПЫТ ЛЕНИНСКОГО УЧЕБНОГО ГОРОДКА
1930–1931 гг.**

(по материалам очерка С. Воробьева
«Дети, достойные своих отцов»)

В 1932 г. издательство «Северный Кавказ», располагавшееся в центре Ростова-на-Дону, выпустило небольшую, но крайне примечательную брошюру, представляющую интерес для тех, кто изучает процессы агитационной, просветительской работы, а также вовлечения населения в преобразования, катализированные культурной революцией.

Речь идет о книге С. Воробьева «Дети, достойные своих отцов» [1]. Она представляет собой очерк, написанный во время участия автора в массовых походах Ленинского учебного городка (далее — ЛУГ) Кабардино-Балкарской автономной области (далее — КБАО). К сожалению, брошюра не содержит предисловия или какого-либо вводного слова, где объяснялась бы роль автора в данных походах; его биография также не приводится; не знает его и всемирная паутина. Осмелимся предположить, что в массовых походах на С. Воробьева возлагалась почетная обязанность фиксации фактов действительности, то есть он по сути выполняемой работы являлся хроникером, в некотором смысле летописцем данных походов, благодаря которому мы спустя почти сотню лет можем прочесть о достижениях молодых людей Кабарды и Балкарии в области культуры и просвещения и словно бы перенестись в прошлое, проживая все радости и трудности вместе с ними.

Но прежде чем ознакомиться с обширным практическим материалом, который приводит С. Воробьев в своей брошюре, важно вкратце охарактеризовать работу, которая предшествовала распространению в СССР массовых походов. Рассмотрим, как появились культпоходы, какие цели и задачи ставила перед мероприятиями такого плана советская власть и почему обозначалась важность культпоходов в деле строительства молодого

государства, как культпоходы повлияли на развитие образования в КБАО.

Начать поиск ответов на вышеперечисленные вопросы стоит с обзорного ознакомления с ситуацией в сфере образования и народного просвещения в регионе в первой трети XX в. До революции 1917 г. на территории Кабарды и Балкарии насчитывалось всего 33 школы (при этом в Балкарии из них — лишь одна), в которых суммарно обучалось порядка 1300 чел. Это были дети из дворянских, зажиточных семей [2: 65]. С. Воробьев и Д.А. Сарахан отмечают, что в «наследство от царизма» область получила 98 % неграмотного населения. К рассматриваемому в очерке Воробьева периоду (1930–1931 гг.) КБАО имела уже 250 школ первой ступени, еще 16 школ повышенного типа, с 32 тыс. обучающихся. Всё это благодаря тому, что руководство области делало акцент не только на восстановлении сельского хозяйства в регионе, но и на поднятии культурного уровня населения. В 1931 г. здесь было введено всеобщее обязательное обучение; широко распространилась практика походов по ликвидации неграмотности. Культпоход 1929–1930 гг. обеспечил охват неграмотного населения в 24 тыс. чел., а поход 1930–1931 гг. — еще 44 тыс. чел., что позволило говорить о тотальной ликвидации неграмотности в области [2: 65–66].

Что же представлял собой культпоход? Культпоходы в советской практике оформились как явление к 1928 г., благодаря инициативе активистов, высказанной во время Всесоюзного съезда ВЛКСМ. Они представлял собой массовое культурное движение, ставившее своей задачей ликвидацию неграмотности среди взрослых [7, т. 5: 1826]. Передовиками в организации таких мероприятий стали Москва, Самара, Саратов и Воронеж — там располагались опорные центры по ликвидации неграмотности: в этих городах основная масса неграмотного населения была обучена силами общественности [3]. Изначально планировалось провести лишь месячник по ликвидации неграмотности, но он — ввиду того что желаемых результатов за такой короткий период достичь не удалось — превратился в масштабный культпоход, целью которого было мобилизовать общественные силы на борьбу с безграмотностью и связанным с ней «бескультурьем в быту».

В дальнейшем культпоход был призван решить следующие задачи: борьба за улучшение работы культпросветучреждений; вовлечение женщин в общественную работу; содействие введению всеобщего начального образования и др. [6: 452].

Реализацию этой новой практики в северокавказском, а конкретно — кабардино-балкарском регионе мы видим уже к 1929–1930 гг., когда силами курсантов и педагогов Ленинского учебного городка был организован первый культпоход [2: 66]. Благодаря проделанной ими работе уровень грамотного населения в КБАО к 1931 г. достиг 60 % [2: 73].

В постановлении ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. «О работе по ликвидации неграмотности», закрепившем начало перехода ко второму этапу культпоходов (от месячника — к масштабному организованному явлению, охватившему всю страну), делался упор на то, что необходимо коренным образом перестроить существующую систему работы по ликвидации неграмотности в стране [4: 195]. Признавая уже достигнутые успехи, власти говорили о важности внедрения новых форм работы, которые выкристаллизовались как раз благодаря уже набравшим обороты культпоходам. Среди них, например, упоминаются такие идеи: привлечение к работе по ликвидации неграмотности партийных, комсомольских и иных кадров разных возрастов, при налаженном систематическом руководстве их работой (эту работу предлагалось приравнять к партийной нагрузке); общественные смотры работы школ; конференции неграмотных и малограмотных; шефство грамотных над неграмотными; участие комсомольских организаций, делегатских собраний работниц и крестьянок в вербовке неграмотных в школы и во всей организационной работе; сочетание ликвидации неграмотности со всеми формами массовой политико-просветительной работы — проведением бесед на общественно-политические темы, постановкой лекционной, экскурсионной, клубной работы, использованием газеты и книги для малограмотного, вовлечением неграмотных и малограмотных в общественную работу и др. [4: 195–196].

Как мы уже увидели по цифрам, что предоставили по итогам изучения десятилетия работы советской власти в КБАО С. Воробьев и Д.А. Сарахан, культпоходы действительно привели

к удивительному по масштабам росту грамотности населения, в том числе, в ряде труднодоступных горных аулов, например, в Верхней Балкарии. Как же курсанты и педагоги Ленинского учебного городка смогли достичь результатов, за которые их учебному заведению было передано Всесоюзное переходящее красное знамя?

Об этом в подробностях, с опорой на итоговые статистические данные пишет С. Воробьев в своем очерке «Дети, достойные своих отцов». Вообще, сам Ленгородок представлял собой целый «комбинат учебных заведений»: в ЛУГ входили совпартшкола, педагогический техникум, пионер-дом (впоследствии фабрично-заводские семилетки) и ряд курсов [1: 3]. Примечательно и наличие в структуре «комбината» женского отделения ликвидаторов неграмотности [8: 64]. Выдающиеся успехи работы курсанток-кабардинок и балкарок с женским населением горных аулов отмечали их коллеги из Ингушетии: «Мы убедились, что кабардинки и балкарки вышли из-под гнета и всякого рабства и идут по светлому пути наравне с мужчинами. <...> Ни одна автономная республика, ни одна автономная область не имеют таких великих достижений в раскрепощении женщины, как Кабардино-Балкарская область» [5: 275].

В Ленгородке были созданы условия для изучения наук — большая библиотека, хорошо оборудованные кабинеты химии, физики, географии, естествознания, был и кружок юных натуралистов. Кроме того, у ЛУГа были свои сады и опытные поля, электростанция, скотный двор и конюшня. Курсанты участвовали в сельскохозяйственных выставках, где даже получали награды [8: 66].

Вклад курсантов городка в просвещение населения Кабарды и Балкарии трудно переоценить. В один из походов 1930 г., продолжавшийся 14 дней, отряд прошел 208 км (из них 30 — в горах; причем, впервые были преодолены перевалы, считавшиеся непроходимыми для техники, например, Ифчик (Былым-Актопрак), где не без труда, но все же прошли трактор с обозом), совершив продолжительные стоянки в 11 селениях и краткие — в мелких селениях. Всего же учащиеся посетили 4 округа и 18 населенных пунктов [1: 12].

За этот двухнедельный поход во всех 18 селениях курсанты городка отчитались о своей работе перед 1200 слушателями.

Разными видами культурной работы было охвачено свыше 25 тыс. трудящихся кабардинцев и балкарцев. На беседах, лекциях и докладах по различным общественно-политическим вопросам присутствовало свыше 700 чел. Кроме того, курсанты выпускных групп ЛУГа вместе с преподавателями провели ряд обследований, а также инструктирование местных организаций. Пристальное внимание отводилось изучению распространения национальной книги [1: 12].

В качестве одного из крупных достижений культпохода можно отметить результаты работы курсантов ЛУГа по привлечению жителей сел Кабарды и Балкарии к чтению периодики, прекрасно иллюстрирующие пункт постановления ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. об использовании газеты в работе с малограмотным населением. Во время культпохода была организована подписная кампания на газету «Карахалк», благодаря чему удалось привлечь 500 новых подписчиков, «до сих пор никогда никаких газет не писывавших» [1: 12].

В 1931 г. в отчете о прошедшем походе его руководитель отрапортовал, что разными формами политико-культурно-просветительной работы было охвачено до 35 тыс. чел., проживавших в глухих и дальних аулах Кабарды и Балкарии. Курсанты и преподаватели преодолели путь протяженностью более 500 км, побывали в 41 селении. И это вопреки тому, что из-за «неблагоприятной погоды и тяжелого пути из личного состава в течение 37-дневного похода выбыло по болезни и другим причинам до 25 % участников похода» [1: 20].

Как же организовывалась работа походных бригад? Весь процесс следования походной колонны С. Воробьев фиксирует довольно подробно. Так, летом 1931 г. в путь выдвинулись 500 чел. «личного состава» — курсанты и преподаватели Ленгородка. В числе средств оборудования и обслуживания похода перечисляются: грузовой автомобиль для перевозки 40 военных палаток (емкость каждой — 12–13 чел.); учебный трактор с динамомашинной, с походной слесарной мастерской для электрификации лагеря и кино; легковой автомобиль для связи и перевозки заболевших; санитарная линейка; агитповозка с клубным имуществом; три повозки с кухнями и кухонным имуществом; одна

повозка для инструментов духового оркестра; три повозки для прочих вещей и багажа; специальный грузовик для подвоза питания из Нальчика по маршруту движения колонны [1: 4].

В каждом селении заранее, еще до прихода пешей колонны, разворачивался чистый, аккуратный палаточный городок. По его «улицам» развешивали электрические гирлянды с множеством лампочек. Две палатки отмечали флагами: красным маркировался штаб, белым с красным крестом — амбулатория.

Колонну делегатов Ленгородка встречали с митингом, где после приветственных речей от представителей сельских организаций слово держали сами курсанты: отчитывались о проделанной городком работе. Как отмечает С. Воробьев, выступления женщин и стариков здесь имели особый успех и сочувствие — они «покрывались громом аплодисментов».

Открывшийся палаточный городок становился центром притяжения каждого села, где он разворачивался. Сельские жители гуляли по его импровизированным улицам, интересовались яркими гирляндами и самим явлением электрификации, охотно заходили в многочисленные палатки, в которых уже шла просветительская работа. Прямо на плетне, например, курсанты закрепляли географическую карту, около которой собирался «порядочный круг» сельчан. Такой интерес вызывали лекции и беседы по страноведению, международному положению и экономической географии в увязке с пятилетним планом.

С большим любопытством жители сел и аулов наблюдали за химическими опытами и опытами с почвой. Отдельное место отводилось для антирелигиозной работы. Для девушек и женщин проводили лекции по санитарному просвещению, уходу за ребенком, вновь в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), вовлекая женщин в общественную жизнь и работу.

Не обходили стороной и работу с подрастающим поколением: их под свое крыло взяли пионеры. По улицам аулов они вместе водили хороводы с пением и играми. Все эти формы работ коррелируют с соответствующими пунктами вышеупомянутого постановления ЦК ВКП(б) «О ликвидации неграмотности». Как видим на примере работы курсантов и педагогов ЛУГа, наибольшую популярность имели беседы на различные темы,

от общественно-политических до естественнонаучных; к работе с населением привлекался и комсомольский, и пионерский актив.

Вечером наступало время кинопоказов: граждане отправлялись смотреть кино, курсанты — на ужин [1: 5–6]. Многие сельчане кино видели впервые. Тут же, у экрана, курсанты-балкарцы объясняли сюжет картин на родном, понятном зрителям языке [1: 7].

Среди прочего автор очерка делает акцент на контрреволюционных слухах, гулявших по далеким селам. Например, сестра одного курсанта ЛУГа, из бедняков, передала своему брату, что кулаки незадолго до прихода колонны пустили слух, что идут 400 голодных курсантов, которых населению в течение недели придется кормить. Население потребовало созвать сход, где председатель сельсовета и секретарь ячейки доказывали, что это не более чем «кулацко-мульская “утка”», но все же сход выбрал троих стариков в качестве уполномоченных, которые должны были доложить руководителю похода, «что дескать население наше бедное и принять вас не можем». Когда приехал обоз с палатками (еще до прихода колонны из курсантов и преподавателей) и уполномоченные старики «увидели воза хлеба и разных продуктов... как задымилась кухни и как начали повара готовить пищу, ничего не требуя от населения, кроме дров и то за наличные деньги», то постояли и ушли [1: 15].

Приглашения посмотреть на диковинные электрические гирлянды также вызывали разную реакцию в рядах сельских жителей. Неминуемыми были увещевания в духе: «Если правда нет керосина, то тут дело без шайтана не обходится», — так шептались столетние старики, а любопытство всё же тянуло их на голос курсанта-балкарца, объясняющего задачи электрификации [1: 15].

В отдаленной Средней Балкарии, по оценкам С. Воробьева, в силу этой самой отдаленности, «не видящей свежего человека», власть духовных авторитетов оставалась по-прежнему крепкой. Народ собирался посмотреть и послушать программу курсантов «туговато», не манили их и звуки оркестра [1: 16]. Но культармейцы придумали во дворе сельсовета организовать танцы. Сельчане действительно начали собираться. По окончании танцев, пока народ не разбежался, объявили, что будет дальше.

Среди женщин на крыше тут же появились курсантки и преподавательницы с плакатами здоровых детей, с предметами ухода для грудных ребятшек и только было начали свою работу, как вдруг случилось неожиданное: балкарки, как по команде, шарханулись в сторону и в несколько голосов объявили, что не любят «гяуров» и слушать их не хотят. Курсанты, преподавательницы и курсантки-балкарки «с щемящей болью отступили, не выдав своей обиды» [1: 17]. Доложили руководителю похода. Тот мудро наставил подопечных, отметив, что приказом никогда не получится заставить себя уважать: нужна упорная работа, личный пример и неустанная борьба.

В качестве одного из инструментов борьбы за умы сельских жителей и средств антирелигиозной пропаганды в процессе этих массовых походов использовали куклу-Петрушку: с его привлечением ставили спектакли и агитпредставления на злободневные темы. Население требовало подобные пьесы на бис и интересовалось, где можно «выписать себе такого Петрушку» для проведения аналогичной работы на местах [1: 16].

Осенью 1931 г. 500 курсантов вместе с преподавателями планировалось направить на четыре месяца на окончательную ликвидацию безграмотности населения в КБАО [1: 20]. По итогам такой поистине штурмовой работы Кабардино-Балкарская область в июне 1931 г. в г. Грозном получила Всесоюзное переходящее красное знамя — за первенство в работе всеобща и ликбеза [1: 21]. За два культпохода, как упоминалось выше, удалось обучить грамоте порядка 35 тыс. чел. [1: 20]. Транспортная недоступность, трудности перехода через перевалы, ранее считавшиеся непроходимыми для техники, — всё это не стало преградой для курсантов и преподавателей Ленгородка — тех, кто по-настоящему горел идеей нести свет знаний в самые широкие народные массы.

Таким образом, деятельность комсомольского и пионерского актива, а также энтузиастов из числа педкадров и курсантов Ленгородка КБАО — действительно, один из ярких примеров выполнения партийных директив в сфере образования, просвещения и ликвидации неграмотности, что особенно подчеркивается тем фактом, что за всего за два культпохода (1929–1931 гг.) КБАО удалось ликвидировать массовую неграмотность.

Источники и литература

1. Воробьев С. Дети, достойные своих отцов: очерк массовых походов Ленинского учебного городка Кабардино-Балкарской автономной области. Ростов н/Д., 1932.
2. Воробьев С., Сарахан Д.А. Кабарда и Балкария: посвящается 15-летней годовщине Октября. Ростов н/Д., 1932.
3. Как большевики победили всеобщую безграмотность // Цифровая история. URL: <https://цифровая-история.рф/index.php/stati/4091-kak-bolsheviki-pobedili-vseobshchuyu-bezgramotnost-2> (дата обращения: 19.08.2022).
4. КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов. М., 1963.
5. Нас вдохновляет ваш пример. Письмо девушек Ингушетии — учащихся Коммунистического университета трудящихся Востока курсанткам Ленинского учебного городка Кабардино-Балкарии // Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов. М., 1979. С. 274–276.
6. Рябков В.М. Антология форм просветительной культурно-досуговой деятельности в России (первая половина XX века): учебное пособие. Т. 3. Челябинск, 2007.
7. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5 / под ред. А.М. Бабкина, Ю.С. Сорокина. М.–Л., 1956.
8. Тхамокова И.Х. Ленинский учебный городок и модернизация культуры кабардинцев и балкарцев // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 4. С. 63–75.

Н.В. Кратова

УЧАСТИЕ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА ЗАКОНА СССР «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ» 1990 г.

Крушение Советского государства и формирование новой, демократической России сопровождалось кардинальной

трансформацией законодательства. Характерной чертой времени стало активное участие общественности в обсуждении проектов принимаемых законов. Не стала исключением и разработка закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» 1990 г. и последовавших за ним законодательных актов, непосредственно затрагивавших сферу деятельности религиозных объединений, таких как «Об альтернативной гражданской службе» и «О благотворительной деятельности», а также целый комплекс других законов. В 1990-е гг. активно обсуждались не только сами законопроекты, но и социально значимые проблемы и идеи: реституция собственности религиозных организаций, концепция государственной конфессиональной политики, институт военных священников (капелланов) и другие актуальные темы. Результатом этих дискуссий становились либо разработка соответствующих законодательных актов, либо снятие темы с повестки, как это было, например с концепцией государственной конфессиональной политики.

Следует признать, что практика общественного обсуждения отнюдь не была пустой формальностью, к позиции религиозных объединений законодатели прислушивались, и высказанные замечания учитывались при подготовке законов. Важно, что к обсуждению проектов привлекались не только религиозные центры федерального уровня, но и региональные религиозные организации.

В архиве уполномоченного по связям с религиозными организациями главы Карачаево-Черкесской Республики сохранился ряд документов, подготовленных самим уполномоченным, а также Духовным управлением мусульман Ставропольского края в союзные и федеральные структуры по поводу проектов федеральных законов. Как правило, документ готовился по запросу центра. Запрос направлялся напрямую в религиозную организацию, часто минуя региональные органы власти [7: 18]. Однако в Карачаево-Черкесии между властью и религиозными организациями было налажено тесное и вполне конструктивное взаимодействие, и сами законопроекты и ответы на них обсуждались вместе с местным уполномоченным Совета по делам религии при Совете министров СССР (далее — уполномоченный),

который помогал оформить пожелания верующих в форме делового письма. Следует подчеркнуть, что в Карачаево-Черкесии так сложилось, что уполномоченный изначально выступал не в качестве надзорно-карательного органа, как это часто бывало в других регионах, а в большей мере как посредник, помогавший религиозным организациям, не имевшим собственной юридической службы, вписаться в требования закона, что было особенно важно в такое сложное последнее десятилетие XX в. Это обстоятельство позволяет нам достаточно высоко оценивать репрезентативность и объективность настоящих документов, что дает основание положить их в основу настоящего исследования.

В настоящей статье мы рассмотрим один из таких документов, сохранившийся в архиве уполномоченного, — письмо членов президиума Духовного управления мусульман Ставропольского края в Комиссию по делам свободы совести Верховного Совета СССР, Комиссию по делам свободы совести Верховного Совета РСФСР «К проекту Закона “О свободе совести и религиозных организациях”». Документ был подписан членами президиума Духовного управления мусульман И.А. Бердиевым, А.Р. Сикалиевым, А.-К.А. Байрамуковым и Х.М. Джужуевым и датирован 13 августом 1990 г. [9]. Письмо было направлено через местного уполномоченного в Совет по делам религий при Совете министров СССР «для сведения и представления адресату» — комиссиям по делам свободы совести верховным советам СССР и РСФСР.

В сопроводительном письме уполномоченный по Карачаево-Черкесской автономной области Н.Г. Проваторов подчеркивал, что проект обсуждался по всем приходам с верующими еще до его опубликования. После публикации обсуждение продолжилось в восьми приходах. «Воспринят [проект закона. — *Н.К.*] верующими разных религий хорошо, — отмечал Николай Григорьевич. — В принципе он и действительно хорош» [8].

Принятие Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» было давно ожидаемым, хотя и весьма запоздалым событием. Уже в ходе его подготовки выявился ряд серьезных противоречий, которые отражали серьезный раскол между ультралиберальными настроениями, царившими в то время в советском обществе, и практической целесообразностью.

Десятилетия гонений на религиозные организации и отдельных верующих создали Совету по делам религии и его уполномоченным на местах стойкую негативную репутацию репрессивных структур, попирающих конституционный принцип свободы совести, грубо вмешивающихся в жизнь религиозных общин. Неудивительно, что многие верующие, тем более из числа пострадавших за свои убеждения, требовали ликвидировать ненавистный институт. С учетом общественного мнения в законе не предусматривалось существование региональных структур, подобных уполномоченным Совета по делам религий. Функция регистрации религиозных организаций передавалась местным советам народных депутатов (статья 14 указанного закона), государственный орган по делам религий мог создаваться лишь на союзном уровне, в союзных и автономных республиках, при этом ему отводились исключительно информационная, консультативная и экспертная функции (статья 29). Возможно, это была сознательная жертва, чтобы хоть в каком-то виде сохранить государственный орган и специалистов, профессионально занимающихся проблемами государственно-конфессиональных отношений. 1 октября 1990 г. институт уполномоченных на местах был действительно ликвидирован. Но жертва оказалась напрасной: через год, 14 ноября 1991 г., почил в бозе и сам Совет по делам религий.

Необходимость закона о свободе совести понимали и в религиозной среде, и в экспертной. Однако ликвидация целого института специалистов в сфере государственно-конфессиональных отношений не просто стала личной и профессиональной трагедией для сотен сотрудников центрального аппарата совета и региональных уполномоченных. Возникали серьезные проблемы, о решении которых пока еще никто не задумывался, но которые были обозначены в письме президиума Духовного управления мусульман Ставропольского края в Комиссии по делам свободы совести Верховного Совета СССР и РСФСР.

В начале письма было отмечено, что большинство поднимаемых мусульманами вопросов удавалось решить «благодаря активной помощи» уполномоченных по Ставропольскому краю и Карачаево-Черкесской автономной области. При этом обращалось внимание, что местные органы власти «не компетентны

ни юридически, ни духовно», а также в силу загруженности не имеют возможности изучить особенности разнообразных религий, которых в республике насчитывалось «около двадцати». Приобретению необходимых компетенций могла помешать и частая ротация должностных лиц в органах местного самоуправления. Привлечение для работы в госорганах представителей религиозных организаций было бы нецелесообразно как по экономическим причинам, так и по политическим, поскольку конфессиональная ангажированность представителей могла привести к обострению межконфессиональных отношений. Исходя из этого, авторы письма предлагали сохранить советы по делам религий «с этим или иным названием», а также представителей совета на местах. В качестве требований к сотрудникам этих органов указывались такие качества, как религиозная нейтральность, знание религиозной специфики региона, независимость от местных властей. Одобряя в целом проект закона, авторы письма предлагали внести ряд дополнений. Так, закон предлагалось дополнить «положением (статьей), разрешающей преподавание основ религии в школах и других учебных заведениях в качестве факультативных занятий, добровольно, по желанию учащихся и родителей, бесплатно или за плату родителей, по договоренности с преподавателем». Кроме того, статью 17 проекта закона, в которой говорилось о преимущественном праве религиозных организаций на передачу культовых зданий, в письме предлагалось расширить, указав, что местные органы власти обязаны возвращать культовые здания в случае обращения верующих [9].

Читая документ, можно впасть в заблуждение, сделав вывод о том, что он составлен большей частью в интересах местного уполномоченного, стремящегося сохранить свое место в условиях стремительно разрушающейся советско-партийной системы контроля над обществом. Безусловно, этого нельзя исключать. Однако именно в этой апологии были обозначены проблемы по-настоящему серьезные, которые не раз проявлялись в течение последующего десятилетия. Несмотря на некоторую наивность и даже растерянность при изложении аргументов (настроение письма вполне соответствовало духу времени поздней перестройки), авторы ставили серьезные вопросы, имеющие принципиальный характер.

Почему мусульманское духовенство выступило в поддержку института уполномоченных, можно понять, если вспомнить, что совсем недавно, в январе 1990 г., прошел Первый учредительный съезд мусульман Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, на котором был образован Духовный центр, впоследствии преобразованный в Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья. Это знаковое для местной мусульманской уммы событие прошло при непосредственном участии государственных структур, в том числе уполномоченных по Карачаево-Черкесской автономной области и Ставропольскому краю. Да и до этого, с момента учреждения должности уполномоченного по Карачаево-Черкесской автономной области в 1980 г., ситуация в сфере государственно-конфессиональных отношений в регионе кардинально отличалась от того, что творилось по стране. Именно уполномоченный добивался здесь разрешения на образование новых приходов, строительство и ремонт мечетей [5]. Понятно, что делалось это для решения вполне прагматических задач: снижения протестных настроений в исламском социуме, формирования корпуса образованного и одновременно лояльного власти духовенства и т.п. Однако разница в отношении региональной власти к верующим в 1980-е гг. разительно отличалась от предыдущих десятилетий. Это позволяет предположить, что именно понимание полезности этого института для решения важных для верующих вопросов, а не административное давление побудили исламских лидеров выступить в его поддержку.

Вместе с тем уже в самом скором времени потребность специалистов в сфере государственно-конфессиональных отношений стала очевидной: в обострении социально-политической обстановки в России значительную роль играл религиозный фактор. 1990-е годы, называемые часто «религиозным ренессансом», характеризовались массовым наплывом в Россию невиданных доселе религиозных культов, среди которых было немало откровенно деструктивных, подрывающих духовно-нравственные устои. Чтобы работать в этих, прямо скажем, непростых условиях одних правоохранительных органов было мало. Да и что мог предъявить оперативный сотрудник беснующимся сектантам, подобным «Аум Синрикё» или последователям

других деструктивных культов? Формально законов они не нарушали, а религиозная свобода гарантировалась Конституцией. Нужна была кропотливая работа по выстраиванию гармоничных государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. В таких условиях повсеместно, практически во всех регионах России, были восстановлены структуры (в разном статусе, с разными полномочиями), в чьи функции входил мониторинг религиозной ситуации и тесное взаимодействие с религиозными организациями. Много сделала для подготовки квалифицированных кадров в сфере государственно-конфессиональных отношений профильная кафедра Российской академии государственной службы при Президенте РФ, возглавлявшаяся в эти непростые годы известным религиоведом Николаем Антоновичем Трофимчуком.

Конечно, ряд озвученных тезисов выглядит достаточно спорно. Прежде всего, нелепы, казалось, были рассуждения о возможности привлечения к работе в государственных учреждениях представителей религиозных организаций и финансирования их за счет самих религиозных объединений, поскольку это прямо противоречило принципу отделения религии от государства. Однако в условиях, когда духовенство стало активно участвовать в политической жизни страны, избираться в Государственную думу РФ и региональные законодательные собрания, это не казалось чем-то принципиально невозможным. Именно в этот период открытой политической деятельностью на всесоюзном уровне стали заниматься православные священники Глеб Якунин и Вячеслав Полосин, в Карачаево-Черкесии депутатом Черкесского городского совета народных депутатов был избран протоиерей Василий Афонин — настоятель Покровской церкви г. Черкесска, благочинный Карачаево-Черкесского округа.

Широкая трактовка этого базового конституционного принципа была характерна не только для переходного времени, но и для всего постсоветского десятилетия. Во многом риторическое в 1990 г. предупреждение о том, что вовлечение духовенства в политические процессы и государственное управление может спровоцировать межконфессиональное противостояние, в полной мере подтвердилось уже в ближайшие годы, когда в республике стала активно действовать Исламская партия возрождения [6],

во время региональных и федеральных выборных кампаний 1990-х гг. активно использовался мобилизационный потенциал мусульманских, православных и даже протестантских организаций. В 2009 г. целая группа имамов решила баллотироваться в муниципальные законодательные органы. Декларируемым мотивом было продвижение в политику духовно-нравственных ценностей, однако на деле участие духовенства в политических кампаниях самым пагубным образом сказалось как на авторитете отдельных духовных лидеров, так и на отношении к религии как таковой [1; 3; 5]. Восстановление миротворческого потенциала религиозных институтов потребовало определенных усилий, включая принятие публичных деклараций о недопустимости втягивания религии в политику и жесткого запрета духовенству участвовать в выборных кампаниях.

Вопрос о преподавании религии в школе, о чем также говорилось в письме, впоследствии также неоднократно будировался религиозными организациями как на федеральном, так и на региональном уровне [4]. За общей декларацией о необходимости духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, приобщения молодежи к традиционным духовным ценностям скрывался целый пласт трудноразрешимых практических вопросов, связанных с необходимостью соблюдать принцип светскости школы. Результатом глубокой проработки этого вопроса в регионе стало введение в 2005 г. учебного курса «История и культура традиционных религий народов КЧР» для 10–11 классов. Накопленный опыт позволил республике принять участие в апробации федерального учебного курса «Основы религиозной культуры и светской этики», введенного в российских школах в 2012 г. И только в этом же 2012 г. был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», 87 статья которого регламентировала особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации и особенности получения теологического и религиозного образования.

Последний поднятый в письме вопрос об обязанности органов власти возвращать религиозным организациям культовые сооружения также решался длительное время. Лишь в 2010 г. был принят Федеральный закон «О передаче религиозным организациям

имущества религиозного назначения», в котором отсутствовали основания для отказа религиозной организации в просьбе о передаче культового имущества. Предметом ожесточенных споров в республике стали древнехристианские храмовые комплексы в Зеленчукском и Карачаевском районах, а в Ставрополе жесткий, но безуспешный диалог, включая судебные разбирательства, долгие годы проходил вокруг здания исторической мечети.

Таким образом, поднятые в письме Духовного управления проблемы были по-настоящему значимы, подтверждением чему стали долгие годы общественной полемики, перетекавшей порой в открытое противостояние с органами власти. Это свидетельствует о том, что и сами духовные лидеры, и уполномоченный хорошо понимали и чувствовали действительно важные проблемы не только текущего момента, но и долгосрочной перспективы. Наличие же конструктивных отношений между государственными структурами региона и религиозными объединениями позволило противостоять обрушившимся на страну и регион тяжелым испытаниям и сформировать основу для позитивного развития региона в непростых условиях.

Источники и литература

1. Кратов Е.В. Религиозный фактор в современных политических процессах (на примере Карачаево-Черкесской республики) // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2009. С. 153–156.

2. Кратов Е.В. Религия и политика: региональный опыт решения проблем // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 20–23 октября 2009 г. Волгоград, 2009. С. 132–135.

3. Кратов Е.В. Религия как фактор социальной стабильности (на примере Карачаево-Черкесской республики) // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. Тезисы межрегиональной научной конференции, ст. Тамань, 19–22 сентября 2000 г. Краснодар. 2000. С. 170–173.

4. Кратова Н.В. Изучение основ религиозных культур и светской этики в школе: некоторые итоги // Вестник Карачаево-Черкесского республиканского института повышения квалификации работников образования. 2017. № 6. С. 72–75.

5. Кратова Н.В. Положение религиозных организаций КЧАО в первой половине 1980-х годов // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Карачаевск, 2019. С. 86–91.

6. Кратова Н.В. Радикальные тенденции в развитии мусульманской уммы Карачаево-Черкесии в конце XX — начале XXI века // Исламские радикальные движения на политической карте мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. М., 2017. С. 382–417.

7. Личный архив автора (далее — ЛАА). Письмо заместителя Председателя Совета министров КЧР А.Х. Татаршао заместителю Председателя Правительства РФ, председателю Комиссии по вопросам религиозных объединений С.М. Шахраю № 959-05 от 28.12.94 (копия).

8. ЛАА. Письмо Н.Г. Проваторова в Совет по делам религий при Совмине СССР товарищу Христораднову Ю.Н., Совет по делам религий при Совмине РСФСР товарищу Колесникову Л.Ф. от 13.08.1990 (копия).

9. ЛАА. Письмо членов президиума Духовного управления мусульман Ставропольского края в Комиссию по делам свободы совести Верховного Совета СССР, Комиссию по делам свободы совести Верховного Совета РСФСР «К проекту Закона “О свободе совести и религиозных организациях”». 13.08.1990.

А.З. Адиев

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В ДАГЕСТАНЕ

Религиозная политика в Республике Дагестан (далее — РД) направлена главным образом на обеспечение внутриконфессионального (между различными религиозными течениями и группами

в исламе) согласия в дагестанском обществе и привлечение исламских религиозных структур к профилактике религиозно мотивированного экстремизма и терроризма. В то же время власти уделяют большое внимание налаживанию партнерских отношений не только с исламскими структурами, но и с представителями других конфессий (христианство, иудаизм), несмотря на их малочисленность (менее 5 % от населения РД). Отношения между представителями перечисленных конфессий в дагестанском обществе мирные, а их централизованные организации (Муфтият РД, Махачкалинская епархия РПЦ и Централизованная религиозная организация иудейских общин РД) имеют опыт конструктивного взаимодействия между собой и с органами государственной власти. Представители всех трех конфессий активно участвуют в различных государственных и республиканских мероприятиях по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодежи. В частности, в Дагестане ежегодно проводится Международный межрелигиозный молодежный форум, призванный поощрять конфессиональную толерантность, а также содействовать неприятию идеологий религиозного экстремизма среди молодежи. В целом межконфессиональная тематика в дагестанском медиапространстве освещается редко, а основное содержание религиозной проблематики в общественно-политическом дискурсе касается внутрисламских отношений и процессов.

Абсолютное большинство населения республики (более 95 %) составляют этнические мусульмане, и мозаичность форм ислама едва ли уступает здесь этническому многообразию. В целом Дагестан — суннитский регион с преобладанием шафиитского мазхаба (толка) при сильном влиянии суфизма. Современный суфизм в Дагестане представлен различными ответвлениями накшбандийского, кадирийского и шазилийского братств, в состав которых в основном входят жители центральных и горных территорий Дагестана (аварцы, кумыки, даргинцы, лакцы и др.). Они же (суфии) и представлены в основном в руководстве Муфтията РД. На севере республики проживают ногайцы (1,4 % от населения РД) — мусульмане-сунниты, исторически придерживающиеся ханафитского мазхаба, а на юге и в некоторых городах республики проживает шиитское меньшинство, представленное этническими

азербайджанцами (4,5 % от населения РД). Все эти исламские религиозные группы можно назвать традиционными для Дагестана, к которым не принято относить салафитов, появившихся в республике в период бурной реисламизации с конца 1980-х гг.

Пионерами радикального исламизма в регионе стали дагестанцы — студенты и выпускники зарубежных исламских образовательных центров, которые познакомились с этими убеждениями во время пребывания за границей. Помимо них эту идеологию распространяли на Северном Кавказе профессиональные проповедники так называемого «чистого ислама» из-за рубежа. Поначалу большинство северокавказских салафитов придерживались мирной повестки дня и ограничивались в основном прозелитической деятельностью [2: 306]. Но довольно быстро лидерские позиции среди них стали занимать те, кто был радикально настроен и призывал к активным действиям по установлению «чистого» ислама без примеси «народного» ислама и суфийских практик. В некоторых селах Дагестана исламистам даже удалось установить свою систему правления, как, к примеру, в селах Кармахи и Чабанмахи, где в конце 1990-х гг. существовал так называемый ваххабитский анклав. В этом же направлении дрейфовали и ряд других сельских общин Дагестана, пока против исламистов летом 1999 г. не началась войсковая операция, которая завершилась быстрым разгромом ваххабитских анклавов.

Но на этом борьба с радикальным исламизмом и оправдываемым этой идеологией экстремизмом не закончилась, она трансформировалась в затяжную кампанию, так как исламисты встали на путь террористической войны против государства и общества. Боевики-исламисты всё чаще использовали тактику внезапных обстрелов и подрывов. Основными целями боевиков стали представители силовых структур, видные общественные и политические деятели республики, открыто осуждавшие идеологию радикального исламизма, а также представители официального мусульманского духовенства. Если физическую составляющую борьбы с радикальными исламистами, посягнувшими на конституционный строй государства, осуществляли правоохранительные органы, то теологическое противостояние вело официальное мусульманское духовенство.

Официальное духовенство (Муфтият РД) называло появившихся в Дагестане исламистов (как радикальных, так и умеренных) ваххабитами, и это название надолго закрепилось за ними в общественном дискурсе, хотя сегодня их все чаще называют салафитами. Противостояние суфиев и салафитов поначалу шло в рамках богословских диспутов, которые всё чаще заканчивались отдалением, а не сближением их позиций. И суфии, и салафиты во взаимных упреках дошли до жесткого такфиризма — обвинения в неверии и выходе из ислама [1: 12]. В дальнейшем их противостояние переросло в насильственные столкновения, в том числе и в серию террористических актов радикальных исламистов против суфиев — представителей Муфтията РД и аффилированных с ним имамов сельских и городских мечетей. К началу 2010-х гг. их противостояние достигло пика напряженности.

Весной 2012 г., желая вернуть нарастающий внутриконфессиональный конфликт между суфиями и салафитами в русло ненасильственных богословских споров, представители обеих сторон в лице Муфтията РД и ассоциации ученых «Ахлю-Сунна в Дагестане» попытались наладить мирный диалог. По итогам их встречи была выработана рамочная резолюция, направленная на предотвращение дальнейшего усиления вражды между суфиями и салафитами. Однако уже в августе того же года в результате террористического акта был убит Саид-афанди Чиркейский — духовный наставник муфтия и большинства дагестанских суфиев тарикатов Накшбандийа и Шазилийа. Убийство влиятельного в Дагестане суфийского шейха вызвало огромный резонанс в обществе и предсказуемо свело на нет дальнейшие попытки организации мирного диалога суфиев и салафитов. Как пишет дагестанский востоковед Ш.Ш. Шихалиев, сближение суфиев и умеренных салафитов не устраивало радикальное крыло террористического подполья, которое и организовало этот теракт [3: 338]. С тех пор суфии Дагестана уже не видят большой разницы между умеренными и радикальными салафитами, а борьба с исламистским подпольем приняла в регионе тотальный характер. Параллельно с контртеррористическими операциями силовиков по поимке или ликвидации участников террористического подполья по всей республике систематически проводятся рейды по так

называемым салафитским мечетям, многие из которых впоследствии перешли под контроль Муфтията РД, а популярные салафитские проповедники оказались в нелегальном положении в связи с совершенствованием в России антитеррористического и антиэкстремистского законодательства.

Поскольку в республике все еще остается актуальной проблема профилактики религиозного экстремизма и терроризма в молодежной среде, представителями Министерства по национальной политике и делам религий (далее — Миннац) РД регулярно проводятся выездные профилактические мероприятия в муниципальных районах и городах республики с участием представителей местных органов власти, религиозных и иных общественных организаций. В рамках таких встреч обсуждаются молодежная политика, состояние государственно-конфессиональных отношений и религиозной ситуации на местах, а также вопросы взаимодействия муниципалитета с духовенством.

В условиях существенного снижения террористической активности в Дагестане первоочередной задачей становится целенаправленная (адресная) профилактическая работа с категориями людей, наиболее подверженных воздействию идеологии экстремизма и терроризма. Это прежде всего: лица, уже осужденные (отбывающие наказание) за преступления террористической направленности; бывшие (амнистированные) участники террористического подполья; члены семей лиц, выехавших на Ближний Восток для участия в деятельности международных террористических организаций; лица, прошедшие обучение в зарубежных исламских учебных заведениях; ближайшие родственники (вдовы, дети) нейтрализованных, действующих или осужденных членов незаконных вооруженных формирований и их пособников; мигранты из стран с повышенной террористической активностью. При поступлении информации о проживании на территории того или иного муниципального образования РД лиц из перечисленных категорий субъекты профилактики терроризма на местах разрабатывают планы-графики профилактических мероприятий с данными лицами и членами их семей; определяют формы и методы предстоящей работы и назначают ответственных исполнителей. Во многих случаях к мероприятиям

подобного рода привлекаются и представители мусульманского духовенства республики.

К настоящему времени Муфтият РД, преодолевая этно-территориальную замкнутость, характерную суфийским братствам, значительно расширил географию своего влияния внутри республики, и представители этой централизованной исламской религиозной организации присутствуют во всех муниципальных образованиях Дагестана, демонстрируя лояльность ко всем течениям и группам так называемого традиционного ислама.

В рамках религиозной политики Миннац РД реализует государственную программу «Взаимодействие с религиозными организациями в Республике Дагестан и их государственная поддержка», предполагающую оказание финансовой помощи религиозным организациям, содействующим миру в дагестанском обществе. В целях сохранения межконфессионального и внутриконфессионального мира, противодействия идеологии экстремизма и терроризма власти регулярно проводят мероприятия по организации диалоговых площадок между представителями разных конфессий и религиозных групп. Однако основными партнерами властей на этих мероприятиях становятся всё те же централизованные религиозные организации (Муфтият РД, Махачкалинская епархия РПЦ и Централизованная религиозная организация иудейских общин РД), в то время как представители других религиозных течений и групп в исламе остаются за рамками данной политики, что чревато их дальнейшим отчуждением от государственно-конфессиональных отношений.

Помимо основных антагонистов (салафиты и суфии), а также перечисленных этноконфессиональных сообществ мусульман, в Дагестане присутствуют и достаточно маргинальные группы мусульман (так называемые безмазхабники, крачковцы, представители запрещенной в России «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», нурсисты и пр.). При этом мозаика форм ислама в Дагестане и на Северном Кавказе в целом, по мнению исследователей, со временем будет только усложняться, и это, безусловно, требует своего учета в религиозной политике [4: 62].

В РД в настоящее время не выявлено резонансных конфликтных ситуаций, связанных с религиозной сферой жизни. Власти

своевременно реагируют на отдельные случаи, которые могут привести к ухудшению ситуации в этой сфере. Чаще всего конфликтные ситуации в исламской религиозной среде в Дагестане возникают сегодня из-за имущественных вопросов, а также из-за назначения или избрания имамов мечетей, что в определенной степени связано с политикой Муфтията РД, направленной на подчинение в долгосрочной перспективе себе всех мусульманских общин Дагестана. Нередко в подобных конфликтах звучат обвинения в адрес тех или иных религиозных деятелей в приверженности их к радикальным религиозным течениям. Поэтому важным становится своевременное миротворческое вмешательство властей в назревающие конфликтные ситуации с привлечением представителей не только Муфтията РД, но и других авторитетных религиозных деятелей, имеющих влияние на религиозную общину.

В целом государственно-конфессиональные отношения в Дагестане выстраиваются сегодня в позитивном ключе и представляются взаимовыгодными для органов государственной власти и духовенства. Вместе с тем целесообразным было бы расширить круг исламских религиозных организаций и авторитетов, с которыми сотрудничают органы власти, поскольку ислам в Дагестане весьма мозаичен и государству в этих условиях важно найти правильные формы взаимодействия с исламскими сообществами, не допуская маргинализации тех или иных конфессиональных групп. Это сотрудничество государства с исламскими религиозными объединениями в Дагестане должно быть не только взаимовыгодным, но и прямо направленным на укрепление мира.

Источники и литература

1. Абдулагатов З.М. Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан): монография. Махачкала, 2021.

2. Саграмосо Д., Ярлыкапов А.А. Джихадистское насилие на Северном Кавказе. Политические, социальные и экономические факторы // Кавказский сборник. Т. 13 (45). М., 2021. С. 305–326.

3. Шихалиев Ш.Ш. Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 2. С. 323–346.

4. Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: ре-исламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4 (50). С. 59–74.

В.Б. Бесолов

КОНЦЕПЦИЯ ФАМИЛЬНО-РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДРЕВНИХ КАВКАЗСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И СТРАТЕГИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ В БИОСФЕРЕ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Регион Альпийско-Гималайского горного пояса и, в частности, Большого Кавказа изобилует всеми видами природных богатств, столь необходимых для жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека и общества. Надо полагать, поэтому люди издревле селились и в сложных по морфологии ущельях рек, и на труднодоступных склонах, и на вершинах гор Большого Кавказа. В ходе археологических раскопок было установлено, что человеческие сообщества с древнейших времен обитают на всем протяжении Главного Кавказского хребта. В разное время на Кавказе создавались замечательные по форме, пластике и декору, образу и стилю архитектурно-художественные произведения и предметы декоративно-прикладного искусства.

Методологической основой углубленного исследования горных поселений древнего и средневекового Большого Кавказа должен выступать принцип архитектуроведческого компаративизма. Для его полноценной реализации необходимо строго по синхронистическому принципу составить визуально-графический ряд архитектурных морфотипов поселений, а также жилищ — патриархальных башенных и тухумных фаланстеров — всех коренных горских народностей Большого Кавказа. И только после этого можно приступать, с непременно́м учетом достижений географических, ботанических, исторических и филологических наук, к всеобъемлющему анализу проблемы автохтонности архитектурных явлений и процессов, выявлению особенностей

архитектуры и планировки этапных поселений — стадийных реликтов, определению их этнической самобытности, художественного своеобразия и фортификационного совершенства.

При анализе системы расселения в горах Большого Кавказа в эпоху древности и Средневековья важно учитывать этнические и социальные особенности региона, экономические и производственно-хозяйственные факторы, природные строительные ресурсы и стратегические преимущества местонахождения горных поселений (аулов), характер их планировочной структуры и пространственной композиции, условия длительной осады и долговременной обороны, специфику дорог, мостов, родников и других дорожных и придорожных сооружений.

Разрабатывая научную концепцию фамильно-родовой принадлежности древних кавказских поселений, автор статьи опирался на научные идеи, выдвинутые корифеями истории архитектуры народов Кавказа, прежде всего, горной зоны республик Северного Кавказа, в частности: Дагестана — Н.Б. Баклановым [1], А.Ф. Гольдштейном [4], Г.Я. Мовчаном [12], С.О. Хан-Магомедовым [15]; Чечни — Л.М. Ильясовым [6]; Ингушетии — М.Б. Мужухоевым [13]; Осетии — С.С. Кригер [7], Балкарии — Э.Б. Бернштейном [3], Карачая — А.Я. Кузнецовой [8].

Для изучения вопросов фамильно-родовой принадлежности древних поселений Большого Кавказа большое значение имеют поселения горских народностей, поныне живущих в Горной Грузии, — это хевсуры, тушины, мохевцы, пшавы, мтиулы, гудамарцы, сваны, рачинцы, лечхумцы. Первостепенный интерес представляют и научные концепции ведущих грузинских этнологов и историков архитектуры, исследователей поселений горских народностей: С.И. Макалатия [9], Г.И. Лежава и М.И. Джандиери [5], В.В. Бардавелидзе [2], А.И. Робакидзе [14], В.Г. Цинцадзе и Р.С. Меписашвили [11] и др.

В качестве ведущих факторов полноценного функционирования горных поселений в ареале Большого Кавказа следует рассматривать ландшафтно-климатические условия и исторические обстоятельства. Во-первых, в традиционной архитектуре ландшафтно-климатические и сейсмические реалии не просто являются природным лоном формирования и развития горных

поселений, но также оказывают детерминирующее воздействие на характер и облик каждого поселения, независимо от его национальной принадлежности. Во-вторых, этническая культура, социальные отношения, хозяйство и быт конкретной горской народности отображаются в планировочной структуре, пространственной композиции и выразительности эстетического образа горного поселения. В-третьих, отнюдь не язык и даже не религия являлись ведущими факторами при формировании и развитии горного поселения, а экологические реалии, ландшафтно-климатическая матрица и конкретно-историческая ситуация каждого горского племени и народа во временном континууме. Таковы авторские наблюдения при выполнении натурных обмеров горного поселения с последующей подготовкой сугубо архитектуроведческих исследований.

Процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных поселений происходил с глубокой древности у всех горских народностей срединной и восточной части Большого Кавказа, радикально отличающихся по языку и диалекту, но близких по антропологической общности, названной специалистами кавкасионским антропологическим типом [16: 353–358], а также обнаруживающих сходства в духовной, материальной, художественной культуре. Архитектурные объекты коренных горских народностей Большого Кавказа отличаются признаками сходства в типологии плана, структуре внутреннего пространства и формообразования наружных масс, строительной технике.

Обитатели северного и южного склонов гор Большого Кавказа созидали жизнь почти в идентичных природных условиях и пребывали в схожих исторических ситуациях, так как находились в похожей обстановке во все исторические периоды этнокультурного развития. Эмпирические знания у горцев преимущественно передавались от старшего поколения к желающим перенять их младшим представителям племени, рода, народа. Творческий опыт и умение, как правило, переходило от мастера к его ученику в процессе длительной совместной творческой деятельности. Если взглянуть в первом приближении на горные поселения

обитателей Большого Кавказа, то не только своеобразные поселения и самобытные жилища горских народностей, но также их уникальные святилища, башенные и склеповые сооружения будут казаться в целом одинаковыми, всего лишь с некоторыми отличиями во фрагментах и деталях.

Каждое горное поселение коренных горских народностей очерченного нами ареала Большого Кавказа — это архитектурно-планировочный ансамбль, образовывавшийся на протяжении длительного времени. Формирование горных поселений происходило постепенно и закономерно на стратегически выгодных местах склонов гор и вершинах горных отрогов. Архитектурно-планировочный ансамбль горного поселения Большого Кавказа состоит, прежде всего, из общественно-культурного ядра — маленькой площади, являющейся исходной ячейкой планировочной структуры и пространственной композиции горного поселения. Как правило, на солнечной стороне этой площади располагалось организованное место, оборудованное каменными или деревянными седалищами, удобными для восседания почтенных старейшин горного поселения, а также находилось строение — мужской дом, в котором ежедневно сменялась группа молодых и стойких парней — горских рыцарей, бдительно охранявших покой и хозяйство обитателей горного поселения.

Вокруг эта площадь застраивалась характерными горскими жилищами: изначально устремленным ввысь крупным, четырехугольным в плане башенным сооружением, а позднее, на его основе, горизонтально развивающимся длинным жилищем-фаланстером с крытой террасой и с тыла примыкающими к нему постройками хозяйственного и производственного назначения. В особых местах у окраины или же вблизи поселения находились объекты дозора и обороны (сторожевые башни), а рядом с поселением располагались мемориальные объекты — усыпальницы (склеповые сооружения). Традиционно в труднодоступных местах сооружались сакральные объекты — святилища. Узкие и извилистые улицы прокладывались с учетом рельефа местности. По стратегическому принципу формировался архитектурный образ и создавалась морфология горного поселения на более пологих горных склонах Большого Кавказа.

Автор этих строк не приемлет в качестве постулата предположение С.О. Хан-Магомедова [15] о конфессиональном обосновании процесса поквартального образования крупных материально-организованных жилых структур дагестанского аула. Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности. И уже тогда существовали отдельные квартальные площадки и самостоятельные общеаульские площади, предназначенные для мужских союзов, т.е. заседания народного совета старейшин. Так что мечеть и минарет появились в горных аулах Дагестана гораздо позже и не имели основополагающего значения в формировании планировочной структуры и пространственной композиции домостроительства.

Совершенно иными были планировочная структура, пространственная композиция и архитектурный облик террасовидных горных поселений, находящихся на крутых склонах и вершинах горных отрогов Большого Кавказа. Весьма характерно, что горные поселения формировались снизу вверх по наклонному вектору горного склона, являющемуся четвертым измерением в традиционной архитектуре горских народов, издавна обитающих в странах Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии.

Повторим ключевую для настоящей работы мысль: отнюдь не случайно в традиционной архитектуре и строительной технике обитателей северного и южного склонов гор Большого Кавказа имеется много черт и признаков сходства в типологии, формообразовании, эстетической выразительности, лапидарном декоре, художественном образе и стиле. Вполне закономерен и обоснован реальный исторический факт: горные поселения и жилища, святылища, башенные и склеповые сооружения коренных горских народностей отличаются общностью архитектурно-планировочной морфологии, ареальным единством типов и форм, жанровой и творческой однородностью по той причине, как выявил Н.Я. Марр, что с глубокой древности горские племена и народности, проживающие в очерченном нами ареале Большого Кавказа, развивались на сформированной в древнейшую эпоху самими горскими племенами общей культурной подоснове [10].

В планировочной структуре и пространственной композиции каждого горного поселения, в семантике эстетического облика и символике художественного образа отобразено мировоззрение конкретных племен и народностей Большого Кавказа, архаичность его представлений о жилище для живых и усопших, о характере материальной организации сакрального пространства, то есть фамильно-родовое представление кавказских горских народностей о строении мироздания. Каждое из горных поселений анализируемого региона было основано первой жилой ячейкой большой патриархальной семьи, старейшиной рода и фамилии. С течением времени эти семьи разрастались, поэтому некоторые более архаичные горные поселения превратились в огромные по территории и численности населения этноцентры, ставшие в минувшем веке центрами конкретных районов Дагестана и других республик Северного Кавказа, а также Южной Осетии и горной Грузии.

По такому естественноисторическому пути развивались горные поселения, которые фактически превратились в сельские патронимии или, иначе, самостоятельные тухумы со своими этнокультурными традициями, соседскими отношениями и социальным укладом. За длительный период патронимия обрела организованную по законам гор и седовласых горских рыцарей уникальную материально-пространственную среду обитания, наиболее рациональную для жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Необходимо иметь достаточно ясное представление о том, что система мироощущения, мировосприятия как стержневая основа национального своеобразия культуры непрерывно возобновляется при динамичном пребывании конкретной этнической общности в свойственных ей естественных условиях, материальных структурах и географических параметрах.

Предлагаемую в заглавии статьи тему создания концепции фамильно-родовой принадлежности древних поселений и стратегии этнокультурного развития горских народностей в биосфере Большого Кавказа вполне возможно истолковать в аспекте ландшафтоведения и климатологии, дикой флоры и фауны, то есть физической географии, ботаники и зоологии. Нас же основательно интересуют проблемы и причины стремительных

темпов иссякания людского ресурса в горных поселениях Большого Кавказа и других горных стран, являющихся прародиной фамильно-родовых патриархальных общин, из которых в последующем сформировались сельские общины, патронимии, — поселениях, ныне постепенно превращающихся в развалины и руины.

В первой половине XX в. представителей всех коренных горских народностей Большого Кавказа в принудительном порядке вынуждали покинуть горы и насильственно переселяли с гор на равнинную территорию Предкавказья. Но уже с середины XX в. никто не заставлял покидать родовые очаги своих предков и переселяться в города и поселки городского типа, переезжать за пределы своих республик. Именно с миграцией представителей народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. и в XX в. произошел разрыв исторической памяти каждой из горских народностей Большого Кавказа. Как свидетельствует жизнь в полиэтничных горных изолятах Большого Кавказа и Западного Памира, высокий уровень традиционной архитектуры стабильно развивался до того момента, пока этнокультурный регион не оказывался в единой системе инфраструктуры с предгорной и равнинной территорией. Изолированность, замкнутость, закрытость являлась естественно-историческим условием имманентного развития народного зодчества, художественного творчества, этнической культуры, хозяйства и быта, в частности архитектуры горных поселений. Вопреки этому, открытость и налаженные коммуникации с внешним миром стремительно отражались на качестве и характере архитектуры горных стран. Новые веяния резко меняли, казалось бы, неизменные, уже устоявшиеся строительные традиции, и вследствие этого исчезает культурная самобытность горских племен и народностей древнего и средневекового Кавказа.

Обретая прочные знания в области консервации и реставрации отдельных объектов архитектурной старины, реконструкции древних планировочных структур, двигаясь в унисон с развитием строительной техники и прогресса в организации строительства и технологии производства строительных работ, мы не в состоянии или же не желаем сохранить наши родовые горные поселения. Вместо того чтобы приступить к реанимации горных поселений

и воссозданию первоначального образа, к налаживанию соответствующей инфраструктуры в горных странах, почему-то представители горских народностей без оглядки покидают родные очаги и тем самым предают забвению своих достойных предков. Разумеется, в сложившейся ситуации повинны не только бывшие жители горных поселений, но также не в меньшей степени и руководители стран Большого Кавказа.

Сейчас настал тот момент, когда горские народности Большого Кавказа могут окончательно лишиться своих родовых корней и истоков выдающейся культурной самобытности, художественного и духовного своеобразия, архаического языкового родства. Потомкам ушедших из родного края кавказцев предстоит взять на себя миссию возрождения историко-этнической памяти своих родителей и всех поколений предков с целью воссоздания былого величия и сохранения архитектурно-планировочных ансамблей горных поселений Большого Кавказа, вернуться к родному очагу. На данном этапе стратегически важно если не приостановить, то хотя бы замедлить движение миграционных потоков коренных народностей Большого Кавказа с гор на равнину, чтобы сохранить этнокультурную особенность горских поселений Дагестана и других горных стран Балкано-Кавказо-Памирского горного пояса Евразии.

Источники и литература

1. Бакланов Н.Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935.
2. Бардавелидзе В.В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии: в 3 т. Тбилиси, 1974–1985.
3. Бернштейн Э.Б. Архитектура балкарского народного жилища. М., 1993.
4. Гольдштейн А.Ф. Специфика и генезис архитектуры Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XII–XIV веков: дис. ... д-ра архитектуры. М., 1977.
5. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М., 1976.
6. Ильясов Л.М. Тени вечности: чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004.

7. Кригер С. Архитектура горных селений Северной Осетии // Архитектурное наследство. 1953. № 3. С. 148–154.

8. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.

9. Макалатия С.И. Тушетия: историко-этнографический очерк. Тбилиси, 1983.

10. Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа: классификация народов Кавказа (рабочий проспект). Петроград, 1920.

11. Меписашвили Р.С., Цинцадзе В.Г. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975.

12. Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба: по материалам авторских обследований 1945–1964 гг. М., 2001.

13. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII вв.). Грозный, 1977.

14. Робакидзе А.И., Гегечкори Г.Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии / Кавказский этнографический сборник. Вып. V, 1. Тбилиси, 1975.

15. Хан-Магомедов С.О. Архитектура Южного Дагестана V–XIX вв. М., 1969.

16. Deniker J. The Races of Man: An Outline of Anthropology and Ethnography. London, 1915.

Раздел V

Кавказ в системе геополитических интересов мировых и региональных держав. Вооруженные конфликты и их последствия

А.А. Боголюбов

КАВКАЗ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ПОЛЬШИ

Такой многонациональный и многоконфессиональный регион, каким является Кавказ, всегда привлекал внимание и являлся сферой геополитических интересов не только ведущих мировых держав каждой эпохи, но и находившихся от него в относительной близости региональных держав.

В исторический период, с которого предполагается начать данный обзор, (вторая половина XV в.) Польша, хотя и была в значительной степени ослаблена внутренними раздорами, представляла собой одну из крупнейших европейских держав, в силу своего геополитического и геостратегического положения имевшую на Кавказе свои интересы.

Уже тогда польский король Казимир IV Ягеллончик стремился к заключению союза, направленного против Османской империи, с Узун-Хасаном, властителем государства, располагавшегося на территории нынешнего Азербайджана. Посредником тогда выступил Катерино Зено, о котором практически ничего неизвестно [7: 24–25]. Гипотезы о пребывании польских купцов и дипломатов на Кавказе в XVI в. в данной работе рассматриваться не будут, так как являются всего лишь предположениями.

В то же время доподлинно известно, что после поражения в войне с Османской империей 1620 г. Польша стремилась к заключению военного союза с возможными противниками этой

страны. С целью проведения переговоров о возможном военном союзе против Османской империи на Кавказе побывали два польских дипломатических агента. Оба они, по словам польских авторов Богдана и Кшиштофа Барановских, принадлежали к армянской диаспоре города Львова, входившего тогда в состав Речи Посполитой. Один из них, Абгарович (имя, к сожалению, установить не удалось) должен был вести переговоры с черкесскими князьями; другой, Кшиштоф Серебкович (Церебкович?) — с правителями Грузии. К сожалению, переговоры эти закончились безрезультатно.

В конце 1630-х гг. польский король Владислав IV выслал ко двору персидских шахов, находившемуся в Исфахане, посольство во главе с Теофилом Шембергом, старым опытным воином польского приграничья, участвовавшим в войнах с турками и крымскими татарами. Посольство добралось до цели своего путешествия через Москву и Волгу и, проведя переговоры с персидским шахом, выехало обратно, однако было полностью уничтожено горцами Дагестана, которых предположительно подстрекали турецкие агенты [7: 26–27].

В 1637 г. Владислав IV выслал на Кавказ представителя монашеского ордена доминиканцев по имени Иоанн. Этот монах впервые в литературе составил описание Кавказа [17: 43].

В середине XVII в. в Западную Грузию и земли черкесов в качестве польского посла выехал армянин из Замостья (ныне Zamość) Каспер Шиманьский, который, однако, до Грузии так и не добрался [7: 27–28]. Тем не менее ему удалось побывать в 1653 г. в землях калмыков с целью склонить их к совместным действиям против крымского хана. За такого рода сотрудничество польский король Ян II Казимеж обещал выплатить калмыкам 5 тыс. талеров, не говоря уже о совместных скоординированных боевых действиях [18: 112].

Польский дипломат Богдан Гурдзицкий (Грудзецкий?) через Москву, Волгу и Северный Кавказ выезжал в Тбилиси и Исфахан [7: 28–29].

Польский ученый, один из крупнейших специалистов своего времени в области восточных языков, монах ордена иезуитов Иуда Тадеуш Крусиньский, в начале XVIII в. побывал в Закавказье

и одним из первых в Польше составил подробное описание обычаев и быта народов Кавказа [9: 21–22].

Военный инженер Себастьян Андерс под видом купца путешествовал в XVII в. вдоль Черноморского побережья Кавказа, осматривая турецкие береговые укрепления [7: 28].

К сожалению, других материалов, связанных с геополитическими интересами Польши на Кавказе в период до ее упадка и утраты независимости в конце XVIII в., автору статьи обнаружить не удалось. Такого рода деятельность возобновилась сразу же после обретения Польшей независимости в ноябре 1918 г.

Следует отметить, что еще до провозглашения независимости польского государства, летом 1918 г., прибывший в Варшаву из Новороссийска доктор Ярецкий установил контакт с Регентским советом и был назначен его представителем в Тифлисе. С 1 октября 1918 г. эти функции исполнял Вацлав Осторовский, возглавивший учреждение, получившее название Представительство Польского государства на Кавказе [14: 150].

В конце 1918 г., после провозглашения независимости Польши, на Кавказе стали одно за другим возникать польские дипломатические представительства. К сожалению, краткий объем статьи не позволяет подробно рассказать о каждом из них, поэтому кратко остановимся лишь на некоторых.

В Новороссийске консулом был Казимеж Пстроконьский, а вице-консулом — Януш Кнафлевский [14: 159]. Консульство размещалось по адресу: район Стандарт, ул. Садовая, д. 12 [6: 83]. В Сочи бюро уполномоченного консульства с 6 декабря 1918 г. возглавил Ян Пневский, а секретарем был Казимеж Залейский [14: 159]. В Анапе уполномоченным консульства был Промбчевский [14: 320]. Возникли консульский отдел в Гаграх и консульство Екатеринодаре [5: 23]. Консульство помещалось по адресу: ул. Котляревская, д. 77 [6: 432]. Уполномоченным этого консульства в Армавире стал Г.А. Свидзиньский [6: 315].

В организованном 8 декабря 1918 г. консульстве во Владикавказе временным консулом был назначен Гай [5: 194]. В Грозном, в то время окружном городе Терской области, временным консулом стал Юзеф Мыслиньский [5: 194]. Тогда же польское консульское агентство появилось и в Кисловодске [14: 159], располагалось

оно по адресу: пр. Голицинский, д. 3 [3: 6]. Однако вскоре консульство переехало в Пятигорск, бывший в то время, как и Грозный, окружным городом Терской области. На тот момент консульским агентом в нем был Венцлавович [14: 152], а секретарем — Яцкевич [3: 6]. После его отъезда агентом был С. Кретам [3: 4], а после его отъезда — инженер Ян Мацейовский [14: 152]. Секретарем консульского агентства был капитан Влодзимеж Лабуко [3: 54], с 15 апреля 1919 г. ставший также руководителем военного отдела консульства [14: 152]. Позднее, уже в 1920 г., секретарями консульского агентства были В. Добкевич (Бобкевич?) [3: 76] и Ю. Абрамович [4: 123]. Все годы Гражданской войны на Кавказских Минеральных Водах также функционировал Польский совет по делам беженцев, успешно сотрудничавший с польским дипломатическим представительством [3: 18, 64]. Имеются отрывочные сведения о существовании в тот период польского консульства в Дагестане [3: 159].

В период Гражданской войны на Кавказе существовали и польские военные структуры. Так, например, с весны до осени 1918 г. в Пятигорске существовал Польский легион, группа военнослужащих которого после его разоружения и роспуска этого формирования частями Красной армии сумела под командованием Люция Орловского пробиться к частям 4-й Польской стрелковой дивизии, находившейся в Екатеринодаре [15: 88]. Дивизией этой командовал генерал Люциан Желиговский, который после эвакуации большей части дивизии морем в Одессу приказал сформировать Отдельную польскую стрелковую бригаду под командованием Станислава Малаховского. Бригада также была эвакуирована с Кавказа и 1 декабря 1918 г. прибыла в Одессу [12: 330].

Материалы об эвакуации поляков с Кавказа в период Гражданской войны, а также репатриации их сразу после ее окончания вряд ли можно отнести к свидетельствам проявления геополитических интересов Польши в регионе. Поэтому такого рода свидетельства не будут рассматриваться в данной работе.

Весьма интересным проявлением геополитических интересов Польши на Кавказе является тот факт, что в 1920-е гг. в Польшу приезжали не только репатриированные из региона поляки, но и представители народов Кавказа. По личному распоряжению

Юзефа Пилсудского, принятому на рубеже 1922–1923 гг., молодым людям из региона было предоставлено право обучаться в польских военных училищах с возможностью в дальнейшем продолжить службу в рядах польской армии [13: 230].

В 1930-х гг. можно наблюдать некоторую активность польских дипломатов и путешественников на Кавказе, связанную с усилением внимания польского государства к своим геополитическим интересам в регионе.

В июне 1934 г. по Кавказу путешествовал польский журналист Ян Станислав Берсон, писавший под псевдонимом «Отмар». Тогдашний польский посол в Москве Юлиуш Лукасевич предложил Берсону совместное путешествие из Москвы по Волге и далее до Ростова-на-Дону, откуда они должны были автомобилями на Кавказ через Орджоникидзе доехать до Тифлиса (старые названия Владикавказа и Тбилиси соответственно). Встретивший обоих путешественников в Ростове польский консул в Тифлисе Ежи Клопотовский уговорил их ехать до Беслана (близ Орджоникидзе) поездом, сославшись на плохое качество автодорог и низкий уровень обслуживания автопутешественников [8: 77–78]. Я.-С. Берсон подробно описывает свои встречи с представителями разных народов, населяющих Кавказ, и те перемены, которые внесло в их жизнь установление в регионе советской власти [8: 79–82, 89–90]. Дальнейший путь польского посла и Яна Станислава Берсона лежал через Грузию до Батуми, далее по морю в Крым и через Украину в Москву.

Летом и осенью 1935 г. по Кавказу путешествовал капитан Мечислав Б. Лепецкий, адъютант умершего незадолго до этого Юзефа Пилсудского. Посетив города-порты Северного Кавказа, М.Б. Лепецкий совершил путешествие по трем союзным республикам Южного Кавказа — Грузии, Армении и Азербайджану. Его описание этих регионов можно охарактеризовать как энциклопедические статьи о них [11].

В дальнейшем, вплоть до начала Второй мировой войны, какие-либо следы геополитической активности Польши на Кавказе автору статьи обнаружить не удалось. Вряд ли можно назвать проявлением такого рода активности пребывание польских беженцев на Кавказе на заключительном этапе Великой Отечественной

войны. Тем более что вопрос этот подробно освещен автором статьи в его предыдущих публикациях [1; 2].

В советский период, когда отношения между СССР и ПНР были весьма доверительными и союзническими, следов геополитического влияния Польши на события в регионе также не прослеживается. В качестве иллюстрации тогдашних советско-польских отношений можно назвать изданный в 1979 г. путеводитель по Кавказу Градины и Анджея Милош, содержащий весьма много интересных сведений о регионе, в том числе исторических [16].

Постсоветский период на Кавказе можно охарактеризовать как возрождение стремления Польши обозначить свои геополитические интересы в регионе. С одной стороны, это стремление поддерживать возникшие практически повсеместно в регионе польские национально-культурные объединения в их образовательной деятельности, выпуске собственных периодических изданий, стремлении поддерживать связи с исторической родиной, в том числе принятием на учебу в Польшу представителей этих сообществ. С целью поддержания контактов с польскими НКО при консульском отделе посольства Республики Польша была даже учреждена должность консула по связям с Полонией. Свидетельством укрепляющихся связей с исторической родиной можно считать даже религиозную жизнь, учитывая, что подавляющее большинство служивших и служащих на Кавказе католических священников были и есть по национальности поляки¹. С другой стороны, геополитический интерес Польши к Кавказу в постсоветский период порой можно было охарактеризовать как «Враг моего врага — мой друг». Речь идет о первой чеченской кампании (1994–1996 гг.), которая, как известно, закончилась для России неудачно. По окончании этой войны в Польше появились посвященные ей книги и альбомы, в том числе журналиста Мирослава Кулебы (не путать с нынешним министром иностранных дел Украины — однофамильцем!), в которых с нескрываемой симпатией говорится о чеченских боевиках и с нескрываемым раздражением — о России [10].

Как видно из этого весьма краткого обзора истории проявления геополитических интересов Польши на Кавказе, в ней еще

¹ По собственным наблюдениям автора.

весьма много белых пятен, которые предстоит заполнять будущим исследователям.

Источники и литература

1. Боголюбов А.А. О некоторых особенностях организации труда и быта польских беженцев на Юге РСФСР в 1943–1946 гг. // Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В.Б. Лобанова и др. М., 2020. С. 46–50.
2. Боголюбов А.А. Особенности решения социальных проблем польских беженцев на Юге РСФСР в заключительный период Великой Отечественной войны и по ее окончании // Проблемы фальсификации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (к 80-летию начала Великой Отечественной войны). Армавир, 2021. С. 146–150.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). Ф. Р-3457. Оп. 3. Д. 9.
4. ГАСК. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 1.
5. Archiwum Akt Nowych. Zesp. 322. Sygn. 6674.
6. Archiwum Akt Nowych. Zesp. 512. Sygn. 3.
7. Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. Łódź, 1985.
8. Otmar Berson J. Minus Moskwa (Wołga — Kaukaz — Krym). Warszawa, 1935.
9. Kolbaja D. Juda Tadeusz Krusiński SJ — misjonarz, uczonec, dyplomata. Życie i dzieło // Pro Georgia. 1992. № 2. S. 19–25.
10. Kuleba M. Imperium na kolanach. Wojna w Czeczeni 1994–1996. Warszawa, 1998.
11. Lepecki M.B. Sowietcki Kaukaz. Podróż do Gruzji, Armenii i Azerbejdżanu. Warszawa, 1934.
12. Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990.
13. Materski W. Georgia rediviva. Republika Gruzińska w stosunkach międzynarodowych 1918–1921. Warszawa. 1994.
14. Mądziak M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji na przełomie XIX i XX wieku. Lublin, 1987.

15. Mądzik M. Polacy w Piatigorsku na przełomie XIX i XX wieku // Rota. 1997. № 2/3 (26/27). S. 86–88.

16. Miłoszowie G. i A. Kaukaz. Warszawa, 1979.

17. Neumann K.F. Rußland und die Tscherkessen. Stuttgart; Tübingen, 1840.

18. Wróbel-Lipowa K. Działalność dyplomatyczna Ormian polskich w XVI–XVIII wieku // Studia z dziejów kontaktów polsko-ormiańskich / pod red. M. Zakrzewskiej-Dubasowej. Lublin, 1983. S. 106–114.

Д.С. Кидирниязов, М.-П.Б. Абдусаламов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ДАГЕСТАНСКИХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ В ПЕРИОД УПАДКА ДЕРЖАВЫ СЕФЕВИДОВ (1707–1721 гг.)

В начале XVIII столетия в политике Турции и России на Кавказе проявилась заметная активность, вызванная глубокими трансформациями во внутреннем развитии и международном статусе этих держав. Основу их пассионарности составляли глубинные и противоречивые причины. Россия, в петровскую эпоху совершившая прорыв в социально-экономической, военно-политической и культурной сферах жизни общества, благодаря модернизации страны царем-реформатором Петром I, деятельно планировала прорыв на восток и на запад, то есть хотела получить выход к Каспийскому и Балтийскому морям [9: 106–108]. Османская империя, в свою очередь, переживавшая с середины XVII в. упадок всей государственной системы, находилась в состоянии структурного кризиса, отразившегося на ее военной, политической и экономической мощи [12: 29]. Поражение в войне со Священной лигой в конце XVII в. и заключение невыгодного для нее Карловицкого мирного договора, констатировавшего не только военное поражение, но и территориальные потери Порты, вынудили ее правящие круги взять реванш на Кавказе, захватив персидские провинции, а также утвердиться на западном побережье Каспия [4: 22].

В начале XVIII в. позиции соперничавших на Кавказе держав были такими: под властью Турции находились кабардинцы, жившие в районе Кубанского бассейна и в Причерноморье, а также Западная Армения, Абхазия и Западная Грузия; под властью Сефевидов — Восточная Армения, Восточная Грузия, Азербайджан и Дагестан. Позиции России на Северо-Восточном Кавказе в целом на рубеже XVII–XVIII вв. ограничивались незначительным участком на Каспии с укрепленной Терской крепостью и расположенными на левобережье Терека несколькими станицами гребенских казаков [15: 38].

Благоприятную обстановку экспансионистским замыслам султанской Турции на Кавказе создавали глубокий упадок державы Сефевидов, переживавшей серьезнейший структурный кризис, и Северная война, приковавшая все силы и средства России [2: 8].

Очевидно, что усиление наступательной политики султана Ахмеда III в регионе не было случайным и имело непосредственное отношение к антишахским восстаниям в Ширване и Дагестане [7: 153, 156]. При этом можно условно выделить три основных этапа антисефевидских восстаний: 1) 1707–1712 гг.; 2) 1713–1719 гг.; 3) 1720–1721 гг. Внешнеполитическая ориентация дагестанских владетелей определялась сложившейся сложной обстановкой в регионе и менялась в зависимости от позиций противоборствующих держав [8: 139].

Вспыхнувшие в 1707 г. в Джаро-Белоканах антисефевидские волнения в скором времени охватили азербайджанцев, лезгин, табасаранцев, цахуров, рутульцев, кумыков и др. [14: 171]. В освободительное движение народов включились феодальные владетели Алисултан Цахурский, Сурхай-хан Казикумухский, Ахмед-хан Кайтагский, Хаджи Дауд Мюшкюрский, преследовавшие свои узкие политические интересы [8: 140].

Военно-политическое ослабление Ирана резко отразилось на внешнеполитическом курсе местных владетелей, часть из которых пошла на сближение с Турцией, но большинство, в частности кумыкские, тяготели к союзу с Россией [3: 82, 85].

В связи с указанными выше событиями вектор кавказской политики России в скором времени переместился из Кабарды

в Дагестан, который для русского правительства стал приобретать стратегическую значимость, обусловленную стремлением решить каспийскую проблему.

Политическую ситуацию, сложившуюся в Дагестане в начале XVIII в., как никто лучше показал дворянин А.И. Лопухин, входивший в состав посольства А.П. Волынского в Персию, в своем «Журнале путешествия через Дагестан в 1718 г.» [11]. В частности в нем освещены внешнеполитическая ориентация дагестанских владетелей, их взаимоотношения и т.д. 10 марта 1718 г. А.И. Лопухин был отправлен А.П. Волынским с частью посольства сухопутным маршрутом из Шемахи в Астрахань [10: 30–31]. 20 марта команда А.И. Лопухина прибыла в Дербент. При нем имелись сопроводительные письма от Кей Хосров-хана Шемахинского и А.П. Волынского, адресованные дербентскому правителю, кайтагскому уцмию Ахмед-хану, Умалату Казанищенскому и Адиль-Гирею Тарковскому. Однако А.И. Лопухин со своей командой надолго задержался в Дербенте (до 19 апреля). Причиной тому явились междоусобицы местных владетелей, их различная внешнеполитическая ориентация, крайнее ослабление Ирана и, как следствие этого, антишахские восстания [8: 143–144].

Думается, что просьба беглербега Кей Хосров-хана и А.П. Волынского местным владетелям, в частности Ахмед-хану Кайтагскому, Адиль-Гирею Тарковскому и Умалату Казанищенскому, объяснялась не только их значимостью для политической жизни Дагестана, но и, вероятно, тем, что шамхал Адиль-Гирей в ходе антисефевидских волнений стал медленно отходить от шаха, круша надежды исфаханского двора. Было очевидно, что тарковский правитель взял последовательный курс на сближение с Россией [5: 72]. Что касается уцмий Ахмед-хана, то он после неудавшейся попытки повстанцев овладеть Шемахой в 1712 г. отошел от дальнейшей антисефевидской борьбы и предпочел не доводить до эскалации конфликт с исфаханским двором. Более целесообразным уцмий посчитал сохранение свободы действий во внешней политике.

Шахское правительство осознавало стремление Адиль-Гирея Тарковского к союзу с Россией и теперь делало ставку на противников шамхала — Мургузали Бойнакского и Умалата

Казанищенского [5: 73]. Надо понимать, что в сложившейся ситуации признание Адиль-Гирея шамхалом со стороны персидского шаха не имело смысла. Ведь традиционно местные правители во внешней политике ориентировались на сильную державу. Как мы выше отмечали, Персия переживала серьезный упадок. Трезво оценив установившейся баланс сил между Ираном и Россией, Адиль-Гирей Тарковский стремился принять российское подданство [1: 195]. В 1717 г. он писал русскому царю Петру I, что кумыки, казикумухцы, кайтагцы, их предводители, начальники, старшины согласны принять подданство России. Также он уверял, что персы не смогут этому противостоять [13: 49–50]. В 1718 г. шамхал Адиль-Гирей официально вступил в российское подданство.

Далеко не все из дагестанских владетелей оказались пронизательными, они не смогли сформировать прагматичную внешнеполитическую линию. В записках А.И. Лопухина отразились междоусобная борьба местных владетелей, соотношение сил, а также тенденции их внешнеполитической ориентации, характерные и для последующего периода [11: 10].

Для проезда из Дербента в уцмийство Кайтагское необходимо было добиться официального разрешения и письменного заверения уцмий, что тот берет обязательство доставить А.И. Лопухина с командой до границы шамхальства Тарковского. На доставленные 2 марта письма от А.П. Волынского и Кей Хосров-хана Шемахинского уцмий Ахмед-хан ответил отказом, аргументируя это тем, что он не находится в подданстве ни у персидского шаха, ни у русского царя и, соответственно, не гарантирует безопасность А.И. Лопухину в его проезде [11: 19].

В дело вмешался терский комендант. Под его давлением Адиль-Гирей Тарковский смог добиться согласия уцмий Ахмед-хана обеспечить А.И. Лопухину и его команде безопасность.

16 апреля в Дербент из Терского городка для безопасного сопровождения А.И. Лопухина прибыл кабардинский мурза Али с 11 охранниками. В сопровождении этого конвоя 19 апреля А.И. Лопухин со своей командой выехал из Дербента. Маршрут команды Лопухина пролегал через владение Муртузали Бойнакского. 21 апреля на р. Куц, служившей границей

между уцмийством и владением султана Махмуда Утемышского, к А.И. Лопухину прибыл сам утемышский правитель. Он затребовал у А.И. Лопухина плату за проезд по территории его владения в размере 50 руб. и пять коней, с чем и пришлось согласиться. Однако вблизи Каякента на команду А.И. Лопухина, состоявшую из 40 чел., внезапно напали султан Махмуд Утемышский вместе с людьми своего двоюродного брата уцмий Ахмед-хана и дядя Муртузали Бойнакского с его нукерами. Нападавшие, по свидетельству А.И. Лопухина, хотели всех их «известить» [11: 34]. Однако ему, несмотря на численное превосходство противника, удалось дать отпор. Потери при этом были незначительными.

Недалеко от Бойнака к А.И. Лопухину прибыл Канбулат, брат Муртузали Бойнакского. Он же поздно вечером 21 апреля привел А.И. Лопухина и его команду в Бойнак. Сам Муртузали при встрече с русскими заверил их в своей верности царю, стараясь при этом показать свое сожаление по поводу нападения на А.И. Лопухина и его людей. Интересно, что, по мысли бойнакского владельца, виновником случившегося инцидента был султан Махмуд Утемышский, заранее сговорившийся с кайтагским уцмием напасть на них [11: 36].

Но на следующий день 22 апреля А.И. Лопухин узнал от некоего русского невольника, что к Муртузали Бойнакскому от султана Махмуда Утемышского был отправлен специальный курьер со злым умыслом. Поняв опасность создавшегося положения, А.И. Лопухин срочно инициировал отъезд в Тарки и попросил Муртузали помочь в этом. Однако Муртузали Бойнакский отказался провожать А.И. Лопухина до Тарков, утверждая, что он с Адиль-Гиреем Тарковским во враждебных отношениях. Зато выразил готовность проводить до Казанища к Умалат-шамхалу [11: 37].

Невзирая на решительный отказ А.И. Лопухина ехать в Казанище, Муртузали Бойнакский, планировавший выдать русских в руки Умалата Казанищенского, якобы согласился ехать в Тарки, при условии, что по дороге заночуют в его деревне, находящейся на полпути в Тарки. Прибывший из Терского городка для сопровождения А.И. Лопухина кабардинский мурза Али предупредил его, что та деревня — Умалата Казанищенского, а не Муртузали. Как полагал служилый мурза Али, бойнакский владелец

намеренно хотел отдать А.И. Лопухина с его командой в руки Умалата Казанищенского, явно придерживавшегося протурецкой ориентации [11: 38].

Планы владетелей Мургузали и Умалата оказались сорванными благодаря находчивости и настойчивости А.И. Лопухина. Бойнакскому владетелю ничего другого не оставалось, как проводить А.И. Лопухина прямым маршрутом до р. Манас, служившей границей между владениями Мургузали и шамхала Адиль-Гирея. А.И. Лопухин со своей командой 22 апреля благополучно добрался до Тарков, где был радушно встречен шамхалом Адиль-Гиреем [11: 39–40].

Адиль-Гирей Тарковский известил А.И. Лопухина о том, что готов его с людьми проводить до Сулака, где их будет ожидать для последующего препровождения в Терки Султан-Махмуд Аксаевский. 2 мая команда А.И. Лопухина под охраной Тарковского шамхала прибыла на Сулак. Здесь их ждал аксаевский владетель Султан-Махмуд, обеспечивший безопасную доставку команды в Терки, что и произошло 5 мая 1718 г.

Примечательно, что перед отбытием от Сулака кумыкские правители Адиль-Гирей Тарковский и Султан-Махмуд Аксаевский сделали следующее заявление: «Нашей надежды от неприятелей горских кроме государя (Петра I. — Д.К., М.-П.А.) нет, все нас здесь ненавидят обоих за то, что мы государю обещались служить, ежели он, государь, повелит прислать к нам на помощь своего войска, то мы можем завоевать под ево государево владение всех владельцев горских, и было бы здесь всегда в проезде смирно, не смел бы никто слово молвить, не токмо что сделать» [11: 40].

Следует отметить, что тарковский правитель, выражая свои верноподданнические чувства Петру I, этим не ограничился. Спустя месяц А.П. Волынский в Шемахе получил тайное сообщение от брата шамхала тарковского Атая о намерениях Адиль-Гирея выйти из под влияния персидского шаха и вступить в подданство России. При этом тарковский правитель через Атая выразил свою готовность посодействовать русскому царю по вопросу переговоров о принятии российского подданства с остальными местными владетелями. Однако опытный А.П. Волынский,

только что подписавший взаимовыгодный торговый договор с Персией, беря в учет вероятность отрицательного эффекта исфаханского двора на столь откровенный демарш, дал уклончивый ответ шамхальскому брату Атаю, что русский государь готов с охотой принять всех, кто желает быть на царской службе. Однако при этом А.П. Вольтер не дал письменных гарантий [15: 51].

Внешнеполитическая ориентация дагестанских владетелей, в том числе кумыкских, и их взаимоотношения достаточно ярко показаны в материалах «Журнала» А.И. Лопухина, как, впрочем, и в других письменных источниках. Судя по материалам, последовательным и верным сторонником России выступал тарковский шамхал Адиль-Гирей. Внешнеполитическую пророссийскую позицию занимал и Султан-Махмуд Аксаевский. Вовлеченные в междоусобицы адыгских владетелей эндиреевские князья заняли враждебную позицию по отношению к России и чаще придерживались протурецкой ориентации. Муртузали Бойнакский, ранее получавший денежное довольствие от русского правительства, взял сторону Умалата Казанищенского, бывшего в персидском подданстве. Однако казанищенский владетель Умалат особо не интересовал Петра I, так как был лишен достаточных военных и материальных ресурсов. Тем не менее исфаханский двор использовал его как противовес увеличившемуся влиянию тарковского шамхала [1: 199]. Султан Махмуд Утемышский, находившийся под влиянием уцмий Ахмед-хана, нередко страдал из-за частых изменений во внешнеполитическом курсе кайтагского владетеля. Более того, уцмий Ахмед-хан, спровоцировав нападение султана Махмуда Утемышского на А.И. Лопухина и его команду, остался «чистым» и даже сумел добиться свидетельства тарковского шамхала перед А.И. Лопухиным о том, что он, уцмий, «в сем деле не виноват, и люди ево, которые с вами, они их (нападающих. — Д.К., М.-П.А.) унимали» [11: 40].

Можно сказать, что в рассматриваемый нами период значительных успехов во внешнеполитических делах достиг Сурхайхан Казикумухский. Наряду с тарковским шамхалом он стал влиятельным владетелем в Дагестане. В то время как руководитель антисефевидских восстаний Хаджи-Дауд Мюшкюрский угодил после 1712 г. в дербентскую тюрьму, Али Султан Цахурский

отошел от активной борьбы повстанцев, Сурхай-хан Казикумухский, использовав в своих интересах ослабление Ирана, серьезно укрепил свои позиции в Юго-Восточном и Нагорном Дагестане. Придерживавшийся протурецкой ориентации и принявший подданство Порты, он смог расширить свои владения от Кумуха, Самура и Кюры до Кубы [6: 84]. Политику подчинения своей власти близлежащих сельских обществ в нагорной части Дагестана проводил и Умма-хан Аварский, при этом предпочитавший нейтралитет относительно смутных событий того периода [16: 49].

Владетели Табасарана кадий и майсум, ослабевшие в борьбе против персов, по-прежнему находились в зависимости от шаха. В рассматриваемый нами период, по свидетельству И.-Г. Гербера, в Табасаране правили майсум Магомед и кади Рустам-бек. Оба они находись в подданстве у Персии [5: 114].

Рутульский магал, локализованный в горах Дагестана, был изолирован самой местностью от политической жизни других феодальных владений и находился под шахской властью. Однако по мере разрастания антисефевидских восстаний предводители рутульских обществ, стремясь избавиться от персидской зависимости, взяли курс к союзу с Сурхай-ханом Казикумухским, который, как выше указывалось, придерживался протурецкой ориентации [14: 165].

Дагестанские владетели и в начале 1720-х гг. придерживались этих же позиций, когда антишахская борьба достигла своего пика, положив конец господству Сефевидской Персии на Кавказе. Это в свою очередь инициировало вмешательство в кавказские дела России и Турции, давних геополитических соперников Ирана.

Источники и литература

1. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII — первой четверти XVIII в. М., 2017.

2. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в кавказской политике России в период антииранских восстаний (1707–1721) и распада Сефевидского государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 3. С. 6–12.

3. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008.

4. Абдусаламов М.-П.Б., Алигаджиева З.А. Русско-турецкое противоборство на Кавказе и кумыкские феодальные владения в первой четверти XVIII в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 20–35.

5. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 60–120.

6. Касумов Р.М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723–1813). Махачкала, 2012.

7. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII — середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала, 2016.

8. Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII — конец 20-х гг. XIX в.). М., 2011.

9. Кидирниязов Д.С. Северный Кавказ в международных отношениях в XVII — середине XIX в. Махачкала, 2020.

10. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовый корпус на берегах Каспия (1722–1735 гг.). М., 2010.

11. Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 6–59.

12. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1948.

13. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.

14. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964.

15. Сотавов Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира, 1700–1774 гг. М., 1991.

16. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). Махачкала, 2008.

Н.С. Ткаленко

АНТИРОССИЙСКИЕ ДЕЙСТВИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 1830-х гг.

Завершившаяся 2 сентября 1829 г. подписанием Адрианопольского трактата русско-турецкая война 1828–1829 гг. привела к изменению границ между двумя государствами. Северо-Западный Кавказ переходил в состав Российской империи, а проживавшие здесь народы становились подданными русского государя. Однако Османская империя, не желая терять своего влияния в регионе, начала проводить в нем политику, направленную на подрыв политической стабильности, используя для этого враждебно настроенные к царской власти горские народы. Такая ситуация сохранялась вплоть до заключения Ункяр-Искелесийского договора о мире, дружбе и оборонительном союзе 1833 г., после которого отношения между Портой и Россией нормализовались и начали укрепляться.

Адрианопольский мир не только нанес удар работоторговле и турецко-горским экономическим связям, но и вызвал падение политического авторитета протурецки настроенных феодально-клерикальных элементов среди горского населения [6: 69].

Российские офицеры отмечали, что если вначале вмешательство иностранных агентов в российско-горские дела после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. ограничивалось только советами и внушениями, имеющими цель поколебать мнение о достоверности Адрианопольского мира, то позже все это вылилось в открытую антироссийскую подрывную деятельность [2: 360].

Большое влияние на взаимоотношения сторон оказывал религиозный фактор. Турция издавна стремилась к насаждению мусульманской религии среди закубанских народов. И в первой половине XIX в. ислам стал пользоваться значительной поддержкой

местного населения. Османское правительство стремилось придать религиозным настроениям черкесов антироссийский характер. Так, в письме от 14 апреля 1830 г. генерала Г.А. Эммануэля главноуправляющему на Кавказе И.Ф. Паскевичу было сказано, что Шах-Ахмет — турецкий духовный лидер из Медины — посредством своих записок пытается в горах «возбудить по единокровству фанатизм религии» [16: 12]. Находившиеся в 1830-х гг. на Северо-Западном Кавказе турецкие агенты уверяли шапсугов, абадзехов и убыхов, что в Коране найдено «пророчество», по которому они никогда не будут в подданстве России, если будут вести войну за свою независимость, а также молиться и уважать мусульманское духовенство [6: 81].

По утверждению Ф.А. Щербины, в год заключения Адрианопольского договора в регионе начали появляться турецкие агитаторы с разными поручениями и намерениями. Один из них, Ахмет-паша, как называли его черкесы, был направлен в черкесские земли для возмущения горцев против России. Помимо этого, Ахмет-паша являлся контрабандистом. Прибыв на побережье Северо-Западного Кавказа, он имел при себе команду примерно из 30 чел., а также два орудия, которые он позже оставил своему черкесскому сподвижнику Али-бею. Ахмет-паша был пойман российскими властями и отправлен обратно в Турцию [17: 634–635].

В рассматриваемый период влиятельной личностью из числа антироссийских агитаторов являлся турецкий паша Сеид-Ахмед, который после заключения мира «не переставал обитать и действовать между горскими народами в стране, доставшейся России» [16: 12], распускал слухи о том, что земли Северо-Западного Кавказа по-прежнему принадлежат Турции, а не России. Но после соответствующих предупреждений российского правительства многие турецкие агенты, приближенные к Сеид-Ахмеду, покинули регион, в том числе и сам Сеид-Ахмед [1: 893]. Как отмечал в рапорте Николаю I генерал И.Ф. Паскевич, Сеид-Ахмед до последних дней пребывания в Закубанье именовал себя главноуправляющим горскими деревнями и аулами и был самым главным агитатором всех нападений с закубанской стороны на Линию [9: 131]. Как известно, Сеид-Ахмед проявлял себя в дестабилизации ситуации в регионе против России и ранее,

в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. [15: 109]. Какое-то время Сеид-Ахмед находился в Джубге, откуда направлял в Константинополь на особом судне черкесских депутатов [16: 18].

В регионе в начале 1830-х гг. продолжил свою деятельность и Бекер-бей, который также ранее участвовал в подрывных операциях против России. После давления на Порту российского правительства османские агенты были отозваны [13: 88].

В подрывной деятельности против России на территории Северо-Западного Кавказа участвовал турецкий подполковник Али-бей. Имея паспорт российского посланника и нося польский орден, он в 1833 г. приплыл в Черкесию и начал вести агитационную работу против России. Он убеждал старшин шапсугов и натухайцев не покоряться России, приводя тот ложный факт, что его брат полковничьего чина уже назначен пашою в крепость Анапу, которую в ближайшее время, как и Геленджик, должны были передать Османской империи [10: 79–80]. Али-бей привез из Константинополя письмо от известного черкесского борца за независимость Сефер-бея Заноко с призывом к черкесам не покоряться России, которое он озвучил на р. Пшаде, где собралось около 200 чел. Сам Али-бей занимался работоторговлей и занимался на продаже черкешенок. Вместе с Али-беем был задержан и Гаджи Солейман-оглу [13: 90]. Последний известен своими морскими налетами на торговые судна [16: 40–41].

Сам Сефер-бей Заноко при поддержке Турции вел борьбу с Российской империей и всячески старался сподвигнуть горцев Северо-Западного Кавказа на антироссийское сопротивление. В 1831 г. Сефер-бей покинул Кавказ, уехал в Турцию, откуда старался поддерживать антироссийские выступления горцев, периодически направляя к ним своих посланников и обещая «скорую помощь» черкесам со стороны Османской империи. Известно, что он поддерживал тесные связи и с английским посольством, помогая британским эмиссарам на Северо-Западном Кавказе [10: 82]. Он обнадеживал горцев, утверждая, что Османское государство никогда не передавало их родину России, потому для их освобождения не замедлит оказать военную и денежную помощь. Министр иностранных дел России К.В. Нессельроде обратился к турецкому правительству с просьбой принять необходимые меры

для прекращения этих необоснованных претензий [8: 49]. Но в начале 1835 г. Сефер-бей вновь направлял в Российскую империю письма, которые зачитывали на собраниях адыгов. Он призывал закубанцев не только бороться с Россией, но и расправиться с теми горцами, которые имеют благие сношения с ней, и обещал, что вскоре прибудет вспомогательный флот султана [16: 52].

Подрывную деятельность Османская империя проводила и через бухарских татар. 13 мая 1830 г. генерал А.Д. Безкровный получил донесение от главноуправляющего Екатеринодарского менового двора о том, что 11 мая сюда прибыли 12 бухарских татар, просили о пропуске их на выдержку карантинного срока и в дальнейшем об отправке в Бухару [3: 41–42]. После допроса было выявлено, что эта группа вышла из Астрахани в Мекку для паломничества еще в 1825 г. Завершив путь, среднеазиатские паломники двинулись в Константинополь, где были завербованы. Они сознались в том, что из Константинополя поплыли к берегам Черкесии, выполняя политическую миссию турецкого правительства. На восьми торговых судах «татары» доставили черкесам порох, свинец, соль и другие товары для продажи, письма от Сефер-бея, а также «порох и свинец для паши Турецкого, живущего в горах» [3: 52]. Вскоре они были пропущены через карантинную заставу и отправлены в родные земли, несмотря на их подрывную деятельность в Закубанье [3: 59].

Российское правительство предпринимало меры по пресечению торговли Турции с закубанскими народами [1: 894]. Особое внимание было уделено береговым укреплениям и организации крейсирования российских судов вдоль побережья Черного моря [14: 45–46]. Однако, несмотря на российскую береговую блокаду, на протяжении 1830-х гг. турецкая контрабанда существовала. Горцам постоянно подвозились порох, свинец, железо, сталь, оружие, артиллерия и др., для того чтобы они могли вести борьбу с Россией [13: 60].

Весной 1830 г. Османская империя направила к черкесским берегам 20 судов, построенных в Самсуне, с оружием и порохом на борту. А в конце 1830 г. прибыл транспорт с артиллерией и амуницией. На данном судне также прибыли и четыре унтер-офицера, целью которых было научить горцев пользоваться

пушками [6: 79]. По некоторым сведениям, вскоре должно было прибыть еще 17 судов с «красными» товарами, солью, железом, сталью, свинцом, серой и порохом [16: 17].

В июне 1830 г. российский бриг «Меркурий» застал у Суджук-Кале (на территории современного Новороссийска) 10 турецких кораблей, после чего от османских судов потребовали поднять якоря и отправиться в Анатолию, однако шесть из них вернулись в Геленджик и продолжили торговлю с горцами [16: 18].

14 июля 1830 г. к порту Суджук-Кале прибыло турецкое судно из Анатолии с солью и другими товарами. Турецкий экипаж начал разносить слухи о том, что все укрепления на побережье, где в данный момент находятся российские войска, переходят Порте, а черкесы должны принять османское подданство [16: 19].

14 ноября 1830 г. два российских судна застали шесть османских кораблей в бухте Суджук-Кале. При обыске на них были найдены железо, сталь, оружие, порох, свинец, сера и другие товары [16: 23–24].

Многие сведения об османских судах, только что прибывших к берегам Северо-Восточного Причерноморья, российское правительство получало не только от крейсирующих русских разведывательных судов, но и от местных взятых в плен горцев либо лиц, наоборот, действующих в интересах России.

Проживавший в Закубанье турок Мустафа Кашнилак Оглу донес, что 28 сентября 1831 г. из Константинополя прибыло двухмачтовое турецкое судно с порохом, свинцом и железом; оно было разгружено в ауле Даба, в 15 верстах от Суджук-Кале [16: 26].

В мае 1832 г. подданные России натухаевцы сообщили, что на берегу близ Суджук-Кале имеются две турецкие лавки, где горцы приобретают железо, порох, свинец и другие товары [16: 27].

В феврале–апреле 1833 г. в плен попали черкесы Тлебеч-Соох из аула Сукко и Алиа-Можебек из аула Хопеса, которые представляли сведения о турках российским военным [5: 4]. Информация поступала также от горцев, действовавших в интересах России. Так, 31 марта 1833 г. черкесский лазутчик Мызыр донес, что несколько османских судов вошли в реки Чебсин и Пшаду, после чего туда отправилась русская эскадра под командованием майора Серединина [4: 32].

В начале января 1833 г. российским флотом было арестовано турецкое судно «Мартег», управляемое капитаном Ибрагим-бор-Оглу. Турецкое судно следовало из Константинополя в Анапу и было загружено 50 четвертями (10 495,5 кг) соли и иными товарами [4: 1–6].

12 апреля 1833 г. русские корабли в заливе Вулан затопили артиллерийским огнем два турецких судна, однако еще три были затянуты черкесами в верховья р. Чебсин на безопасное от русских судов расстояние. Российскому командованию из-за мелководья пришлось спустить баркасные гребные лодки с пехотой, чтобы подняться по реке вверх. Здесь моряков атаковали сильнейшим ружейным огнем свыше 400 горцев [4: 39–40]. Вскоре горцы были отброшены, а три турецких судна были сожжены. На зажженных судах были в основном воск, сало и кожа (возможно, выменянные на порох и оружие). Уходя, русские матросы сожгли базар на берегу залива Вулан, где до этого горцы торговали с османами [4: 58–60].

26 апреля 1833 г. русским флотом было сожжено еще два турецких судна. Скрытый в земле в ближайших аулах порох был взорван. Удалось установить, что свинец, «ружейные материи» и 320 кг пороха черкесы выменяли у турок за мед и воск. Значительная часть привезенного пороха была выброшена османами за борт при атаке русского десанта [4: 84].

После случившегося в Геленджик прибыло несколько горцев, которые заявили о желании вступить в подданство России, однако их старшины по-прежнему рассчитывали на египетского пашу и адыгского князя Сефер-бея Заноко, которые, по слухам, должны были прийти на помощь черкесам [4: 85].

Жесткие меры российской блокадной политики спровоцировали у горцев, в том числе у сторонников верноподданства, и негативное отношение. Так, на р. Пшаде состоялось собрание черкесов в количестве около 1000 чел. под начальством Шах-Гирея и Жахи-Магомета, где обговаривались меры противодействия российским властям [4: 143]. На собрании присутствовал турецкий подполковник Али-бей, который убеждал старшин шапсугов и натухайцев не покоряться России.

Летом 1833 г. русский отряд вновь уничтожил несколько турецких судов в заливе Вулан и на р. Пшада, при этом горцы

упорно защищали турецкие суда [4: 144]. Но особое сопротивление матросы встретили на р. Джубге 19 июля, где их противниками выступили около 2000 черкесов. Под командованием полковника М.П. Полтинина под прикрытием артиллерии начался штурм берега, где завязался ожесточенный бой. Вскоре русский отряд дошел до уже затопленного турецкого судна [4: 153–156].

В том же 1833 г. известны случаи, когда, благодаря шторму и сильному ветру, некоторые турецкие суда выходили на русские разведывательные корабли, после чего их брали под арест [4: 135]. Также известно, что некоторые потопленные русским флотом турецкие суда в течение короткого времени восстанавливались либо турецкими матросами строились новые корабли. Османы снова на них грузили товары и, пробиваясь через блокаду, отплывали в Константинополь [4: 144].

В этот период именно Порта положила начало длительному процессу мухаджирства закубанских народов. Османское правительство направило к адыгам уведомление, по которому все желающие переселиться в Османскую империю и стать ее подданными должны были прибыть в Константинополь в течение марта–апреля 1830 г. Для этой цели из Турции в Суджук-Кале обещали прислать необходимое число османских судов. Однако данное предложение было воспринято большинством горцев неприязненно. Была даже сделана попытка убить османского чиновника Салахур-Магомета-ага, озвучившего данное предложение [11: 95]. Чуть позже османское правительство повторило данное требование. Оно дало право всем желающим непокорным горцам до 1 марта 1831 г. переселиться на территорию Османской империи [1: 895].

После того как Россия установила морскую блокаду Черкесии, торговля Турции с горскими племенами всё равно продолжалась. Конечно, характер торговли изменился: вместо больших громоздких торговых кораблей к Северо-Восточному Причерноморью отправлялись достаточно маленькие суда, которые могли подойти к берегу незаметно, даже зайти в небольшую неглубокую реку. И теперь турецких торговцев интересовали не мед и шкуры, а только «живой товар», так как за дешевые вещи никто рисковать жизнью не хотел [7: 86–87]. Стоит отметить, что, после того

как работоторговля на Северо-Западном Кавказе с 1830-х гг. стала жестко пресекаться Россией, цены на «живой товар», особенно на девушек, внутри Кавказа заметно снизились [12: 55].

Таким образом, после заключения Адрианопольского мирного договора Турция не желала мириться с потерей своего влияния в Закубанье. Помимо этого Порты не мешала условиям для прорыва российской блокады Северо-Восточного Причерноморья, чем пользовались антиросийски настроенные слои османского общества. В основном это проявлялось в доставках на черкесский берег оружия, боеприпасов, пороха, свинца, железа, стали, соли по низкой цене, богатых подарков знатнейшим черкесам, торговле без карантинных во время эпидемий, торговле «живым товаром» и др., даже несмотря на блокаду. В регионе против России действовало немалое количество османских агентов, в том числе и завербованные Константинополем среднеазиатские паломники.

Большое влияние на взаимоотношения противоборствующих сторон оказывал религиозный фактор. Турецкие муллы стремились придать религиозным настроениям горцев антиросийский характер. Они подстрекали горцев на борьбу с Россией, распускали слухи о том, что земли Северо-Западного Кавказа по-прежнему принадлежат Турции, а не России. Данные мероприятия приводили к дестабилизации российской политики в регионе.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. VII.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. VIII.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 285.
4. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 342.
5. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 345.
6. Дзидзария Г.А. Труды. Т. IV. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 2017.
7. Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли генцид адыгов? М., 2010.

8. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1 / отв. ред. Б.Х. Бгажноков; А.В. Кушхабиев. Нальчик, 2009.

9. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII — XIX вв. Ростов н/Д., 2004.

10. Кавказский вектор российской политики: сборник документов / сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. Т. 2. Кн. 2: 1796–1864 гг. М., 2014.

11. Киселев А.А., Фролов Б.Е. Кавказская война и вхождение Закубанья в состав России // По страницам истории Кубани / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 1993. С. 88–104.

12. Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба Российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011.

13. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

14. Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006.

15. Скиба К.В. Русские кунаки «стального» князя Болотова // Кубанский сборник. Т. IV (25) / под ред. О.В. Матвеева, Г.В. Кокунько. Краснодар, 2012. С. 101–114

16. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник докум. материалов / сост. М.М. Габричидзе; под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

17. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами. Краснодар, 2007.

Р.М. Султанбеков

К ВОПРОСУ О ПОХОДЕ З.С. МАНЮКИНА В УРКАРАХ

В конце 1853 — начале 1854 гг. вновь обострилась обстановка в Дагестане, что было связано с началом новой войны России

и Турции, известной в истории как Крымская война. В своем письме имаму Шамилю турецкий султан Абдул-Меджид, перечисляя мусульманские области, солидарные в борьбе против царских войск, упоминает и даргинские земли Кайтаг и Акуша [4: 432]. Таким образом, даргинские земли имели немаловажное значение в будущем противостоянии сторонников Шамиля и царских войск. Для сохранения спокойствия царское командование вынуждено было перебросить сюда часть военных сил.

С этим связано и письмо Шамиля «братским народам Кайтага и Табасарана и их соседям», датированное концом 1853 г. Имам сообщает о начале Русско-турецкой войны и надежде на помощь со стороны султанской Турции в борьбе против царских войск и скорое изгнание их с Кавказа. Далее следует призыв к кайтагцам и их соседям: «Если, как вы заверяли нас своими письмами и представителями, вы являетесь последователями ислама и врагами идолопоклонников, составляете часть любящих нас, то теперь настало время для нас твердо обнажить шашку против врага. Если же вы не сделаете так... то тогда вините себя, а не нас» [3: 433]. Как отмечает проф. Р.М. Магомедов, «имам здесь обращается как бы двум группам людей: к своим сторонникам и к пассивной массе — для тех и для других у него есть слово» [2: 474].

Судя по сведениям, полученным из ближайшего окружения Шамиля, в Кайтаге было немало сторонников имама, посылавших ему письма, и представителей, извещающих о своей готовности восстать. Эти сведения подтверждаются и данными русских источников. Так, в одном из официальных текстов говорится: «С половины октября месяца прошлого 1853 г. получали здесь из гор сведения, что Шамиль имеет намерение возобновить свои покушения на Табасаран и Кайтаг, где с 1851 года он имеет весьма много приверженцев и где его агенты неутомимо и с ощутительным успехом действуют в пользу мюридизма» [5: 22].

Особенно беспокойной стала обстановка в конце декабря, когда связь жителей этих земель с непокорными горцами стала частой, почти непрерывной и шла открыто через с. Акуша, где Шамиль имел много приверженцев благодаря известности наиба Абакар-Хаджи. Сторонники Шамиля активизировали свои действия и всё чаще совершали нападения на гарнизоны царских

войск в селах Цудахаре и Хаджалмахи. Опасаясь дальнейшего осложнения обстановки в Даргинском округе, тогдашний кадий Акуша Нур-Баганд обратился за военной помощью. Для наведения порядка и укрепления позиций российских властей в даргинских землях в Акуша-Дарго был послан отряд царских войск численностью до 500 всадников горской милиции под командованием подполковника И.И. Лазарева. «Разорив дома мюридов и разделив принадлежащие им скот и имущество между благонамеренными жителями, Лазарев на время водворил в Акуша и Даргинском округе спокойствие» [1: 229].

Однако в Табасаране и Кайтаге, в особенности в Уркарахском магале, усилили свое влияние сторонники Шамиля, потому и главнокомандующий войсками в Прикаспийском крае генерал-лейтенант князь Г.Д. Орбелиани поручил Лазареву собрать отряд для выдвижения в указанные общества. Но зима в том году выдалась холодной, все местные горы до самой Темир-Хан-Шуры (современный Буйнакск) были покрыты глубоким снегом, что значительно затруднило бы движение отряда в направлении с. Уркарах до наступления теплого времени года. «Но получая неоднократно из гор сведения о приготовлениях Шамиля к вторжению в наши пределы, — говорится в одном из источников, — и желая покончить с Уркарахом ранее, нежели Шамиль будет иметь возможность подать ему помощь или вторгнуться в какую-нибудь часть края» [5: 23], князь Орбелиани принял решение начать выступление войск, несмотря на сложные погодные условия. С этой целью войска, расположенные в с. Муги (три батальона пехоты), были усилены «2 батальонами пехоты (Апшеронский и Дагестанский), 2 взводами артиллерии, 4 сотнями Дагестанского конно-иррегулярного полка и 2 сотнями Шамхальской милиции; командование отрядом было поручено ген.-майору Манюкину» [1: 229]. Ему было предписано действовать по обстановке: если уркарахцы изъявят покорность, то «взять аманатов... разорить дома мюридов, а кадия Хаджи-Магомета арестовать». Если же уркарахцы окажут сопротивление, то «надлежало аул взять штурмом и разрушить его до основания» [2: 476].

Как следует из записей «Журнала военных происшествий в Прикаспийском крае», 26 марта вечером генерал-майор

З.С. Манюкин присоединил к своему отряду еще две сотни акушинской конной милиции, а на следующий день, 27 марта, в 3 ч утра выступил к Уркараxu с пятью батальонами пехоты, двумя пешими ракетными командами, четырьмя сотнями Дагестанского конно-иррегулярного полка, шамхальской, акушинской и мехтулинской милицией и артиллерией: восемь горными единорогами и двумя легкими орудиями [2: 23]. Манюкин рассчитывал на быстроту и маневренность войск. Действительно, к 11 ч его передовой отряд взобрался на горный хребет (Дум лис), отделяющий Акуша-Дарго от магала Гапш. Не дожидаясь подхода основных сил, Манюкин спустился с хребта и уже в полдень вышел к окраинам с. Кища и Меусиша. Их старейшины тут же известили его о том, что они не участвуют в восстании [7: 38]. От них же Манюкину стало известно, что уркарахцы, получившие еще вечером поддержку от кайтагцев, собираются оказать упорное сопротивление. Кроме того, от лазутчиков стало известно, что Шамиль и наиб Абакар-Гаджи собираются прислать значительное подкрепление.

В одном из архивных документов читаем следующее: «Ген. Манюкин двинулся немедленно вдоль по долине по направлению к Уркараxu с тем, чтобы, заняв авангардом удобные места, выждать прибытия остальных 3-х бат. с полевыми орудиями и расположить войска для обложения деревни, но вскоре получили известие, что Уркарахский кадий Хаджи-Магомед с своими приближенными бежал из Уркараха» [5: 24]. От переправы через речку, на которой расположены с. Меусиша и Киша, дорога к Уркараxu идет большей частью в гору, тем не менее «войска шли чрезвычайно быстро, пехота едва отставала от кавалерии; апшеронцы и фельдмаршалы дружно и почти бегом прошли 7 верст, оставшиеся до деревни, и подошли к ней вслед за конницею» [1: 230].

Внезапное появление на высотах царских войск и бегство кадия склонило часть жителей к переговорам, хотя большая часть, в основном молодые люди, твердо решила защищаться. Манюкин решил воспользоваться замешательством в лагере противника и приказал подпоручику Лазареву силами до двух батальонов пехоты и конницы совершить стремительный рейд и овладеть верхней частью аула, которая почему то оказалась безлюдной.

Уркарахцы укрепились в нижней части села, намереваясь здесь встретить царские войска. Лазарев, обнаружив укрепления и готовность жителей к бою, решил не вступать в бой сходу, а дождался, пока подошедшая на помощь пехота блокировала весь аул.

Когда же стало ясно, что аул полностью блокирован, среди жителей вновь начались разногласия по поводу дальнейших действий — вести переговоры или же сопротивляться. Сторонников переговоров было большинство, они добились согласия сдаться на приемлемых условиях, и группа старейшин вышла с этим предложением к Манюкину, обвиняя во всем случившемся кадия Уркараха Хаджи-Магомеда [2: 477].

Между тем к Уркараxu подошел и Джамав-хан с отрядом горской милиции. Он стал посредником в переговорах джамаата Уркараха и генералом Манюкиным. Последний изложил ему свои требования: «вытребовать аманатов как в Уркарахе, так и в окрестных деревнях, разорить сакли Хаджи-Магомеда и приверженцев, бежавших с ним, собрать джамаат и учредить новое правление» [5: 24].

Переговоры решили отложить до завтра, так как уже стемнело и после длительного перехода войска нуждались в отдыхе. Манюкин расположил их лагерем на окраине села, а начальнику главных сил полковнику Кеслеру послал приказ «остановиться на ночлег на речке в 6 верстах от Уркараха и присоединиться к авангарду на следующий день» [1: 230]. Утром 28 марта Джамав-хан, согласно достигнутой договоренности, принял у себя до 50 чел. почетных жителей, которые «явились в лагерь для совещаний с ним, и ген. Манюкин надеялся, что дело с уркарахцами окончится мирным образом, но обстоятельства внезапно изменились, и он должен был взяться за оружие» [5: 25]. Всё дело в том, что на требование выдать аманатов Джамав-хан встретил сопротивление со стороны представителей джамаата, которые, нарушив данную клятву о покорности, мгновенно заняли оборону в окраинных домах и открыли огонь по лагерю царских войск.

Манюкин расценил это как измену, о компромиссе и речи быть не могло: сразу же были арестованы все 50 представителей джамаатов общества Гапш. Он двинул против восставших «один бат. Самурского пехотного полка с полевыми орудиями, дагестанских

всадников и команды охотников от остальных батальонов» [5: 25]. В 2 ч дня начался бой в Уркарахе. Аул был обстрелян из орудий, тем самым был нанесен ущерб укреплениям уркарахцев, затем начальник отряда направил войска на штурм. Уркарахцы не выдержали массивной атаки царских войск и начали отступать, оставляя квартал за кварталом. Несмотря на выгодное положение села и значительное количество дворов 380 [2: 478], что позволяло восставшим долго защищаться, к вечеру в руках уркарахцев остался только один квартал. Такое быстрое и стремительное развитие событий, видимо, объясняется отсутствием организованности и плана действий среди восставших. Немалую роль в разгроме Уркараха сыграло и бегство кадия Хаджи-Магомеда со своими сторонниками, что внесло разлад в ряды восставших.

К вечеру Манюкин вывел войска из пылающего аула, оставив там «часть милиционеров и всадников Дагестанского конноиррегулярного полка» [5: 26], и отдал распоряжение хватать всех, кто будет пытаться вырваться из горящего аула. На следующий день к нему привели женщин и детей, которых он немедленно отпустил, из мужчин же, засевших в саклях, все погибли от оружейного огня или под развалинами обрушившихся от артобстрелов домов. На следующий день, 29 марта, генерал Манюкин приступил «к совершенному разорению горевшей деревни, для чего были им посланы туда роты от всех батальонов с шанцевым инструментом под руководством полевого инженер-поруч. Фольгенгагена» [5: 26].

Таким образом, в результате похода Манюкина Уркарах был полностью сожжен и разрушен. В то же время конница Лазарева отыскивала укрывшихся жителей по окрестностям села. По описанию одного из военных Апшеронского полка, «в глубокой балке Каракайтахского ущелья открыла часть уркарахцев, охранявших свой скот, запасы хлеба и имущество, вывезенное из аула» [1: 231]. После некоторого сопротивления, потеряв 11 чел. убитыми и двух пленными, оставшиеся жители бежали, но множество женщин и детей было схвачено. Их тут же передали Джамахану для определения их дальнейшей судьбы. Кроме того, отряд Манюкина захватил стадо до 1000 баранов, крупный рогатый скот, которые пошли на продовольствие войск, и 30 лошадей, которых

передали Дагестанскому конно-иррегулярному полку [2: 478]. Зерновые запасы, что не смогли взять с собой, уничтожили, обречая оставшихся жителей села на голодную смерть.

Судя по источникам, потери царских войск были незначительны: «за все время боя, продолжавшегося с двух часов пополудни до наступления темноты, выбыло из строя: обер-офицер контуженный 1, нижних чинов убитых 5, раненых 23, контуженных 2, Дагестанского конно-иррегулярного полка обер-офицеров ранено 2, контужен 1, всадников убито 2, ранено 7» [5: 26]. На следующий день, 30 марта, отряд Манюкина перебрался в Башлы, где и был расформирован, однако его части остались поблизости: в Дербенте, Дешлагаре (ныне — Сергокала), окрестностях Темир-Хан-Шуры.

Так были окончательно покорены уркарахцы, прежняя система управления была ликвидирована. Позже, в 1860 г., в ходе административно-территориальной реформы в Дагестанской области Уркарах и все селения общества Гапш вошли в состав Кайтаго-Табасаранского округа [6: 356]. Все управление в обществе перешло в руки юзбаши и кадия, избираемых на собрании джамаата с согласия наиба и начальника округа.

Итак, Уркарах, став одним из центров распространения мюридизма в Кайтаге и Табасаране, имел устойчивую связь с Шамилем. Уркарахцы принимали активное участие в национально-освободительной борьбе горцев под руководством Шамиля. К 1853 г. в Уркарахе и окрестных селах Шамиль имел много своих приверженцев, вот почему он был намерен явиться в Уркарах, а затем в Кайтаг и Табасаран для утверждения шариата. Все эти обстоятельства и вынудили царскую военную администрацию организовать поход под командованием генерала Манюкина с целью усмирения Уркараха и недопущения распространения влияния Шамиля на даргинские земли.

Источники и литература

1. Богуславский Л.А. История Апшеронского полка, 1700–1892. Т. II. СПб., 1892.
2. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Кн. 2. Махачкала, 1999.

3. Письмо имама Шамиля жителям Кайтага и Табасарана // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 2005. С. 433–434.

4. Письмо турецкого султана Абдул-Меджида имаму Шамилю // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 2005. С. 432–433.

5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6644.

6. Султанбеков Р.М. Даргинские земли в процессе присоединения Дагестана к России // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции. Магас, 2016. С. 350–358.

7. Хасбулатов Х.М. История Уркараха и населенных пунктов Дахадаевского района. Махачкала, 2004.

А.П. Скорик, И.М. Федина

ЛАБИНСКАЯ КОРДОННАЯ ЛИНИЯ КАК ОПОРНЫЙ РУБЕЖ В ОСВОЕНИИ ЗАКУБАНЬЯ

Лабинская (Новая) кордонная линия являлась имперским военно-хозяйственным проектом, и она по существу открывала дорогу для освоения Закубанья, но вместе с тем породила целую систему внутрирегиональных кордонных линий (на август 1862 г. в Кубанской области числилось 13 кордонных линий), обеспечивавших освоение закубанских пространств.

Без понимания складывавшейся сети фортификационных объектов с ключевыми поселенческими структурами в виде укрепленных станичных поселений невозможно разобраться в процессах проникновения российского влияния в новый район исторического региона Кубани, хотя тогда он считался и новым российским регионом, причем в административно-территориальном отношении с Черноморией не связанным. Для освоения новых

территорий в Закубанье использовалась оборонительно-наступательная стратегия, когда с помощью целенаправленно создаваемых укрепленных поселенческих структур осуществлялось продвижение и удержание очередных российских рубежей в закубанских пространствах. Такая оборонительно-наступательная стратегия зиждилась на военно-народной системе управления, которую широко применяли два наместника на Кавказе: главнокомандующий войсками на Кавказе, генерал-фельдмаршал, светлейший князь Михаил Семенович Воронцов и главнокомандующий Кавказской армией, генерал-фельдмаршал, князь Александр Иванович Барятинский по отношению к Кавказу с привлечением выходцев из числа миноритарных (малых) народов [4: 30–35]. Законодательно система военно-народного управления впервые закрепляется в положении «Об управлении Кавказской армии» 1 апреля 1858 г. Оба наместника добивались выдающихся успехов в укреплении российского влияния на Кавказе.

Мы же детально рассмотрим оборонительно-наступательную стратегию и военно-народную систему управления применительно к региону Закубанья, где имперские власти после некоторых колебаний опирались, прежде всего, на переселяемое славянское население и создаваемые им поселенческие структуры. Это отчетливо понимали и горцы. «Укрепление — это камень, — говорили они, — брошенный в поле: дождь и ветер уничтожают его; станица — это растение, которое вживается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает поля» [9: 96–97].

Поставленная нами научная проблема об использовавшейся имперскими властями стратегии заселения Закубанья имеет три генерализующих аспекта: военно-организационный, гражданско-поселенческий и социально-демографический. В центре внимания авторов будет находиться, прежде всего, гражданско-поселенческий аспект, но отчасти мы будем также прибегать к социально-демографическим сюжетам и по мере необходимости рассматривать военно-организационные вопросы. Нас в первую очередь интересуют станицы водворенных поселян (ведь они неизменно в период заселения Закубанья привязывались к кордонным линиям), а среди них мы обращаемся к наиболее устойчивому поселенческому типу станиц, поэтому

практически не затрагиваем вполне самостоятельный сюжет о существовавших проектах заселения Закубанья и образования там новой российской провинции, дискуссиях о характере заселения, развернувшихся после утверждения 2 марта 1830 г. российским императором Николаем I постановления Петербургского комитета об управлении кавказскими горцами и усилившихся с утверждением в апреле 1834 г. «Плана общего усмирения кавказских горских народов», о чем, в частности, пишет в своей кандидатской диссертации И.М. Скибицкая [12: 196–208]. Дискуссии шли до начала 1860-х гг., но заселение Закубанья уже давно началось. Оно активизировалось после окончания Крымской войны.

До появления Лабинской кордонной линии в Закубанье существовал целый ряд постоянных передовых укреплений. Первым укреплением в начале сентября 1828 г. стало Свято-Георгиевское (Георгиевское), заложенное на р. Уруп в 18 верстах от крепости Прочный Окоп генерал-майором Николаем Николаевичем Антроповым в расчете на 6 орудий и 400 пехотинцев. Кроме того, в течение 1828–1830 гг. появились: Вознесенское укрепление на р. Чамлык (в 18 верстах от крепости Прочный Окоп), Ерсаконское (Эрсаконское, Ярсаконское) укрепление на р. Большой Зеленчук, Каладжа (Каладжинское укрепление) на р. Большая Лаба, Псинафское укрепление на р. Псинафо (на современных картах — р. Псенафа), Длиннолесское и Гиага (Гиагинское укрепление) между реками Лабой и Белой, Хумаринское (Хумару) укрепление на Верхней Кубани. Они предназначались для наблюдения за равниной между Кубанью и горами. Так, из Вознесенского укрепления с помощью роты солдат и полусотни донских казаков можно было отсекать «хищников» от гор при их отступлении из прибрежных районов Кубани после совершения набега. На закубанской равнине жили «покорные черкесские народы» (к их числу, кроме «беглых кабардинцев», кубанских ногайцев, кумских и кубанских абазин, относились бесленеевцы, махашевцы, хатукаевцы, темиргоевцы) [11: 175–176, 235, 240].

Лабинская (Новая) кордонная линия начала создаваться в феврале 1837 г., когда российский император Николай I утвердил представленный ему для рассмотрения проект сооружения Новой кордонной линии, получившей название Лабинской, причем эту

инициативу настойчиво тогда продвигал командующий Кубанской кордонной линией, генерал-майор Григорий Христофорович фон Засс, который и подготовил еще в 1836 г. проект сооружения Новой линии, представлявшей собой первый этап заселения Закубанья. Однако к масштабному осуществлению этого военно-хозяйственного проекта приступили только в 1841 г., а к тому времени Г.Х. Засс стал начальником правого фланга Кавказской линии по императорскому указу от 23 января 1840 г. и был произведен в чин генерал-лейтенанта. В память о его выдающихся исторических заслугах 26 августа 1904 г. имя Г.Х. Засса было присвоено 1-му Лабинскому полку Кубанского казачьего войска.

Когда Г.Х. Засс обосновывал необходимость переноса передовых рубежей за Кубань, он подчеркивал: «Предложенная мною Лабинская линия имела главною целью удобство защиты при сокращении линии кордона и с тем вместе упрочение за нами покорных закубанских горцев, которые будучи тогда отрезаны нашею линиею от непокорных, нашлись бы вынужденными прекратить с ними непозволительные связи и принять прочную оседлость» [2: 1].

Проект Г.Х. Засса впервые публично обсуждался на совещании в Ставрополе осенью 1837 г., где говорили о затянувшейся на 20 лет Кавказской войне. Тогда император Николай I возвращался из длительной поездки по Закавказью и решил собрать важное совещание, на котором неожиданно и представили план об учреждении Новой кордонной линии на р. Лабе, разработанный генерал-майором Г.Х. Зассом. Несмотря на всю очевидную необходимость его воплощения, обсуждение проекта затянулось на несколько лет.

Заметим, идею о наступательном продвижении за Кубань еще в 1820-х гг. высказывал командир Отдельного Кавказского корпуса, управляющий гражданской частью в Кавказской губернии, генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов, но в ту пору такая мысль казалась слишком уж смелой. Генерал Г.Х. Засс конкретизировал и концептуально обосновал свой проект, в своевременности которого сомневались имперские власти. Он предлагал заселить казачьими станицами всё пространство между р. Кубань и Лаба в направлении от Тамовского аула до места впадения Лабы

в Кубань в районе станицы Усть-Лабинской. В пояснительной записке к своему проекту Г.Х. Засс полагал возможным устроить вначале три опорных военных укрепления и заселить промежутки между ними казачьими станицами, куда водворить по 150–200 семейств. Проект Г.Х. Засса поддерживали командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области, генерал от инфантерии, барон Григорий Владимирович Розен и командующий войсками Кавказской линии и Черномории, начальник Кавказской области, генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов. Оба кавказских военных администратора, однозначно поддерживавшие проект Г.Х. Засса, сами весьма плодотворно размышляли на эту тему, особенно генерал А.А. Вельяминов.

В первоначальном варианте проекта Г.Х. Засса предполагалось сразу поселить восемь казачьих станиц, но по причине сокращения больших расходов решили ограничиться только четырьмя: «Если же поселить четыре станицы на линии сообщений, и именно: первую — на Урупе при Ново-Георгиевском укреплении; вторую — на Чамлыке при Ново-Донском укреплении; третью — на этой же речке, там, где ныне строится пост на прямом сообщении Прочно-Окопской крепости с Махошевским укреплением, и четвертую — при укреплении у Махошевской просеки, то эти станицы, находясь на открытой плоскости Закубанья, во взаимной связи между собою представят твердый оплот против хищнических предприятий неприятеля и совершенно упрочат сообщения наши, что весьма полезно и необходимо» [1: 47].

В 1841 г. император Николай I принимает решение о начале целенаправленного российского продвижения на Западный Кавказ и осуществлении активного заселения территории Закубанья с восточного направления. При этом ставится вполне конкретная цель достижения верховьев р. Лабы уже в первый год заселения новых мест, чтобы отделить с юга часть прикубанских ногайцев, присягнувших Российской империи. Реализация вышеуказанной цели предопределяла общую конфигурацию Лабинской кордонной линии (она начиналась от устья р. Лаба, шла вверх против течения реки, а затем перебралась на р. Уруп), первым

командующим которой стал полковник Лев Львович Альбрант. Через 20 лет Лабинская кордонная линия разделяется на две самостоятельные части: Верхне-Лабинскую кордонную линию на протяжении от станицы Псемёнской до станицы Владимирской и Нижне-Лабинскую кордонную линию на протяжении от станицы Владимирской до устья р. Лаба. Обеспечение функционирования Лабинской кордонной линии возлагалось на Лабинский линейный казачий полк, образованный по указу императора Николая I от 25 марта 1841 г. «О сформировании особого полка из переселяемых на Лабинскую линию 4 станиц Кавказского линейного казачьего войска» [7: 210].

Первым командиром Лабинского линейного казачьего полка стал ротмистр (старший обер-офицерский чин, соответствующий в более привычной нам системе воинских званий капитану) Петр Аполлонович Волков. С 1844 г. он являлся начальником всей Лабинской кордонной линии и в чине генерал-майора дослужился до командира первой бригады 21-й пехотной дивизии Русской императорской армии.

Лабинская кордонная линия располагалась южнее Усть-Лабинской крепости на закубанском пространстве, и при ее обустройстве первоначально планировалось возвести три форта (мощных укрепления с круговой обороной): Зассовский, Махошевский, Темиргоевский (и они появляются осенью 1840 г.), но всего построили шесть фортов: Георгиевский, Зассовский, Махошевский, Михайловский, Новодонецкий, Темиргоевский. Первоначально задумывалось заселить всего лишь четыре станицы казаками Кавказского линейного войска, и были водворены в мае 1841 г. по полковому принципу [5: 26]: Вознесенская (на берега р. Чамлык южнее станицы Чамлыкской поехали 170 семей из кадрового состава Кубанского казачьего полка); Лабинская (сюда на правый берег р. Лаба отправились 180 семей из кадрового состава Кавказского казачьего полка); Урупская (на левый берег р. Уруп, левого притока р. Кубань, убыли 130 семей из кадрового состава Хоперского казачьего полка и 40 семей из кадрового состава Волгского казачьего полка); Чамлыкская (на берега правого притока р. Лаба, р. Чамлык направили 180 семей из кадрового состава Ставропольского казачьего полка, с Тихой (резервной) кордонной линии). Линия,

которую образовывали обозначенные четыре станицы (Вознесенская, Лабинская, Урупская, Чамлыкская), острым углом глубоко врезалась в закубанское пространство, они положили начало формированию Лабинского казачьего полка, включенного по штату в состав Кавказского линейного войска.

Однако на этом образование новых станиц не закончилось. В итоге водворили станицы в следующем порядке (с севера на юго-восток), вверх по течению р. Лаба (но не всегда по речным берегам): Некрасовскую, Новолабинскую, Тенгинскую, Воздвиженскую, Курганную, Лабинскую, Чамлыкскую, Урупскую (положившую начало Урупской кордонной линии), Вознесенскую и др. Последними, заложенными в 1861 г. станицами Лабинской линии стали Ахметовская, Каладжинская, Псемёнская. Станица Каладжинская выросла на правом берегу р. Большая Лаба на месте одноименного военного укрепления у подножья Чёрных гор, появившегося еще в 1853 г. Южнее по течению р. Большая Лаба сформировались станицы Ахметовская и Псемёнская. Чёрными горами в Российской империи называли прерывистые горные массивы (короткие хребты), плато, цепи холмов и отдельно стоящие вершины, расположенные параллельно Главному Кавказскому хребту. Это три передовых хребта Большого Кавказа: Скалистый, Пастбищный и Лесистый.

Лабинская кордонная линия как исходный укрепленный рубеж для проникновения российского влияния в Закубанье породила специальные пластунские команды, призванные решать три актуальные военно-оперативные задачи: проведение разведывательных рейдов, патрулирование рек и разблокирование плотно осажденных противником казачьих укреплений. В Закубанье изменилось само представление о кордонной линии: рубились широкие лесные просеки, прокладывались дороги, возводились мосты, узловые пункты устраивались далеко не всегда на речных берегах. Линия закрепляла российское присутствие не только вдоль, но и поперек течений рек, укрепленная станица становилась самым важным пунктом в утверждении прибывшего населения на новых территориях.

Помимо Лабинской кордонной линии, для управления осваиваемыми закубанскими пространствами были созданы два округа:

Лабинский и Верхне-Кубанский. В соответствии с положением «Об управлении Кавказской армии» от 1 апреля 1858 г. правое крыло Кавказской линии разделялось на три части (Черноморию, Лабинский округ и Верхне-Кубанский округ), которыми командовали (управляли) «ближайшие военные начальники» [8: 372] (в современном понимании это были главы военно-гражданских администраций, причем со смещением сферы компетенции в армейскую сторону). Лабинский округ как орган управления просуществовал довольно продолжительный период, в течение 1858–1863 гг. [6: 20]. По должностному статусу командир 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска одновременно являлся начальником Лабинского округа, иначе говоря, он заведовал в кордонном отношении всеми войсками, расположенными на р. Лаба и за ней. В сферу его управленческой компетенции входили кордонные линии: Белореченская, Лабинская, Мало-Лабинская, Урупская (относившиеся к 3-й бригаде Кавказского линейного казачьего войска) вместе со всеми входившими в их состав поселенческими структурами.

Кордонными линиями и отдельными кордонными участками в Лабинском округе заведовали командиры бригад и полков Кавказского линейного казачьего войска и командиры двух пехотных полков — Севастопольского на Мало-Лабинской кордонной линии и Кубанского на Белореченской кордонной линии [8: 372]. Высочайшим повелением императора Александра II от 10 июля 1863 г. упразднялись должность начальника Лабинского округа и управление этого округа. Полное упразднение Лабинской (Новой) линии произошло в 1864 г., когда она выполнила свое военно-хозяйственное предназначение.

Исторической преемницей Лабинской кордонной линии, как мы полагаем, можно считать, согласно «Ведомости кордонных и внутренних линий в Кубанской области с показанием числа войск для кордонной службы, а также для исполнения полицейских и военно-административных обязанностей в период времени с 1 ноября 1864 года по 1 апреля 1865 года», внутреннюю линию 6-й (Лабинской) бригады. Она включала следующие отдельные посты: Бродовый (здесь несли службу 1 урядник и 7 казаков), Зассовский (1 урядник и 6 казаков), Джегинский (1 урядник и 15 казаков), Предмостный (1 урядник и 10 казаков),

Меркушевский (1 урядник и 6 казаков), Средоточный (1 урядник и 6 казаков), Николаевский (1 урядник и 6 казаков), Закубанский (1 урядник и 10 казаков), Темиргоевский (1 урядник и 7 казаков), Васильевский (1 урядник и 7 казаков), Алпатовский (1 урядник и 7 казаков), Лазаревский (1 урядник и 7 казаков), Михайловский (1 урядник и 6 казаков), Егерухаевский (1 урядник и 7 казаков), Родниковский (1 урядник и 7 казаков), Константиновский (1 урядник и 6 казаков), Ново-Георгиевский (1 урядник и 15 казаков), Мостовой (1 урядник и 15 казаков), Недреманный (1 урядник и 6 казаков). Всего на отдельных постах значилось нижних чинов: 19 урядников и 156 казаков. Кроме того, казачьи воинские команды располагались в следующих станицах: Некрасовской (1 урядник и 10 казаков), Ново-Лабинской (1 урядник и 10 казаков), Тенгинской (1 урядник и 15 казаков), Воздвиженской (1 урядник и 15 казаков), Темиргоевской (1 урядник и 10 казаков), Петропавловской (1 урядник и 10 казаков), Михайловской (1 урядник и 7 казаков), Курганной (1 урядник и 10 казаков), Родниковской (1 урядник и 10 казаков), Константиновской (1 урядник и 6 казаков), Чамлыкской (1 урядник и 10 казаков), Лабинской (1 урядник и 20 казаков). Всего в станичных воинских командах насчитывалось нижних чинов: 12 урядников и 133 казака. А еще на гарнизонной гауптвахте дежурили 50 казаков [10: 83].

В целом же Лабинская кордонная линия как общерегиональный военно-хозяйственный проект выполнила свое историческое предназначение. Начиная с 21 мая 1864 г., в течение года после окончания Кавказской войны, как и остальные кордонные линии, она была упразднена по причине утраты стратегического значения [3: 18]. Лабинская кордонная линия просуществовала 27 полных лет и всё это время выступала опорным рубежом для закрепления российских позиций в Закубанье.

Источники и литература

1. Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы — очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 347. Оп. 1. Д. 1.

3. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 52.
4. Гранкин Ю.Ю. Система имперского управления Кавказом как путь к цивилизованному компромиссу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 30–35.
5. Орлов П. Памятка кубанского казака. Екатеринодар, 1914.
6. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.): справочник / сост. А.С. Азаренкова и др. Краснодар, 1986.
7. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 16. (1841). Отд. 1. СПб., 1842.
8. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 33 (1858). Отд. 1. СПб., 1860.
9. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 14.
11. Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004.
12. Скибицкая И.М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.

З.Б. Кипкеева

КАРАЧАЙ В СФЕРЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

До XIX в. карачаевцы почти не упоминаются в российских источниках, сведения о них скудны и противоречивы, однако очевидно, что им долго удавалось сохранять независимость благодаря неприступности горных ущелий и отдаленности от границ могущественных держав. Когда в 1783 г. по Константинопольскому договору Российская и Османская империи разделили между собой народы и территории упраздненного Крымского ханства на Северо-Западном Кавказе, это не коснулось карачаевцев и балкарцев, так как они никогда не были подданными крымских ханов. Россия получила Крым и правобережье Кубани,

а Османская империя — земли по левой стороне Кубани до Чёрного моря, ранее принадлежавшие Крымскому ханству (современный Краснодарский край) [12: 885]. Граница двух империй — Кавказская линия — утвердилась от устья р. Кубани до впадения в нее слева р. Уруп, а дальше она прошла сухим путем по предгорной полосе в Пятигорье, огибая Карачай по равнинным местам с севера и востока [10]. С запада Карачай примыкал к закубанским владениям Османской империи по р. Лаба, на юге — к Главному Кавказскому хребту.

В 1790 г., во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., турецкий военачальник Батал-паша с многотысячным войском перешел Кубань у северных границ Карачая. Однако подоспевшие русские войска истребили в сражении его войско, а самого пашу взяли в плен. После войны на этом месте правобережья Верхней Кубани был поставлен самый верхний казачий пост, названный Баталпашинским. Нейтральный Карачай вошел в сферу военно-политических интересов двух воюющих империй. Стратегическое значение центральных земель на Северном Кавказе отмечали и русские, и турки [13: 330]. Однако и после этой войны карачаевцы остались вне русско-турецких договоренностей и граница между империями по Нижней и Средней Кубани сохранилась.

В русско-турецких войнах, одним из театров которых неизменно становился Северный Кавказ, местным народам приходилось лавировать в поисках более надежного покровителя, а в XIX в. их надежды не только на обретение или сохранение независимого статуса, но и на право выбора подданства оказались трагической иллюзией, подпитывавшей длительное сопротивление российской экспансии. Окончательное покорение народов Северного Кавказа произошло в ходе Кавказской войны, формально начавшейся с карательных экспедиций главнокомандующего на Кавказе генерала А.П. Ермолова в 1817 г. На этом фоне вхождение Карачая в Российскую империю имело значительные особенности в силу его независимого статуса, неприступности высокогорных селений, позднего попадания в сферу военно-политических и экономических интересов могущественных держав, а также из-за открытых западных границ с турецкими владениями.

В 1825–1827 гг. российские рубежи на подступах к Карачаю обозначались на правом берегу Верхней Кубани станицей Баталпашинской, а в Пятигорье — укреплением Кисловодским. Расселив между ними казачьи станицы, Ермолов подготовил плацдарм для немедленного вторжения в Карачай в случае начала войны. Замкнутость в горных ущельях поставила карачаевцев перед неминуемым историческим выбором между Россией и Турцией, с которыми у них не было ни длительных отношений, ни прочных связей, ни ясных перспектив. Короткое время, отведенное Карачаю двумя могущественными державами, верховный правитель Ислам Крымшамхалов и другие князья пытались использовать для поиска гарантий безопасности и условий мирного сосуществования в новых реалиях. Российское военное командование на Кавказской линии и карачаевские владельцы во главе с Исламом Крымшамхаловым 25 июня 1826 г. заключили соглашение о нейтралитете, чтобы не предпринимать враждебных действий друг против друга [9: 44]. Карачаевцы обещали не принимать у себя беглых кабардинцев и не оказывать им помощь в набегах и грабежах, за что получили право беспошлинной торговли на российской стороне и возможность по-прежнему пасти свои стада на низменных местах у границы.

Однако князья Карачая искали способ обезопасить свою территорию от русских войск, которые вторгались сюда под предлогом поисков беглых кабардинцев и абазин, демонстрируя свою военную мощь и узнавая наиболее удобные пути в горных районах. В это время адыгские и абазинские народы Закубанья отправили депутатов в Османскую империю с жалобами на притеснения от русских, после чего в Анапу назначили нового наместника Хасана-пашу с самыми широкими полномочиями [1: 874]. В 1826–1827 гг. в Карачае влияние Турции тоже усилилось, и анапский паша склонил карачаевский народ к принятию турецкого подданства [13: 330]. Получив приглашение от имени султана, карачаевские князья прибыли на церемонию присяги в Анапу. С них взяли клятву не нарушать границу в мирное время и не вредить русским землям, а их письмо и присяжные бумаги отправили в Стамбул.

В прошении об османском подданстве от 26 ноября 1826 г. этот выбор определялся, во-первых, единоверием, во-вторых,

карачаевцы надеялись, что Хасан-паша, имея дипломатическое влияние на российскую сторону и огромный авторитет среди закубанских народов, сможет прекратить практику незаконного пересечения границы и грабительские набеги на карачаевские земли [18]. Главный же мотив желания карачаевцев получить статус «османских подданных» заключался в том, чтобы быть включенными в межгосударственные договоры, что только и могло остановить полный захват их территории российской стороной в мирное время, четко обозначить их политико-правовой статус и дать гарантии безопасности в случае поражения в войне. Они дали клятву подчиняться приказам султана и мирным договорам между Османской и Российской империями, жить согласно закону шариата, быть в ведении анапского паши, не переходить русскую границу и т.д.

В 1827 г. начальник Кавказской области и командующий войсками на Кавказской линии генерал Г.А. Эммануэль (в источниках также: Емануэль, Эмануэль) начал дипломатическую переписку с анапским пашой, упрекая его в нарушении международного права из-за принятия присяги у карачаевцев, безуспешно пытаясь убедить османского наместника в их российском подданстве [1: 875]. Полагая, что добровольному вхождению Карачая в состав Российской империи мог бы способствовать пример родственной Балкарии, Эммануэль в январе 1827 г. принял у владельцев пяти горских обществ прошение о вступлении в российское подданство [8: 3]. Зависимость от равнинных пастбищ и рынков сбыта в российской Кабарде делала невозможным их вольное существование в горных ущельях восточного Приэльбрусья, закрытых цепью укреплений Кабардинской линии.

В такой же экономической блокаде оказался Карачай, но так как он на западе граничил с Османской империей, то владельческие князья отказались от мирного вхождения в состав России, сославшись на присягу султану. Карачаевцы решительно отвергли утверждения генерала об их российском подданстве, уверенные, что подобные заявления могли предвещать вторжение войск в Карачай без оглядки на Османскую империю. Эммануэль писал Хасан-паше, что тот не имел права требовать аманатов от карачаевцев, так как по международным конвенциям они

никогда не были подданными Османской империи. В свою очередь, анапский паша требовал объяснений по поводу его угроз карачаевцам, не являвшимся российскими подданными [17]. Хасан-паша напомнил, что Османская империя указала России на недопустимость вторжений войск в земли карачаевцев и что по этому поводу представители двух империй вынесли общее решение, поэтому он будет «защищать каждую пядь земли на этой стороне Кубани». Эммануэль же требовал от карачаевцев присягу на подданство России, угрожая «употребить против них оружие» [16]. Генерал просил разрешения вторгнуться в Карачай, однако российское правительство не стало осложнять отношения с Османской империей и не разрешило войскам переходить границу, запретив конфликтовать с анапским пашой, поставленным «дружественной державой» [1: 876].

Всё изменилось, когда 14 апреля 1828 г. Николай I объявил войну Турции. Основные российские силы сконцентрировались на Дунае и в Закавказье, а Северо-Западный Кавказ предполагалось захватить силами в основном войск Кавказской линии. Османская империя имела здесь немногочисленные военные гарнизоны в причерноморских крепостях и дополнительных сил на защиту закубанцев направить не смогла. В начале войны российские власти предложили местным народам отказаться от бесполезного сопротивления. 25 апреля 1828 г. Эммануэль объявил, что их эта война не касается, а воюет Россия против турок и тех, кто их поддерживает [1: 877].

После взятия русскими главной турецкой крепости Анапы Османская империя окончательно потеряла свои позиции на Северо-Западном Кавказе, а против закубанцев как воюющей стороны Эммануэль приказал ввести войска. Что касается карачаевцев, оказавшихся в тылу у российских войск, то Эммануэль в начале войны еще раз попытался убедить их признать российское подданство, угрожая нападением. Карачаевцы обратились за помощью к султану, но Османская империя уже не могла помочь затерянному на вершинах Кавказа Карачаю.

Между тем формальное принятие владетельным князем Крым-шамхаловым статуса османского губернатора (вали) поставило карачаевцев, не имевших ни сил, ни ресурсов для сопротивления

регулярной армии, оснащенной артиллерией, в ряд враждебных России народов. Осенью Эммануэль пошел на покорение Карачая, имевшего для закубанских народов значение природной крепости и гостеприимного убежища от преследования русских войск [13: 331]. Военная экспедиция в Карачай проводилась как завоевательная военно-политическая акция. Двухтысячное войско Эммануэля, оснащенное артиллерией, выступило с востока и 20 октября 1828 г. вышло на высокогорное плато у Эльбруса, в «сердце карачаевских владений». Русские преодолели «все ужасы, накопленные природой в высоких Кавказских горах», но у р. Хасаука несколько сотен горцев мужественно встали на защиту своих селений и героически сражались, пока их не сбили с занимаемых высот при помощи артиллерийских орудий. Описывая чрезвычайную стойкость горцев, которые 12 часов вели «отчаянный бой», Н.Б. Голицын, известный биограф Эммануэля, писал, что Карачай завоевали «при упорном и отчаянном защищении этих мест гордыми карачаевцами» [4: 191]. На следующий день войско Эммануэля достигло главного селения Карт-Джурт, и навстречу ему вышли депутаты во главе с Крымшамхаловым, который в своей речи отметил: «Мы были до сих пор самыми верными приверженцами Порты Оттоманской и никогда ей не изменяли; но она изменила нам, оставив нас без защиты и не умев удержать крепости своей Анапы. Будьте же теперь вы нашими повелителями. Мы со своей стороны никогда не изменим нашему слову» [14: 146–147]. 22 октября 1828 г. генералу Эммануэлю подали прошение о принятии в российское подданство от имени народа главный князь Ислам Крымшамхалов и представители «первейших фамилий» [4: 194]. Так Карачай был присоединен к Российской империи.

Отдавая должное героической борьбе всех горских народов за независимость, которую они вели с военными силами могущественной державы практически в одиночку, даже не объединившись между собой, всё же надо признать, что политико-правовой статус народов Северо-Западного Кавказа, находившихся под юрисдикцией Османской империи, изменила победа России в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. территория Северо-Западного Кавказа

отошла к Российской империи, хотя окончательное покорение местных народов затянулось до 1864 г.

Уйдя с Северного Кавказа, турецкий султан как покровитель и защитник всех мусульман оставил для них открытыми двери своего государства. В Адрианопольском мирном договоре 1829 г. специально предусматривалось, что жители областей, уступаемых России, имели право перейти во владения Турции так же, как и христиане — жители областей, возвращаемых Турции, могли перейти в Россию [2: 716]. Так мусульмане получили юридическое право переселяться во владения турецкого султана, и значительная часть всех кавказских народов в течение XIX в. переселилась в Османскую империю.

Карачаевцы тоже начали массово переселяться, когда началась казачья колонизация левобережья Кубани, в том числе и западных земель Карачая. Как только суверенная власть над Карачаем перешла к русскому правительству, большая часть земель была объявлена казенной, неприкосновенными остались только горные ущелья под Эльбрусом. В результате из-за недостатка отгонных пастбищ в 1833, 1855 и 1859–1861 гг. часть карачаевцев группами уходила на южные склоны Главного Кавказского хребта, а оттуда переселялась в Турцию. Российские власти не могли воспрепятствовать этому или как-то вести учет мигрантов, поскольку Закубанье еще полностью ими не контролировалось. Только в 1859–1861 гг. карачаевцы, как и балкарцы, стали официально обращаться к властям за пропусками и мигрировать под предлогом паломничества в Мекку [2: 537].

В основном переселения в Турцию происходили из-за утраты жизненно важных пастбищных мест, так как основу хозяйства карачаевцев и балкарцев составляло обширное отгонное скотоводство, однако важным фактором являлось и стремление мусульман уйти в пределы единоверного государства. До 1862 г. Россия официально эмиграцию не разрешала из-за того, что Османская империя уже не могла принимать огромные массы переселенцев с Кавказа, не отказывая только группам, шедшим в паломничество [3: 293].

Наиболее массовая и документированная эмиграция из Карачая и Балкарии произошла в 1884–1887 гг. Так называемое

мухаджирство проходило добровольно и в мирных условиях. Более того, в этот период карачаевцам возвратили часть их земель и на них основали новые постоянные селения. Российские власти в новых селениях ввели общинное право землепользования, что существенно упрощало вопрос наделения землей и введение подати. В 1868–1883 гг. новые селения Теберда, Сенты, Каменномост, Мара, Джегута массово заселялись выходцами из аулов Большого Карачая, где земля осталась в частной собственности. Беднейшие слои населения, не успев к разделу паев в общинах, даже не могли вернуться назад. Не получив помощи от правительства, они воспользовались возможностью переселиться в Турцию, так как организаторы эмиграции обещали им от имени султана компактное расселение и достаточные земельные наделы [15: 296]. Переселение горцев в Турцию регулировалось царским правительством, которое послало в Стамбул специального чиновника для переговоров с турецкими властями и составило правила для эмиграции. В результате всем горским народам объявили, что они могут переселяться целыми обществами за свой счет, не прося помощи у государства, но без права возвращения назад. Переселение из Карачая и Балкарии шло сухопутным путем через Закавказье, поэтому в Турции эти мухаджиры обосновались в северо-восточных районах Анатолии вблизи городов Токат, Сивас, Кайсери, а значительная часть, пытаясь дойти до Мекки, ушла в Сирию. По имеющимся данным, в 1884–1887 гг. переселились до 5 тыс. карачаевцев и 2 тыс. балкарцев [11: 29].

Вторая крупная волна эмиграции из Карачая пришлась на 1905–1906 гг., когда переселенческие настроения вновь охватили все мусульманские народы Кавказа. В 1902 г. часть карачаевцев подала прошение о разрешении переселиться в Турцию, мотивируя свои ходатайства «неблагоприятными жизненными условиями и малым земельным наделом, не обеспечивающим существования их семей», но власти Кубанской области препятствовали их выезду, уговаривали остаться на родине, предупреждали о тяготах переселения [5: 7]. Начальник Кубанской области обеспокоенно писал, что занимаемая карачаевцами местность может остаться безлюдной, так как русские не смогут там водвориться и работать из-за неблагоприятных условий [7: 71].

Карачаевцев ценили за их мирный характер, трудолюбие и уникальную приспособленность к природным условиям своей высокогорной родины. Однако, несмотря на то что исследователи и чиновники отмечали прогрессирующее малоземелье в горах, царское правительство не смогло урегулировать земельный вопрос у карачаевцев, более того, отобрало в пользу казны леса — главное природное богатство народа. В начале XX в. правительственные комиссии поставили под сомнение легитимность прав среднего класса в Карачае — частных собственников, предлагая лишить карачаевцев права на частную земельную собственность и равномерно перераспределить их земли между всем населением, поэтому многие землевладельцы стали продавать свои наделы, скот, имущество и подавать прошение о переселении в Турцию.

В этот период в Стамбуле учились десятки карачаевцев и балкарцев, в основном из среднего сословия. Российские учебные заведения в больших городах не могли удовлетворить их тягу к образованию, вакансии предназначались только для детей высших сословий, в то же время попасть на учебу в Стамбул оказывалось проще, так как сословных различий мусульманское право не признает. Получив религиозное образование, молодые эфенди возвращались на родину и агитировали народ за переселение в единоверное государство, где султан обещал обеспечить горцев плодородной землей. Они составляли посемейные списки и нанимали адвокатов для составления бумаг на эмиграцию. В 1905 и 1906 гг. через порт Новороссийск выехало около 7 тыс. карачаевских мухаджиров [6: 209]. За ними потянулись сотни семей из Балкарии. В Турции они обосновались вместе на выделенных им землях возле Стамбула, Анкары, Коньи, Ескишехира. По минимальным подсчетам в 1884–1887 и 1905–1906 гг. в Турцию переселилось не менее 15 тыс. карачаевцев и балкарцев.

Таким образом, Карачай в XIX в. оказался вовлеченным в сферу российско-турецких отношений, и его политическая и этническая история определялась геополитическими интересами могущественных империй.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией: в 12 т. Т. 7 / под. ред. А.П. Берже. Тифлис, 1878.
2. Антология памятников права народов Кавказа. Т. III / авт. и рук. проекта Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д., 2013.
3. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. / сост. Х.М. Думанов. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 279–317.
4. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 318. Оп. 2. Д. 2152.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5302.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 330.
8. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 906.
9. Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М., 2014.
10. Карта Кавказа, с показанием политического его состояния до 1801 г. / Приложение к Актам, собранным Кавказскою археографическою Комиссиею. Т. 1. Тифлис, 1866.
11. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. 1784–1788 гг. СПб, 1830.
13. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 2. Ставрополь, 1994.
14. Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении / Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 43. Тифлис, 1913.
15. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области // Кубанский сборник. Т. 15. Екатеринодар, 1910. С. 281–334.
16. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (далее — BOA), Hattı-ı Hümayûn. Dosya No: 1042. Gömlek No: 43115-Y.
17. BOA, Hattı-ı Hümayûn. Dosya No: 1087. Gömlek No: 44255-C.
18. BOA, Hattı-ı Hümayûn. Dosya No: 1104. Gömlek No: 44590-E.

И.Е. Татаринов

395-я «ШАХТЕРСКАЯ» СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (СЕНТЯБРЬ — ОКТАБРЬ 1943 г.)

В 2022 г. исполняется 80 лет с начала Битвы за Кавказ. В этом судьбоносном для Советского Союза сражении войска Красной армии остановили продвижение врага на Кавказе и нанесли поражение немецко-фашистским захватчикам. Эта победа стала неотъемлемой частью коренного перелома в Великой Отечественной войне, положив начало освобождению южной части СССР от захватчиков. Одной из славных страниц в летописи наших побед является Новороссийско-Таманская наступательная операция войск Северо-Кавказского фронта. Эта операция изгнанием врага с Кубани и Таманского полуострова завершила Битву за Кавказ. Советские войска, изначально располагавшие примерно равным с врагом количеством сил, сумели проявить мастерство и подлинный героизм и сокрушили противника. Некоторые соединения за проявленное мужество и успехи в освобождении Тамани получили почетное наименование Таманских.

В этой операции особенно отличился ряд воинских соединений Донбасса. В частности, интересно обратиться к отдельным страницам героического боевого пути 395-й стрелковой дивизии (далее — 395 сд), сформированной еще в августе 1941 г. из шахтеров угольного комбината «Ворошиловградуголь» [10: 246]. Этот факт позволяет неофициально именовать ее, как и ряд других созданных в Донбассе соединений, «шахтерской». Дивизия принимала непосредственное участие в Битве за Кавказ, как в ее оборонительной фазе 1942 г., так и в ходе победного наступления советских войск в 1943 г. В частности, «шахтеры» 395 сд под командованием генерал-майора А.П. Турчинского помогли прорвать на Кубани мощный оборонительный рубеж немецко-фашистских войск «Голубая линия», принимали непосредственное участие в разгроме вражеской группировки на Тамани и освобождении Таманского полуострова. За проявленное мужество,

героизм и высокое военное мастерство 395 сд получила почетное наименование «Таманская» [5: 57].

Победы советских войск на Кубани летом 1943 г. создали благоприятную обстановку на юго-западном стратегическом направлении и позволили приступить к завершению освобождения Таманского полуострова и разгрому частей и соединений вермахта, окопавшихся на Тамани. В августе 1943 г. командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И.Е. Петров получил указание Ставки Верховного Главнокомандования готовить наступательную операцию по завершению разгрома таманской группировки противника. И.Е. Петров принял решение нанести главный удар в районе Новороссийска, прорвать вражескую оборону и овладеть важнейшими перевалами Волчьих Ворот и Неберджаевский. Замысел командования Северо-Кавказским фронтом состоял в полном сокрушении обороны неприятеля, окружении и разгроме его таманской группировки [4: 9].

Ядро вражеских войск на Тамани составляли 17-я армия вермахта, а также пять румынских пехотных и горнострелковых дивизий, распределенных по немецким корпусам. Общая численность врага составляла около 440 тыс. чел., 2860 орудий и минометов, свыше 100 танков и штурмовых орудий, более 300 самолетов [1: 504]. На момент начала Новороссийско-Таманской наступательной операции 9 сентября 1943 г. 395 сд находилась в подчинении 22-го стрелкового корпуса 56-й армии войск Северо-Кавказского фронта. Основной театр военных действий для 395 сд изначально находился в районе «Голубой линии». Вместе с другими соединениями 56-й армии дивизии удалось нанести ряд поражений врагу и, овладев сильно укрепленными узлами сопротивления — населенными пунктами Киевское, Молдавское и Неберджаевская, к 26 сентября отбросить противника за р. Старая Кубань [4: 12]. На начало октября немецко-румынские войска контролировали лишь Таманский полуостров. На Тамани враг опирался на довольно мощные оборонительные укрепления, однако, осознавая очевидность своего поражения, спешно готовил эвакуацию через Керченский пролив в Крым.

2 октября 1943 г. 395 сд совместно с другими соединениями 56-й армии, форсировав Старую Кубань, после ожесточенных

боев прорвала оборонительные порядки врага между Кизилташским и Ахтанизовским лиманами и овладела станицей Старотитаровской, превращенной противником в укрепрайон. Мощные вражеские контратаки при поддержке авиации, танков и артиллерии не имели успеха [12: 41–42]. 4 октября войска 56-й армии вошли в станицу Вышестеблиевскую, зайдя в тыл противника, оборонявшегося на севере Таманского полуострова. Потери в 395 сд за этот день составили 31 чел. убитыми и 55 чел. ранеными. Потери противника — до 70 солдат и офицеров [12: 44].

Дальнейшие действия в полосе боев 395 сд происходили на западном берегу Ахтанизовского лимана в районе х. Солёный, который части дивизии взяли 5 октября, двигаясь в направлении г. Цымбалы. Противник наносил по наступающим войскам штурмовые авиаудары, «обстреливал боевые порядки частей и районы х. Солёный и Вышестеблиевской огнем дальнбойной артиллерии и минометов». Было потеряно 14 чел. убитыми, и 26 чел. ранеными. 7 октября силами до 20 штурмовиков «Юнкерс-87» враг нанес авиаудар по частям «шахтерской» дивизии, однако не смог остановить наступавшие в северо-западном направлении советские войска. Дивизия потеряла 2 чел. убитыми и 6 ранеными [12: 46–47].

Утром 9 октября после мощной артподготовки войска 56-й армии перешли в решительное наступление на северной части Таманского полуострова. Артиллерийские удары в направлении населенного пункта Кучугуры наносились весь день. «Шахтеры» из 395 сд «после тридцатиминутной артобработки переднего края противника возобновили наступление и в 23.00 прорвав его оборону... к 3.00 окончательно очистили от врага Таманский полуостров... Противник, теснимый нашими частями, беспорядочно отходил, прикрываясь огнем тяжелой артиллерии, шестиствольных минометов... к 3.00 был опрокинут в Керченский пролив и частично уничтожен». Потери в дивизии составили: «3 убиты и 19 ранены. Потери противника — до 50 солдат и офицеров» [12: 48]. Таким образом, к исходу 9 октября Таманский полуостров был очищен от подразделений неприятеля. Тем самым победоносно завершилась Новороссийско-Таманская наступательная операция и Битва за Кавказ.

Одним из слагаемых боевых успехов 395 сд была отличная работа артиллерии. Артиллеристы дивизии оказывали мощную и своевременную поддержку наступавшей пехоте, особенно в завершающей фазе Новороссийско-Таманской наступательной операции. Так, 2 октября 1943 г. лишь «после часовой артиллерийской обработки» (в которой участвовала вся артиллерия дивизии и минометы), «пехота пошла в наступление... продолжая преследовать отходящего противника». 5–6 октября полковая и противотанковая артиллерия нанесла ряд мощных ударов по позициям врага у х. Солёный и г. Цымбалы, заставив его отступить. Артиллеристы 395 сд «открыли огонь по отступавшему противнику... прямой наводкой подавляя и уничтожая огневые точки и расчищая путь наступающей нашей пехоте» [13: 27–28].

Артиллерия дивизии при освобождении Таманского полуострова «при тесном взаимодействии с пехотой поддерживала ее наступление огнем и колесами». Всего же за период 1–8 октября 1943 г. артиллерия 395 сд уничтожила 5 дзотов и блиндажей, 8 пулеметов, 3 миномета, 1 противотанковое орудие, 2 наблюдательных пункта, подавила 4 артиллерийских и 3 минометных батареи противника, 8 пулеметов, рассеяла и частично уничтожила до двух рот пехоты. За этот период артиллеристы потеряли 7 чел. убитыми и 2 ранеными из офицерского состава, 10 чел. убитыми и 11 ранеными из сержантского, 27 чел. убитыми и 38 ранеными из рядового состава [13: 28–29]. Активную помощь наступающим войскам оказывали также саперы 686-го отдельного саперного батальона 395-й дивизии, «обеспечивая наступление, устраивая проходы в минных полях и проволочных заграждениях, штурмуя дзоты, сопровождая пехоту и танки» [11: 13].

Не менее важно остановиться на отлично поставленной в 395 сд снайперской работе. Зачинателем этого направления в дивизии был шахтер (довоенная специальность — врубмашинист на шахте № 57-бис им. Войкова) из г. Свердловска Ворошиловградской области сержант 726-го стрелкового полка Максим Брыксин. В первые же месяцы войны непосредственно при штабе дивизии он организовал снайперскую школу, где обучал своих боевых товарищей. Уже в феврале 1942 г., дивизионная газета сообщала, «что снайпер Брыксин и его ученики за 5 дней вывели

из строя 28 врагов, из них 9 убил или ранил Петр Фаустов — один из первых учеников М.С. Брыксина» [2]. Сам Максим Брыксин воевал с именной винтовкой от Президиума Верховного Совета СССР. В его наградном документе к ордену Красного Знамени говорится, что он «не только сам отличной стрельбой истребляет немцев, а учит снайперской хитрости — выбору цели, выдержке и спокойствию своих товарищей... Тов. Брыксин является инициатором снайперского движения в полку и дивизии» [6: 213–214].

Однако наибольшую известность в 395 сд приобрел другой именитый снайпер — Василий Курка. Придя в армию добровольцем в 16 лет, он стал всеобщим любимцем дивизии. Он предельно быстро освоил снайперское дело, став отличным снайпером. На одном из допросов пленного немецкого офицера выяснилось, что немецкое командование было осведомлено о наличии в армии «генерала Гречко сверхснайпера, снайпера-аса, у которого тело чуть ли не срослось с винтовкой» [2]. К началу Новороссийско-Таманской наступательной операции он уже был опытным снайпером, награжденным орденом Красного Знамени. В документе от 31 октября 1943 г. на преставление В. Курки к ордену Красной Звезды говорится, что «младший лейтенант Курка увеличил свой счет до 138 истребленных немцев, из них только в боях за Таманский полуостров — 12 немцев» [8: 264]. Важно отметить также, что В. Курка, как и сержант М. Брыксин, вел подготовку снайперов в 726-м стрелковом полку.

Отдельно отметим командира указанного выше 726-го стрелкового полка — подполковника Степана Тимофеевича Коломийца. Именно на долю этого опытного командира, принявшего полк 30 марта 1943 г., легло бремя командования 726-м стрелковым полком в завершающей фазе Битвы за Кавказ. Вместе со своими бойцами он непосредственно участвовал в Новороссийско-Таманской наступательной операции, внося значительный вклад в прорыв вражеской «Голубой линии» и изгнание врага с Тамани. В его наградном листе сказано, что «Коломиец за время командования полком показал себя как один из лучших, энергичных офицеров... В наступательных боях с 16.9.43 г. был хорошо подготовлен к прорыву линии обороны противника весь личный состав полка и в результате стремительных действий полк, преодолев

линию немецкой обороны, овладел... рядом населенных пунктов. При вступлении на Таманский полуостров организовал неотступное преследование противника, уничтожая его заслоны и технику». За мужество и умелое командование полком в этой операции подполковник Коломиец был награжден орденом Красного Знамени [9: 57].

Приказом Верховного главнокомандующего от 9 октября 1943 г. «в ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение Таманского полуострова, присвоить наименования “Таманских”, “Темрюкских”, “Анапских” и “Кубанских”». 395 сд генерал-майора А.П. Турчинского была отмечена в приказе в числе «особенно отличившихся», а сама дивизия стала именоваться «395-я Таманская стрелковая дивизия». Этим приказом были присвоены почетные наименования 23 соединениям и частям. В тот же день в честь победителей и завершения Битвы за Кавказ был дан салют «двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий» [5: 57–59]. Всего же за Новороссийско-Таманскую наступательную операцию 42 частям и соединениям Северо-Кавказского фронта, Черноморского флота и Азовской военной флотилии были присвоены почетные наименования: Новороссийских — 19, Таманских — 15, Темрюкских — 5, Кубанских — 2 и Анапской — 1 [3: 232].

Примечательно, что рядом с 395 сд в составе войск 9-й армии Северо-Кавказского фронта освобождал Тамань от врага сформированный также в Ворошиловграде 569-й минометный полк под командованием подполковника А.Ф. Карпова. Этот полк также принял непосредственное участие в Новороссийско-Таманской наступательной операции, победоносно завершив освобождением Таманского полуострова Битву за Кавказ. На его долю выпала честь 27 сентября 1943 г. освободить г. Темрюк, а к 9 октября 1943 г. «Кубань была полностью освобождена от немецких захватчиков». 569-му армейскому минометному Ворошиловградскому полку, как и ряду других воинских частей и соединений, участвовавших в Новороссийско-Таманской наступательной операции, «приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность» [14: 159]. Кроме того, за умелое и мужественное руководство боевыми операциями

и «за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 г. командир 395 сд генерал-майор Адам Петрович Турчинский был награжден орденом Суворова II степени [7: 229].

Таким образом, в Новороссийско-Таманской наступательной операции 9 сентября — 9 октября 1943 г. воины 395-й «шахтерской» стрелковой дивизии успешно выполнили боевую задачу, изгнав врага с Кубани и освободив Тамань. Этим сражением завершилась масштабная Битва за Кавказ, длившаяся 442 дня. Солдаты и офицеры частей и соединений, сформированных в Донбассе, вместе с другими советскими воинскими подразделениями, внесли свой бесценный вклад в победу. Изгнание врага с Таманского полуострова позволило советскому военно-политическому руководству перейти к решительному наступлению на всех фронтах и завершить освобождение страны от немецко-фашистских захватчиков. Эти победы значительно улучшили боевую обстановку на юге страны, завершив коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 5 / гл. ред. комиссии И.Д. Сергеев. М., 2001.
2. Демина Л. «Стахановцы фронта» из 395-й шахтерской // Наша газета. 2011. 30 сентября.
3. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 7. Завершение коренного перелома в войне. М., 1976.
4. Миренков А.И. Завершение битвы за Кавказ: Новороссийско-Таманская наступательная операция войск Красной армии // Военно-исторический журнал 2010. № 10. С. 9–13.
5. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: сборник. М., 1975.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 516.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 48.
8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686 044. Д. 806.
9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686 044. Д. 1015.

10. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 50.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 9.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 18.
13. ЦАМО РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 58.
14. ЦАМО РФ. Ф. 13 382. Оп. 258 725. Д. 1.

Е.М. Горюшина

ОСОБЕННОСТИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ВОЙН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД¹

Через этнополитических конфликтов конца XX — начала XXI вв. изменила мемориальное пространство Северного Кавказа [8] и повлияла на инструменты и формы закрепления памяти о событиях, связанных с вооруженным насилием. Однако мемориализация осетино-ингушского конфликта (октябрь–ноябрь 1992 г.), а также вооруженных конфликтов и антитеррористических операций в Чечне и Дагестане (1994–2009 гг.) не может быть рассмотрена без учета связи памяти с событиями Великой Отечественной / Второй мировой войн.

В рассматриваемый период проявилась необходимость восполнить «белые пятна» [17: 58], под которые до сих пор подпадают депортации 1944 г., осетино-ингушский конфликт и два этапа внутреннего вооруженного конфликта 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг.

Используя термин «белые пятна» в рамках рассмотрения периода СССР конца 1930 — начала 1940-х гг., Джеймс Верч определяет их политическое измерение: «Схематичные нарративные шаблоны, формирующие глубинную коллективную память, порождают тенденцию к сохранению этой памяти и помогают преодолеть “нарративные разрывы”, которые возникают в результате публичного признания неприятных эпизодов из прошлого» [17: 58].

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-09-43112 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование» в 2022 г.

Фактически «нарративные разрывы» представляют собой не обозначенную и не упоминаемую властью территорию прошлого — это зона антипамяти, как ее называют историки Д.А. Андреев и Г.А. Бордюгов, подчеркивая, что она «бесполезная или нежелательная для “проектировщика” область, в которую он норовит переместить неудобные ему субъекты, чтобы те не мешали “правильному” восприятию действий культурного героя» [1: 9]. В 1990-е гг. события в Чечне привели к неизбежному столкновению современной России с «уродливым прошлым», где коллективная память о военных действиях этого периода на Кавказе была выведена за скобки государственного нарратива [5], или в пространство антипамяти. Постсоветские конфликты актуализировали травматичное прошлое в контексте событий настоящего момента [2: 200] и обнажили нарративные разрывы, которые предстояло заполнить республиканским властям и профессиональным историкам.

В связи с этим в постсоветский период активно проводилась масштабная работа по сбору, подсчету и вписыванию имен участников событий 1940-х гг. — выходцев из этого региона, в обществе началась конкурентная борьба за реализацию номинативных практик в коммеморативных целях со стороны отдельных лиц, семей (даже тайпов) [4; 14], ассоциаций и органов государственной власти. Это происходило наряду с ростом этнического самосознания в северокавказских республиках, что стало одной из особенностей мемориализации войн в регионе.

Номинативные практики связаны с сохранением некронимов, устанавливающих прочную связь между актом наименования и конструированием индивидуальной и коллективной идентичности. Практики являются одним из ключевых инструментов выстраивания *другого* и его последующего исключения [12] из мемориального пространства. Американский историк и специалист по культурной истории Т. Лакер обозначил современный период как «эпоху некронимализма», которая характеризуется двойным отказом: забвением имен умерших и оставлением мертвых без имен [16: 16]. Несмотря на то что Лакер размышлял в широких хронологических рамках и применительно только к западной культуре, его тезисы способны подвести к пониманию того,

насколько важными для Северного Кавказа оказываются номинативные практики власти.

Период некрономинализма — исключительно современный феномен, неотделимый как от создания государств, стремящихся собрать информацию о своем государствообразующем народе, так и от демократического права на коллективную память. Номинативные практики оказались мощным двигателем во время войны. При этом создание списков некронимов после завершения вооруженного конфликта не отличается новизной, а восходит к античности.

Восстановление в коллективной памяти имен кавказцев-участников Великой Отечественной войны и реабилитация депортированных в 1944 г. стали моральным императивом для республиканских властей Чечни и Ингушетии после осетино-ингушского конфликта и двух этапов внутреннего вооруженного конфликта в Чечне. Так, с начала 2000-х гг. постепенно формировался значительный корпус историографических источников, посвященных описанию вклада чеченцев в победу в Великой Отечественной войне.

На момент выхода данной статьи расширенный поиск в научной электронной библиотеке “Elibrary” позволил обнаружить 22 русскоязычные публикации по данной теме, авторами которых выступают чеченские исследователи. Большее количество научных публикаций было выявлено с помощью поисковой системы “Google Академия”: свыше 150 работ по строгому соответствию слов поискового запроса. Для сравнения: по аналогичному поисковому запросу в “Elibrary” (с заменой этнонима «чеченцы» на «ингуши») обнаруживается 48 публикаций. При этом из них только пять посвящены участию ингушей в Великой Отечественной войне, остальные сохраняют советскую историографическую преемственность в виде одновременного употребления этнонимов «чеченцы» и «ингуши» в названиях статей. “Google Академия” также не дает однозначных результатов, поскольку большая часть публикаций носит общий характер и описывает вклад репрессированных народов СССР в победу 1945 г.

Большинство других работ носит историко-публицистический характер, как, например, публикации Х.Д. Ошаева [10],

и не является предметом настоящего исследования. Тем не менее чеченский историк Х.Д. Ошаев несколько десятилетий собирал сведения о 255-м отдельном чечено-ингушском кавалерийском полку, действовавшем в составе Красной армии в 1942–1943 гг. Работа была издана уже после смерти автора его сыном в 2004 г. [11].

К концу второй декады 2000-х гг. очерчивается тенденция разделения анализа участия чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне: появляются публикации, в которых прославляется вклад преимущественно чеченцев [6; 7; 13]. Публикуются мемуары и интервью репрессированных и депортированных в 1944–1957 гг. [9], где сохраняется обозначенная дифференциация.

Процесс мемориализации в постсоветской и постконфликтной Чечне оказался консолидирующей силой в условиях восстановления республики. Коллективная память была призвана выполнять морализирующую функцию, поскольку она позволяет ритуализировать те нормы, которые выглядят как специфические для чеченцев. Мобилизация национальной чеченской истории (в том числе восстановление имен чеченцев-участников Великой Отечественной войны и репрессированных в 1944 г.) в условиях вооруженных действий и после фазы их завершения привела к установлению господствующей нормы в ее крайней гегемонистской форме. Мифы и национальные символы в постсоветской Чечне выкристаллизовали «новую» или даже «забытую» национальную идентичность чеченцев, позволив национально-историческому опыту стать основой их самосознания. Идентичные процессы характерны для Ингушетии.

Осетино-ингушский конфликт получил продолжение в форме мемориального конфликта интерпретаций участия осетин и ингушей в Великой Отечественной войне. В 2019 г. массовый резонанс получила книга ингушского автора «Осетины на службе Третьего рейха», рассказывающая о сотрудничестве части представителей осетинского народа с оккупационными властями. Впоследствии тираж был изъят из магазинов, а книга признана экстремистским изданием, однако она была распространена в сети Интернет посредством мессенджеров и размещена в цифровых архивохранилищах [3].

Также номинативные практики применялись и в восстановлении имен пропавших без вести в результате осетино-ингушского конфликта 1992 г. Ингушская региональная общественная организация «Комитет содействия поиску заложников и без вести пропавших» действовала до июля 2020 г. Ею была создана база без вести пропавших из 192 имен [15]. Поиском захоронений на территории Северной Осетии занимался Центр гражданского содействия розыску (ЦГСР) пропавших без вести при Миротворческой миссии им. генерала Лебеда.

Таким образом, после распада СССР «запоминание» и «вписывание» имен участников войн и вооруженных конфликтов приобрело политическую функцию в республиках Северного Кавказа. В мемориальном пространстве этого региона стало недопустимым исчезновение имен представителей той или иной этнической группы из коллективной памяти. При этом сохранение имен борется с анонимностью коллективной смерти или их полного забвения.

Источники и литература

1. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство памяти: Великая Победа и власть. Вып. 19. М., 2005.
2. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.
3. В Ингушетии изымают сборник документов «Осетины на службе Третьего рейха» // Obzor.io. 2019. 17 мая. URL: <https://obzor.io/2019/05/17/v-ingushetii-izymayut-sbornik-dokumentov-osetiny-na-sluzhbe-tretego-rejha-41884> (дата обращения: 23.09.2022).
4. Гарсаева М.М., Гарсаев Л.М. Элистанжинцы — участники Великой Отечественной войны (Чеченская Республика) // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 16. № 3 (19). С. 204–211.
5. Горюшина Е.М. Политика памяти на Кавказе после 1989 г.: теоретическое обоснование нарратива о войне в Чечне // История: электронный научно-образовательный журнал. 2021. Т. 12. № 10 (108). URL: <https://history.jes.su/s207987840017352-6-1/> (дата обращения: 23.09.2022).

6. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины (вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.). Грозный, 2015.

7. Исакиева З.С., Кадырова Т.У. К 75-летию победы в Великой Отечественной войне: чеченцы в крупнейших сражениях ВОВ // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11 (101). Ч. 3. С. 69–73.

8. Кринко Е.Ф. Политика памяти и мемориальные конфликты на Северном Кавказе // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова. М., 2021. С. 54–69.

9. «Нас не пошлют туда, где нет Аллаха...». Воспоминания и свидетельства ингушей о сталинской депортации 1944–1957 гг. / авт.-сост. М. Яндиева. Магас, 2020.

10. Ошаев Х.Д. Брест — орешек огненный: художественно-документальная повесть. Грозный, 1990.

11. Ошаев Х.Д. Слово о полку Чечено-Ингушском: сборник документально-художественных произведений. Нальчик, 2004.

12. Рахманинова М.Д. От эпистемологии власти к онтологии тела: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2017.

13. Сугаипова Р.А., Янадамов А.М. Воины чеченцы — защитники Брестской крепости // Вторая мировая война 1939–1945 гг. в исторических судьбах народов России и Кавказа: материалы международной научно-практической конференции (Магас, 4–5 мая 2020 г.). Магас, 2020. С. 185–188.

14. Хабаев И.Д. Центароевцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Таллам. 2020. №. 4 (21). С. 31–37.

15. Цороев И. Самая серьезная травма — потеря близких // Ингушетия / ГалГайче: интернет-газета. 2016. 28 декабря. URL: <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/v-komitete-sodeystviya-poiskuzalozhnikov-i-bez-vesti-propavshih-proshla-vstrecha> (дата обращения: 23.09.2022).

16. Laqueur T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, 2015.

17. Wertsch J.V. Blank Spots in Collective Memory: A Case Study of Russia // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 617. № 1. P. 58–71.

В.А. Танайлова

ДЕТСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАВМЫ (на примере школьных сочинений о войне в Чечне)

В экспозиции «Чеченская трагедия» музея Бориса Ельцина выставлены школьные тетради с сочинениями, в которых дети рассказывают о том, как пережили первую чеченскую войну 1994–1996 гг. На обложках этих тетрадей «напечатана не таблица умножения, а инструкция с алгоритмом действий на случай обнаружения мин. Такие тетради в конце 90-х годов выпускались для живущих в Чечне детей, на их страницах решали арифметические задачи, совершенствовали грамматику и, возможно, писали о войне» [6]. В витрине музея выставлено только несколько детских текстов о войне, большая же их часть хранится в архиве Ельцин Центра. Руководитель экспозиционно-выставочного отдела музея Марина Соколовская говорит, что к архиву, к сожалению, крайне редко обращаются исследователи, а детские сочинения о войне в Чечне и вовсе никогда не попадали в руки к ученым. Эти тексты были написаны учениками разных классов школы № 7 г. Грозного по просьбе их преподавателя истории Натальи Эстемировой¹. Не во всех сочинениях можно найти указание имени, фамилии и класса ученика. Но сочинения с подписями принадлежат в основном ученикам пятых, sixth, седьмых классов. Написаны они были в период с 1995 по 1998 гг. Всего в архивном деле, содержащем школьные тексты, чуть более ста страниц [1].

В этой работе я не ставлю перед собой задачу дать полный анализ содержания всех упомянутых выше школьных сочинений. Но я предлагаю наметить возможные подходы к осмыслению детского травматического опыта войны через эти тексты. «Вспоминая или изучая войну, мы, как правило, опираемся на официальные документы, карты военных действий, фотографии, кинохронику или свидетельства взрослых людей. Но в XX веке очень

¹ В 2000-х гг. Н.Х. Эстемирова занималась правозащитной и журналистской деятельностью, была убита 15 июля 2009 г.

важным свидетелем стал ребенок, чьи слова показывают не картину боевых действий, а то, насколько война разрушительна и как на ней тяжело всем, а особенно детям» [6]. В рамках постколониальной теории чеченские дети в официальном российском дискурсе о войнах в Чечне находятся в состоянии двойного исключения, во-первых, потому, что они чеченцы, а во-вторых, потому, что они дети. Именно это превращает исследование детских текстов в чрезвычайно важный инструмент, позволяющий дать голос тем, кто этого голоса почти всегда лишен. И хотя по многим причинам детские сочинения не всегда могут быть достоверным источником для детального восстановления хода исторических событий, это не делает их менее ценными для исследователя. Ведь главная ценность этих текстов в том, что они позволяют обратиться к глубоко травматичному опыту детей, переживших войну и ставших теперь взрослыми, несущими в себе эту травму.

Обращаясь к школьным сочинениям как к источнику, я не вижу смысла говорить о культурной травме и способах ее выражения. Когда дети писали свои сочинения, война только закончилась. Никакой культурной травмы еще не было, то есть не было травмы как основы переосмысления групповой идентичности. Тогда было только множество людей, каждый из которых нес собственную травму внутри — разрыв, разлом, провал. Эти множественные травмы еще ничего не породили, эти пустоты еще не заполнились словами и смыслами, которые, будучи сращенными вместе, могли бы создать новое «мы» — те, кто пережил войну. То «мы», которое стремится быть услышанным, понятым и принятым. Правильным будет сосредоточиться на личном опыте проживания и выражения травмы тех детей, которым принадлежит исследуемые мной тексты. Поскольку здесь я говорю об индивидуальном травматическом опыте и практике его текстуального выражения, то более разумным будет обратиться к таким направлениям исследований, как литературное исследование травмы, психология, психиатрия.

Я не знаю, какую именно задачу ставила перед своими учениками Наталья Эстемирова, когда предложила им написать эти сочинения, и по понятным причинам уже никогда не узнаю. Считала ли она, что главная задача — это терапевтическое письмо,

помогающее сформулировать и излить свою травму на бумагу? Или самым важным было зафиксировать правду о произошедших военных событиях? Из своих полевых интервью я знаю, что люди, которые работали с Натальей долгое время, уверены в том, что на первое место она ставила душевное состояние своих учеников и не могла не понимать того, что травма требует высказывания. Как замечает Кэти Карут: «Похоже, наиболее сильно травмирующие события — те, что связаны с императивом не рассказывать. В этих случаях запаздывающая структура травмы принимает форму специфического вопроса: травма — это лишь собственно эмпирическое событие или же травма связана с тем, что она осталась не увиденной и не засвидетельствованной позднее?» [2: 576] В любом случае в обозначенных мною двух моментах нет никакого противоречия. Криста Шонфелдер, анализируя постмодернистскую травматическую литературу, пишет, что она в значительной степени рефлексивна, постоянно бросает вызов и проблематизирует процессы повествования и репрезентации, и при этом, ссылаясь на Майкла Ротберга, утверждает, что эта литература «имеет тенденцию сохранять определенную приверженность реализму и, в конечном счете, “не может освободиться от претензий мимесиса”, то есть от озабоченности референциальностью и требованиями документации и свидетельства» [9: 16].

И хотя между исследованиями школьных сочинений и художественной литературы о травме нельзя проводить полной аналогии, всё же можно использовать схожие приемы анализа этих текстов, исходя из того что основным парадоксом, который характеризует нарративы о травме в целом, является попытка передать то, что сопротивляется обычным процессам воспоминания и повествования, репрезентации и понимания. Повествования о травме поднимают важные вопросы о возможности вербализации невыразимого, повествовании о не поддающемся описанию и осмыслению непонятного. Травма, по словам Р. Лакхерста, «бросает вызов возможностям нарративного знания» [8: 79] или, в более общем смысле, бросает вызов языку, повествованию и пониманию. Большинство текстов о травме так или иначе указывают на «нарративное напряжение в основе травмы», то есть на напряжение между возможностью повествования и невозможностью

такового [9: 31]. Сергей Ушакин определяет травму как «своеобразный дискурсивный и эпистемологический паралич, как неспособность свести воедино три критических опыта: опыт пережитого, опыт высказанного и опыт осмысленного» [5: 8], а Эррол Валентайн Дэниел, отвечая на вопрос о том, что значит рассказать правду о пережитом и возможно ли это в принципе, отвечает, соглашаясь с Жаком Лаканом: «Я всегда говорю правду. Но не полную правду, поскольку не существует способов рассказать абсолютную истину. Это в принципе невозможно, поскольку несовершенны сами слова» [7: 106].

В.А. Тишков в своей работе «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» затрагивает вопросы, имеющие отношение к восприятию и интерпретации событий свидетелями войны: «Информант видит и показывает только на руины и жертвы, его слова — это не рассказ, а обращение с жалобой или с гневным посланием, это просьба-мольба или слова мести. Он демонстрирует оружие борьбы и насилия как знак самоутверждения, говорит лозунгом, написанным на стене дома или сказанным по телевизору. Он мало что понимает в происходящем. Слухи и верхушечные версии — вот что формирует и содержит сознание информанта в обществе, ввергнутом в конфликт» [4: 24]. В целом это правда — исследуемая через свидетельства очевидцев реальность в значительной степени является продуктом сознания респондента. В случае с чеченской войной на формирование этой реальности влияет в первую очередь травма, если она присутствует у респондента. Именно она в таком случае превращает свидетельство не в отражение фактической последовательности событий, а в «просьбу-мольбу или слова мести».

Тексты чеченских детей, которые я использую как источник, написаны по свежим следам первой чеченской войны. Временной зазор между описываемыми событиями и моментом написания сочинений минимален. Эти тексты писали не взрослые, передающие свой детский травматический опыт, а дети, которые этот опыт еще не успели по-настоящему осмыслить. Установить с абсолютной точностью, как именно писались школьные сочинения, оказывается затруднительным. В нескольких сочинениях

указано, что это домашняя работа. Но мы не можем быть уверены, что все эти сочинения были написаны в рамках одного задания. Часть работ была написана дома, и в таком случае дети, конечно, могли обращаться к опыту и воспоминаниям взрослых из своей семьи. Действительно, структура и лексический набор некоторых текстов наводит на мысль о том, что в их написании участвовали взрослые. В таком случае можно сказать, что травматический опыт, транслируемый в этих текстах, расширяется от границ индивидуального опыта ребенка до травматического опыта целой семьи. Кроме того, характер грамматических ошибок в некоторых текстах говорит о том, что не все дети хорошо владели русским языком на момент написания сочинений. Уровень владения языком, безусловно, оказывает большое влияние на структуру текста, лексический набор, используемый в нем, и т.д.

Я выделила несколько категорий в содержании детских текстов, которые прослеживаются в большинстве сочинений: описание травмирующего опыта (иногда экстремального) и военной повседневности, описание переживаний и чувств, связанных с этим опытом, выводы о войне и пожелания на будущее.

Среди детских описаний жизни во время войны я хочу выделить те, в которых говорится о принципиальной смене «детского» образа жизни на «взрослый»: «Жить стало труднее, у меня не оставалось времени, чтобы поиграть с ребятами»¹ [1: 5]; «Я всем, чем мог помогал взрослым» [1: 17]; «Жизнь у нас неинтересная: нет парков, нет цирка и детских площадок. Разбиты все парки и скверы» [1: 41]. Всё это свидетельства лишения детей их детства, обычных повседневных практик, которые разграничивают жизнь детей и жизнь взрослых. В текстах присутствует также достаточное количество примеров описания экстремального травмирующего опыта: «Когда дошли мы увидели там сгоревшие танки. Я поднялась на колесо батаэра и увидела там скелет наемника» [1: 19]; «Жители нашего дома и мы спустились в подвал, так как некуда было деться. Потом часов в десять начались все незабываемые дни. Стали вертолётны ракетами бить, стрелять с пулеметов... На второй день 7 числа за нами пришел наш дядя и забрал нас к себе. Когда мы шли лежали трупы русских солдат...

¹ При цитировании сохранена орфография и пунктуация источника.

Под шумом минометов, самолетов и всяких орудий мы провели 11 дней у дяди. Про нас никто ничего не знал. Потом 17 августа мы добрались до родных» [1: 30].

Манера описания детьми в своих текстах собственных эмоциональных состояний во время войны довольно проста, местами даже скудна. Незадолго до момента написания ими сочинений у них вообще не было необходимости иметь в своем ежедневном лексиконе слова, позволяющие со всей полнотой описывать войну и смерть. Но не говорит ли этот простой язык о том, что им пытаются выразить травму, одним из первых признаков которой как раз и является сложность в использовании языка для ее трансляции? При этом дети скрупулезно фиксируют даты и названия мест, по которым они перемещались, спасаясь от войны. Они пишут о том, какого числа в населенные пункты входили федеральные войска или боевики, когда они слышали стрельбу, а когда взрывы, когда появлялась авиация. Они перечисляют имена и фамилии людей, которые оказываются частью их повествования. Эта необыкновенная точность воспоминаний, вспыхивающих в памяти так, «как будто это было вчера», может быть еще одним свидетельством травмы, прочно удерживающей на поверхности память о породивших ее событиях.

В одном из детских текстов есть такой отрывок: «Когда мы уезжали из города, бомбили город, было так страшно... Мы не знали, куда мы попали. В эту же ночь очень было страшно. Потом мамин брат приехал и нас увез в Назрань, мы не знали, как доехали, так было страшно на трассе. Там было страшно» [1: 10]. На одной маленькой странице школьной тетради ребенок описал свой опыт побега от военных действий, четыре раза используя слово «страшно». Если мы проанализируем этот текст с точки зрения его структуры, то увидим, что он состоит из повторений, которые представляют собой попытку выразить травматический опыт с помощью фиксирования на ключевой эмоции — страхе. Там, где не хватает слов для передачи переживаний, их возможное разнообразие заменяется повторением одного слова, но самого важного.

Дети вообще много пишут о тревоге и страхе, причем страхе не за себя, а за своих близких, особенно родителей: «11 декабря

1994 года началась война. Я уже думала мы не останемся в живых, но слава богу такого не случилось. Больше всего я волновалась за родителей» [1: 31]; «Я и Милана очень боялись стрельбы и когда бомбили, но больше всего мы волновались за родителей» [1: 25]; «Только ночью отец вернулся. Весь в синяках и вся голова опухла» [1: 17]. Подобные происшествия со взрослыми вызывали у детей особую тревогу. Они видели, что взрослые, которые контролировали жизнь вокруг, теряют этот контроль. Ребенок чувствует себя в большой опасности, ведь взрослый, на которого он полагается, не может больше защитить ни себя, ни его. Это разрушает детскую картину мира, привычный жизненный уклад и иерархию.

В конце своих письменных работ многие дети делали короткие выводы о войне и выражали свои надежды на будущее: «Я не хочу войну, чтобы гибли люди, рушились дома и дети оставались сиротами. Я хочу мира на всей планете и видеть счастливые улыбки» [1: 16]; «Мы не хотим, чтобы была война, чтоб жили дружно все. Дай Бог» [1: 11]; «Я не знаю, зачем нам нужна эта бессмысленная война» [1: 8]; «Я бы хотела, чтобы кончилась война и все восстановили. Пусть никогда больше не будет войны!» [1: 32]; «С города были выведены все российские войска и был восстановлен мир» [1: 2].

Последние строки сочинений дети посвящают сравнению войны и мира, целого и разрушенного, прекрасного и безобразного. Они выражают стремление жить в мире и непонимание смысла войны. Чаще всего это стремление обращено к старому образцу мира, дети хотят всё вернуть и исправить, они не мыслят категориями изменяемого мира, который может наступить после войны, но быть иным.

В России большая часть тех исследований военной травмы, которые не ограничиваются травмой только лишь комбатантов, посвящена периоду Великой Отечественной войны. Исследователи в области устной истории пишут о том, что события военного времени вспоминаются с большим трудом и болью в рамках индивидуальных повествований, несмотря на существование официального нарратива о коллективной солидарности, стойкости и героизме. Эти воспоминания могут фиксировать в том числе глубокую травму детей, живших в зоне боевых действий

или оккупации, ставших свидетелями насилия и смерти, потерявших членов своей семьи. Уже с момента окончания Великой Отечественной войны советские психиатры использовали концепцию травмы для объяснения сложностей в социализации и поведении детей, имевших опыт жизни в военное время. Этот травматический опыт приводил к появлению таких типичных симптомов, как бессонница, тревожность, страхи, апатия и даже депрессия, нарушения речи. И всё же, несмотря на признание существования детской травмы и ее последствий, она часто игнорировалась и не получала должного внимания и тем более открытого обсуждения.

В такую же зону молчания попала и травма детей, переживших первую чеченскую войну, хотя мой собственный полевой опыт говорит о том, что эта травма имеет сейчас серьезные последствия. Во время встречи с ветеранами боевых действий российский психолог С.Н. Ениколопов, основываясь на своем многолетнем профессиональном опыте, высказал мнение о том, что люди, пережившие войну в детском возрасте, с большим трудом преодолевают свой травматический опыт и оставляют его в прошлом, нежели те, кто имел подобный опыт, уже будучи взрослым человеком [3]. И последствия этого опыта оказываются в итоге разрушительными не только для личности, но и для общества, аккумулирующего травматическое молчание своих членов. Возвращаясь к началу своего текста и к выставке Ельцин Центра, посвященной войнам в Чечне, я снова обращаюсь к словам Марины Соколовской: «Для меня музейная витрина с детскими сочинениями — ключ к истории не только Чеченской войны. Нам говорят, что всё закончилось, но это далеко не так, всё еще продолжается и не ясно, каким будет финал, не известно, с какими трудностями мы столкнемся, когда попытаемся осмыслить опыт этой войны» [6].

Источники и литература

1. Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 12. Оп. «Документы Н.Х. Эстемировой». Д. 3.
2. Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М., 2009. С. 561–581.

3. Круглый стол ветеранов боевых действий. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kКр2РоVBMM0> (дата обращения: 15.08.2022).
4. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.
5. Ушакин С. Нам этой болью дышать? Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009.
6. Шурмина Н. Полная версия. Детские свидетельства Чеченской войны. URL: <https://yeltsin.ru/news/polnaya-versiya-detskie-svidetelstva-chechenskoj-vojni/> (дата обращения: 15.08.2022).
7. Daniel E.V. Charred Lullabies: Chapters in an Anthropography of Violence. Princeton, 1996.
8. Luckhurst R. The Trauma Question. London, 2008.
9. Schönfelder Ch. Wounds and Words: Childhood and Family Trauma in Romantic and Postmodern Fiction. Bielefeld, 2014.

И.В. Крючков

ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА 2020 г. И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ФРАНЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Франция после распада СССР проявляет значительный интерес к развитию ситуации на Южном Кавказе. В 1992–1994 гг. она принимала активное участие в создании Минской группы ОБСЕ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе. Франция стала одним из трех ее сопредседателей. В 2008 г. президент Н. Саркози выступил посредником в переговорах о прекращении войны между Грузией и Россией [3: 230].

Франция развивала политический диалог с государствами региона, особенно с Арменией и Грузией. Азербайджан стал ведущим экономическим партнером Парижа на Южном Кавказе. В 2019 г. на Азербайджан приходилось более 62 % всего внешнеторгового оборота Франции с государствами региона. Французские компании вложили инвестиций в Азербайджан на 2,2 млрд евро и, получив различные контракты, в том числе

от государства, участвуют в проектах в Азербайджане объемом в 6,2 млрд евро [5].

Рост напряженности в Нагорном Карабахе в первой половине 2020 г. вызывает тревогу во Франции. Париж всячески призывал конфликтующие стороны к сдержанности и продолжению переговорного процесса. В конце июля 2020 г., когда произошло очередное обострение ситуации, французские эксперты высказали предположение, что в любой момент Азербайджан может пройти точку невозврата, чтобы «спасти лицо», но всё же сохраняли осторожный оптимизм. Во Франции понимали, что за Азербайджаном стоит Турция, а Армения могла положиться на помощь России. В результате конфликт мог приобрести более глобальный характер. Париж беспокоился, кроме гуманитарной составляющей, об обеспечении Азербайджаном регулярных поставок нефти и газа в Европу, так как основные транспортные артерии проходили рядом с Нагорным Карабахом. О позиции России комментарии в конце июля 2020 г. оставались нейтральными, подчеркивалось ее желание сохранить нормальные отношения с Арменией и Азербайджаном и предложение посреднических услуг [7].

Начало боевых действий в Нагорном Карабахе 27 сентября 2020 г. стало полной неожиданностью для Франции. Общественное мнение страны было на стороне Армении и Нагорного Карабаха. Скоротечность войны и победа Азербайджана стали еще одним неприятным сюрпризом как для общественности, так и для правящего класса. Большинство СМИ страны обращали внимание не только на военное поражение Армении, но и на грядущую гуманитарную катастрофу в регионе из-за действий азербайджанской армии.

В Париже попытались проанализировать причины поражения Армении в войне с Азербайджаном в 2020 г. Французская сторона подчеркивала, что еще со времен Российской империи и СССР армяне достигли больших успехов на военном поприще, дав плеяду блестящих полководцев, чем не мог отметить Азербайджан. Данный фактор стал решающим в 1994 г., когда Армения достигла военной победы над Азербайджаном. Свою роль сыграла и косвенная поддержка российской армии.

С 2004 г. с приходом к власти И. Алиева, по мнению французских экспертов, ситуация начинает меняться радикальным образом. Они выделяли следующие аргументы в пользу Баку. Азербайджан, получив значительные средства от торговли нефтью и газом, получил возможность приобретать значительные объемы вооружений и модернизировать собственную армию. Азербайджан имел военный бюджет в семь раз больше в сравнении с Арменией. Перевооружению Азербайджана помогали Турция, Израиль и Россия. С 2015 г. 2019 г., по данным французских аналитиков, 60 % поставленного в Азербайджан оружия приходится на Израиль и 31 % на Россию [13]. Однако и Франция принимала участие в вооружении Азербайджана. В докладе, подготовленном французскими парламентариями, говорится, что в 2015 и 2016 гг. Франция поставила Азербайджану вооружений на 148,2 млн евро, а в 2019 г. продала военные лицензии на 216,4 млн евро [13]. Всё это делалось под предлогом неиспользования данных технологий и оружия в Нагорном Карабахе. Кроме этого, в 2014 г. при поддержке Франции Азербайджан запустил спутник AzerSky, который может использоваться как в гражданской, так и военной сферах.

Большую роль в исходе войны 2020 г. сыграл тот факт, что население Азербайджана в три раза превышало население Армении, страна имела значительное количество военнообязанных. Население Азербайджана с 1999 г. по 2022 г. увеличилось с 7,2 до 10,5 млн. чел., а Армении — сократилось с 3,2 до 3 млн чел. Авторитарный режим, сложившийся в Азербайджане, по мнению французской стороны, также стал преимуществом, поскольку позволил Азербайджану выстраивать долгосрочную стратегию во внешней политике и в военной сфере [14].

Армения после 1994 г., на взгляд французских экспертов, оказалась в принципиально иной ситуации. Страна столкнулась с «демографической стагнацией», ее население практически не увеличивалось, что имело самые неблагоприятные последствия для ее обороноспособности. Военный бюджет практически не увеличивался, коррупция и политическая нестабильность довели до бед Армении. В результате в 2020 г. «бедная и деморализованная» армянская армия столкнулась с новой армией Азербайджана и потерпела поражение [14]. Париж не считает, что

фактор неожиданного нападения стал одной из причин поражения Армении, так как на протяжении последних лет вдоль всей линии соприкосновения сторон отмечалась острая напряженность. К большому удивлению французских экспертов, Ереван не мог в этой ситуации адекватно определить стратегию поведения Азербайджана [14]. К тому же война 2020 г. с применением дронов показала необходимость изменения тактики ведения боевых действий, в том числе французской армии.

В проармянских кругах Франции вызвала недоумение позиция стран НАТО и ЕС в отношении событий 2020 г. Данный факт они объясняли следующими причинами: полное равнодушие западной общественности к событиям в Нагорном Карабахе, так как ее больше волновали собственные проблемы; недальновидная политика Д. Трампа по отношению к Турции; крушение мирового порядка, сложившегося в начале XXI в. [11].

Неблагоприятный исход войны Армении и Нагорного Карабаха с Азербайджаном поставил непростую задачу перед французской дипломатией. Многие эксперты заговорили о кризисе внешней политики Франции на Южном Кавказе [8]. Во французском обществе постоянно раздавался вопрос: насколько эффективны были действия Минской группы ОБСЕ и, в частности, Франции как сопредседателя? У многих аналитиков звучит тезис о падении авторитета Франции в Минской группе еще до войны 2020 г., особенно после 2016 г., когда при посредничестве России был урегулирован очередной конфликт в Нагорном Карабахе [8]. Франция полагала, что постепенно в рамках Минской группы ОБСЕ можно будет решить проблему Нагорного Карабаха, но ее формат явно себя изжил после трагических событий 2020 г. По мнению Парижа, хотя он и не очень педалирует эту тему, соглашение 9 ноября, по сути, развалило Минскую группу, ее делегитимизировало и дискредитировало. Это факт показал банкротство не только французской политики в Нагорном Карабахе, но и политики США и ЕС [9]. По инерции Франция призывает возобновить диалог в рамках Минской группы, но особо не верит в успех этого процесса.

В регионе установился непрочный мир, и Парижу необходимо было выработать новую стратегию своей политики на Южном

Кавказе. Позициям Франции на Южном Кавказе был нанесен серьезный удар, как и ее авторитету в Армении и Азербайджане.

Зависимость Армении от России во Франции рассматривается как фактор, который тормозит развитие страны и ее интеграцию с ЕС. Без разрушения крайней зависимости Армении от Москвы в Париже не рассматривают положительный сценарий ее развития в будущем. Вывод Армении из дипломатической и экономической изоляции является важнейшей задачей Франции [10].

В Париже полагают, что российский фактор сыграл немаловажную роль в поражении Армении в 2020 г. Она была абсолютно уверена в помощи христианской России в ее борьбе с мусульманским миром (Турция — Азербайджан). Это обстоятельство в Армении создавало иллюзию, что данный фактор служит важным препятствием для наступления Азербайджана. Французские эксперты продвигают концепцию, что Россия сознательно дала Азербайджану возможность разгромить Армению, заранее зная о скором нападении на Нагорный Карабах и обсудив с Баку «красную линию», через которую он не должен был переходить. По мнению политолога О. Руа, Азербайджан стал инструментом возвращения Армении в лоно российской внешней политики [14].

Во Франции многие эксперты отмечают, что Россия сменила стратегический вектор на Южном Кавказе из-за складывания альянса Россия — Турция, поэтому Москве пришлось учитывать данное обстоятельство при выстраивании диалога с Ереваном и Баку. Перемирие 9 ноября 2020 г., по мнению Парижа, позволило разместить российские войска во всех трех государствах Южного Кавказа: Грузии (Абхазии и Южной Осетии), Армении, Азербайджане (Лачинском коридоре). Поэтому оно стало очередным успехом Москвы в регионе [9]. В то же время России пришлось пойти на компромисс: пусть ограниченно, но пустить Турцию на Кавказ. Но Россию ждет здесь большое разочарование. Азербайджан, по мнению французской стороны, всё больше будет дрейфовать к союзу с Турцией в ущерб интересам Москвы [9].

Французская сторона не без раздражения признает усиление российских позиций в Армении после 2020 г. Размещение российских войск в Сюнике, соглашение о расширении базы в Гюмри и модернизации армянской армии ярко об этом свидетельствует.

Но самое главное — большинство граждан Армении, даже настроенных проевропейски, полагает, что Россия в данном контексте является единственным гарантом безопасности страны. Одним из итогов войны, на взгляд Парижа, становится политическое поражение Н. Пашиняна, пришедшего к власти в результате цветной революции, олицетворявшей курс на отдаление от России. После 2020 г. Н. Пашинян стал чуть ли не ее вассалом [16]. Во Франции в последнее время раздаются опасения по поводу возможной частичной утраты Арменией суверенитета из-за усиления зависимости от Москвы.

Франция имеет богатый опыт урегулирования острых конфликтов с ближайшими соседями, в частности, с Германией. Данный опыт, пусть в ограниченных рамках, может пригодиться французской дипломатии на Кавказе. Более того, у Франции установились тесные связи с Арменией, некоторые эксперты в Париже считают, что они слишком близкие, что ограничивает ее действия на Южном Кавказе. Используя свои весомые позиции в Ереване, Франция предпринимает усилия по разрешению армяно-азербайджанского конфликта и упрочению своих позиций на Южном Кавказе. 1 июня 2021 г. президент Э. Макрон заявил о желании Франции и в дальнейшем способствовать переговорному процессу между Арменией и Азербайджаном, подчеркивая, что все территориальные споры должны решаться в рамках международного права и без применения оружия [6].

В Париже прекрасно понимают, что баланс сил на Южном Кавказе существенно изменился. Азербайджан имеет ресурсы для полного уничтожения Армении в случае невмешательства внешних сил. Для Франции такой исход абсолютно не приемлем. Кроме традиционно крепких армяно-французских связей и симпатий общественности Франции к Армении проявляется еще несколько факторов. Во-первых, уничтожение независимой демократической Армении несет непредсказуемые последствия и ведет к чрезмерному усилению Турции в мировой политике, в том числе в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, где Франция конкурирует с Анкарой. Во-вторых, данный фактор может привести к политике этнических чисток не только на территории Нагорного Карабаха, а возможно, и к повторению

геноцида 1915 г. [15]. При удачном стечении обстоятельств Армения и Грузия могут стать форпостом демократии на Южном Кавказе и последовательными союзниками Франции и ЕС.

Во Франции убеждены в необходимости экономического развития стран региона и роста уровня жизни населения как одного из неперемennых условий для нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном. В рамках данной доктрины предполагается развитие экономического сотрудничества между приграничными районами Армении и Азербайджана, и Париж намерен в этом направлении оказывать всяческое содействие. По мнению французской стороны, для быстрого экономического восстановления Армении необходимо открыть границы с Турцией и Азербайджаном, что послужит важным стимулом для развития народного хозяйства страны [10].

8–10 декабря 2021 г. с визитом во Франции находился министр иностранных дел Армении А. Мирзоян. Во время данного визита было подписано соглашение о разработке дорожной карты сотрудничества Франции и Армении в 2021–2026 гг., в том числе в сфере сельского хозяйства, туризма, развития высоких технологий, инфраструктуры, градостроительства, энергетики [3]. 9 марта 2022 г. в Елисейском дворце состоялась встреча Э. Макрона и Н. Пашиняна. Они подтвердили намерение сторон сотрудничать в области экономики, науки и социальной сферы. На встрече также поднималась проблема решения нагорно-карабахского вопроса. Э. Макрон и Н. Пашинян признали необходимость комплексного его решения в рамках работы Минской группы ОБСЕ.

После 2022 г. во Франции многие экономисты и политики полагают, что занятие Азербайджаном районов, входивших до 2020 г. в состав Народно-Карабахской Республики и расположенных вокруг нее районов, открывает большие перспективы для французских инвесторов, так как Азербайджан, имеющий значительные финансовые ресурсы, направит их на восстановление занятых территорий. В качестве таких секторов, где французские компании смогут найти применение, выделяются сельское хозяйство, транспорт, туризм, горнодобывающая промышленность, зеленая энергетика и т.д. [10].

Однако на пути реализации важнейших задач французской дипломатии в регионе может стать позиция Азербайджана. В Баку с 2020 г. постоянно звучит антифранцузская риторика, явно с подачи правящих кругов страны. Францию обвиняют в необъективности и занятии проармянской позиции. Более того, в прессе допускаются личные выпады против президента Э. Макрона [1]. Более того, критикуется позиция Франция как сопредседателя Минской группы ОБСЕ на том основании, что она проводит проармянскую политику.

25 ноября 2020 г. сенат Франции принял резолюцию о признании независимости Нагорного Карабаха. Правда, она не несла какой-либо юридической силы, скорее представляя некий символический жест. Ее принятие вызвало большой переполох в Министерстве иностранных дел Франции. Государственный секретарь Жан-Батист Лемуан и глава министерства Жан-Ив Ле Дриан заявили, что они принципиально не согласны с данной резолюцией, поскольку она нарушает принцип непредвзятости сопредседателя Минской группы ОБСЕ и сужает возможности французской дипломатии на Южном Кавказе [8]. Следовательно, официальный Париж в очередной раз дал четкий сигнал, что он не признает независимость Нагорного Карабаха.

В условиях некоторой напряженности отношений Франции и Азербайджана стороны продолжают взаимный диалог. В конце января 2021 г. государственный секретарь Жан-Батист Лемуан посетил Баку, где он провел ряд встреч, в том числе с Ильхамом Алиевым. Стороны обсудили перспективы развития сотрудничества в области культуры и строительства железных дорог в Азербайджане. Предвыборная кампания во Франции 2022 г. в очередной раз привела к острой перепалке французских и азербайджанских политиков. 4 февраля 2022 г. по инициативе Э. Макрона прошла видеоконференция с участием президентов Франции, Азербайджана, премьер-министра Армении и председателя Европейского совета Ш. Мишеля [2].

Начало спецоперации России на Украине 24 февраля 2022 г. вызвало новый виток интереса во Франции к ситуации на Южном Кавказе. По мнению французской стороны, данное событие ведет к ослаблению позиций Москвы в регионе, что понимают

и в Баку, и в Ереване [12]. В какой-то момент Россия не сможет оказывать реальную помощь Армении. Кроме этого, новая политическая реальность привела к усилению зависимости ЕС от поставок энергоносителей из Азербайджана, что еще больше повышает его ставки. ЕС пытается переломить в свою пользу урегулирование конфликта между Арменией и Азербайджаном. Франция становится одним из инициаторов посреднической миссии ЕС по урегулированию конфликта между Арменией и Азербайджаном, пытаясь таким образом придать новый импульс и своей кавказской политике. ЕС и Франция добиваются заключения мирного договора между Баку и Ереваном, урегулирования приграничных споров, решения гуманитарных проблем. Компромисс с Азербайджаном потребует больших жертв со стороны Армении, поэтому Франция стремится сохранить легитимность правительства Н. Пашиняна с целью реализации мирных инициатив ЕС. Президент Э. Макрон с этой же целью требует вывода азербайджанских войск из спорных районов.

Таким образом, французская дипломатия стремится реализовать несколько важных стратегических задач после войны 2020 г. Во-первых, получение статуса независимого посредника между Арменией и Азербайджаном, в том числе в рамках мирных инициатив ЕС. Во-вторых, восстановление экономики Армении и поднятие уровня жизни в стране. В-третьих, вытеснение России из Армении, как и из Южного Кавказа в целом. В-четвертых, создание на Кавказе транспортного коридора, соединяющего Европу с Ближним Востоком и Центральной Азией. В-пятых, обеспечение экономического и политического присутствия Франции в регионе.

Источники и литература

1. Алыюглу Э. Армянская любовь Парижа: как Франция защищает террористов // Day.az. 2020. 11 ноября. URL: <https://news.day.az/politics/1288509.html> (дата обращения: 12.08.2022).
2. Армения / Азербайджан — Заявление президента Французской Республики Эмманюэля Макрона и председателя Европейского совета Шарля Мишеля по итогам встречи с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым и премьер-министром

Армении Николом Пашиняном (Елисейский дворец, 4 февраля 2022 г.) // Дипломатия Франции. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/armenie/evenements/article/armenie-azerbaidjan-declaration-du-president-de-la-republique-francaise> (дата обращения: 12.08.2022).

3. Армения и Франция подписали дорожную карту об экономическом сотрудничестве // Sputnik. 2021. 9 декабря. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211209/armeniya-i-frantsiya-podpisali-dorozhnyuyu-kartu-ob-ekonomicheskom-sotrudnichestve-36252429.html> (дата обращения 12.08.2022).

4. Волхонский М. Шесть пунктов Медведева — Саркози: дипломатический аспект урегулирования конфликта в Южной Осетии // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4–5 (64–65). С. 227–240.

5. Торговый оборот между Азербайджаном и Францией значительно вырос // Day.az. 2019. 11 июля. URL: <https://news.day.az/economy/1137136.html> (дата обращения: 10.08.2022).

6. Франция намерена работать над миром между Арменией и Азербайджаном // Russia Today. 2021. 1 июня. URL: <https://russian.rt.com/world/news/868229-makron-mir-azerbaidzhan-armeniya> (дата обращения: 09.08.2022).

7. Gatinois C. Entre l'Arménie et l'Azerbaïdjan, «le danger est toujours là» // Le Monde. 2020. 22 juillet. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/07/22/entre-l-armenie-et-l-azerbaidjan-le-danger-est-toujours-la_6047002_3210.html (дата обращения: 21.09.2022).

8. Grigoryan G. Pourquoi la France a le devoir de reconnaître le Haut-Karabakh // FigaroVox. 2020. 2 décembre. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/pourquoi-la-france-a-le-devoir-de-reconnaitre-le-haut-karabakh-20201202> (дата обращения: 21.09.2022).

9. Houeix R. Haut-Karabakh: “Vladimir Poutine reprend le contrôle de l'Arménie” // France 24. 2020. 11 novembre. URL: <https://www.france24.com/fr/europe/20201111-haut-karabakh-vladimir-poutine-reprend-le-contrôle-de-l-arménie> (дата обращения: 10.08.2022).

10. Lambert J. La France, un médiateur naturel au service du rapprochement entre l'Arménie et l'Azerbaïdjan // Le Croix. 2021. 22 juillet. URL: <https://www.la-croix.com/Debats/France-mediateur>

naturel-service-rapprochement-entre-lArmenie-lAzerbaïdjan-2021-07-22-1201167388 (дата обращения: 21.09.2022).

11. Makarian C. La défaite de l'Arménie est aussi celle de l'Occident // FigaroVox. 2020. 11 novembre. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/la-defaite-de-l-armenie-est-aussi-celle-de-l-occident-20201111> (дата обращения: 21.09.2022).

12. Mihaely G. Arménie-Azerbaïdjan — un chemin de paix pavé de guerres // Causeur.2022. 1er juin. URL: <https://www.causeur.fr/armenie-azerbaïdjan-karabakh-charles-michel-conseil-europeen-paix-russie-234705> (дата обращения: 21.09.2022).

13. Naudet J.-B. Karabakh: quand la France arme l'Azerbaïdjan // L'OBS. 2020. 15 octobre. URL: <https://www.nouvelobs.com/monde/20201015.OBS34789/karabakh-quand-la-france-arme-l-azerbaïdjan.html> (дата обращения: 21.09.2022).

14. Roy O. L'Arménie a cru au mythe de la Russie chrétienne // Le Monde. 2020. 18 novembre. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/11/18/olivier-roy-l-armenie-a-cru-au-mythe-de-la-russie-chretienne_6060140_3232.html (дата обращения: 21.09.2022).

15. Tavignot P. En Azerbaïdjan, l'autocrate Ilham Aliev rendu populaire par la guerre // Le Monde. 2021. 22 janvier. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2021/01/22/en-azerbaïdjan-l-autocrate-aliev-rendu-populaire-par-la-guerre_6067228_3210.html (дата обращения: 21.09.2022).

16. Vincent F. En Arménie, la Russie vue comme un «sauveur» et un rempart face à ses ennemis // Le Monde. 2021. 19 mars. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2021/03/19/en-armenie-la-russie-vue-comme-un-sauveur-et-un-rempart-face-a-ses-ennemis_6073662_3210.html (дата обращения: 21.09.2022).

Раздел VI

Северный Кавказ в XXI в.: новые вызовы и решения

В.А. Авксентьев

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ: ДИНАМИКА, ПРОГНОЗЫ, ПОЗИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ (на материалах Ставропольского края и Карачаево-Черкесии)¹

По итогам серии исследований 2005–2021 гг. нами был сделан вывод, что затяжной региональный этнополитический кризис, в течение многих лет определявший конфликтологический облик Северо-Кавказского региона, завершился, и дальнейшая идентификация Северного Кавказа как региона конфликта будет некорректной [1: 42–43]. Вместе с тем мы отмечали, что достигнутые результаты не являются необратимыми [2: 83]. Достаточно осторожны в оценках и прогнозах региональные руководители [10]. На федеральном уровне неоднократно признавались низкие результаты программ экономических преобразований в Северо-Кавказском федеральном округе [8]. Резкое обострение геополитической борьбы на стратегическом южном направлении неизбежно вовлекает как весь Кавказ, так и его российскую часть в новый виток геополитического соперничества. В силу этих причин этнополитическая ситуация в регионе должна быть объектом особого внимания как со стороны органов власти, так и научного сообщества.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100306-9.

В настоящей статье представлены оценки, динамика и прогнозы субрегиональной этнополитической ситуации в начале третьего десятилетия XX в. в двух субъектах Федерации, расположенных в центре Предкавказья, — Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии, а также проанализированы позитивные практики в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов. Основой для оценок, прогнозов и выводов явился мониторинг этнополитической ситуации на основе ивент-анализа.

Ставропольский край находится на перекрестке межэтнических процессов, происходящих на Северном Кавказе. На территорию края и через него проходят основные миграционные потоки: трудовая и учебная миграция, миграция «из соображений безопасности». В настоящее время доминирует транзитная миграция, в основном из восточных республик Северного Кавказа со значительным трудоизбыточным населением. Экономические ниши, привлекавшие трудовых мигрантов в 1990–2000-е гг., фактически закрылись. На территории края сложился определенный этнический баланс — соотношение различных групп населения: русские — народы Северного Кавказа — народы Закавказья, православные — мусульмане, при котором формируются стабильные этносоциальные и этнополитические отношения.

Ивент-анализ этнополитической сферы Ставропольского края за 2019–2021 гг. позволяет сделать вывод об устойчивом переходе края на умеренно-позитивный сценарий. Такой вывод был сделан еще в 2017–2018 гг. как предварительный.

2019–2021 гг. были беспокойными в социально-политическом плане. Коррупционные скандалы стали обыденным явлением, эти годы омрачены большими скандалами в экологической сфере. Крайнее неудовольствие жителей края вызвало положение дел в медицинском секторе в условиях развития пандемии новой коронавирусной инфекции в 2020 г. Однако сложности в социально-политической жизни края не вызывают ухудшения этносоциальных и этнополитических процессов. Тенденция переноса неудовлетворенности социально-экономическим положением на межэтнические отношения не наблюдается, что свидетельствует о достаточно глубокой стабилизации этнополитической

и этносоциальной сферы. Происшествия с межэтническим компонентом были локальными, хотя некоторые из них имели значительный общественный резонанс.

В большинстве событий конфликтного характера участниками являлись молодые люди. В крае формируется новая проблемная зона, связанная с межэтническими отношениями, — учреждения среднего профессионального образования. Наблюдается значительный рост интереса молодежи к среднему профессиональному образованию, особенно на базе девяти классов. В край охотно приезжают абитуриенты из республик Северного Кавказа, стремясь получить более качественное образование. Представляя собой традиционно более сложный с точки зрения соблюдения норм поведения сегмент учащейся молодежи, студенты учреждений среднего профессионального образования практически не включены в систему работы по формированию российского патриотизма и российской идентичности, культуры межнационального общения, которая сложилась в школах и высших учебных заведениях.

В течение 2021 г. произошел ряд событий террористической направленности: регистрировались задержания в связи с подготовкой террористических актов, начинались судебные процессы или выносились приговоры по преступлениям террористической направленности, совершенным в предыдущие годы. Динамика в этих происшествиях в крае не наблюдается. Наиболее проблемной площадкой для размещения экстремистских материалов остаются социальные сети.

Количество локальных конфликтов с этническим компонентом снижается на протяжении последних семи лет. Региональные власти овладели инструментарием антиконфликтогенного менеджмента: удастся не допускать разрастания базы локальных конфликтов, минимизировать этнический компонент. Оправдывает себя стратегия умолчания: информация о локальных конфликтах в информационном поле края практически отсутствует, что позволяет ограничивать базу конфликтов, предотвращать этноконфликтную мобилизацию. В целом стабильная обстановка в северокавказском регионе также не продуцирует новые риски и угрозы в Ставропольском крае, этнополитическая

и этноконфессиональная сфера которого испытывает сильное влияние региональных процессов. Каких-либо новых внутрикраевых и, следовательно, подконтрольных краевому управлению, рисков и угроз стабильности этноконфессиональных отношений в 2022–2023 гг. не прогнозируется.

Стабильность этносоциальной и этнополитической обстановки, эффективный антиконфликтный менеджмент региональных властей, отсутствие новых рисков дестабилизации обстановки позволяют пролонгировать умеренно-позитивный конфликтологический сценарий развития этносоциальной и этнополитической сферы Ставропольского края на среднесрочную перспективу (до 2025 г.).

Карачаево-Черкесия является одной из двусоставных республик на Северном Кавказе, наряду с Кабардино-Балкарией. Конституцией республики определены пять государственных языков: абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский. Конфликтологический сценарий развития этносоциальной и этнополитической сферы Карачаево-Черкесии можно идентифицировать как умеренный и инерционный. Событий, которые бы могли существенно изменить динамику этносоциальных и этнополитических процессов или свидетельствовали о нарастании и концентрации рисков в этнополитической сфере, в последние годы не произошло. Большинство конфликтных событий связаны с террористическими проявлениями на территории республики: были проведены контртеррористические операции, возбуждены уголовные дела и приняты судебные решения по делам, возбужденным в предшествующие годы.

В 2021 г. произошел ряд событий, которые свидетельствуют о наличии проблем и пробелов в формировании общероссийской идентичности в республике. Так, 20 июня 2021 г. в мессенджерах было опубликовано видеообращение депутата Совета Ногайского района Карачаево-Черкесии, этнического ногайца А. Туркменова с возмущением по поводу плаката с портретом полководца Александра Суворова, размещенного ко Дню России в Черкесске [9]. А. Туркменов заявил, что Суворов — человек, который почти уничтожил ногайский народ, и что «это примерно, как если бы сейчас здесь поставили памятник Сталину,

который депортировал карачаевский народ, или как памятник в Чечне Ермолову. Я прошу вас, уберите этот плакат. Он здесь не нужен», — заявил Туркменов в своем обращении» [3]. 21 июня плакат был демонтирован, в интернет-ресурсах, сообщавших об этих событиях, развернулась дискуссия с преобладанием националистических подходов. Ситуация с плакатом коррелирует с конфликтом, возникшим в Адлере в первой половине 2020 г. и связанным с установкой мемориала «Монумент подвигу русских солдат», возведенного на месте форта, созданного русскими войсками в ходе Кавказской войны. Эти происшествия свидетельствуют о недостаточности объединительных исторических символов для русских и народов Северного Кавказа.

Еще одним событием, которое манифестирует имеющиеся в идентификационной сфере противоречия, является размещенное на видеохостинге YouTube обращение активистов Черкесского национального движения к действующему президенту Грузии с обеспокоенностью судебным преследованием М. Саакашвили и его судьбой. Поводом для выражения поддержки М. Саакашвили явилось то, что, будучи президентом Грузии, он признавал геноцид черкесского народа [7]. На видеохостинге развернулась активная дискуссия; ее участники в большинстве выступили в поддержку Саакашвили. Это событие свидетельствует о том, что, хотя тема признания геноцида черкесов не является в настоящее время одним из значимых конфликтогенов на территории республики, в условиях обострения геополитической напряженности на южном стратегическом направлении она может быть вновь извлечена из запасников идеологического и политического арсенала для обострения этнополитических процессов на Северном Кавказе.

Новые факторы дестабилизации обстановки в республике не выявлены и не прогнозируются. Признаком стабильности этнополитической и этноконфессиональной ситуации является значительное увеличение туристического потока в республику в 2021 г. Подготовка и проведение Всероссийской переписи населения не повлекли обострения этнополитической обстановки. Призывы ряда адыгских активистов о самоидентификации представителей адыгских этносов под обобщающим этнонимом

«адыги» не получили в республике заметной поддержки. Основные риски этнополитической стабильности коренятся в двух сферах — экономической и мемориальной. Карачаево-Черкесия по-прежнему является республикой с одними из самых высоких показателей в России по относительной бедности населения, низкому качеству жизни, безработице. Однако переноса неудовлетворенности социально-экономическим положением на межэтнические отношения не наблюдается. Нерешенные, как и по всему Северному Кавказу, проблемы землепользования создают дополнительные риски стабильности в экономической сфере, однако тенденция трансфера этих проблем в межэтническую и межконфессиональную сферу выражена слабо. В мемориальной сфере риски концентрируются вокруг этноисторических травм — мухаджирства, депортации карачаевцев в годы Великой Отечественной войны. Поскольку мемориальные мероприятия приурочены не только к датам депортации, но и датам возвращения народов, этноисторические травмы присутствуют в публичной жизни республики круглогодично. В Карачаево-Черкесии в официальный мемориальный календарь с 1994 г. включен День памяти жертв политических репрессий казачества, с 2010 г. также День реабилитации кубанского казачества.

Есть основания для того, чтобы прогнозировать умеренный субрегиональный конфликтологический прогноз на среднесрочную перспективу.

Власти двух регионов накопили определенный опыт регулирования этнополитических процессов.

На Ставрополье к началу третьего десятилетия XXI в. органы власти края четко определились со стратегией работы в этнонациональной сфере — укрепление российской гражданской идентичности и поддержание этнокультурного многообразия. Политический аспект деятельности сконцентрирован в области формирования гражданской идентичности, а этнические отношения отнесены к сфере культуры. Таким образом, взят курс на деполитизацию этничности, что соответствует приоритетам, определенным в новой (2018 г.) редакции «Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.». Основным документом, определяющим эту работу

в крае, — государственная программа Ставропольского края «Межнациональные отношения, профилактика терроризма и поддержка казачества». Управленческой структурой, организующей работу в этнонациональной сфере края, является Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества. При губернаторе края работает Совет по вопросам межэтнических отношений — совещательный орган, объединяющий управленцев, силовиков, религиозных деятелей, представителей научно-экспертного сообщества, общественных организаций, национально-культурных автономий. На заседаниях совета, проводимых в декабре, рассматриваются результаты ежегодного мониторинга национальных и межконфессиональных отношений на Ставрополье, что позволяет отслеживать динамику этих процессов.

При Комитете по делам национальностей и казачества действуют общественная коллегия и общественный совет. Основное внимание в публичной деятельности комитета отводится казачеству, о чем свидетельствует новостная лента на официальном сайте комитета. Казачеству отводится значительное место в стабилизации социально-политической обстановки и межэтнических отношений в крае. Между тем численность казаков в крае относительно невелика. Официальных данных об этом нет, тем более что в крае сложились напряженные отношения между реестровыми и нереестровыми казаками. Численность реестрового казачества определяется, по разным источникам, в 10–16 тыс. чел. [4; 5].

Важными субъектами позитивных практик являются общественные организации, хотя в таком качестве чаще всего они выступали совместно с учреждениями культуры, краевыми и местными органами власти, что свидетельствует об активном межсекторном взаимодействии в регулировании этносоциальных, этнополитических процессов. Значимой особенностью позитивных практик, сложившихся на Ставрополье, является взаимодействие религиозных лидеров, особенно мусульманского духовенства, с органами власти в профилактике экстремизма, формировании у молодежи традиционных ценностей. Таким образом, в Ставропольском крае складывается система позитивных практик в регулировании этнонациональных процессов, деполитизации этничности, основанная на межсекторном взаимодействии.

Большинство мероприятий, отнесенных к позитивным практикам в Карачаево-Черкесии, были инициированы и осуществлены органами власти или учреждениями, ими созданными (учреждения культуры и образования). В то же время в этих мероприятиях активно принимали участие общественные организации. Объекты позитивных практик разнообразны — от неопределенного круга лиц до целевой аудитории (школьники конкретных возрастных групп). Значительная часть этнокультурных практик, хотя и связана с конкретной этнической группой, но ориентирована на широкий круг участников, знакомство других этнических групп республики с культурой того или иного народа. В республике выявлено большое количество практик, формирующих позитивный образ многонациональной Карачаево-Черкесии, например, республиканский фестиваль народного творчества «Все мы разные — в этом наше богатство!»

Ряд мероприятий проведен совместно с религиозными организациями. Например, в декабре 2021 г. на базе республиканского медресе в с. Учкеекн прошел молодежный форум межконфессионального клуба «Дружный Кавказ», направленный на воспитание у молодежи таких качеств, как миролюбие, милосердие, гуманность, доброта, взаимопонимание и взаимопомощь, любовь к своей Родине, уважение ко всем народам независимо от национальной принадлежности и вероисповеданий. Обсуждались вопросы укрепления межконфессиональных и межнациональных отношений [6].

В целом спокойный, умеренный субрегиональный конфликтологический прогноз по Карачаево-Черкесии на среднесрочный период обосновывается, наряду с другими факторами, сложившимися в республике позитивными практиками регулирования этнонациональных отношений.

Источники и литература

1. Авксентьев В.А. «Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3. № 2. С. 41–54.
2. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // *Конфликтология*. 2021. Т. 16. №. 2. С. 81–93.

3. «Военный преступник»: власти Черкесска сняли плакат с Суворовым после жалобы депутата // RostovGazeta.ru. 2021. 22 июня. URL: <https://rostovgazeta.ru/article/general/22-06-2021/voennyy-prestupnik-vlasti-cherkesska-snyali-plakat-s-suvorovym-posle-zhaloby-deputata> (дата обращения: 11.08.2022).

4. «Денег просто нет». Кто мешает зарабатывать ставропольскому казачеству? // Newstracker.ru. 2020. 20 сентября. URL: <https://newstracker.ru/article/general/20-09-2020/deneg-prosto-net-cto-meshaet-zarabatyvat-stavropolskomu-kazachestvu> (дата обращения: 11.08.2022).

5. Исаев С. Казачьи общества — гарантия межнациональной стабильности на Ставрополье // Mk.ru — Ставрополь (Кавказ). 2021. 26 апреля. URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2021/04/26/kazachi-obshhestva-garantiya-mezhnatsionalnoy-stabilnosti-na-stavropole.html> (дата обращения: 11.08.2022).

6. Молодежный форум межконфессионального клуба «Дружный Кавказ» прошел в Малокарачаевском районе КЧР // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати. URL: <http://minnac-kchr.ru/news/detail.php?ID=1109> (дата обращения: 11.08.2022).

7. Обращение активистов Черкесского национального движения к президенту Грузии. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rAjNauX_Nic (дата обращения: 11.08.2022).

8. Северный Кавказ нуждается в пересмотре госпрограммы до 2025 года // Черновик. 2020. 10 февраля. URL: <https://chernovik.net/content/lenta-novostey/severnoy-kavkaz-nuzhdaetsya-v-peresmotre-gosprogrammy-do-2025-goda> (дата обращения: 11.08.2022).

9. Туркменов о портрете Суворова. URL: <https://youtu.be/misdt8w5OS8> (дата обращения: 11.08.2022).

10. Чундаев Ш. Юрий Чайка провел совещание по вопросам развития межнациональных и межконфессиональных отношений на территории СКФО // РИА Дагестан: Республиканское информационное агентство. 2021. 10 апреля. URL: https://riadagestan.ru/mobile/news/society/yuriy_chayka_provel_soveshchanie_po_voprosam_razvitiya_mezhnatsionalnykh_i_mezhkonfessionalnykh_otnosheniy_na_territorii_skfo/ (дата обращения: 11.08.2022).

Г.Д. Гриценко

ОПЫТ ПОЗИТИВНЫХ ПРАКТИК В УПРАВЛЕНИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (на примере Чеченской Республики)¹

Полиэтническое российское общество, как любое многонациональное сообщество, нередко сталкивается с проблемами в сфере межэтнических отношений. И это потенциально неизбежно, поскольку существует многообразие социокультурных традиций, этнических обычаев, конфессий. Однако знакомство с иными цивилизационными моделями жизнедеятельности, сотрудничество с «инакостью» позволяют свести до минимума возможные противоречия, столкновения и потенциальные конфликты. Именно поэтому в российском обществе уделяется существенное внимание реализации государственной национальной политики [10], приоритетным направлением которой является укрепление «государственного единства и целостности Российской Федерации» при сохранении «этнокультурной самобытности ее народов». В различных регионах страны в этом направлении есть серьезные достижения. Успехи имеются и на Северном Кавказе как одном из наиболее сложных регионов Российской Федерации с точки зрения социокультурной устойчивости, этнополитической безопасности и этноконфессиональной стабильности. Однако практически любой субъект Федерации, входящий в состав Северо-Кавказского федерального округа, обладает той или иной остротой названных проблем, пути решения которых сформулированы в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» [11].

В статье предлагаются результаты ивент-анализа опыта позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании межэтнических конфликтов на примере Чеченской Республики. В качестве объекта исследования использовались публикации информационного агентства «Грозный-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100306-9.

Информ», учрежденного в апреле 2002 г. Министерством Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. Анализируемый эмпирический материал ограничен периодом с 29 декабря 2021 г. по 28 июля 2022 г.

Весь информационный массив (45 позитивных практик) может быть классифицирован по следующим рубрикам: мероприятия, посвященные общероссийским праздникам/событиям; действия, символизирующие сотрудничество с другими субъектами Федерации; республиканские акции, обусловленные теми или иными аспектами межэтнических этноконфессиональных отношений.

Количественно преобладают статьи, в которых описываются региональные события, способствующие формированию общероссийской идентичности, что обуславливает единство и целостность российской государственности. Среди них особое место занимает сложившаяся система позитивных практик, направленная на укрепление исторической памяти о Великой Отечественной войне. Например, 25 июля 2022 г. проведено торжественное мероприятие, посвященное 80-летию начала Битвы за Кавказ. Акция была организована в Висаитовском районе Грозного на территории будущего музея под открытым небом «Последний рубеж», расположенного на высоте 266,7 м, где в далеком 1942 г. стояла огневая точка. Участники оценили Битву за Кавказ как одно из самых продолжительных и драматичных сражений Великой Отечественной войны, которое длилось 442 дня. Собравшиеся не только возложили цветы к памятнику, но и на склоне горы развернули 20-метровую копию Знамени Победы [4]. Основным лейтмотив торжественного события — это сохранение в памяти современников боли потерь и тягот той войны, которые испытывал весь советский народ вне зависимости от национальности и конфессии, укрепление чувства гордости Великой Победой, которую завоевали отцы и деды сегодняшних россиян.

Напоминанием о трудовых подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны явилась и зажженная в Грозном в День памяти и скорби, 22 июня 2022 г., «Огненная картина войны», изображающая нефтяной станок-качалку и самолет советской авиации. Как полагают организаторы акции — региональный исполнительный комитет Чеченского отделения «Единой

России», данные символы раскрывают вклад тружеников тыла многонациональной Чечено-Ингушской АССР в Великую Победу, а именно: как 100 тысяч трудящихся республики разных национальностей обеспечивали Красную армию нефтепродуктами, разрабатывали авиационное топливо и создавали боевые снаряды для военной техники [8]. С помощью таких акций, как показывает практика, создается обобщенный образ защитника Отечества в лице как воина, так и труженика, укрепляется духовная основа для воспитания патриотов многонациональной страны.

Среди торжественных мероприятий, связанных с Великой Отечественной войной, выделим церемонию открытия 9 мая 2022 г. на территории Мемориального комплекса Славы им А.А. Кадырова новых бюстов Героям Советского Союза, участникам Великой Отечественной войны — выходцам из Чечни, в частности прославленному летчику Даши Акаеву [6]. Увековечение памяти о конкретных героях Великой Отечественной войны, персонификация героизма многомиллионного советского народа, безусловно, способствуют конкретизации патриотического воспитания, доведению его идей до каждого представителя республиканской молодежи.

В республике складывается система новых позитивных практик — проводятся акции в поддержку жителей Луганской Народной Республики (далее — ЛНР) и Донецкой Народной Республики (далее — ДНР), специальной военной операции. Именно здесь, с одной стороны, проявляется патриотизм многих жителей Чечни в действии, с другой стороны, создаются условия для воспитания новых патриотов, формирования мощного патриотического движения. Так, в рамках ведомственного культурно-просветительского проекта «За Правду до Победы!» в Грозном в праздничные майские дни была организована фотовыставка «Трагедия Донбасса», подготовленная Центральным музеем войск национальной гвардии Российской Федерации, и выставка печатной продукции редакции журнала Росгвардии «На боевом посту». Кроме того, в гарнизонном Доме офицеров Северо-Кавказского округа Росгвардии прошел концерт, на котором присутствовали военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии, члены их семей, а также учащиеся и воспитанники ведомственных образовательных учреждений Чеченской Республики [5].

Проведение культурно-патриотической работы среди населения региона находит отражение в его активном участии в различных акциях в поддержку специальной военной операции России по защите ДНР и ЛНР, в солидарности с жителями восточных территорий Украины. В частности, около 1000 книг собрали в Чеченской Республике для жителей Донбасса. Все собранные книги, а это детские сказки, повести, романы русских классиков, познавательная и научная литература, были доставлены жителям освобожденных Донбасса, Херсона, Запорожья, а также беженцам в пункты временного размещения [9]. Или, например, в Грозном состоялась массовая встреча участников автопробега по маршруту Кумертау — Уфа — Волгоград — Махачкала — Грозный — Нальчик — Уфа — Кумертау, организованного в поддержку специальной военной операции на Украине [1].

Продолжает складываться позитивный опыт в области гармонизации межэтнических отношений. Примером такой практики можно считать проведение с 9 по 12 июня 2022 г. Всероссийского фестиваля народного творчества и ремесла «Многоликая Россия», приуроченного ко Дню России. Одной из его особенностей стал широкий возрастной и профессиональный диапазон участников: в нем участвовали люди от 18 до 50 лет, при этом как представители самодеятельных коллективов, так и артисты [2]. Цель фестиваля, по утверждению организаторов проекта, — распространение в молодежной среде ценностей межкультурного диалога, установок на межнациональное сотрудничество и межконфессиональную толерантность через популяризацию традиционной культуры народов Российской Федерации.

Такие цели реализуются и в ежегодном мероприятии «Хоровод дружбы», проводимом в Грозном для детей разных национальностей, проживающих на территории Чеченской Республики [3]. Кроме этого фестиваля, в начале июня прошел другой республиканский фестиваль «Мир культуры народов в ЧР», в рамках которого прошли выставки народных промыслов и выступления артистов национальных культурных центров [7]. Дополнительными целями таких акций являются популяризация различных национальных традиций, знакомство с иными этнокультурными обычаями, а также демонстрация положительного потенциала

дальнейшего сотрудничества людей разных национальностей и конфессий.

Можно продолжить перечень мероприятий, образующих систему позитивных практик в управлении этнонациональными процессами с целью стабилизации межнациональных отношений, урегулирования межэтнических конфликтов в регионе. Однако результативность этой деятельности не должна быть переоценена: на фоне устойчивой этнополитической обстановки сохраняются латентные конфликты, территориальные претензии, протестные настроения. Достигнутые результаты в формировании этнокультурного согласия и межэтнического сотрудничества в современных динамичных условиях требуют новых подходов к механизму реализации национальной политики в северокавказском регионе.

Источники и литература

1. В Грозном встретили участников автопробега в поддержку спецоперации на Украине // Грозный-Информ. 24.05.2022 URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/139034/> (дата обращения: 29.07.2022).
2. В Грозном пройдет фестиваль народного творчества «Многоликая Россия» // Грозный-Информ. 08.06.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/139677> (дата обращения: 29.07.2022).
3. В Грозном прошел «Хоровод дружбы» для детей разных национальностей // Грозный-Информ. 29.12.2021. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/134586/> (дата обращения 29.07.2022).
4. В Грозном развернули 20-метровую копию Знамени Победы // Грозный-Информ. 28.07.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/141700/> (дата обращения: 29.07.2022).
5. В Грозном состоялось выступление в рамках проекта Росгвардии «За правду до Победы!» // Грозный-Информ. 11.05.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/politic/138518/> (дата обращения: 29.07.2022).
6. В Грозном состоялось открытие бронзовых бюстов Героям Советского Союза // Грозный-Информ. 09.05.2022. URL: <https://>

www.grozny-inform.ru/news/society/138840/ (дата обращения: 29.07.2022).

7. В Грозном состоялся фестиваль культуры народов ЧР // Грозный-Информ. 09.06.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/culture/139736/> (дата обращения: 29.07.2022).

8. В День памяти и скорби в Грозном зажглась «Огненная картина войны» // Грозный-информ. 22.06.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/culture/140208/> (дата обращения: 29.07.2022).

9. Около 1000 книг собрали в Чеченской Республике для жителей Донбасса // Грозный-Информ. 25.05.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/culture/139036/> (дата обращения: 29.07.2022).

10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 29.07.2022).

11. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 1089-р) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-30042022-n-1089-r/strategiia-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-severo-kavkazskogo-federalnogo/> (дата обращения: 29.07.2022).

Е.А. Авдеев

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИНТЕГРИРУЮЩИЕ СМЫСЛЫ И СИМВОЛЫ¹

Северный Кавказ — регион, характеризующийся множеством социальных, экономических и культурных связей между его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых — кандидатов наук № МК-431.2021.2.

субъектами. Наряду с этим перманентно существуют риски актуализации деструктивного потенциала этнизации политики, конфликта идентичностей. Сформированность российской идентичности у полиэтничной молодежи региона является значимым индикатором социокультурных трансформаций, позволяет отследить содержание и направленность социально-политических процессов, характер межнациональных отношений.

Включение молодых людей в мировое инфокоммуникационное пространство, дальнейшая модернизация экономики и социальной сферы приводит к возрастанию ценностных и мировоззренческих рисков конфликтности в полиэтничных молодежных сообществах Северного Кавказа. Молодежь утрачивает традиционные идентификационные ориентиры и социальные нормы и находится в поиске новых социокультурных основ самоидентификации. Она ищет эти ориентиры как в привычной культуре, языке, религии, ближайшем национальном окружении, так и в глобальных информационных потоках, открытых различным нарративам: от абстрактного универсализма до крайних форм этнического, религиозного и национального фундаментализма. Для молодежи региона характерна широкая палитра социокультурных оснований российской идентичности, которая находится в динамичном взаимодействии с этнической и конфессиональной идентичностью. Наиболее значимым вопросом является совместимость этих идентичностей, приоритетность для молодых людей общероссийского самосознания, поиск объединяющих все народы историко-культурных представлений, формирующих многонациональный российский народ, преодоление памяти о драматических событиях XIX–XX вв., происходивших на Северном Кавказе. В регионе возможна реализация различных моделей развития этих идентичностей: от конкуренции и конфликта до гармоничного сочетания на основе разделяемых всеми общероссийских ценностных и социокультурных оснований.

В 2022 г. с участием автора было проведено социологическое исследование, включавшее вопросы, направленные на измерение сформированности, выраженности и позитивности российской, этнической, конфессиональной и регионально-республиканской идентичности. Респонденты были объединены в две основные

для региона этнокультурные группы: русские и народы Северного Кавказа. Было опрошено 1235 респондентов (50 % — русские, 40 % — народы Северного Кавказа, 10 % — другие народы) — студентов ведущих вузов Северного Кавказа: Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорского государственного университета, Ставропольского медицинского государственного университета.

В настоящей статье представлен анализ полученных данных. Перед тем как перейти к нему, необходимо остановиться на основных терминах исследования. Маркировка принадлежности индивида к группе происходит на основе общих ценностей и культурных установок, анализа ситуативных и социально обусловленных взаимодействий, происходящих в контексте соотнесения норм и ценностей «своей» и «чужой» групп, ориентирования на значимые для «своей» общности ценностные установки и культурные паттерны. Э. Гидденс пишет об «общей идентичности» (групповой идентичности) как часто неосознаваемой уверенности в принадлежности к какому-либо коллективу (группе), общих чувствах и представлениях, разделяемых членами группы, выраженных как в «дискурсивном», так и в «практическом сознании» [8]. Групповая идентичность отражает способность человека осмысливать себя и свое место в мире в процессе соотнесения с другими, позволяет произвести многомерное картографирование мира, который находится в постоянном движении, определить наше место в этом мире и места других [10: 769]. Дж. Ротман определяет групповые идентичности как самовосприятия, наполненные «культурной формулой». Культурная формула предполагает опору на групповые ценности, потребности и предпочтения, при этом идентичности являются источником противоречий и могут стать катализатором конфликтов [11: 651–652]. Р. Брубейкер и Д. Лейтин указывают на исчезновение в современном мире идеологического противостояния и его замещение масштабными ценностными столкновениями по оси этнических и конфессиональных различий [7]. В современной этнополитологии преобладает понимание межэтнических конфликтов как конфликтов идентичностей. Т. Гурр отмечает, что «борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг

материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы, ее статуса и идентичности» [9: 365]. Усиливают конфликтность социально-экономические кризисы, а также процессы, связанные с неравенством, носящим этнический характер. Ф. Фукуяма, отмечает, что «многое из того, что мы привычно считаем экономической мотивацией, обусловленной утилитарными потребностями, на самом деле является тимотическим стремлением к признанию своего достоинства или статуса» [6: 111].

В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев подчеркивают, что любой этнический конфликт одновременно является и этнополитическим, этничность становится основанием идеологического и политического противостояния [5: 191–193]. Этнополитический конфликт характеризуется тем, что этнические противоречия обретают характер «борьбы за реализацию определенных политических интересов» [1: 77]. В.А. Ачкасов пишет о том, что «этнополитические конфликты являются не только и не столько конфликтами интересов, сколько конфликтами идентичностей» [2: 50]. В.В. Лапкин и В.И. Пантин остроуту и сложность этнополитических конфликтов объясняют тем, что «они являются конфликтами не только интересов, но и различных систем ценностей, различных мировоззрений» [4: 92]. Таким образом, уровень сформированной и позитивной российской идентичности, риски возможной конфликтности этнических, конфессиональных и российских гражданских оснований идентичности в сознании молодежи Северного Кавказа являются одним из ключевых индикаторов состояния социально-политической ситуации в регионе.

Основные представления и смыслы, сформировавшиеся в сознании молодых людей и объединяющие их с другими гражданами страны, рассматриваются в качестве общероссийской идентичности [3: 482–483]. Респондентам было предложено оценить объединяющую роль основных символов-интеграторов общероссийской идентичности. При ответах на вопрос: «Объединяют ли Вас с гражданами России следующие символы?» (рис. 1) — наиболее значимым консолидирующим индикатором, объединяющим всех граждан страны, для респондентов стало общее государство — 84,5 %, значимых различий в зависимости от этнической принадлежности не выявлено. Не менее значимым, объединяющим все

народы, является русский язык — 83,5 %, но значимость русского языка для народов Северного Кавказа ниже, чем для русской молодежи. Это обусловлено тем, что для северокавказских молодых людей значимыми являются и их национальные языки. Следующим по значимости символом-интегратором является родная земля — 80 %. Большое значение для молодежи имеет и ответственность за судьбу России, а также общее историческое прошлое — 75,5 %. При этом общее историческое прошлое менее значимо для северокавказской молодежи (68 %), чем для русской (83 %). Скорее всего, это связано с различными основаниями социальной памяти: в самосознании северокавказских народов продолжают жить обиды, связанные с Кавказской войной, депортацией ряда народов в годы Великой Отечественной войны. При этом интерпретация отдельных исторических фактов зачастую приобретает конфликтный характер в связи с неоднозначностью трактовок и значимостью национальных версий истории для северокавказских народов. Государственные символы (флаг, герб) являются значимыми интеграторами для 75 % опрошенных, при этом для русских респондентов они являются более значимыми (82 %), чем для северокавказской молодежи (68 %) (рис. 1).

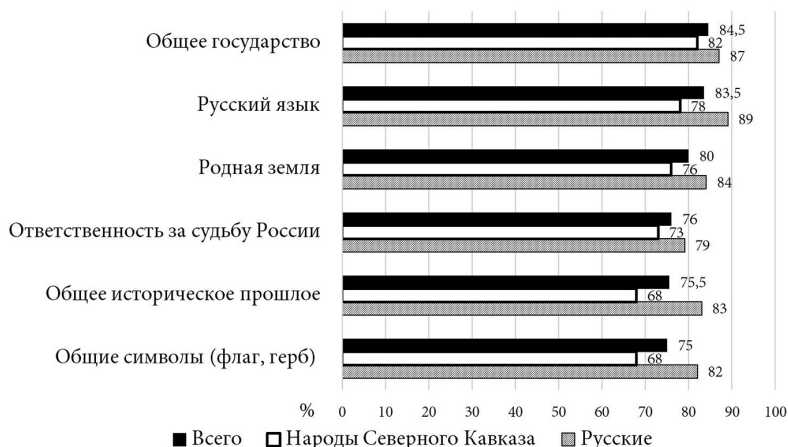


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Объединяют ли Вас с гражданами России следующие символы?» (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

Можно утверждать, что у абсолютного большинства опрошенных молодых людей сформирована общероссийская идентичность. Такие объединяющие смыслы-символы, как общее государство, ответственность за судьбу страны, общее историческое прошлое, русский язык, родная земля, государственные символы, имеют большое значение для молодежи независимо от этнической принадлежности и занимают важное место в структуре общероссийской идентичности.

Одним из значимых маркеров сформированности основных групповых идентичностей является ощущение своей общности, близости с основными социальными группами (этнос, конфессия, страна, регион), ассоциация с которыми формирует идентичности молодых людей. Результаты исследования выявили приоритетность ощущения близости с людьми своей национальности и малой Родиной (72,5 %). Для респондентов, относящих себя к представителям народов Северного Кавказа, ощущение близости с людьми своей национальности и малой Родиной выше, чем для русских. Следующей по значимости выступает эмоциональная связь с жителями своего региона (республики) — 63,5 % и представителями своей религии — 60,5 %. Последний показатель у респондентов русских по национальности ниже, чем у молодежи северокавказских народов (рис. 2).

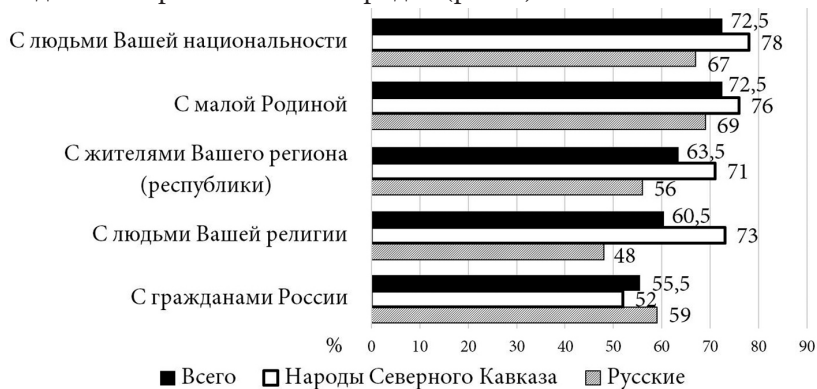


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы ощущаете свою общность, близость с...?» (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

Большое значение при определении позитивности и неконфликтности социокультурных оснований этнической идентичности, формирующих благоприятный фон межэтнических отношений, играет оценка социальной дистанции между основными этноконфессиональными группами на Северном Кавказе: русскими, православными, народами Северного Кавказа, мусульманами. В ходе исследования величина социальной дистанции между ними измерялась на основе выбора респондентами ряда вариантов действий (могу вообразить их своими родственниками, например, в результате заключения брака; представляю их как друзей; принимаю их как соседей, коллег по учебе/работе; не хочу рядом с ними жить, учиться/работать; предпочитаю вообще не видеть их в своем городе), каждому из вариантов присваивался балл от 5 до 1. Результаты исследования показали, что в целом социальная дистанция в полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа низкая. Абсолютное большинство респондентов может представить людей другой национальности и вероисповедания своими друзьями и родственниками. При этом определенная дистанция между русскими и представителями северокавказских народов, православными и мусульманами существует, но она невелика и в настоящее время не может стать значимой причиной межэтнических конфликтов (табл. 1).

Таблица 1. Оценка социальной дистанции между основными этноконфессиональными группами (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, средний балл)

	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам
Русские	4.76	4.11	4.46	3.82
Народы Северного Кавказа	4.08	4.51	4.0	4.58

О стабилизации межэтнических отношений и открытости молодежи к межэтническому взаимодействию свидетельствуют ответы респондентов на вопрос: «Сколько у Вас друзей другой национальности?» 49,5 % опрошенных ответили, что у них друзей

другой национальности много, а 25,5 % имеют нескольких друзей. Абсолютное большинство опрошенных открыто к межэтническому взаимодействию. При этом больше друзей другой национальности у респондентов, относящих себя к народам Северного Кавказа, и меньше у русской молодежи (рис. 3).

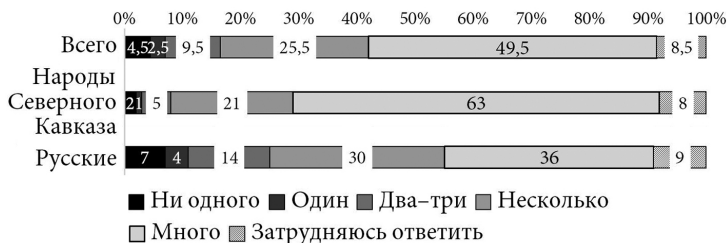


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Сколько у Вас друзей другой национальности?» (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

По мнению 39,5 % опрошенных, проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей является далеко не главной, 30 % считает, что ее не существует, лишь 9,5 % указали на серьезность проблемы межнациональных отношений. При этом отсутствие проблемности отмечает больше респондентов, относящих себя к представителям северокавказских народов, чем русских по национальности (рис. 4).

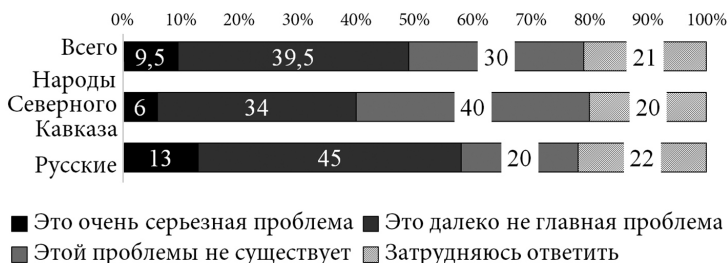


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, существует ли в Вашем регионе (республике) проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?» (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

Пандемия COVID-19 и вызванный ею мировой социально-экономический кризис не ухудшили состояние межэтнических отношений на Северном Кавказе. Так, согласно данным исследования, считает большинство опрошенных молодых людей: 30,5 % отметили, что за последние два кризисных года межнациональные отношения в регионе не изменились, а 27 % считают, что улучшились и скорее улучшились. Значимых различий по национальности респондентов не выявлено (рис. 5). Ухудшение социально-экономической ситуации за последние два года не повлияло на состояние межэтнических отношений в регионе.

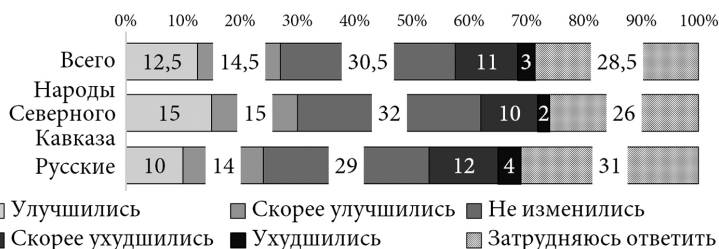


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «За последние два кризисных года межнациональные отношения в вашем регионе...» (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

Невысокий уровень межэтнической конфликтности на Северном Кавказе подтверждается и тем, что большинство опрошенных молодых людей (60,5 %) не сталкивались с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была бы их национальность, однако риски конфликтов сохраняются, так как 23,5 % респондентов сталкивались с подобными ситуациями. Значимые различия в зависимости от национальной принадлежности респондентов отсутствуют (рис. 6).

Таким образом, состояние межэтнических отношений на Северном Кавказе большинством респондентов оценивается как стабильное, при этом сохраняются риски конфликта идентичностей. Это свидетельствует о сохраняющейся на сегодняшний день стабильности межнациональных отношений в регионе. В полиэтничной молодежной среде преобладают установки на межэтническое согласие и доверие.

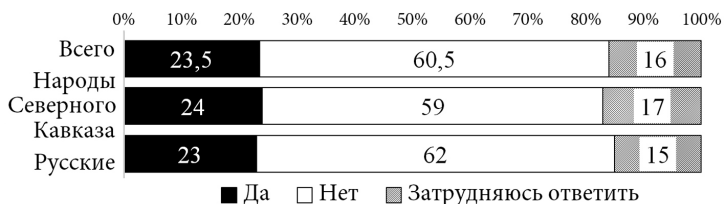


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?» (СКФО, февраль – март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

Для формирования российской идентичности полиэтничной молодежи Северного Кавказа большое значение имеет совместимость различных ценностно-мировоззренческих оснований, формирование установок на межнациональное согласие, толерантность, взаимодействие и интеграцию. Определяющими консолидирующими индикаторами российской идентичности, по мнению молодых людей, выступают общее государство, ответственность за судьбу страны, общее историческое прошлое, русский язык и родная земля. Значимых различий в зависимости от национальности не выявлено. Оценки отношения респондентов к российской, этнической и региональной идентичности свидетельствуют об сформированности и выраженности этих категорий. Социальная дистанция между молодыми людьми русского и северокавказских народов, православными и мусульманами незначительная. В сознании молодежи преобладает установка на деполитизацию этничности, ее переход в социокультурную сферу. Риски конфликтности межэтнических отношений в полиэтничной молодежной среде в настоящее время невелики.

Источники и литература

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97.
2. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 41–61.

3. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 480–498.
4. Лапкин В.В., Пантин В.И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 92–103.
5. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011.
6. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
7. Brubaker R., Laitin D.D. Ethnic and Nationalist Violence // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 423–452.
8. Giddens A. The Nation State and Violence: Volume 2 of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge, 1985.
9. Gurr T.B. Peoples Against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System: 1994 Presidential Address // International Studies Quarterly. 1994. Vol. 38. No. 3. P. 347–377.
10. Jenkins R. Society and social identity // Encyclopedia of Identity / ed. by R. L. II Jackson, M. A. Hogg. Thousand Oaks CA, 2010. Vol. 2. P. 766–773.
11. Rothman J., Alberstein M. Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and Its Creative Engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. Vol. 28. No. 3. P. 631–657.

М.А. Магомедова

ПРОБЛЕМЫ РОСТА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК УГРОЗЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ СОГЛАСИЮ

Северный Кавказ как наиболее сложный и проблемный регион Российской Федерации требует повышенного к себе внимания со стороны федерального центра. Особое внимание центру

следует обратить на необходимость устойчивого социально-экономического развития. Для региона характерны такие этнополитические риски, как внешняя и внутренняя миграция, межэтнические противоречия, земельные конфликты, кризис идентичности. Особую актуальность в плане обеспечения социальной стабильности приобретают проблемы распространения религиозного экстремизма и терроризма.

Следует отметить, что национальные отношения не существуют в чистом виде. Они тесно переплетены с политическими, социальными, религиозными, экономическими отношениями. Следовательно, в республиках Северного Кавказа многие социально-экономические, политические и другие процессы приобретают этническую окраску. На протяжении уже несколько лет проблемами, актуализирующими межэтнические отношения в регионах Северного Кавказа, являются земельные споры.

Если обратиться к истории Северного Кавказа, то станет очевидным, что важным источником межэтнических противоречий на Северном Кавказе являются сталинские депортации целых этносов, которые в свою очередь привели к конфликтам по административно-территориальным границам.

Пока советская власть в регионе была сильна, никто не отваживался предъявлять к соседним народам территориальные претензии. После развала СССР нарастает напряженность на границе между Северной Осетией и Чечено-Ингушетией. Ингуши требовали вернуть утраченные после депортации территории. Оформляя распад Чечено-Ингушетии, 4 июля 1992 г. Верховный совет принимает закон «Об образовании Ингушской Республики...», в котором, однако, остались неопределенными ее границы [2]. В результате в 1992 г. произошел кровавый конфликт вокруг Пригородного района, разделяющего Ингушетию и Северную Осетию.

Проблемы земельных отношений спровоцировали межэтнические конфликты между ингушами и чеченцами, после того, как осенью 2018 г. главы Чеченской Республики и Республики Ингушетия подписали соглашение об установлении границ между субъектами, по которому, по мнению ингушских активистов, Ингушетия отдавала Чечне много больше территории, чем

получала взамен, причем речь шла об исторически ингушских землях. Людям возмутило и то, что соглашение готовилось в тайне, без совета с народом. В итоге начались массовые протесты с участием молодежи, старейшин республики, жителей разных ингушских территорий, а также с участием представителей диаспор, проживающих за пределами республики.

Новая фаза протестов началась в Ингушетии весной 2019 г., в результате чего силовики впервые стали применять силу против протестующих. Начались массовые репрессии. По данным «Кавказского узла», на начало мая 2020 г. не менее 96 активистов подверглись преследованиям, в отношении по меньшей мере 29 из них были возбуждены уголовные дела [5].

Вокруг вопроса о границах можно было наблюдать невероятное сплочение ингушского общества. Молодежь и старшие, суфии и салафиты — все постарались перешагнуть через разделявшие их проблемы и предрассудки. Символом этого процесса стала фигура авторитетнейшего старейшины Ахмеда Барахоева, публично попросившего прощения у салафитской молодежи за несправедливое к ней отношение: «Какая мне разница, салафит он или нет? Он ингуш, он мой сын» [7: 170]. И это объединение было осознанным, инициаторами которого выступили лидеры гражданского общества.

В Республике Дагестан проблемы земельных отношений активизировались в связи с переселением лакского населения Новолакского района и восстановлением Ауховского района. Последнее, в свою очередь, затрагивает интересы следующих этнических групп в республике: чеченцев-аккинцев, лакцев, аварцев и кумыков.

Если обратиться к истории вопроса, то можно отметить, что накануне депортации чеченцев-аккинцев места их расселения в Дагестане были объединены в Ауховский район, который просуществовал всего несколько месяцев и был ликвидирован сразу после депортации чеченцев в 1944 г. Но вскоре на этих землях был создан Новолакский район, на территорию которого были насильственно переселены представители других дагестанских этносов [8: 198].

Данные вопросы в целом объективно отражены в публикациях дагестанских ученых. В коллективной монографии

исследователей Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН дан сравнительный анализ различных территорий (как регионов, так и муниципалитетов) республики, их группировка по характеру проблем и динамике развития межэтнической ситуации; рассмотрен конфликтогенный потенциал территорий, опасных с точки зрения возникновения межэтнической напряженности; исследованы особенности земельных конфликтов; изучено влияние миграционных процессов на характер межэтнических отношений в некоторых многонациональных районах республики [3].

Земельные конфликты в Дагестане охватывают часть прибрежной зоны, предгорные и равнинные районы республики. Это, во-первых, противостояния по поводу зимних пастбищ между коренным населением равнинных и степных районов (ногайцы, кумыки) и скотоводами (представители горной части Дагестана).

Во-вторых, к этому противостоянию внутри селений по линии «местные» и «приезжие» подключается фактор этничности в вопросах земельных планов для строительства жилья и ведения приусадебного хозяйства.

Третий вариант противостояния — между селами-джамаатами из-за спорных участков земли [3: 18]. Районы, в которых земельные конфликты обладают потенциалом политизации на основе этничности, имеют многонациональный состав населения.

В 2019 г. в дагестанских средствах массовой информации и в социальных сетях бурно обсуждалась проблема, связанная с уточнением границ между Республикой Дагестан и Чеченской Республикой. Основные территориальные претензии были связаны с землями Гумбетовского и Кизлярского районов Дагестана, а также с озером Казеной-Ам.

Брио руководителя Управления росреестра по Республике Дагестан на тот период Ш. Гаджиев отметил, что помимо внесения сведений о границах субъектов, необходимо также четко обозначить границы всех муниципальных образований, определить границы каждого поселения. На сегодняшний день подобная работа проведена всего в четырех городах Дагестана — Избербаше, Дербенте, Каспийске и Дагестанских Огнях и примерно в ста

селах. Тогда как реально в Дагестане насчитывается 757 административно-территориальных единиц [4].

Этническое многообразие северокавказского общества делает национальный вопрос одним из ключевых в сфере государственного управления. В настоящее время факторами, влияющими на этнополитическую сферу, помимо вышеуказанных земельных отношений, является также кадровая политика, распределение властных полномочий. Они в разной степени актуальны во многих территориях северокавказских республик.

По рейтингу социально-экономического положения среди 85 регионов РФ в последнем десятке оказались четыре республики Северного Кавказа: Карачаево-Черкесская Республика — 81 место, Северная Осетия — Алания — 80, Ингушетия — 79 и Кабардино-Балкарская Республика — 77 место. Наиболее выгодную позицию по отношению к ним занимают Ставропольский край — 37 место, Чеченская Республика — 63-е и Республика Дагестан — 49-е место [6].

По уровню роста бедности Дагестан на втором месте в РФ после Ингушетии (за период с 2013 по 2020 гг. количество бедных выросло на 69 %), дальше по списку Астраханская область (+ 30 %), Чечня и Кабардино-Балкария (+28 %). По данным Росстата, среднедушевые денежные доходы населения в период с 2013 по 2020 гг. в среднем по стране выросли на 40 %, а в Дагестане только на 28 %. В 2013 г. среднедушевой доход дагестанца составлял 84 % от среднероссийского, в 2020 г. — 77 %. В 2013 г. 301 тысяча дагестанцев находилась за чертой бедности (с денежными доходами ниже прожиточного минимума), в 2020 г. — 460 тыс. чел., то есть бедных стало в полтора раза больше (+53 %) [1]. Вышеперечисленное способствует оттоку из региона трудоспособного населения.

Наличие на относительно небольшой территории большого количества этнических групп, затяжные споры из-за территорий между некоторыми из них, отставание северокавказских республик по многим социально-экономическим показателям, массовый отток трудоспособного населения являются, на мой взгляд, долгосрочными факторами конфликтов в межэтнической сфере на Северном Кавказе.

Выравниванию социально-экономического развития, повышению уровня жизни, социального обеспечения субъектов Северо-Кавказского федерального округа РФ, дальнейшей стабилизации этнополитической ситуации будет содействовать реализация долгосрочных программ. Одной из таких программ является «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», которая определяет основные направления, способы и средства достижения стратегических целей устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на территории Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия-Алания, Чеченской Республики и Ставропольского края, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа.

Источники и литература

1. Гимбатов Ш.М., Абдулагатов З.М., Чернышов М.М. На сколько люди стали беднее в Дагестане // Новое дело. 2022. 27 февраля. URL: <https://ndelo.ru/novosti/na-skolko-lyudi-stali-bednee-v-dagestane> (дата обращения: 21.09.2022).
2. История границ Ингушетии: 1770–2010-е годы // Кавказский узел. URL: <https://kavkaz-uzel.eu/articles/371750> (дата обращения: 28.01.2022, доступ к информационному ресурсу ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).
3. Межэтнические отношения в Республике Дагестан: политологический анализ, проблемы и перспективы: коллективная монография / Н.Э. Казиев, Р.И. Абакаров, А.З. Адиев, Г.И. Юсупова. Махачкала, 2019.
4. Меламедов А., Гаджиев Ш. Как разогнуть кизлярскую «подкову»? // Новое дело. 2019. 16 февраля. URL: <https://ndelo.ru/obshchestvo/kak-razognut-kizlyarskuyu-podkovu> (дата обращения: 21.09.2022).
5. Протесты в Ингушетии: хроника передела границы с Чечнёй // Кавказский узел. URL: <https://kavkaz-uzel.eu/articles/326282/>

(дата обращения: 28.01.2022, доступ к информационному ресурсу ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

6. Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА Новости. 2022. 16 мая. URL: <https://ria.ru/20220516/ekonomika-1788413061.html?in=t> (дата обращения: 21.09.2022).

7. Стародубровская И. Ингушетия: социальная модернизация и протесты // Северный Кавказ: общество в регионе, стране, мире: сборник статей / под ред. Д. Соколова. Киев, 2021. С. 147–179.

8. Этнополитические и конфессиональные аспекты обеспечения региональной безопасности: коллективная монография / Г.И. Юсупова и др. Махачкала, 2019.

С.Ю. Иванова

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Миграция — объективный процесс, затронувший весь мир, влияющий не только на социально-экономическую, политическую, но и на экологическую, природную сферы. В мире сегодня миллионы мигрантов, в России в 2022 г. их количество превысило 16 млн [5].

Масштабы миграции будут возрастать, таким образом, своевременная и адекватная экспертная оценка миграционных процессов является важным условием принятия управленческих решений. Проблема адаптации и интеграции мигрантов — на десятилетия, поэтому важно собирать, изучать, распространять эффективные модели адаптации в мире, в нашей стране. Важно выявить, проанализировать риски и угрозы экономике, экологии, социальному самочувствию населения со стороны миграционных процессов.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 121062800066-6.

Ключевую роль в этносоциальных и демографических изменениях современного мира играет трудовая миграция. В связи с неравномерностью экономического развития отдельных государств и регионов процессы международной миграции трудовых сил будут усиливаться. Всё большее число стран будет принимать самое активное участие в этих процессах, испытывая социальную, культурную, политическую и демографическую зависимость от них.

В немалой степени миграция способна сыграть роль катализатора этнических конфликтов в странах-реципиентах. Как отмечает ряд зарубежных исследователей, миграция этноэтнических трудовых ресурсов имеет под собой четкую экономическую основу. Например, согласно теории «двойного рынка труда», она в значительной степени осуществляется на основе существующего спроса и началась с рекрутирования предпринимателями развитых стран или правительствами более дешевой рабочей силы за рубежом [6]. Теория мировых систем, основанная на трудах И. Валлерстайна [7], утверждает, что международная миграция следует за политической и экономической организацией расширяющегося глобального рынка, за международным потоком товаров и капитала, но в противоположном направлении. Инвестиции капитала провоцируют изменения, которые стимулируют формирование мобильного населения в периферийных странах при одновременном создании сильных материальных и культурных связей работников-мигрантов со странами, из которых они прибыли, что также содействует международной миграции.

Специфика и риски международной миграции на Северном Кавказе состоят в том, что регион демонстрирует высокие показатели динамики миграционных процессов. В то же время для региона в настоящее время не существует проблемы мигрантофобии, поскольку на территории Северного Кавказа традиционно живут представители более 100 национальностей. Соответственно, все коллективы и населенные пункты полиэтничны. Абсолютное большинство экспертов, определяя уровень социальной толерантности в регионе при возникновении конфликтных ситуаций в обществе в ближайшие два года, обусловленные конфликтами с мигрантами, оценивают его как высокий.

Проблема миграции — относительно новый вызов для Северного Кавказа в начале XXI в., соответственно, необходимо дальнейшее изучение сотрудничества институтов гражданского общества и органов власти в этой области, поиск и научное обоснование новых эффективных форм взаимодействия органов власти и третьего сектора, популяризация в СМИ позитивных практик социокультурной интеграции мигрантов. В горных районах Северного Кавказа только нарабатывается опыт по легальному обустройству мигрантов, формируется система мер по сокращению антропогенного воздействия на уникальные природные ландшафты.

На миграционную ситуацию в Северо-Кавказском федеральном округе оказывают значительное влияние многонациональный состав населения, наличие родственных и иных связей в бывших республиках СССР (Армения, Грузия, Азербайджан и других), что порождает «вторую волну» миграции. Значительно возрастает «маятниковая» и «сезонная» миграция, для их представителей базой становится место проживания ранее обосновавшегося мигранта [2: 12]. Близость регионов с нестабильной политической обстановкой объективно увеличивает приток на территорию региона вынужденных переселенцев оттуда, что делает актуальной исследовательскую задачу по поиску эффективных моделей адаптации мигрантов в полиэтничном макрорегионе со сложносоставным населением, несбалансированным рынком труда, сложными природно-климатическими условиями.

На Северном Кавказе состояние, объемы миграции и миграционных потоков в различных субъектах значительно различаются. Так, Ставропольский край в силу наличия развитой социально-экономической, социокультурной и курортно-рекреационной инфраструктуры остается привлекательным для трудовых и учебных мигрантов. Для республик в составе СКФО — Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Республики Дагестан, Республики Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики — проблема иностранной миграции не имеет повышенной актуальности в силу этнодемографических, этноконфессиональных характеристик последних, а также в силу низкой привлекательности

их экономической инфраструктуры не только для мигрантов, но и для российских граждан из других регионов нашей страны.

В ряде аспектов проблема миграции и социально-культурной адаптации иностранных граждан актуальна для Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (репатриация соотечественников и этнически близких граждан из Турции, Сирии, США, некоторых стран Европы и др.).

Актуальна проблема транзита мигрантов для Республики Дагестан и Республики Северная Осетия-Алания в силу их географического и геополитического положения. В Республике Дагестан, расположенной на берегу Каспийского моря, есть порты, имеющие геополитическое значение. Ежегодно в Дагестан въезжают более 200 тыс. граждан иностранных государств, но основная их часть находится в республике транзитно и отправляется дальше в центральные регионы России. В основном это выходцы из среднеазиатских стран. На миграционном учете в республике с трехмиллионным населением одновременно в апреле 2018 г. находились лишь 18 тыс. иностранных граждан [1]. Внешние мигранты — это в основном трудовые мигранты, занятые в строительной сфере, торговле, общественном питании, а также в сфере интенсивного сельского хозяйства. Наиболее острым конфликтным фактором в сфере миграции в Дагестане является внутриреспубликанская миграция, заключающаяся в увеличении численности равнинного населения за счет переселения из горных районов.

Республика Северная Осетия-Алания является приграничной территорией, через которую проложены стратегические трассы — Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги (соединяющие РФ и, соответственно, данную республику со странами Южного Кавказа), по которым перемещается значительное число транзитных мигрантов.

В СКФО сохраняется избыток местных трудовых ресурсов, безработица выше, чем в среднем по России, в связи с чем иностранная трудовая миграция не востребована, как в других регионах и мегаполисах России. Однако можно прогнозировать усиление притока трудовых мигрантов в регион из стран Ближнего Зарубежья (Узбекистан, Таджикистан и др.), в связи

с реализацией масштабных планов по возведению туристических объектов в рамках создания туристического кластера на Северном Кавказе. Это может повлечь массовый приток в регион значительного числа трудовых мигрантов из-за рубежа, которые составят серьезную конкуренцию местным жителям, страдающим от безработицы. Риски появления новых очагов межнациональной напряженности в связи с этим возрастают. Возрастает также и необходимость изучения потенциально конфликтных проблем для принятия проактивных управленческих решений со стороны органов власти федерального и регионального уровней.

В «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается, что «важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности. Решение этих проблем затрудняется неоправданной сложностью получения статуса постоянно проживающего в Российской Федерации, а также неурегулированностью правового положения иностранных граждан. Прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам. К организации программ интеграции и адаптации необходимо привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации), в полной мере задействовать потенциал средств массовой информации» [4]. На региональном уровне необходимо вести миграционную политику, направленную на сохранение установившегося баланса между численностью постоянного населения республик и приезжающими мигрантами; квотировать привлечение иностранной рабочей силы. Важно учитывать элементы этнической культуры, которые определяют особенности видения этнической группой территории, влияют на принятие коллективных или персональных решений, существенных для развития системы расселения [1: 109].

Культурная адаптация мигрантов в региональном сообществе, их интеграция в него являются актуальной проблемой

миграционных отношений. Необходимо повышать уровень знаний представителей местного сообщества о культуре трудовых мигрантов, для этого необходимо развивать туризм в страны, из которых приезжают мигранты, открывать кафе и рестораны национальной кухни. В ходе реализации государственной миграционной политики необходима профилактика конфликтных ситуаций, роста взаимных негативных этнических стереотипов, экстремистских настроений, национализма и ксенофобии прежде всего в среде молодежи. Также необходимо способствовать созданию общественных объединений мигрантов при поддержке их сотрудничества с органами власти и местного самоуправления, с национально-культурными организациями, с домами и центрами дружбы, этническими советами для совместной работы, направленной на обеспечение стабильности в сфере межнациональных отношений. Необходима дифференциация адаптационных методов и форм по гендерному, возрастному, конфессиональному и иным основаниям.

Решение проблем миграции и реализации государственной миграционной политики в стране возможно при организационной роли государства во взаимодействии с гражданским обществом. При таком подходе возможно регулировать направления и объемы миграционных потоков, минимизировать элементы стихийности и предотвращать возможные конфликты между мигрантами и местным населением, внедрять и масштабировать позитивные социальные практики адаптации мигрантов.

Источники и литература

1. Григорьян Э. Более 205 тыс. иностранцев въехало в Дагестан с начала 2017 года // Республиканское информационное агентство «Дагестан». URL: https://riadagestan.ru/news/security/bolee_205_tys_inostrantsev_vekhalo_v_dagestan_s_nachala_2017_goda/ (дата обращения: 25.08.2022).

2. Иванова С.Ю., Иванов В.В., Шульга М.М. Общественное восприятие культурного многообразия, миграции и мигрантов в Ставропольском крае // Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне всероссийской переписи населения 2020 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа:

экспертный доклад, научное монографическое издание. М.; Пятигорск; Ставрополь, 2019. С. 11–17.

3. Имангулов Л.Р., Максименко М.Р., Савоскул М.С., Сафронов С.Г. Влияние этнокультурного фактора на эволюцию сельского расселения на примере полиэтничных районов Башкирии и Марий Эл // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2021. № 1. С. 109–119.

4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Президентом РФ). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/> (дата обращения: 03.08.2022).

5. Миграционная статистика России. URL: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/> (дата обращения: 10.06.2022).

6. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pelegrino A., Taylor E. Causes of Migration // The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration / eds. M. Guibernau, J. Rex. Oxford, 1997. P. 257–269.

7. Wallerstein I. The Modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego, 1974.

З.Х. Гучетль, О.И. Кускарова

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЕ (на материале социологического исследования)

В современных условиях актуальность и значимость изучения миграции населения в России и ее регионах значительно повышается, что связано прежде всего с ростом естественной убыли населения. В большинстве субъектов Российской Федерации, в том числе в Адыгее, уровень смертности систематически превышает уровень рождаемости, что ведет к сокращению числа жителей республики.

Трудовая и этническая миграция играет ключевую роль в этносоциальных и демографических изменениях как современной России в целом, так и республики Адыгеи в частности. Как отмечает С.А. Курижева, «миграция населения — сложный и разносторонний процесс, прямо и косвенно связанный со всеми сторонами общественной жизни региона. Миграционная ситуация в Адыгее является отражением общероссийских тенденций, сохраняя при этом определенную специфику — наша республика — один из немногих регионов ЮФО, где в течение ряда лет сохраняется миграционный прирост населения» [2].

Т.Т. Тарасова указывает на то, что «влияние миграции на трансформацию социально-демографического баланса многогранно. Как правило, в миграционных перемещениях наибольшее участие принимают люди молодого и трудоспособного возраста, мужчины чаще всего подвижнее женщин, бездетные легче решаются на переселения, вследствие этого в местах притока мигрантов происходит омоложение возрастной структуры, замедление процесса старения населения, понижение уровня смертности и повышение рождаемости. Кроме того, миграция меняет территориальное размещение населения и трудовых ресурсов, способствует социальной мобильности и заселенности территорий» [6].

Социологическое исследование по изучению степени влияния миграционных процессов на состояние межнациональных отношений в Республике Адыгее было проведено в сентябре–октябре 2021 г. в рамках исполнения решений республиканской антитеррористической комиссии в целях профилактики экстремизма и терроризма на территории Адыгеи. Исследование проводилось методом очного анкетирования. По специальной выборке, учитывающей пол, возраст, сферу занятости и образование респондентов, в общей сложности было опрошено 400 чел. В опросе приняли участие жители четырех районов Республики Адыгеи (Гиагинский, Шовгеновский, Тахтамукайский, Красногвардейский, по 100 чел. в каждом районе). Опрос (анкетирование) проводили сотрудники отдела философии и социологии, а также других научно-исследовательских подразделений Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

Выбранная для реализации проекта анкетная форма опроса представляется его исполнителям наиболее удобной при обработке и анализе данных, она позволяет значительно сократить время сбора информации, чего бы не произошло при использовании метода беседы или интервьюирования. Информационной базой исследования стали нормативно-правовые документы и аналитические материалы и исследования по регулированию миграционных процессов в Республике Адыгее. Эмпирической базой исследования стали материалы Федеральной службы государственной статистики о численности, естественном и миграционном движении населения по Республике Адыгее [5].

Объектом исследования выступило население Республики Адыгеи от 18 лет и старше, постоянно проживающие на территории региона. Предметом исследования стали миграционные процессы и их влияние на общественно-политическую обстановку в Республике Адыгее.

Как и в близком по дизайну социологическом исследовании, проводившемся в 2013 г. в Адыгее А.А. Шхалаховым и его коллегами [1], в анкете данного массового опроса термин «мигранты» не уточнялся. Предполагалось, что респонденты имеют собственное представление о мигрантах, как о людях, которые приехали в Республику Адыгею в поисках заработка и намерены проживать здесь временно или постоянно. Различия между внутренними мигрантами, т.е. гражданами РФ, и мигрантами-иностранцами также не проводилось. Это было обусловлено целью исследования, которая заключалась в том, чтобы определить вероятность конфликтов на межэтнической почве в связи с мигрантами. Для этого в рамках исследования решался ряд задач, среди которых главными были выявление массовых субъективных оценок напряженностей и угроз общественно-политической стабильности в связи с мигрантами. Определялось также общественное мнение о ситуации на рынке труда в связи с притоком мигрантов.

Миграция оказывает влияние на жизнь в республике сразу в нескольких сферах, на которые в первую очередь реагируют местные жители. За счет постоянного притока мигрантов происходит изменение этнокультурного облика региона. В данном аспекте интересно понимание опрашиваемыми самой сути

миграции, осуществления ее концепции на территории Республики Адыгеи, а также восприятие мигрантов как рабочей силы, в том числе и в ракурсе замещения ими коренного населения в отдельных сферах экономики. Поэтому отправной точкой исследования является общая оценка миграционной ситуации.

Первый вопрос, адресованный респондентам, — «Как Вы относитесь к проблемам миграции (мигрантам) в Вашем городе, районе, поселении?» (рис. 1) — ставил своей целью выявить отношение жителей Республики Адыгеи к миграции в целом и к мигрантам в частности. Ответы респондентов распределились следующим образом. Положительно относятся к проблемам миграции 20% респондентов, отрицательно — лишь 12%. Почти треть опрошенных (29%) относится к мигрантам безразлично. В то же время велика доля и тех, кто не смог ответить на этот вопрос — 39%. Полученные ответы говорят о существовании толерантности к мигрантам в выборке опрошенных респондентов. Причем абсолютное большинство респондентов (78%) осведомлены о наличии мигрантов в их регионе и довольно часто общаются с ними в повседневной жизни (48%). И лишь 19% ответили, что не знают о проживании таковых.

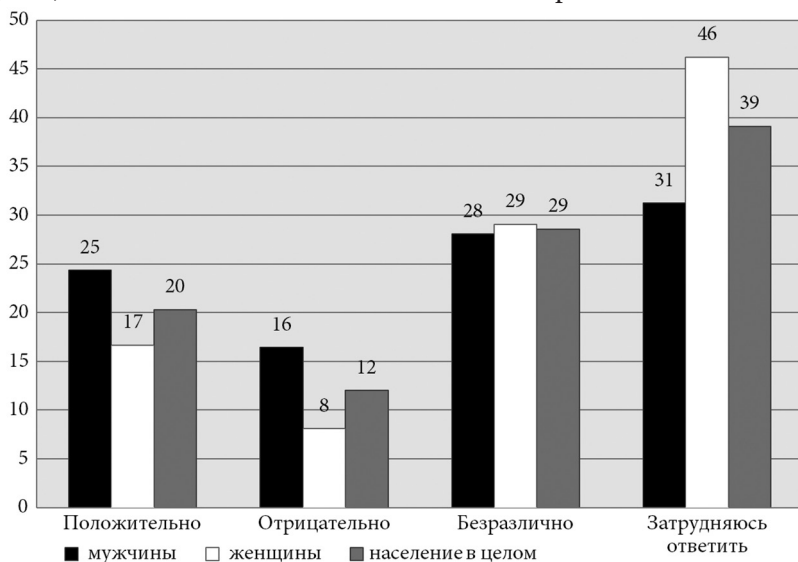


Рис. 1. Отношение к проблемам миграции

Достаточно часто новый приток мигрантов старожильческим населением воспринимается негативно. Однако лишь 24% опрошенных нами респондентов на вопрос — «Как вы относитесь к тому, что в Ваш район, поселение приезжают на работу или на постоянное место жительства иностранные мигранты?» (рис. 2) — ответили: «Отрицательно». Невелика доля и тех, кто абсолютно положительно (9%) или безразлично (14%) относится к присутствию мигрантов в их районе, поселении. Зато довольно высок процент тех, кто относится к мигрантам спокойно (39%), и тех, кто оценивает взаимоотношения с мигрантами как хорошие. Причем мнения и мужчин, и женщин в этом вопросе совпадают. Это еще раз подчеркивает высокую толерантность жителей Республики к иностранным мигрантам и представителям различных национальностей и вероисповеданий. Тем самым в полной мере используется этнокультурный потенциал для гармонизации и стабилизации ситуации в республике.

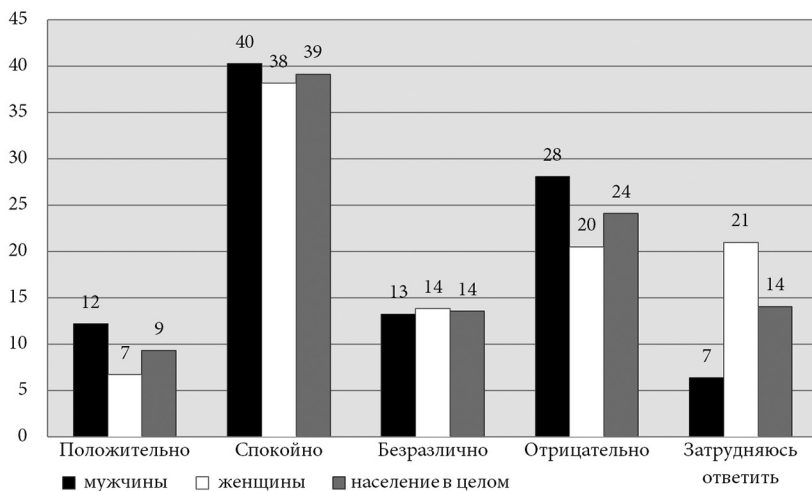


Рис. 2. Отношение к присутствию трудовых мигрантов в Адыгее

Среди задач нашего исследования были анализ и выявление основных угроз и проблем, возникающих из-за миграционных процессов в регионе. В связи с этим респондентам был задан вопрос (рис. 3): «Какие проблемы или угрозы, на Ваш взгляд,

мигранты создают местному населению?» Ответы распределились следующим образом: большинство опрошенных (40 %) считают, что мигранты «повышают конкуренцию на рынке труда». «Создают дополнительную нагрузку на социальную сферу (больницы, школы, детские сады)», — ответили 25 % респондентов. Такие ответы, как «увеличивают преступность» и «привносят межэтническую напряженность», оказались самыми непопулярными и набрали 3 % и 5 % соответственно. И это не может не радовать, поскольку известно, что миграционные процессы могут оказывать влияние на состояние межнациональных отношений, в том случае если речь идет о перемещении достаточно большого количества людей, принадлежащих к иным этническим группам и культурам, и об изменении исторически сложившегося этнического баланса. Это еще раз подчеркивает, что социокультурное бытие современной Адыгеи основано на интенсивном и позитивном межэтническом, межкультурном диалоге, взаимодействии, социокультурном взаимопроникновении.

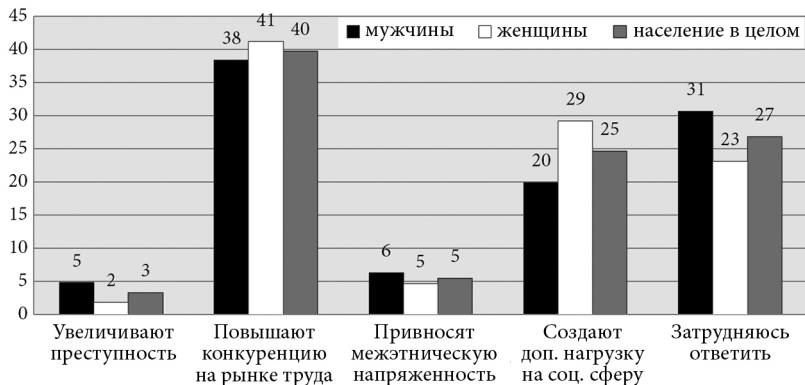


Рис. 3. Рейтинг проблем, связанных с миграционными процессами

Как видят жители труд мигрантов? Респондентам был задан следующий вопрос (рис. 4): «Как Вы считаете, обострилась ли ситуация на рынке труда в связи с миграционными процессами?» 21 % респондентов неоднозначно ответили на данный вопрос, считая, что в отдельных случаях ситуация на рынке труда обострилась, а в отдельных — улучшилась. 22 % респондентов

категорично заявили, что ситуация на рынке труда обострилась. Нашлись и те, кто считает, что ситуация на рынке труда, обусловленная миграционными процессами, «скорее улучшилась» — 3%. 29% опрошенных считает, что влияние мигрантов на рынок труда является незначительным и ситуация в целом не изменилась. Данная позиция совпадает с мнением большинства экспертов [7], которые считают, что миграция оказывает незначительное воздействие на рынок труда региона, включая отсутствие серьезного влияния на конкуренцию за рабочие места.

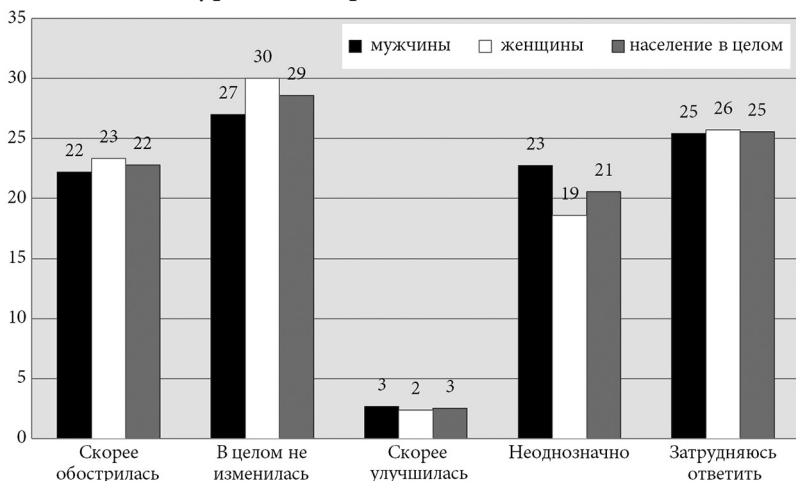


Рис. 4. Динамика ситуации на рынке труда, обусловленная миграционными процессами

При ответе на вопрос о том, выгодно ли использование труда мигрантов в экономике их района / поселения, респонденты разделились на две равные группы: 30% респондентов считают, что труд мигрантов выгодно использовать в различных сферах экономики района, и столько же не видят никакой пользы от труда мигрантов. Остальные затруднились с ответом.

Данные многолетней социальной статистики указывают на то, что для Адыгеи на протяжении почти всего ее послесоветского существования проблема миграции никогда не стояла чрезмерно остро. Хотя приток мигрантов в республику был постоянен, он редко превышал количество в 1,5–3 тыс. чел. в год [3: 45–47; 4: 30].

В общем балансе населения он был не очень заметен, мигранты смешивались со старожильческим населением и ничем особенным от него не отличались. Они не оказывали большого давления на местный рынок труда и социальную сферу. Таким образом, миграционная проблема в основном была неактуальной для массового сознания и не вызывала больших возмущений.

Использование метода включенного наблюдения наряду с анкетированием позволило сделать вывод, что по сравнению с ранее проведенными нами социологическими исследованиями произошли незначительные изменения в общественном сознании по отношению к мигрантам и иностранным гражданам. Это обусловлено появлением в последние годы на улицах Майкопа, особенно в центральной части, и других населенных пунктов Адыгеи большого количества студентов из стран Средней Азии и других государств ближнего и дальнего зарубежья, обучающихся в майкопских вузах. Они не интегрированы в местный социум, не владеют государственными языками республики, не адаптированы к местным условиям. На фоне событий с мигрантами в Западной Европе, широко освещаемых СМИ, появление значительного количества людей неевропейской внешности, общающихся на иностранном языке, вызывает негативную реакцию у жителей города, что может проецироваться на трудовых мигрантов, усиливает риск конфликтов и межнациональной напряженности.

В целом, как показало наше исследование, миграционная обстановка в регионе остается стабильной. Отношение населения Республики Адыгеи к миграции в целом и к мигрантам в частности довольно спокойное. Республика Адыгея — привлекательный регион для миграции как для жителей бывших советских республик, так и жителей преимущественно ЮФО. И это неслучайно. Адыгея справедливо считается одним из самых спокойных регионов на Северном Кавказе. Устойчивость межнациональных отношений в республике основана на толерантных отношениях между различными этническими группами, на мирном взаимодействии и взаимопонимании всех народностей, проживающих в республике. Благоприятствуют миграции в регион также теплый южный климат, благоприятная экологическая и стабильная общественно-политическая ситуация.

Как показывает практика, миграционные процессы способны привести в состояние межнациональных отношений определенные сложности. Отсюда вытекает необходимость мониторинга миграции, ее влияния на этническую сферу, работы с мигрантами по их адаптации и интеграции в местную этнокультурную среду.

Источники и литература

1. Варава Д. Экстремизм среди молодежи: лечить или бороться // Аргументы и факты — Адыгея. 2013. 10 апреля.

2. О миграции в цифрах и фактах. Интервью «СА» с заместителем руководителя Управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Адыгее // Советская Адыгея. 2019. 15 марта. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/03/15/o-migratsii-v-tsifrax-i-faktakh-intervyu-sa-s-zamestitelem-rukovoditelya-upravleniya-federalnoj-sluzhby-gosstatistiki-po-krasnodarskomu-kraju-i-adygee/> (дата обращения: 03.08.2022).

3. Республика Адыгея в цифрах: 1991–2015. Ч. 1. Майкоп, 2016.

4. Республика Адыгея в цифрах: 2010–2020 годы. Майкоп, 2021.

5. Республика Адыгея. Население. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: http://krsdstat.gks.ru/population_ra (дата обращения: 03.08.2022).

6. Тарасова Т.Т. Миграция населения Адыгеи как фактор трансформации социально-демографического равновесия // Вестник АГУ. 2020. Вып. 3 (264). С. 208–214.

7. Топилин А.В. Миграционные процессы и рынок труда в России // Наука. Инновации. Технологии. 2015. № 2. С. 140–153.

Ю.Д. Джабраилов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАПРОСЫ И ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ В ДАГЕСТАНЕ

На сегодняшний день дискуссионным остается вопрос о роли языков при формировании политической нации, можно ли обеспечить единство нации, развивая только один государственный

язык, или же становление бесконфликтных социальных взаимоотношений в стране возможно при условии двуязычия (развития наряду с государственным и этнических языков) [15: 108].

При характеристике языковой ситуации в Дагестане многоязычие называют его уникальностью и богатством, но является ли данный факт преимуществом республики? Живя на одной территории, имея схожие традиции, нравственные устои, обычаи, историю, культуру и искусство, дагестанцы говорят на разных языках. Если бы у дагестанских этносов был развит один общий язык, на наш взгляд, сами собой отпали бы не только определенные проблемы в социально-политической сфере, но и значительно расширились бы возможности в сохранении и развитии единого дагестанского языка в условиях интенсивной миграции населения с традиционных мест проживания в города.

Согласно официальным данным, в Дагестане 32 языка, из которых 14 письменных и 18 бесписьменных [16: 18]. Из-за проблем с финансированием этнических языков с правовым статусом, а также ряда нерешенных вопросов (о развитии бесписьменных языков и многочисленных диалектов; о требованиях говорящих на языках признать их отдельными этносами) в Дагестане до сих пор не принят закон о языках. Из 14 языков (аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский) с государственным статусом на территории Республики Дагестан (далее — РД) три языка (русский, азербайджанский и чеченский), распространенные главным образом за пределами республики, могут рассчитывать на дополнительную помощь извне в подготовке учебно-методической литературы, преподавательских кадров и др. Единственным из вышеперечисленных языков, который вообще не изучается в образовательных учреждениях Дагестана, является татский язык. В настоящее время таты очень малочисленны, на владение татским языком в 2010 г. указали всего лишь 1249 чел. (0,04 % от численности всего населения республики).

Как отмечает А.Н. Биткеева, «часто национальные языки республик, провозглашенные государственными языками, не обладают достаточно развитыми функциональными стилями, они

не в состоянии выполнять те или иные общественные функции, нет условий для полноценного осуществления высшего образования на национальных языках в силу недостаточной разработанности терминологической системы и научного стиля этого языка. Преподавание титульного языка, как и русского языка, ведется на недостаточно высоком методическом и профессиональном уровне, учебные программы не отвечают современным требованиям, нет эффективных обучающих методик, самоучителей, нехватка квалифицированных преподавательских кадров» [2: 86].

В 2022 г. мы провели экспертный опрос среди представителей национальной интеллигенции (в число которых вошли представители республиканских министерств, вузовской и академической науки по лингвистике, руководители местных национально-культурных автономий и национальных печатных изданий) в целях выявления реального состояния миноритарных дагестанских языков. В связи с актуальностью задачи комплексного анализа современных тенденций языковой сферы мы попросили экспертов также оценить опыт, инициативы и роль общественников в популяризации родных языков.

Наглядным примером сужения социального пространства этнических языков, по словам экспертов, является переход молодежи в общении между собой на русский язык даже в мононациональных населенных пунктах. С каждым годом наблюдается все более интенсивное снижение статуса родного языка и литературы в общеобразовательных учреждениях республики.

Необходимо отметить, что народы Дагестана весьма заинтересованы в полноценном функционировании русского языка. Дагестан — это мультикультурный и многонациональный край, где без знания русского языка не обойтись. Полиэтническая городская среда принуждает дагестанцев говорить на доминирующем в качестве языка межнационального общения русском языке. Социолингвистические исследования свидетельствуют, что горожане второго-третьего поколения, по сути, полностью отрываются от родного языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вероятность же того, что они будут владеть бытовым разговорным языком, почти что равна нулю [10].

Тем не менее в последние годы наблюдается небывалый языковой активизм. Эксперты связывают усиление роли общественников в данный момент с тем, что широкие массы населения стали осознавать реальность угрозы исчезновения родных языков. Началось создание некоммерческих общественных организаций, главной целью которых выступает сохранение и развитие своих языков и культур. Например, создана «Ассоциация учителей родных языков», которая хорошо координирует работу преподавателей, предоставляет возможность для повышения их квалификации.

«Ассоциация учителей аварского языка» создает культ родного языка и довольно активно проявляет себя на различных площадках. Ежегодно в середине лета она организует слет учителей аварского языка, который уже вышел за рамки своего формата: данное мероприятие уже поддерживают многие любители языка и культуры аварского этноса. Это большой праздник, представленный в виде соревнований команд городов и районов республики (из 31 муниципального образования Кизилюртовского, Хасавюртовского, Кизлярского районов и всех 14 мононациональных аварских районов), где преподается аварский язык, мероприятие освещается на республиканском телевидении. Соревнование команд проходит по следующим номинациям: национальное блюдо, художественная самодеятельность, национальный костюм. Очередной слет принимает команда-победительница в самой живописной местности муниципалитета. Из года в год наблюдается увеличение числа участников мероприятия: если в первом слете принимали участие 500 чел., последний в Хунзахе собрал более 3 тыс. чел. В ближайшие годы организаторы прогнозируют увеличение числа участников до 5 тыс. чел. и более.

Чтобы создать в городских условиях естественную языковую среду, региональная общественная организация «Аварал» (аварцы) организовывает курсы «Калам дарс» (урок родного слова) для детей и взрослых по изучению аварского языка, различные интеллектуальные игры на аварском языке, переводят мультфильмы на родной язык и др. [3]. Спецификой центра при изучении родных языков является сочетание классического очного обучения и дистанционного, с использованием возможностей Интернета.

Сегодня новые технологии предоставляют большие возможности для свободного коммуницирования независимо от расстояний. Например, практика дистанционного варианта изучения родных языков предоставляет возможности для их усвоения воспитанникам из диаспор и землячеств, проживающих в городах других субъектов России (Екатеринбурге, Томске, Брянске и т.д.), а также в Турции и Азербайджане. Но преподаватели данного образовательного центра жалуются на отсутствие у них физических возможностей принять всех желающих изучить родной язык (обучение платное, 1 час стоит 500 руб.). Перспективы данного вида обучения сегодня очевидны, но нужны хорошие специалисты по языкам, которые смогут заинтересовать обучаемых, пока общественная инициатива в данном направлении не носит массовый характер. К сожалению, Министерство науки и образования РД в ближайшем будущем не планирует внедрять в систему образования вариант цифрового изучения родных языков.

В представительствах РД в регионах Российской Федерации (с учетом нехватки профессиональных кадров, отсутствия необходимых методических материалов для изучения языков, проблемы компактного проживания дагестанцев одной этнической принадлежности) поддерживают идею об использовании имеющихся возможностей использования Интернета и Рунета.

Например, Представительство РД в Ставропольском крае внесло предложение о разработке и реализации на базе Центра по изучению родных языков Дагестанского государственного университета проекта виртуального образовательного центра (по примеру уже действующей международной Армянской виртуальной школы AGBU), который будет обеспечивать этнокультурные запросы дагестанских землячеств и диаспор путем представления в том числе и следующих возможностей:

- обеспечивать возможность самостоятельного или при поддержке родителей получения национального воспитания и изучения родного языка для тех, кто находится за пределами Республики Дагестан;
- формировать доступную библиотеку электронных книг на языках народов Дагестана, художественных фильмов, переведенных на национальные языки, спектаклей национальных театров;

– проводить семинары и тренинги для более углубленного изучения языков, внедрять курсы по изучению языка как для дагестанцев, не владеющих родным языком, так и для представителей других народов;

– готовить аудио- и видеоинформацию о языках, а также взаимодействовать с дошкольными учреждениями, учреждениями среднего и высшего образования;

– оказывать информационно-методическую помощь в популяризации родных языков и реализации различных проектов, направленных на сохранение языкового наследия народов Дагестана.

Языковые активисты кумыков совместно с преподавателями родных языков начали издавать журнал «Бизин тил» (наш язык). Им удалось организовать выпуск шести номеров журнала (впоследствии из-за финансовых трудностей пришлось свернуть проект), которые стали важным подспорьем для учителей в усовершенствовании методологических основ преподавания кумыкского языка, в проведении анализа стихотворных и прозаических произведений и т.д. Данная инициатива общественников была связана именно с изъятием в середине учебного года всех учебников по родным языкам по требованию Рособнадзора как несоответствующих Федеральному государственному общеобразовательному стандарту.

Этнические активисты даргинцев издали диалектологический словарь, где сравниваются 43 диалекта языка с их совпадениями с литературным языком [14]. Ими подготовлен уникальный словарь материальной культуры, характеризующий кузнечное и ювелирное дело, металлообработку в целом.

В сентябре 2021 г. табасаранским активистам удалось собрать впервые за последние сто лет на территории Духовного центра имени пророка Исы представителей всех табасаранских сообществ Республики Дагестан и России — свыше 4 тыс. чел. для обсуждения проблем языка, культуры и истории своего народа.

Огромную поддержку активистам оказывают религиозные деятели и сотрудники национальных СМИ. Они совместными усилиями провели много конференций по проблемам языка и этнической культуры, «День табасаранского языка» в Дагестанском

государственном педагогическом университете, диктант на табасаранском языке, где приглашенные говорили на родном языке. Присутствие представителей местных властей на мероприятиях, инициируемых этническими активистами, способствует определенным положительным изменениям в этнокультурной повестке.

В России важную роль в защите этнокультурного компонента играет специальный правовой инструмент — национально-культурная автономия. После многолетней работы ногайцы добились в 2015 г. государственной регистрации Федеральной национально-культурной автономии ногайцев Российской Федерации, в задачи которой входит сохранение родного языка и экстерриториальное объединение (повышение эффективности деятельности национально-культурных автономий ногайцев Дагестана, Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края).

В повестке национальной культурной автономии ногайцев особое место занимает проведение каждые два года международной конференции «Ногайцы: прошлое и будущее». На основе обсуждений на конференции проблем сохранения и изучения ногайского языка реализован проект по изданию ногайско-русского словаря на 35 тыс. слов [12].

Представители лезгинской общественности очень активны в плане сохранения своего родного языка. Довольно успешно функционирует этнокультурное объединение «Лезгияр» (лезгины), которое аккумулирует все этнические контакты. Карта землячеств и диаспор лезгин по всей России и в странах ближнего и дальнего зарубежья насчитывает 185 общин. Еще одной площадкой, своеобразным культурным центром, где по приезду в республику представители лезгинских землячеств и этнические активисты встречаются друг с другом, является редакция «Лезги газет». У лезгин очень много меценатов, болеющих за родной язык. Один из них, руководитель некоммерческого фонда «Национальное возрождение» из г. Москвы, в рамках юбилейных мероприятий, посвященных столетию «Лезги газет», выделил 1 млн руб. на ремонт этажа Дома издательства, где располагалась редакция газеты. Кроме того, фонд создал специальную программу стипендий для студентов вузов, имеющих национальные приоритеты в филологии (в частности, для педагогических

образовательных учреждений, готовящих учителей для преподавания на национальных языках).

Можно сказать, что в последние пять лет наметился период ренессанса в творчестве рутулов. Благодаря этническим активистам и при поддержке меценатов ими изданы словари [1; 8], выпущены: сборник переводов с русского на рутульский произведений М.Ю. Лермонтова [9], сборник рутульских сказок [11], сборники стихов рутульских поэтов [4; 6–7; 13]. К 130-летию поэта Эзерчи из Шиназа проведена конференция совместно с руководством факультета дагестанской филологии Дагестанского государственного университета.

В октябре 2021 г. при Министерстве по национальной политике и делам религий Республики Дагестан состоялась презентация трилингвы коллектива авторов, переводчиков — первого сборника детских рассказов на русском, рутульском и цахурском языках [5].

Более крупные дагестанские этносы (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы и табасараны) имеют относительно хорошие возможности для этнокультурного развития в сравнении с малочисленными.

Наименьшее количество носителей среди письменных языков Дагестана у агульского, рутульского и цахурского языков — менее 30 тыс. чел. Как известно, в 1991 г. был осуществлен прием в Дагестанский государственный педагогический институт студентов — рутульцев, агульцев и цахурцев — для подготовки педагогических кадров по этим языкам, но к концу 1990-х гг. содержание малочисленных национальных групп было признано нерентабельным с точки зрения финансирования.

Исходя из принципа рентабельности в дорожной карте Министерства образования и науки РД, к сожалению, до сих пор отсутствуют заказы на учебники по трем языкам — рутульскому, цахурскому и табасаранскому. По мнению экспертов, чиновники из образовательной среды не используют в городах возможности организации групп изучения агульского, рутульского и цахурского языков, ссылаясь на отсутствие помещений и специалистов.

Этнический активизм в деле популяризации родных языков — это, безусловно, благо, но, если молодое поколение не будет

изучать этнический язык в школе или же его обучение будет проходить формально, без использования нового учебно-методического материала, это реальная угроза выживанию дагестанских языков. Государство действительно не может заставить людей изучать тот или иной язык, но обязано признать упущения в языковой политике и исправить их. Конституционный долг государства — предоставить даже одному ученику возможность изучать свой родной (этнический) язык.

Для придания нового импульса развитию родных языков в Республике Дагестан считаем возможным прорабатывать на экспертно-консультативном уровне проблемы расширения имеющихся возможностей использования Интернета и Рунета. Создание виртуальной образовательной школы позволит в соответствии с дагестанскими реалиями обеспечить этнокультурные запросы населения.

Источники и литература

1. Алисултанов А.С., Сулейманова Т.А. Рутульско-русский словарь. Махачкала, 2019.
2. Биткеева А.Н. Национально-языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014 г.). Доклады и сообщения. М., 2014. С. 80–88.
3. Биткеева А.Н. Республика Дагестан: современный языковой активизм. Интервью с языковым активистом Д.М. Магомедовым // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 131–139.
4. Гусейнов С. «КЫГЪДЫ МЫХРА КЪУХЪДЫ ЙИКІ» / В маленькой груди большое сердце. Махачкала, 2021.
5. Дашлай А.З., Дашлай Ф.З. Рыжик: сборник детских рассказов с переводом на рутульский и цахурский языки. Махачкала, 2021.
6. Дашлай Ф.З. Два крыла: сборник стихов и переводов. Дербент, 2019.
7. Дашлай Ф.З. Рутульская поэзия в переводе на русский язык. Махачкала, 2018.
8. Исмаилова Э.И. Русско-рутульский словарь. Махачкала, 2011.

9. Лермонтов М.Ю. «Люблю я цепи синих гор...»: стихи и поэмы / сост. А. Кардаш. Махачкала, 2014.

10. Магомедов М.И. Проблемы функционирования русского и дагестанских языков в Республике Дагестан // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 14. С. 17–25.

11. Махмудова С.М. Рутульские народные сказки (МыхаБишды халкъдид махвбыр). Махачкала, 2021.

12. Ногайско-русский словарь: около 35 000 слов / под ред. К.М. Мусаева. М., 2018.

13. Саларов Д. Чугурад Синбыр. Махачкала, 2017.

14. Темирболатова С.М. Диалектологический словарь даргинского языка: более 50 000 диалектных вариантов слов. Махачкала, 2022.

15. Темирболатова А.И. Малочисленные языки Северного Кавказа и перспективы их развития в период глобализации // Наследие веков. 2015. № 4. С. 105–112.

16. Языки Дагестана / под общ. ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала; М., 2000.

Р.И. Сефербеков

СОВРЕМЕННЫЙ БРАК И СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОБРЯДЫ АВАРЦЕВ-ГИДАТЛИНЦЕВ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Одной из задач российской этнологии является изучение обрядов жизненного цикла — комплекса обычаев и обрядовых действий, связанных со свадьбой, рождением, смертью. Как отмечает С.А. Мадюкова, «жизненный цикл человека состоит из двух “крайних” ритуалов (обряды, связанные с рождением, и похоронные обряды) и одного или нескольких срединных [11: 117]. Типологически они принадлежат к обрядам перехода [21]. М. Элиаде сравнивал обряды перехода с посвящением в новое социокультурное пространство [19: 115]. В. Тэрнер при их характеристике использовал термин «жизненные переломы», поскольку такие

обряды совершаются в связи с «переломными» событиями жизни человека [17: 233].

Цель данной статьи — описание современных форм брака и обрядов жизненного цикла у одной из субэтнических групп аварцев — гидатлинцев. Анализ семейно-бытовой обрядности аварцев-гидатлинцев будет производиться на основе собранного нами в селениях гидатлинцев Шамильского района Дагестана полевого этнографического материала с использованием историко-сравнительного, типологического, хронологического и системного общенаучных методов. Традиционные и современные формы брака и семейной обрядности аварцев, других народов Дагестана и Северного Кавказа достаточно хорошо изучены [1; 3; 8; 12–16]. Их описанием у гидатлинцев занимались Г.Ф. Чурсин [18: 24–50], К. Козлова [10], М.А. Дибиров [9], С.Х. Асиятилов [4] и И.Ч. Бутаев [6]. Однако их полного и комплексного исследования до сих пор не имеется.

Брак и свадебные обряды. Вплоть до 1990-х гг. у гидатлинцев сохранялись единичные случаи полигамии (двоеженство), левирата и сорората. Обменные браки в народе не одобрялись, так как развод одной брачной пары, как правило, отражался и на взаимоотношениях второй. Бывали случаи умыкания невест, но они осуждались общественностью, так как шли вразрез с традициями адата и шариата и были чреваты возникновением конфликтных ситуаций. Вдовы (особенно имеющие детей) у гидатлинцев обычно замуж не выходили.

Традиционные свадебные обычаи и обряды гидатлинцев в 1927 г. были записаны Г.Ф. Чурсиным [18: 29–46]. Без особых изменений они сохранялись вплоть до конца 1980-х гг. Раньше юноши женились в основном в возрасте 20–23 лет, а девушки выходили замуж в 18–20 лет (и сейчас они выходят замуж в таком же возрасте). Невесту юноше обычно подыскивали его родители, руководствуясь поговоркой «Эбел йихьун, йосе яс» («На мать посмотрев, дочь выбирают») и полагаясь на Божье предначертание («Аллагьасул къадар»).

Раньше были распространены эндогамные браки, а сейчас они редки. Брали невест в основном из своего аула или из других гидатлинских сел и редко — из других аварских селений. В советское

послевоенное время женились и на русских учительницах. Выбирая невесту, старались подобрать воспитанную, трудолюбивую, физически здоровую и красивую девушку, желательно с длинной косой. При выборе брачного партнера обязательно учитывалось мнение молодых, но определяющим было решение их отцов.

Если кандидатура девушки была определена, «просить девушку» (*яс аби*) к ее родителям посылали близкого родственника юноши по отцовской линии. Ее родители сразу согласия не давали, объясняя это тем, что она еще маленькая и семья еще не готова к свадьбе. Отдавать сразу считалось неприличным, поэтому сваты ходили в дом девушки иногда до пяти раз, пока наконец не получали согласия. Если родители давали положительный ответ, то это расценивалось как официальный стговор (*раги кьола*). С этого момента девушка считалась засватанной (*абурай*) и обе стороны начинали готовиться к свадьбе.

Основными персонажами гидатлинской свадьбы (*бертин*) были жених (*бахIарав*) и невеста (*бахIарай*), их дружки (*бахIарал гьудулзabi*), тамада, ряженые-мужчины *кьохIо* бер 'кожаный глаз' и ряженые-женщины *КючIо* *бахIарал* 'мини-невеста'.

Оформление брака по религиозному обряду (*магьарлгьей* 'заключение *магьара*') происходило с участием дядей юноши и девушки, сельского священнослужителя *дибира* и свидетелей. От *магьара* до свадьбы иногда проходило несколько лет. Сейчас продолжительность этого периода варьируется от нескольких месяцев до одного года.

За два-три дня до свадьбы в доме невесты проводили обряд «кройки одежды» («*бахIаралгье ретIел лгьутIи*»), которая затем включалась в состав ее приданого («*бахIаралгье кьайи кьей*»). В нем принимали участие близкие родственницы невесты. Они приходили к ее матери с отрезами материи, стопками пирогов (*цIурал чадал*), тарелками мучной халвы (*бахгьухгь*), козинаков (*чири глабатI*), грецких орехов и фруктов. Этот обряд бытовал вплоть до 1990-х гг. Теперь во время этого обряда дарят готовую одежду и золотые украшения. Приданое невесты раньше включало в себя два водоносных кувшина (*кудари*), два маленьких кувшина (*буртIал*), четыре-пять ватных матрацев, три-пять одеял, пять-шесть подушек, ведра, кастрюли, табуретки, отрезы

материи, сундук. Сейчас приданое состоит из посуды, мебели, постельных принадлежностей и бытовой техники. По поручению отца жениха оповещением и приглашением гостей на свадьбу занимался особый человек *ахДухъан* 'глашатай'. За порядком в танцевальном кругу следил *тадбирчи* 'смотрящий за порядком', а за приготовлением еды — *богогъан* 'кашевар'. Основными музыкальными инструментами гидатлинской свадьбы являлись зурна и барабан, музыканты были местные.

В 1940–1950-е гг. свадьба длилась неделю, в 1960–1970-е гг. — три дня, а в 1980–1990-е гг. и в наше время — один день. В доме невесты тоже проходила небольшая свадьба, куда гостей приглашала ее мать. За невестой отец жениха отправлял процессию во главе с его представителем. Впереди процессии шли ряженные *къохло берал* с черными от сажи лицами. Они веселили публику на свадьбе, а также отвлекали на себя действие возможного «зло-го глаза» недоброжелателей жениха и невесты.

В первый день свадьбы, после ночного намаза, невесту в сопровождении двух близких родственниц отправляли в дом жениха. Жених во время свадьбы находился не у себя дома, а у друга (*бахIарасул гьудул*), где веселился и пировал с друзьями. Невеста также находилась в доме своей подруги-попечительницы. Вплоть до нашего времени на гидатлинской свадьбе продолжает бытовать обычай кражи жениха (*бахIаро викъи*). «Жениха можно было выкрасть в любое время суток, где бы он ни находился. Для этого необходимо было дотронуться до него и дать знак следовать за ним или же позвать его» [9: 128]. Похищенного жениха нужно было выкупить.

На второй день свадьбы происходил танец новобрачных. Затем начинались групповые и парные танцы. При этом одни виды массовых танцев были общими, другие — сугубо мужскими, третьи — только женскими. Их последовательностью распорядился тамада свадьбы. Таковы, например, танцы *каш*, *сапа*, *чолоб*, *кIаницIураб* и др. [8: 200]. Особенно популярным у гидатлинцев был танец *каш*. Как отмечал С.Х. Асиятилов, «и танец у нас свой, знаменитый, гидатлинский, классический “каш”. Сколько в нем грации, достоинства, красоты. Без суеты, без лишних движений. Если песня — душа народа, то танец — его характер, его нрав,

его быт» [4: 36]. И.Ч. Бутаев наряду с кашем приводит еще два вида гидатлинских танцев: быстрый и зажигательный *ГитИнаб* 'малый' или *руссураб* 'быстрый' и такой же быстрый, с подпрыгиванием, переходящий в конце в умеренный *кИудаб* 'большой' или *кИаницулаб* 'скаковая' [6: 278].

К послесвадебным обрядам гидатлинцев относятся «вывод невестки за водой» («бахIарай лъадада эн») и приглашение молодых в гости родителями невесты и жениха, а также родственниками обеих сторон.

С начала 1990-х гг. спиртное на гидатлинских свадьбах не выставляется. В последние десятилетия, с усилением позиций ислама, часть свадеб гидатлинцев проходит в виде свадебных мавлидов.

Таким образом, свадебные обряды гидатлинцев вплоть до 1990-х гг. проводились в основном по традиционному сценарию. Он представлял собой театрализованное представление, состоящее из предсвадебных, свадебных и послесвадебных ритуалов. Отдельные обряды донесли до нас древние формы брака. В последние десятилетия под влиянием глобализации и урбанизации в свадебном ритуале гидатлинцев появились новые составляющие.

Родильные обряды. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка, у гидатлинцев отличаются крайним консерватизмом и сохраняют множество магических ритуалов, рациональных и иррациональных приемов народной медицины, направленных на защиту младенца и его матери от сглаза, злых духов и болезней. С организацией в годы советской власти квалифицированной медицинской помощи и медицинских учреждений в горах, патронажа медперсоналом рожениц и их детей большинство магических обрядов было предано забвению.

Как отмечал Г.Ф. Чурсин, у аваров, как и у других народов, роды окружаются разного рода магическими предосторожностями и обрядами. Почувствовав себя беременной, женщина никому не говорит об этом; разглашать это считается неприличным. Возможно, что в этом сказывается боязнь вредных чар недоброжелателей, сглаза и т.п. [18: 24].

При трудных родах для их облегчения применяли приемы народной медицины. Как указывает С.Ш. Гаджиева, при трудных

родах гидатлинцы давали роженице пить воду из панциря черепахи, окуривали ее дымом от костра, в котором горела полынь, обвязывали поясом другой женщины, родившей девочку [8: 275]. Роженице для восстановления сил давали есть приправленную топленным маслом и медом и сваренную на компоте из кураги мучную кашу (*куракудул хИичи*).

Сразу же после родов ребенка укладывали в люльку *кини*. Как у большинства кавказских народов, у гидатлинцев рождение мальчика гораздо больше радовало родителей, чем рождение девочки. На то, что «аварцы очень любят своих детей, особенно мальчиков, появление на свет которых приветствуется выстрелами в аулах Гидатля» [10: 69], обратила внимание и К. Козлова.

Как и другие горцы Северного Кавказа [5: 273–278], большое значение гидатлинцы придавали наречению имени. Как указывал Г.Ф. Чурсин, «имя новорожденному выбирает отец. Он сообщает выбранное имя мулле, и тот три раза кричит это имя ребенку в ухо. Всякий родственник может предложить отцу ребенка дать ему имя того или иного товарища или друга. В таких случаях отец обычно уступает желанию родственника. При продолжительной болезни ребенка, когда он остается худым и слабым, нередко меняют данное ребенку имя на другое. Кроме обычных мусульманских имен, довольно часто еще можно встретить старинные народные имена» [18: 27].

В наше время у гидатлинцев популярны следующие традиционные и мусульманские мужские и женские имена: ГитИино, Тируч, Учар, Адало, Суракъбат, Хочбар, Мухаммад, Ахмед, Рамазан, Али, Гаджи, Гасан, Гусейн, Халид, Расул, Хабиб; Меседо, БатИина, Патина, Булбул, Макка, Мадина, Аминат, Хадижат, Халимат, Зайнаб, Рукъбият, Райсат. В последние годы некоторых девочек называют и интернациональными именами — Камила, Анжела и др. По случаю имянаречения устраивается семейное торжество, на которое приглашают родственников и соседей. Кормили младенца грудным молоком до полутора-двух лет, а иногда и дольше, считая, что от него ребенок вырастет здоровым и крепким.

Спустя 40 дней после рождения ребенка проводили стрижку утробных волос. Стриг ребенка его отец, бабушка или любой родственник мужского пола. Остриженные волосы прятали в хлеву

в щелях между камнями стены или под притолокой. По случаю первой стрижки волос соседским детям раздавали сладости. Особые обряды и обычаи бытовали при появлении у ребенка первого зуба, первых его шагах и при обрезании. Во время этих значимых для жизни ребенка событий варили особую злаково-бобовую кашу (*гби*) с сушеным говяжьим или бараньим мясом на кости, посыпанную сверху тертым сыром, и угощали ею родственников и соседей.

При первых шагах ребенка меж его ног прокатывали лепешку, которую затем разламывали и раздавали детям. Первый выпавший зуб клали в мышиную нору, а состриженные ногти зарывали в землю. Обрезание мальчикам в возрасте семи лет совершал местный лекарь *сюнечи*. В наше время эту процедуру проводит в медицинском учреждении детский хирург.

Итак, родильная обрядность гидатлинцев сохранила большой пласт магических верований, направленных на сохранение жизни и здоровья матери и новорожденного. Множество описанных нами родильных обрядов, обычаев и верований гидатлинцев [22] встречается и у других народов Дагестана [20]. Следует отметить, что большинство представленных здесь обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребенка, сохранялось у гидатлинцев вплоть до начала 1990-х гг., а некоторые (укладывание ребенка в люльку, наречение имени, стрижка первых утробных волос, появление первого зуба и выпадение молочных зубов, обряды при первых шагах, проведение обрезания) существуют и до сих пор. В последние десятилетия появился обычай торжественной встречи матери и новорожденного при их выписке из роддома. Становится традицией отмечать дни рождения детей. Рождение девочки воспринимается отцами не так болезненно, как раньше, а является желанным.

Похоронные обычаи и обряды. Традиционные похоронные обряды у гидатлинцев, как и у других аварцев [2: 94–100] и народов Дагестана [7], носят консервативный характер. В них доминируют мусульманские религиозные установления. На это обстоятельство обратил внимание Г.Ф. Чурсин: «Похоронные обычаи аваров носят общемусульманский характер, сохранив лишь некоторые народные особенности» [18: 46].

Покойника сразу же обмывают, заворачивают в саван и кладут на носилки. При оплакивании умершего женщины-плакальщицы просят его передать привет и новости своим ранее умершим родственникам. Носилки с мужчиной покрывают сверху буркой, а с женщиной — тканью темного цвета. Хоронят умершего на кладбище в тот же день. В похоронах принимают участие все мужчины села. Могилу роют глубиной в рост человека. Длину покойника меряют палкой, которую после погребения умершего ломают надвое и кладут в могилу. В течение 40 дней (сейчас одной-двух недель) после похорон у могилы мулла читает суры из Корана. На третий («рукъи кьолеб кьо»), седьмой («себе жо лъунаб кьо» ‘день угощения’) и сороковой («чинт бахинаб кьо») дни после похорон устраиваются поминки («чи рукъи»).

Родственники покойного держат траур 40 дней, во время которых мужчины не бреются, а женщины носят одежду черного цвета. Они же не посещают увеселительных мероприятий. В течение этих дней все мужчины *тухума* ‘рода’ умершего ходят молиться на его могилу.

Вплоть до 1990-х гг. во время траура при посещении кладбища мужчины в любую погоду надевали шубу-накидку *Клач* с пелериной. Женщины при посещении могил усопших в пятницу и в дни религиозных праздников снимали с себя серебряные (*Глариул ручел*) или кожаные (*тохьол ручел*) пояса и оставляли их у ворот кладбища.

Несмотря на доминирование в похоронном ритуале мусульманских религиозных правил, в нем все еще проявляются следы доисламских верований. К последним можно отнести обычай передавать с покойником вести ранее умершим, его громкое оплакивание (не приветствуется в исламе), различие в сроках (3-й, 7-й и 40-й дни) траура и поминок (у мусульман — только первые три дня), обычай ношения в траур шубы и одежды черного цвета.

Итак, можно констатировать, что похоронно-поминальные обряды гидатлинцев имеют синкретический характер и представляют собой синтез господствующих мусульманских религиозных канонов и некоторых традиционных верований.

Таким образом, исследование обрядов жизненного цикла у гидатлинцев показало их синкретизм, доминирование в них

традиционных элементов, усиливающихся исламских и некоторых новых обычаев. Традиционные элементы преобладают в свадебных и родильных обрядах, а мусульманские — в похоронных, что можно объяснить устойчивостью домонотеистических верований, спецификой исповедуемого гидатлинцами и большинством дагестанцев суфийского течения ислама, особенностями их этнической психологии и менталитета, характеризующегося консерватизмом и приверженностью к традиционному укладу жизни. В то же время в последние десятилетия под влиянием глобализации и урбанизации в обрядах жизненного цикла гидатлинцев появились новые обычаи, которые органически вплелись в их семейно-бытовую обрядность.

Источники и литература

1. Агларов М.А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности андийцев в XIX в. // Советская этнография. 1964. № 6. С. 130–137.
2. Алигаджиева З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX начале — XX в.: изд. 2-е, доп. Махачкала, 2012.
3. Алигаджиева З.А. Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации) / отв. ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала, 2015.
4. Асиятилов С.Х. Гидатль — талисман мой, совесть моя: политический портрет. Махачкала, 2002.
5. Бесаева Т.З. Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа / отв. ред. В.С. Никонов. Махачкала, 1976. С. 273–278.
6. Бутаев И.Ч. Гидатль: исторические этюды. Махачкала, 2013.
7. Гаджиев Г.А. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. / отв. ред. М.-З.О. Османов. Махачкала, 1980. С. 29–46.
8. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. / отв. ред. А.И. Першиц. М., 1985.
9. Дибиров М.А. Традиционные обряды и обычаи в современной гидатлинской свадьбе // Брак и свадебные обычаи народов

современного Дагестана / отв. ред. М.А. Агларов, сост. Б.М. Алимова: сб. ст. Махачкала, 1988. С. 118–130.

10. Козлова К. Этнографический очерк «Поселения и жилища аварцев». 1945 г. // Научный архив Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32.

11. Мадюкова С.А. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6. Вып. 3. С. 115–120.

12. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала, 2006.

13. Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала, 2007.

14. Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахибского района // Советская этнография. 1946. № 2. С. 193–197.

15. Сергеева Г.А. Свадебные обряды и обычаи народов Ботлихского района Дагестана // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой / сост., отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М., 2016. С. 31–47.

16. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М., 1983.

17. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

18. Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / науч. ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала, 1995.

19. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Грабовского. М., 1994.

20. Bulatov B., Seferbekov M., Seferbekov R. On Childbirth Rituals in Modern Dagestani Cities: Islam, Traditions, Innovations // Iran and the Caucasus. 2020. № 24 (3). P. 298–308.

21. Gennep A. van. Les rites de passage : étude systématique des rites de la porte et du seuil; de l'hospitalité; de l'adoption etc. Paris, 1909.

22. Osmanov A., Seferbekov M., Seferbekov R. On Some Pre-Islamic Beliefs among the Gidatli-Avars // Iran and the Caucasus. 2018. № 22 (2). P. 155–159.

А.В. Дюкарев, И.А. Дюкарева

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЛОКАЛЬНОЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ: КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1990–2020-е гг.)

Историческая память стабильно остается в фокусе внимания как историков, культурологов, социологов, занимающихся теоретическим осмыслением этого феномена, так и политиков и политтехнологов, реализующих практический эффект знаний о прошлом. Сложившаяся ситуация наглядно иллюстрируется словами Е.Е. Вяземского: «В современном российском обществе изменяется восприятие исторического знания, которое сегодня выступает не в форме констатации абстрактной научной истины, а как способ утверждения определенного ценностного и методологического выбора, определенной исторической версии, определенной интерпретации прошлого» [3: 90–91].

Среди множества охватываемых исторической памятью научных направлений актуальным является рассмотрение этнических и региональных особенностей ее функционирования. Пространство Северного Кавказа, представляющее собой сложную систему исторических, этнических, политических связей и противоречий, имеет свою специфику памяти о прошлом.

В системе взаимодействующих друг с другом и развивающихся в пространстве Северного Кавказа народов представлены кубанские и терские казаки. И если этнический статус северокавказских народов ни у кого не возникает сомнений, то вопрос этнической природы казачества достаточно дискусионен. Однако при этом казачество, и терское, и кубанское, является легитимным субъектом регионального и социального пространства Северного Кавказа. Как справедливо было отмечено, «современное русское население Северного Кавказа всё чаще рассматривалось в контексте возрождения в конце XX — начале XXI вв. такой социальной группы, как казачество, активно заявившей о своих не только культурных, но и политических и экономических интересах,

а на региональном уровне прямо поставившей вопрос о власти и продемонстрировавшей самые разнообразные формы политической активности. Казачий вопрос на современном этапе развития российского общества является одним из самых острых и неоднозначных» [9: 90].

Обращаясь к изучению исторической памяти кубанского казачества, мы хотим выявить отличия и закономерности в контексте общего для всех субъектов Северного Кавказа исторического процесса. Для решения нашей исследовательской задачи необходимо обратиться к характеристикам, определяющим своеобразие формирования и трансляции исторической памяти: содержание (сюжеты и образы), основные акторы и механизмы.

Хронологические рамки (1990–2020 гг.) вместили процесс возрождения, которое прошло российское казачество, поиск своей идентичности и, соответственно, места в структуре современной России. Как отмечал атаман Кубанского казачьего войска В.П. Громов, являющийся одним из архитекторов казачьего возрождения: «...казачество прошло сложный путь — от общественных организаций до казачьих обществ, включенных в Государственный реестр. Это были годы успехов — но и ошибок. Годы поиска казачеством достойного места в современном меняющемся мире» [5].

В начале 1990-х гг. кубанское казачество в поисках своей идентичности в качестве исторического основания своему возрождению видело советский период, только что прожитый, разрушенный и отторгаемый как пространство травматической памяти. Рассматривая влияние современного казачьего движения на формирование исторической памяти на Юге России, А.В. Венков обращал внимание что, «подавляющее большинство казаков, в духе того времени, обратило внимание как раз на “несправедливые репрессии”. Естественно, коллективная память о совместно перенесенном несчастье сплачивает сообщество» [2: 174].

В противовес советскому периоду притягательным и овеянным романтическим ореолом виделся дореволюционный, имперский период, который во многом и стал поставщиком образов и сюжетов для конструирования исторической памяти новейшего времени.

Кубанское казачество прошло длительный исторический путь, в ходе которого менялся его статус, характер взаимоотношений с государством, территория существования. Неизменными оставались война, военное служение как изначальный и неизменный смысл существования казачества.

Все военные кампании Российской империи в конце XVIII — начале XX вв. проходили при непосредственном участии полков и батальонов черноморских, а затем кубанских казаков. Соответственно, в исторической памяти кубанского казачества военные сюжеты занимают центральное место. Но при этом образ войны в сознании кубанского казачества находится в зависимости как от исторической политики, так и от исторической памяти [6].

Содержание современной исторической памяти кубанского казачества воплощается в реализуемых мемориальных практиках. Как отмечает Е.Ф. Кринко: «В настоящее время в мемориальной культуре Юга России приоритет получают такие качества казачества, как военная служба, преданность православной вере, а также специфика казачьей культуры» [7: 130]. Помимо этого, к событийному ряду исторической памяти кубанского казачества относится травматический опыт Революции, Гражданской войны, расказачивания, репрессий 1930-х гг. Однако если в 1990-е гг. эти сюжеты являлись мобилизующими в процессе возрождения казачества, то в последующий период 2000–2020-х гг. политика памяти старалась избегать обращения к ним.

Акторами формирования исторической памяти кубанского казачества в период 1990–2020 гг. являлись органы государственной власти, общественные организации, как в лице современного Кубанского казачьего войска, так и относящиеся к другим сферам гражданской активности, частные лица. В 1990-е гг. Кубанское казачье войско, само проходя различные субъектные трансформации, сумело сформировать и повестку исторической памяти, и механизмы ее формирования и трансляции. В.П. Громов, атаман Кубанского казачьего войска в 1990–2008 гг. и один из акторов исторической памяти, отмечал, что большую роль в ее актуализации сыграли научное осмысление, организация исследований и конференций, выпуск литературы, мемориальные практики, внедрение в образовательную систему казачьего компонента [4].

Кубанское казачье войско является ведущим актором, формирующим свою модель исторической памяти, который разработал, апробировал и реализовал систему механизмов ее презентации обществу и внедрения в повседневное сознание. В данном случае необходимо учитывать, что за прошедший исторический период Кубанское казачье войско было интегрировано в систему структур государственной власти. Поэтому формирование исторической памяти кубанского казачества как локального этносоциального субъекта происходит в рамках жестких параметров государственной политики памяти, задаваемых федеральным центром. Соответственно элитарная руководящая группа Кубанского казачьего войска не имеет амбиций и возможностей использовать мобилизационный потенциал собственной исторической памяти для обсуждения вопроса об этничности казачества в прошлом и, соответственно, большей политической и экономической самостоятельности.

Другой актер, формирующий историческую память кубанского казачества, — это общественные организации первичного уровня гражданской активности и изредка частные лица, чья мотивация заключается в необходимости сохранения памяти о персоналиях или трагических событиях. В качестве примера такой деятельности можно назвать открытие мемориальных досок казакам, получившим Георгиевские кресты и медали с надписью: «За храбрость» в годы Первой мировой войны, в ст. Исправной Карачаево-Черкесской Республики 26 августа 2022 г. [1]. 24 января 2020 г. станице Пшехской состоялось освящение креста, воздвигнутого в память убитых в 1920 г. казаков [8].

Таким образом, можно отметить, что кубанское казачество как локальный этносоциальный субъект северокавказского пространства имеет свои особенности в формировании и трансляции исторической памяти. Сюжеты и образы войны в конструировании современной исторической памяти кубанского казачества занимают ключевое место. При этом на историческую память кубанского казачества также оказали влияние социальные катаклизмы XX в., расколовшие отечественное общество. Революция 1917 г., Гражданская война, советская модернизация 1920–1930-х гг., Великая Отечественная война дополнили

исторический опыт и историческую память кубанского казачества образом врага не только как чужака-иностранца, но и как врага-соотечественника.

Наблюдается выборочное наполнение содержания исторической памяти. Исторический контент основан на символах, сюжетах и образах героев войн императорской России с конца XVIII в. до 1917 г. и завершается событиями Первой мировой войны и подвигами советских кубанских казаков на фронтах Великой Отечественной войны.

Сюжеты, относящиеся к памяти травмы, — события Гражданской войны, рассказывание, репрессии 1930-х гг. — выведены в разряд второго плана и удалены из фокуса общественного внимания. Сюжеты казачьего коллаборационизма периода Второй мировой войны табуированы и не одобряемы для научного и общественного осмысления.

Краеугольным камнем при конструировании современной модели исторической памяти кубанского казачества остается вопрос определения его этнической или социальной идентичности, который фактически заморожен и также не одобряем для общественной дискуссии. Это закрывает потенциальные возможности реализации политических и экономических интересов кубанского казачества как самостоятельного субъекта в пространстве Северного Кавказа в частности и общероссийского в целом.

Источники и литература

1. В станице Исправной открыли мемориальную доску казакам — георгиевским кавалерам // Благословенный Кавказ. URL: <https://blago-kavkaz.ru/20715> (дата обращения: 16.09.2022).

2. Венков А.В. Влияние современного казачьего движения на формирование исторической памяти в регионе // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 4. С. 172–185.

3. Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.

4. Громов В.П. Возрождение Кубанского казачества и его влияние на культурную жизнь Кубани // Якаевские чтения 2019. Научное наследие Ф.А. Щербини: казачество и история Кавказа: сборник

материалов XIX Междунар. научно-практической конференции (г. Краснодар, 11–12 февраля 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 140–156.

5. Громов В.П. Пробуждение исторической памяти и возрождение Кубанского казачества. URL: <http://www.slavakubani.ru/kazachestvo/fame-cossack/scherbina-f-a/probuzhdenie-istoricheskoy-pamyati-i-vozhzhdenie-kubanskogo-kazachestva/> (дата обращения: 16.09.2022).

6. Дюкарев А.В., Дюкарева И.А. Образ войны в сознании кубанского казачества: между исторической политикой и исторической памятью // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. О.В. Белоусова, Е.С. Сенявская. СПб., 2021. С. 87–92.

7. Кринко Е.Ф. Историко-культурное наследие казачества Юга России: практики мемориализации // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Крюков. Краснодар, 2015. С. 126–136.

8. Памятный крест в станице Пшехской // Фонд имени священника Илии Попова. URL: <https://popovfoundation.org/2020/01/30/> (дата обращения: 16.09.2022).

9. Синанов Б.А. Русское население Северного Кавказа как объект научных исследований в новейшей историографии // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. М., 2021. С. 90–109.

О.В. Рвачева

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ В КАЗАЧЬЕМ ВОЗРОЖДЕНИИ НА ЮГЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

История и память для казачьего возрождения в постсоветский период имели основополагающее значение. В конце 1980-х —

начале 1990-х гг., когда процесс оформлялся и набирал силу, обращение к прошлому давало историческую основу и скрепляло его. Исторические события, личности, традиции, ритуалы, культурные формы с самого начала стали неотъемлемой частью возрождения. Возрожденческий процесс распространился на многие регионы России. Обладая определенным культурным единством, он имел ряд общих мемориальных сценариев, которые повторялись в разных регионах, в разных казачьих сообществах, воспроизводивших свои исторические образцы. Вместе с тем существовали уникальные региональные наборы памятных событий и героев, в отношении которых вырабатывались свои коммеморативные практики. В этом отношении Юг России представляет собой пространство, где проявилось единство и разнообразие сюжетов и образов, формирующих политику памяти казачьего возрождения.

Как мы упомянули выше, движение за возрождение казачества демонстрировало особый интерес к прошлому с самого начала. В уставах всех возникших в начале 1990-х гг. казачьих организаций находим положения по восстановлению исторической правды в отношении казачества, по сохранению и возрождению казачьей истории и культуры. Формирование исторических представлений о развитии казачества считалось необходимым условием возрождения в конце XX в. История и конструируемая при ее помощи культурная память социальной общности должны были способствовать преодолению прерванной в советский период культурной трансляции, восстановлению / конструированию идентичности [11: 56–57].

В связи с тем что история казачества воспринималась всеми ее участниками прежде всего как военная история в широком смысле (участие в войнах, охрана границ, завоевание и освоение территории), то важнейшими мемориальными сюжетами становились события и исторические личности, так или иначе связанные с войнами. Казаки-герои, защитники Отечества — важнейший момент конструирования памяти общности и одновременно ключевая повестка политики памяти, формируемой участниками возрождения.

Время формирования, интенсивность популяризации ряда исторических событий и их участников позволяют выделить их

как ключевые места памяти, определявшие повестку политики памяти и имевшие важнейшее значение для возрожденческого процесса. На Юге России в качестве таких мест памяти можно выделить: донского атамана, героя Отечественной войны 1812 г. М.И. Платова, Азовское сидение донских казаков 1637–1642 гг., Кавказскую войну, Гражданскую войну.

Формирование мемориальных практик в отношении этих мест памяти происходило с 1990 г. В отношении каждого места памяти в рамках возрождения складывался и свой особый дискурс, закреплявший его восприятие участниками возрождения и транслировавший это восприятие всем остальным. Азовское сидение не только символизировало воинскую доблесть донских казаков, но и воспринималось как одно из первых исторических событий, когда казаки продемонстрировали свою роль защитников русской земли. Первой мемориальной практикой в отношении данного события в постсоветский период является прибытие в 1990 г. участников Первого всероссийского конного похода военно-исторических клубов в Монастырское урочище, где были захоронены казаки и в XIX в. сооружена часовня в память об осадном сидении казаков [8: 53]. Акция символизировала также и восстановление традиции крестного хода и панихиды по героям, которая поддерживалась донскими казаками с XVII по начало XX в. [7]. Азовское сидение относится к немногочисленным событиям казачьей истории, которые были не преданы забвению в советский период, а вписаны в систему памятных дат Гражданской войны и Великой Отечественной войны, о чем свидетельствовало открытие в 1974 г. мемориального комплекса в Монастырском урочище.

В 2000-х гг., в связи с усилением внимания к историко-патриотической тематике, мемориальная практика в отношении Азовского сидения сохраняется и расширяется. В 2005 г. Азовский музей-заповедник и Донской военно-исторический клуб впервые провели историческую реконструкцию событий Азовского осадного сидения донских казаков, ставшую главным событием военно-исторического фестиваля [14]. В 2021 г. фестиваль победил в одной из номинаций конкурса «Сокровища России», которое проводил журнал *National Geographic Traveler*, а в начале 2022 г.

донские казаки развернули масштабную акцию по включению этого фестиваля в номинацию «Событие года» проекта «Маршрут построен», реализуемого «Комсомольской правдой».

Личность М.И. Платова в пространстве коллективной памяти казачества объединяла память о казаках и память об Отечественной войне 1812 г. И в этом смысле М.И. Платов как место памяти объединял локальный и общегосударственный нарративы. В начале 1990-х гг. в Ростовской области был создан специальный общественный комитет по восстановлению памятника М.И. Платову в Новочеркасске. Деятельность комитета и установка памятника в 1993 г. являлись частью возрожденческого дискурса, но затем мемориальное значение атамана М.И. Платова вышло за пределы как локальной донской истории, так и возрожденческой мемориальной политики. Организованный в 2012 г. конный поход «Москва–Париж» в качестве одной из задач имел реконструкцию маршрута похода казаков Платова. Памятники атаману устанавливаются в Москве (2013 г.), Ростове-на-Дону (2015 г.). Его именем называют аэропорт в Ростове-на-Дону (2017 г.). Можно привести еще множество примеров коммеморации в отношении М.И. Платова в тех местах, к которым известный донской атаман имел косвенное отношение. Все это свидетельствует о том, что М.И. Платов к настоящему моменту является местом памяти не только для казаков.

Особое место в историческом нарративе и пространстве памяти казачества и Юга России в целом занимают две войны: Кавказская война и Гражданская война. Эти войны как места памяти отличаются внутренней конфликтностью, наличием спорных и неудобных фигур. Вписывание их в общий мемориальный ландшафт Юга России демонстрирует особый подход.

История формирования Кубанского казачьего войска напрямую связана с событиями Кавказской войны, и их коммеморация в возрожденческом процессе кубанских казаков также оказалась более выраженной, чем в других казачьих сообществах Юга России. Уже в первой половине 1990-х гг. складывается практика поминовений казаков, погибших в боях с горцами при защите станиц. Это Липкинские поминовения, посвященные героической обороне Георгиевского поста в 1862 г. В документах Кубанского

войска первой половины 1990-х гг., когда складывалась практика поминовений, отмечалось, что данные мероприятия проводятся в знак светлой памяти предков — казаков Кубани, погибших при ее защите [4: 76]. События Тиховских и Гречишкинских поминовений напрямую не связаны с событиями Кавказской войны. Здесь речь идет о защите казаками приграничных территорий от агрессии, направляемой с территории Османской империи. Однако в обоих случаях казаки сталкивались с отрядами горцев.

Если для казаков память о Кавказской войне и сопряженных с ней события была прежде всего героической, то для ряда северокавказских народов это память о трагедии, память-травма [13: 115]. Такое столкновение «памятей» периодически создает социально-политическую напряженность, как в случае с установкой памятника генералу А.П. Ермолову в Пятигорске в 2010 г. Если казачество высказалось о памятнике как о символе единства всех казаков Северного Кавказа [2], то со стороны представителей северокавказских народов реакция была негативная [6].

Особая ситуация сложилась вокруг Гражданской войны как места памяти. Для казаков данное историческое событие символизировало трагедию и связывалось с рассказыванием как физическим уничтожением представителей социальной общности. Участники возрождения нередко определяли рассказывание как геноцид. Такое отношение к Гражданской войне во многом определяло и политику памяти казачьего возрождения в начале 1990-х гг. В ключевых документах, таких как Декларация казачества России, принятая в 1990 г., проводится мысль о трагедии казачества и его истреблении в послереволюционный период и позже, в 1930-х гг. [9: 274–276]. На Юге России казаки выступали за переименование улиц и площадей, носивших имена руководителей большевиков. Создается новое пространство памятных дат и исторический нарратив, связанный с белым казачеством.

Главной памятной датой трагедии рассказывания стало 24 января 1919 г. — выход циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б), определявшего политику большевиков по отношению к казачеству. Данный документ считается основным в разворачивании террора против казаков, соответственно, 24 января стало местом памяти, символизирующим начало геноцида казаков. Несмотря

на то что события 1919 г. имели отношение к донским казакам, 24 января стало символом трагедии всего казачества. Мемориальные мероприятия в его отношении расширяются на протяжении всего возрожденческого процесса. Сложился определенный сценарий их проведения, включающий обязательную церковную службу, крестный ход, возложение венков к памятникам казакам. В последние годы мемориальные действия активизировались в интернет-пространстве в различных казачьих сообществах.

Кроме того, на Юге России у кубанских и терских казаков сложились и локальные мемориальные практики, ассоциированные с трагедией казачества в период Гражданской войны. В Кубанском казачьем войске к такому относятся поминания. Непосредственно с событиями Гражданской войны связаны Корниловские, Михайловские и Чамлыкские поминания. Первое из них является коммеморацией гибели генерала Л.Г. Корнилова, одного из руководителей Добровольческой армии, погибшего в апреле 1918 г. во время штурма Екатеринодара. Михайловские и Чамлыкские поминания — форма коммеморации трагических событий Гражданской войны, связанных с гибелью казаков в ходе ожесточенных боев с красными. Апшеронские и Даховские поминания связаны событиями 1920 г. и представляют собой память о расправах над казаками, которые учиняли отряды чрезвычайного назначения. В этом плане практика поминаний в Кубанском войске является наиболее распространенной среди других казачьих войск Юга России.

Свою специфику имеет мемориальная практика периода Гражданской войны у терских казаков. Местом памяти о трагедии терского качества называется выселение казачьих станиц в 1920 г., на некоторых сайтах можно встретить даже конкретную дату — 27 марта. В память о депортации терских казаков был насыпан курган и установлен православный крест в районе г. Беслан, на месте гибели казаков в ходе депортации. В начале 2000-х гг. обсуждался проект мемориала жертвам геноцида терского казачества [1]. Однако на сегодняшний день курган — единственное место памяти о трагедии терских казаков.

Исторические события вокруг трагедии 1920 г. потенциально создают разную память у терских казаков и представителей

северокавказских народов. Выселение казаков было связано с политикой выдавливания казачества с территории традиционного проживания и передачи их земель горским народам. В связи с этим мемориальная практика установки памятников казакам-основателям станиц является своего рода символическим возвращением казачьей территории. Так, в 2010 г. в г. Ардон Северной Осетии был открыт памятник казакам — основателям станицы Ардонской [5]. В 2017 г. в Ставрополе был открыт памятник казакам Хоперского полка, основавшим здесь станицу в конце XVIII в., а затем построившим Ставропольскую крепость [12].

Вместе с тем следует отметить и наличие мемориальных практик по созданию общего пространства памяти для казаков и северокавказских народов, которая стала складываться во втором десятилетии XXI в. Новым направлением здесь можно назвать конструирование Первой мировой войны как общего места памяти. Так, в 2014 г. в Адыгее был установлен День памяти о боевом содружестве горцев Адыгеи и казаков Кубани в годы Первой мировой войны, а в 2016 г. в Краснодаре воздвигли памятник «Славным сынам Отечества казакам и горцам — героям Первой мировой войны». В приветственном слове на открытии памятника глава Адыгеи отметил, что боевое содружество горцев и казаков в Первой мировой войне — это пример межнационального единства, а монумент является шагом к укреплению традиций добрососедства и понимания [3]. В 2018 г. в г. Ардон открылся мемориальный комплекс, посвященный георгиевским кавалерам станицы Ардонской и селения Ардон [10].

Мемориальная повестка Гражданской войны содержит и другие противоречивые моменты. Это неудобные фигуры ряда казачьих лидеров, впоследствии, в эмиграции, накануне и в ходе Второй мировой войны, вставших на сторону нацистской Германии (самым ярким примером здесь является донской атаман П.Н. Краснов), мемориальная практика в отношении красных казаков, сохраняющийся раскол на красных и белых среди казачества. Всё это не способствовало формированию последовательной политики памяти в отношении данного исторического события. В середине 2000-х гг. наблюдалась попытка инициировать коммеморацию по преодолению трудного прошлого Гражданской

войны. В 2005 г. в Новочеркасске был торжественно открыт памятник примирения и согласия, который можно рассматривать как символ трагедии народа и попытку примирения с этим прошлым через осознание этой трагедии. Однако широкого распространения такая практика не получила.

Итак, с началом возрождения казачества на Юге России складывается политика памяти, которая должна была работать на конструирование идентичности казачества, закреплять его присутствие в социально-культурном пространстве Юга России. Данная политика складывалась вокруг наиболее крупных событий казачьей истории, которые стали общими местами памяти казаков. Но вместе с тем в разных казачьих сообществах формировались локальные сценарии коммеморации событий казачьей истории. Наиболее выраженную форму — казачьих поминовений — приобрела такая коммеморация в Кубанском казачьем войске.

Источники и литература

1. В.П. Мемориал жертвам геноцида терского казачества // Станица. 2002. № 2 (38). С. 7.
2. Винниченко Т. В Пятигорске открыт памятник А.П. Ермолову // Кубанское казачье войско. URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/cossack-affairs/v-pyatigorske-otkryt-pamyatnik-a-p-ermolovu/> (дата обращения: 21.09.2022).
3. Глава Адыгеи принял участие в открытии нового памятника в Краснодаре // Аргументы и факты — Адыгея. 2016. 28 июля. URL: https://adigea.aif.ru/politic/details/glava_adygei_prinyal_uchastie_v_otkrytii_novogo_pamyatnika_v_krasnodare (дата обращения: 20.08.2022).
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 125.
5. Киреев Ф. В Ардоне открыт памятник основателям казачьей станицы // Осетия-Квайса. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/13-pamyat-serdca/v-ardone-otkryt-pamyatnik-osnovatelyam-kazachej-stanicy/> (дата обращения: 20.09.2022).
6. Костенко Е., Селезнева Е. Памятник генералу Ермолову в Пятигорске до сих пор вызывает противоречивые мнения //

Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/178797/> (дата обращения: 21.08.2019, доступ к информационному ресурсу ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

7. Мемориальный комплекс в монастырском урочище. Памятники Дона // Памятники Дона. Сайт защитников культурно-исторического наследия Ростовской области. URL: <https://www.voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/1703-2011-06-16-09-45-03> (дата обращения: 20.09.2022).

8. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного донского казачества: исследования и документы. Ростов н/Д., 2000.

9. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Ростов н/Д., 2002.

10. Писаренко В. В городе Ардон открыт мемориал Георгиевским кавалерам // Царьград. URL: <https://rusorel.info/v-gorode-ardon-otkryt-memorial-georgievskim-kavaleram/> (дата обращения: 20.09.2022).

11. Рвачева О.В. Возрождение казачества юга России в конце XX — начале XXI века. Волгоград, 2021.

12. Сокорева Е.В. Ставрополе открыли памятник казакам, основавшим краевую столицу // Комсомольская правда. 2017. 20 сентября. URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/2874029/> (дата обращения: 21.09.2022).

13. Урушадзе А.Т. Помнить–нельзя–забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и в российском пространстве коммеморации // Политическая наука. 2018. № 3. С. 106–128.

14. Фестиваль «Осада Азова» // Азовский музей-заповедник. URL: <https://www.azovmuseum.ru/festival.php> (дата обращения: 20.09.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абайханова Патия Исмаиловна* — кандидат исторических наук (Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск)
- Абдусаламов Магомед-Паши Балашович* — кандидат исторических наук (Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала)
- Авдеев Евгений Александрович* — кандидат философских наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Аверьянов Антон Викторович* — доктор исторических наук (Институт истории и международных отношений ЮФУ, г. Ростов-на-Дону)
- Авксентьев Виктор Анатольевич* — доктор философских наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Агрба Илона Всеволодовна* — кандидат исторических наук (Абхазский государственный университет, г. Сухум)
- Адиев Асланбек Залимханович* — кандидат политических наук (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)
- Акопян Виктор Завенович* — кандидат исторических наук (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)
- Акопян Завен Викторович* (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)
- Баранов Андрей Владимирович* — доктор исторических наук, доктор политических наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Батчаев Шамиль Мухтарович* — кандидат исторических наук (Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск)
- Бегуев Сулейман Ахьятьевич* (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Бесолов Владимир Бутусович* (Северо-Кавказский академический центр Международной академии архитектуры, г. Владикавказ)

- Боголюбов Александр Александрович* — доктор гуманитарных наук (Клуб любителей польского языка и культуры при Союзе поляков на Кавказских Минеральных Водах, г. Пятигорск)
- Бугаев Абдулла Махмудович* — кандидат исторических наук (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Воробьев Сергей Михайлович* — кандидат политических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Гаджиева Наргиз Маарифовна* (Институт истории им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку)
- Гапуров Шахрудин Айдиевич* — доктор исторических наук (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Гегия Елана Геннадиевна* (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, г. Сухум)
- Горюшина Евгения Михайловна* — кандидат политических наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Гриценко Галина Дмитриевна* — доктор философских наук (ЮНЦ РАН, г. Ставрополь)
- Гурин Александр Георгиевич* (Русская православная церковь, Пятигорская и Черкесская епархия, архиерейское подворье, собор Святого Николая Чудотворца г. Черкесска)
- Гучетль Зухра Хачмафовна* — кандидат социологических наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)
- Джабраилов Юсуп Джабраилович* — кандидат политических наук (Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)
- Дударев Сергей Леонидович* — доктор исторических наук (Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир)
- Дюкарев Андрей Викторович* — кандидат исторических наук (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), г. Таганрог)

- Дюкарева Ирина Анатольевна* (независимый исследователь, г. Краснодар)
- Ермоленко Людмила Павловна* — кандидат исторических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Ерохин Алексей Михайлович* — доктор социологических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Жеребцов Игорь Любомирович* — доктор исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)
- Иванова Светлана Юрьевна* — доктор философских наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Камбиев Арсен Мухамедович* (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (филиал), г. Нальчик)
- Кидирниязов Даниял Сайдахмедович* — доктор исторических наук (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)
- Кипкеева Зарема Борисовна* — доктор исторических наук (Северо-Кавказская государственная академия, г. Ставрополь)
- Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна* — кандидат исторических наук (Ингушский государственный университет, г. Магас)
- Колесникова Марина Евгеньевна* — доктор исторических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Колосовская Татьяна Александровна* — доктор исторических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Кратова Наталья Васильевна* — кандидат исторических наук (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск)
- Кринко Евгений Фёдорович* — доктор исторических наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

- Кропачев Сергей Александрович* — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)
- Крючков Игорь Владимирович* — доктор исторических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Кузьминов Петр Абрамович* — доктор исторических наук (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик)
- Кулиш Наталья Юрьевна* (Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)
- Курмансеитова Аминат Хасановна* — кандидат исторических наук (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск)
- Кускарова Ольга Ивановна* — кандидат социологических наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)
- Магомедова Муслимат Алхилаевна* — кандидат философских наук (Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)
- Орешин Сергей Александрович* — кандидат исторических наук (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва)
- Осмаев Аббаз Догиевич* — доктор исторических наук (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный)
- Рвачева Ольга Владимировна* — кандидат исторических наук (Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Волгоград)
- Рожков Александр Юрьевич* — доктор исторических наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Салакая Сослан Шотаевич* — кандидат исторических наук (ГНУ НИЦ «Абхазская энциклопедия», Абхазский государственный университет, г. Сухум)

- Сефербеков Руслан Ибрагимович* — доктор исторических наук (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)
- Скорик Александр Павлович* — доктор исторических наук, доктор философских наук (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск)
- Степаненко Никита Сергеевич* (Гимназия № 40, г. Краснодар)
- Сулаберидзе Юрий Семёнович* — кандидат исторических наук (Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси)
- Султанбеков Рабадан Магомедович* — кандидат исторических наук (Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала)
- Сундукова Карина Асланбековна* (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик)
- Танайлова Валентина Александровна* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва)
- Таскаев Михаил Владимирович* — кандидат исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)
- Татаринов Игорь Евгеньевич* — кандидат исторических наук (Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск)
- Ткаленко Никита Сергеевич* (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)
- Ткаченко Дмитрий Сергеевич* — доктор исторических наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Туфанов Евгений Васильевич* — доктор исторических наук (Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь)
- Федина Ирина Михайловна* — кандидат исторических наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Хаджиева Мадина Хамитовна* — кандидат исторических наук (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»

институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, г. Карачаевск)

Хубулова Светлана Алексеевна — доктор исторических наук (Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки))

Чотчаев Дахир Джансохович (Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск)

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна — доктор социологических наук (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)

Эдиев Далхат Мурадинович — доктор физико-математических наук (Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (академик *Г.Г. Матишов*).....5

Раздел I. Современные подходы и новые источники в изучении истории Кавказа в XIX–XXI вв.

- Ткаченко Д.С.* Имперский нарратив о Кавказе в контексте
общевропейских колониальных концепций XIX в.7
- Колосовская Т.А.* Об исследовательских практиках офицеров
Генерального штаба на Северном Кавказе в XIX в.16
- Ермоленко Л.П., Колесникова М.Е.* Из истории краеведения
Северного Кавказа (вторая половина XIX – первая треть XX в.).....23
- Сулаберидзе Ю.С. М.А.* Полиевктов и российское
востоковедение-кавказоведение 1920–1930-х гг.33
- Дударев С.Л.* Из истории поляков на Северном Кавказе
в XIX–XX вв. (по материалам семейного архива
и воспоминаниям членов семей Домогатских–Яблонских).....42
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Исследователь А.А. Цембер:
от Усть-Сысольска до Пятигорска
(основные вехи жизненного пути).....51
- Бугаев А.М., Гапуров Ш.А.* Дискуссионные проблемы национально-
государственного строительства на Северном Кавказе57
- Кринко Е.Ф.* Национальная политика и национально-
государственные преобразования на Кавказе
в 1917–1950-х гг. в оценках современной историографии.....66
- Баранов А.В.* Источники о национальной политике
РКП(б) — ВКП(б) на Северном Кавказе
(1921–1924 гг.) в фондах Центра документации
новейшей истории Краснодарского края75
- Абайханова П.И.* Исследование политических репрессий
в СССР (1930–1940-е гг.) как неотъемлемая часть
исторического кавказоведения84

Раздел II. Социально-экономические и демографические процессы на Кавказе в XIX–XX вв.

- Курмансеитова А.Х.* Потомки ногайского князя Мусы Тоганова
на военной службе России (по материалам
«Актов Кавказской археографической комиссии»)93
- Степаненко Н.С.* Законодательное регулирование службы
российских офицеров из числа коренных народов
Северного Кавказа в 1830–1860-е гг.101

<i>Батчаев Ш.М.</i> Отмена крепостного права в Карачае: ход, итоги, последствия	109
<i>Гаджиева Н.М.</i> Из истории гиганта кавказской ткацкой промышленности — текстильной фабрики Гаджи Зейналабдина Тагиева	115
<i>Эдиев Д.М.</i> Возрастная аккумуляция как источник данных о традиционных системах счисления народов Кавказа	120
<i>Кокорхоева Д.С.</i> Этнодемография народов Северного Кавказа в контексте советского федерализма 1920–1930-х гг.	127
<i>Рожков А.Ю.</i> Молодое поколение Северо-Кавказского края: штрихи к портрету (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)	135
<i>Кропачев С.А.</i> Эволюция институтов семьи, брака и социальной роли женщины в Советской России 1920-х гг.	144
<i>Кузьминов П.А., Сундукова К.А.</i> Планы и решения ГОЭЛРО в Кабардино-Балкарии в первой трети XX в.	154
<i>Хубулова С.А.</i> Малые города Северной Осетии как социально-экономический феномен советской эпохи	163

Раздел III. Опыт национально-государственного строительства и общественно-политические процессы на Кавказе в XX в.

<i>Камбиев А.М.</i> Государственное строительство на Северном Кавказе (Терская и Дагестанская области в 1917–1921 гг.)	170
<i>Бегуев С.А.</i> Религиозные лидеры Чечни и их роль в политических процессах на Тереке 1917 г.	175
<i>Салакая С.Ш.</i> Борьба вокруг статуса Абхазии после установления советской власти	181
<i>Агрба И.В.</i> Роль экономического фактора в политической борьбе за Абхазию в 1917–1921 гг.	188
<i>Аверьянов А.В.</i> Модели советского национального строительства на Дону и Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.: некоторые аспекты	194
<i>Туфанов Е.В.</i> Кадровая политика Советского государства в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа)	204
<i>Осмаев А.Д.</i> Шароевский округ Чеченской автономной области в 1925 г.	209
<i>Акопян В.З., Акопян З.В.</i> Почему Георгиевск и Минеральные Воды в 1934 г. не стали центрами Северо-Кавказского края	219
<i>Гегия Е.Г.</i> Общественно-политические процессы в Абхазии во второй половине 1970-х гг.	226

<i>Орешин С.А.</i> Эволюция политического режима Чеченской Республики Ичкерия. 1992–1999 гг.	231
--	-----

Раздел IV. Социокультурные преобразования и религиозная политика на Кавказе

<i>Чотчаев Д.Д.</i> Образование как фактор интеграции народов Северного Кавказа и России в XIX — начале XX в. (на материалах Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии).....	239
<i>Гурин А.Г.</i> Взаимоотношения советской власти и Русской православной церкви на территории современной Карачаево-Черкесии в 1918–1940 гг.	249
<i>Ерохин А.М., Воробьев С.М.</i> Советская модернизация Северного Кавказа: социокультурный аспект.....	258
<i>Хаджиева М.Х.</i> Карачаевская женская одежда в 1920–1930-е гг. в контексте ее исторического развития.....	266
<i>Шахбанова М.М.</i> Языковая политика советской власти (на примере Дагестана)	275
<i>Кулиш Н.Ю.</i> К вопросу об организации культпросветработы с населением: опыт Ленинского учебного городка 1930–1931 гг. (по материалам очерка С. Воробьева «Дети, достойные своих отцов»)	282
<i>Кратова Н.В.</i> Участие Духовного управления мусульман Ставропольского края в обсуждении проекта Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» 1990 г.	290
<i>Адиев А.З.</i> Религиозная политика в Дагестане	299
<i>Бесолов В.Б.</i> Концепция фамильно-родовой принадлежности древних кавказских поселений и стратегия этнокультурного развития горских народностей в биосфере Большого Кавказа	306

Раздел V. Кавказ в системе геополитических интересов мировых и региональных держав. Вооруженные конфликты и их последствия

<i>Боголюбов А.А.</i> Кавказ в сфере геополитических интересов Польши	315
<i>Кидирнязов Д.С., Абдусаламов М.-П.Б.</i> Внешнеполитический курс дагестанских владетелей в период упадка державы Сефевидов (1707–1721 гг.).....	322
<i>Ткаленко Н.С.</i> Антироссийские действия Османской империи на Северо-Западном Кавказе в начале 1830-х гг.	331
<i>Султанбеков Р.М.</i> К вопросу о походе З.С. Манюкина в Уркарах.....	339
<i>Скорик А.П., Федина И.М.</i> Лабинская кордонная линия как опорный рубеж в освоении Закубанья	346

<i>Кипкеева З.Б.</i> Карачай в сфере русско-турецких отношений в XIX — начале XX в.	355
<i>Татаринов И.Е.</i> 395-я «шахтерская» стрелковая дивизия в боях за освобождение Таманского полуострова (сентябрь – октябрь 1943 г.).....	365
<i>Горюшина Е.М.</i> Особенности мемориализации войн на Северном Кавказе в постсоветский период.....	372
<i>Танайлова В.А.</i> Детский текст как источник для исследования травмы (на примере школьных сочинений о войне в Чечне).....	378
<i>Крючков И.В.</i> Вторая Карабахская война 2020 г. и внешнеполитические приоритеты Франции на Южном Кавказе....	386

Раздел VI. Северный Кавказ в XXI в.: новые вызовы и решения

<i>Авксентьев В.А.</i> Этнополитические процессы в Центральном Предкавказье: динамика, прогнозы, позитивные практики (на материалах Ставропольского края и Карачаево-Черкесии).....	397
<i>Гриценко Г.Д.</i> Опыт позитивных практик в управлении этнонациональными процессами на Северном Кавказе (на примере Чеченской Республики)	406
<i>Авдеев Е.А.</i> Российская идентичность молодежи Северного Кавказа: интегрирующие смыслы и символы	411
<i>Магомедова М.А.</i> Проблемы роста социальной напряженности на Северном Кавказе как угрозы межнациональному согласию ...	421
<i>Иванова С.Ю.</i> Влияние миграционных процессов на социально-политическое развитие Северного Кавказа	427
<i>Гучетль З.Х., Кускарова О.И.</i> Миграционные процессы и их влияние на состояние межнациональных отношений в Республике Адыгее (на материале социологического исследования)	433
<i>Джабраилов Ю.Д.</i> Общественные запросы и оценки развития этнических языков в Дагестане.....	441
<i>Сефербеков Р.И.</i> Современный брак и семейно-бытовые обряды аварцев-гидатлинцев: традиции и инновации	450
<i>Дюкарев А.В., Дюкарева И.А.</i> Особенности функционирования исторической памяти локальной этносоциальной группы: кубанское казачество в пространстве Северного Кавказа (1990–2020-е гг.).....	460
<i>Рвачева О.В.</i> Мемориальные события в казачьем возрождении на Юге России: региональная специфика и общие тенденции	465
Сведения об авторах.....	474

TABLE OF CONTENTS

Foreword (Academician RAS <i>Matishov, G.G.</i>)	5
Chapter 1. Modern approaches to and new sources within the study of the history of the Caucasus in the 19th and 21st centuries	
<i>Tkachenko, D.S.</i> Imperial narrative of the Caucasus in the context of the all-European colonial concepts of the 19 th century	7
<i>Kolosovskaya, T.A.</i> On the research practices of the General Staff officers in the Northern Caucasus in the 19 th century.....	16
<i>Ermolenko, L.P., Kolesnikova, M.E.</i> From the history of the regional studies of the Northern Caucasus (the second half of the 19 th — the first third of the 20 th centuries)	23
<i>Sulaberidze, Yu.S. M.A.</i> Polievktov and the Russian Oriental-Caucasian Studies in the 1920s–1930s.....	33
<i>Dudarev, S.L.</i> From the history of the Poles in the Northern Caucasus in the 19 th and 20 th centuries (based on materials from the family archive and memoirs of the Domogatsky–Yablonsky family members)	42
<i>Zherebtsov, I.L., Taskaev, M.V.</i> Researcher A.A. Tsember: from Ust-Sysolsk to Pyatigorsk (the milestones in life’s journey).....	51
<i>Bugaev, A.M., Gapurov, Sh.A.</i> Debatable problems of nation-ethnic-state building in the Northern Caucasus.....	57
<i>Krinko, E.F.</i> National policy and nation-ethnic-state transformations in the Caucasus in the 1917–1950s in the estimates of modern historiography.....	66
<i>Baranov, A.V.</i> Sources on the national policy of the Russian Communist Party (the Bolsheviks) (RKP(b)) — The All-Union Communist Party (the Bolsheviks) (VKP(b)) in the Northern Caucasus (1921–1924) in the collections of the Centre for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Territory (Krai).....	75
<i>Abaykhanova, P.I.</i> Study of political repressions in the USSR (1930s–1940s) as an integral part of the historical Caucasian studies.....	84
Chapter 2. Socioeconomic and demographic processes in the Caucasus in the 19th and 20th centuries	
<i>Kurmanseitova, A.Kh.</i> Descendants of the Nogai Prince Musa Toganov in the military service of Russia (based on the “Acts of the Caucasian Archaeographic Commission”)	93
<i>Stepanenko, N.S.</i> Legislative regulation of the service of the Russian officers from among the indigenous peoples of the Northern Caucasus in the 1830s–1860s	101

<i>Batchaev, Sh.M.</i> Abolition of serfdom in Karachay: course, results, and consequences	109
<i>Gadzhieva, N.M.</i> From the history of the giant of the Caucasian weaving industry—the textile factory of Haji Zeynalabdin Tagiyev	115
<i>Ediev, D.M.</i> Age accumulation as a source of data on traditional number systems of the peoples of the Caucasus	120
<i>Kokorkhoeva, D.S.</i> Ethnodemography of the peoples of the Northern Caucasus in the context of the Soviet federalism in the 1920s–1930s ...	127
<i>Rozhkov, A.Yu.</i> Young generation of the North Caucasus Krai: touches to the portrait (based on the materials of the All-Union population census of 1926).....	135
<i>Kropachev, S.A.</i> Evolution of the institutions of family and marriage and the social role of women in the Soviet Russia in the 1920s.....	144
<i>Kuz'minov, P.A.</i> Plans and decisions of the State Commission for the Electrification of Russia (GOELRO) in Kabarda and Balkaria in the first third of the 20 th century	154
<i>Khubulova, S.A.</i> Small towns of North Ossetia as a socio-economic phenomenon of the Soviet era.....	163

Chapter 3. Experience and practices of the nation-ethnic-state building and socio-political processes in the Caucasus in the 20th century

<i>Kambiev, A.M.</i> State building in the Northern Caucasus (Terek and Dagestan regions in 1917–1921)	170
<i>Beguev, S.A.</i> Religious leaders of Chechnya and their role in the political processes in the Terek Region in 1917	175
<i>Salakaya, S.Sh.</i> Struggle over the status of Abkhazia after the establishment of the Soviet power	181
<i>Agrba, I.V.</i> Role of the economic factor in the political struggle for Abkhazia in 1917–1921	188
<i>Aver'yanov, A.V.</i> Models of the Soviet nation-ethnic-building in the Don Region and in the Northern Caucasus in the 1920s–1930s: some aspects of the issue	194
<i>Tufanov, E.V.</i> Personnel policy of the Soviet state in the 1920s–1930s (based on the Northern Caucasus materials)	204
<i>Osmaev, A.D.</i> Sharoevsky District of the Chechen Autonomous Region in 1925.....	209
<i>Akopyan, V.Z.</i> Why Georgievsk and Mineralnye Vody did not become the centers of the North Caucasus Krai in 1934?	219
<i>Gegia, E.G.</i> Socio-political processes in Abkhazia in the second half of the 1970s	226

<i>Oreshin, S.A.</i> Evolution of the political regime of the Chechen Republic of Ichkeria. 1992–1999.....	231
--	-----

Chapter 4. Socio-cultural transformations and religious policy in the Caucasus

<i>Chotchaev, D.D.</i> Education as a factor of integration of the peoples of the Northern Caucasus and Russia in the 19 th and early 20 th centuries (the cases of Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria materials)	239
<i>Gurin, A.G.</i> Relations between the Soviet government and the Russian Orthodox Church on the territory of modern Karachay-Cherkessia in 1918–1940.....	249
<i>Vorobyov, S.M., Erokhin, A.M.</i> Soviet modernization of the Northern Caucasus: a socio-cultural aspect	258
<i>Khadzhieva, M.Kh.</i> Karachay women's clothing in the 1920s–1930s in the context of its historical development	266
<i>Shakhbanova, M.M.</i> Language policy of the Soviet authorities (the case of Dagestan).....	275
<i>Kulish, N.Yu.</i> On the issue of organizing cultural enlightenment work with the population: the experience and practice of the Lenin Educational Campus in 1930–1931 (based on the essay by S. Vorobyov “Children Worthy of Their Fathers”).....	282
<i>Kratova, N.V.</i> Participation of the Muslim Spiritual Directorate of the Stavropol Territory (Krai) in the discussion of the draft Law of the USSR “On the Freedom of Conscience and Religious Organizations” of 1990.....	290
<i>Adiev, A.Z.</i> Religious policy in Dagestan.....	299
<i>Besolov, V.B.</i> Concept of family and clan affiliation of the old Caucasian settlements and the strategy of ethnocultural development of mountain peoples in the biosphere of the Greater Caucasus.....	306

Chapter 5. The Caucasus in the system of geopolitical interests of the world and regional powers. Armed conflicts and their consequences

<i>Bogolyubov, A.A.</i> The Caucasus in the sphere of geopolitical interests of Poland.....	315
<i>Kidirniyazov, D.S., Abdusalamov, M.-P.B.</i> Foreign policy course of the Dagestani rulers during the decline of the Safavid state (1707–1721)..	322
<i>Tkalenko, N.S.</i> Anti-Russian actions of the Ottoman Empire in the North-Western Caucasus in the early 1830s	331
<i>Sultanbekov, R.M.</i> To the issue of Z.S. Manyukin's military campaign to Urkarakh.....	339

<i>Skorik, A.P., Fedina, I.M.</i> Labinskaya Cordon Line as the key strong point in the development of the Trans-Kuban Region.....	346
<i>Kipkeeva, Z.B.</i> Karachay in the sphere of the Russian-Turkish relations in the 19 th and 20 th centuries.....	355
<i>Tatarinov, I.E.</i> 395 th «miner's» rifle division in the battles for the liberation of the Taman Peninsula (September – October 1943).....	365
<i>Goryushina, E.M.</i> Specifics of the war memorialization in the Northern Caucasus in the post-Soviet period.....	372
<i>Tanaylova, V.A.</i> Children's text as a source for the study of trauma (the case of school essays about the war in Chechnya).....	378
<i>Kryuchkov, I.V.</i> Second Karabakh War of 2020 and France's foreign policy priorities in the Southern Caucasus.....	386
 Chapter 6. The Northern Caucasus in the 21st century: new challenges and solutions	
<i>Avksentiev, V.A.</i> Ethnopolitical processes in the Central Ciscaucasia: dynamics, forecasts, and positive practices (based on the materials of the Stavropol Territory (Krai) and Karachay-Cherkessia)	397
<i>Gritsenko, G.D.</i> Experience of positive practices in the management of ethno-national processes in the Northern Caucasus (the case of the Chechen Republic)	406
<i>Avdeev, E.A.</i> Russian identity of the youth of the Northern Caucasus: integrating meanings and symbols	411
<i>Magomedova, M.A.</i> Problems of the growth of social tension in the Northern Caucasus as a threat to the interethnic harmony	421
<i>Ivanova, S.Yu.</i> Influence of migration processes on the socio-political development of the Northern Caucasus.....	427
<i>Guchetl, Z.Kh., Kuskarova, O.I.</i> Migration processes and their influence on the state of interethnic relations in the Republic of Adygea (based on a sociological study).....	433
<i>Dzhabrailov, Yu.D.</i> Public requests and assessments of the development of ethnic languages in Dagestan.....	441
<i>Seferbekov, R.I.</i> Modern marriage and family rituals of the Gidatly Avars: traditions and innovations.....	450
<i>Dyukarev, A.V., Dyukareva, I.A.</i> Specific features of the functioning of the historical memory of a local ethno-social group: the Kuban Cossacks within the space of the Northern Caucasus (1990s–2020s)	460
<i>Rvacheva, O.V.</i> Memorial events in the Cossack revival in the South of Russia: regional specifics and general trends.....	465
Information about the authors	474

Научное издание

**Народы Кавказа
в XVIII–XXI вв.:
история, политика, культура**

Материалы
IX Международного форума историков-кавказоведов,
посвященного 100-летию образования СССР
(г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.)

Корректурa *Н.А. Власкина, Т.Е. Гревцова*
Оригинал-макет *Н.А. Власкина*
Перевод *Р.Г. Михалюк*
Обложка *А.В. Коржов*

Подписано в печать 05.10.2022
Формат 60 × 84/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 28,37. Тираж 200 экз.
Заказ №

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии
Фонда науки и образования
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140